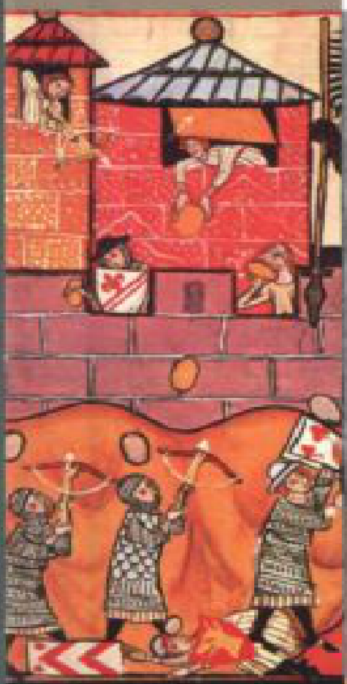
ФРИДРИХ БАРБАРОССА



Василий Балакин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Имя Фридриха Барбароссы до сих пор зловеще звучит для большинства наших соотечественников, поскольку устойчиво ассоциируется с пресловутым планом «Барбаросса» Адольфа Гитлера и тевтонским «Натиском на Восток», принесшим столько несчастий славянам как в Средние века, так и в Новое время. Но исторический, а не легендарный император Фридрих I Барбаросса (1155–1190), оказывается, не имеет к этому ни малейшего отношения: он много воевал в Италии, участвовал в двух крестовых походах в Святую землю, но почти не сталкивался со славянами. В историю Европы он вошел как выдающийся политик, сумевший на время объединить под своей властью едва ли не половину Европы и восстановить былое значение Священной Римской империи. Можно надеяться, что читатель, получивший в свое распоряжение первую отечественную биографию самого знаменитого из германских правителей Средневековья, сумеет по достоинству оценить масштаб личности и подлинное историческое значение этого незаурядного политика и человека.

- Василий Дмитриевич Балакин
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ГОГЕНШТАУФЕНЫ
  - НОВЫЙ КОРОЛЬ ГЕРМАНИИ
  - КОРОНАЦИЯ В РИМЕ
  - СОБИРАНИЕ СИЛ
  - РОНКАЛЬСКИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ
  - ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ
  - ТОРЖЕСТВО БАРБАРОССЫ
  - МАЛЫЕ КОРОЛИ ПРОВИНЦИЙ
  - КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ
  - ТРИУМФ И БОЖЬЯ КАРА
  - БАРБАРОССА СОСРЕДОТОЧИВАЕТСЯ
  - ВРАЖДЕБНАЯ ИТАЛИЯ
  - ПРИМИРЕНИЕ
  - ПРИГОВОР ГЕНРИХУ ЛЬВУ
  - ОТ ПОБЕДЫ К ПОБЕДЕ
  - СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ ЗОВЕТ
  - КРЕСТНЫЙ ПУТЬ
  - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ФРИДРИХА I БАРБАРОССЫ
- БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
  - 1

Василий Дмитриевич Балакин
Фридрих Барбаросса

ПРЕДИСЛОВИЕ

У каждого народа есть свои легендарные герои, после смерти остающиеся жить в песнях и преданиях. Иной раз даже трудно понять, что в них достоверно, а что порождено народной фантазией. А понять непременно надо, если мы имеем дело не с персонажами эпоса, а с реальными историческими деятелями, особенно такого масштаба, как император Священной Римской империи Фридрих I по прозванию Барбаросса, из династии Гогенштауфенов. В Германии, пожалуй, нет более популярного правителя, чем он. Разве что Фридрих II Прусский может в этом отношении потягаться с ним. Другое дело в России. У нас, если исключить узкий круг специалистов-историков, его почти не знают, и в массовом сознании он ассоциируется исключительно с пресловутым планом «Барбаросса», поскольку даже наиболее любознательные из числа любителей истории до сих пор не могли удовлетворить свое любопытство за неимением литературы о нем на русском языке[1].

Император Фридрих Барбаросса — фигура сложная, неоднозначная, а для многих наших соотечественников, возможно, ассоциирующаяся с германским милитаризмом и угрозой славянскому Востоку, на протяжении веков исходившей от «тевтонов». Наверное, многие читатели книги будут удивлены, не найдя в ней подтверждения собственным стереотипным представлениям о Барбароссе, ибо он не имеет ничего общего с пресловутым «Натиском на Восток», равно как и с теми, кто не раз пытался использовать его имя в собственных нечистых политических целях.

Назвав Фридриха Барбароссу одним из наиболее популярных в Германии исторических деятелей, я все же должен оговориться, что и у себя на родине он почитается далеко не всеми, равно как и великий Отто фон Бисмарк, столько сделавший для своей страны. Причину этого следует искать в сложных зигзагах и срывах германской истории, особенно в XX веке. В сознании значительной части немцев, придерживающихся либеральных политических взглядов, и Барбаросса, и Фридрих II Прусский, и Бисмарк ассоциируются с германским национализмом и консерватизмом, с деятелями Пангерманского союза и национал-социализма, что исторически неверно и по-человечески несправедливо. Надо признать, что репутация перечисленных деятелей немецкой истории в какой-то мере скомпрометирована, подпорчена теми, кто провозглашал их собственными кумирами. В этом отношении весьма показательны «дискуссии»,

разгоревшиеся в Германии в годы нацистской диктатуры: был ли немцем Карл Великий? Кто дороже немецкому народу — по-арийски белокурый с бородой огненного цвета Барбаросса или брюнет Генрих Лев? При этом императора Фридриха Барбароссу осуждали за его итальянские походы, в которых он растрачивал силы Германии, столь необходимые для покорения славянского востока Европы. При недопустимости в принципе подобного подхода к оценке исторических событий и деятелей следует отметить, что итальянская политика германских императоров, начиная с Оттона I и до конца эпохи Гогенштауфенов, относится к числу сложнейших проблем, над решением которых бьются историки, и предлагаемая ныне вниманию читателей книга, разумеется, не претендует на истину в последней инстанции.

Фридрих Барбаросса не был, в отличие от древнеримского императора Марка Аврелия, философом, не сочинял, подобно Фридриху II Прусскому, стихи и музыку, не являлся оригинальным мыслителем. Он был деятелем — смелым и энергичным политиком, то жестким и непреклонным, то гибким и милосердным. Соответственно, и книга о нем складывалась в жанре событийной истории. Автор приглашает читателя погрузиться в поток событий, происходивших в разных краях Европы то по воле Барбароссы, то вопреки ему, то при его деятельном участии, то вроде бы и без него, и вместе с ним пройти его земной путь вплоть до роковой минуты, когда иной — реальный, водный — поток навсегда унес его в лучший из миров, оставив на земле вечную память о нем.

У автора настоящей книги есть свое отношение к Фридриху Барбароссе. Если читатель почувствует его — хорошо, если же нет — не беда. Автор не должен навязывать читателю свое отношение к тому, о чем пишет, не имеет права внушать ему некие представления, будучи убежденным в их истинности и моральной непререкаемости, — здесь все зависит от того, с каких позиций оценивать. Пусть читатель сам во всем разберется, все поймет, полюбит или возненавидит главного героя книги, равно как и прочих ее персонажей. Главное — чтобы книгу прочитали. Если читатели примут эту биографию Барбароссы, не вымышленную, но основанную на материале источников, — хорошо, если же отвергнут… Что ж, жаль, но тоже не беда. Лишь бы книга задевала за живое, вызывала интерес, лишь бы не тонула в холодном мраке равнодушия.

ГОГЕНШТАУФЕНЫ

Гогенштауфены или, как их часто именуют, Штауфены не принадлежали к числу древнейших и знатнейших родов Германии. Родоначальник династии, некий Фридрих фон Бюрен, достиг богатства и известности благодаря своему браку с состоятельной вдовой, владевшей имениями в Эльзасе, после чего ему стало тесно в своем убогом родовом гнезде. Будучи уже в преклонном возрасте, он начал строительство бурга на возвышавшейся среди густых хвойных лесов горе Гогенштауфен (что значит Высокий Штауфен), затерявшейся в горном массиве Швабская Юра. С тех пор фон Бюрен стал величать себя господином фон Гогенштауфеном. Название крепости стало родовым именем династии. Дабы ознаменовать начавшееся возвышение своего рода, Фридрих тогда же основал в расположенном поблизости Лорхе монастырь, церковь которого должна была стать местом вечного упокоения и его самого, и его потомков.

Его сын, также носивший имя Фридрих, завершил начатое отцом строительство на Высоком Штауфене и округлил унаследованные в Швабии и Эльзасе имения, объединив их в единую, компактную вотчину. Он был смышленым человеком, к тому же умевшим снискать любовь окружающих. Когда король Генрих IV перешел в наступление против своих многочисленных врагов в Германии и за ее пределами, Фридрих встал на его сторону. Этот поступок предопределил будущую судьбу рода Штауфенов. Генрих IV быстро разглядел способности Фридриха и не смог найти лучшего герцога для Швабии. Чтобы еще крепче привязать к себе нового герцога Швабского, он дал ему в жены свою дочь Агнес.

Стремительное возвышение прежде безвестного дворянчика, ставшего герцогом и королевским зятем, наделало много шума и вызвало сильное недовольство среди высшей аристократии. Фридрих решительно вступил в борьбу с папистами, врагами короля и своими собственными противниками. Пока Генрих IV находился в Италии, воюя против своего непримиримого врага — папы римского Григория VII и добиваясь императорской короны, Фридрих был предоставлен самому себе. Не раз казалось, что с ним покончено навсегда, однако его упорство в конце концов возобладало. По возвращении Генриха и водворении в Германии мира и порядка был утвержден в своей должности и герцог Швабский, с того времени и до конца своих дней постоянно находившийся в окружении императора.

От брака этого первого из рода Штауфенов герцога Швабии Фридриха I с дочерью императора родились два сына, Фридрих и Конрад. Тринадцатилетний Фридрих унаследовал от отца герцогский титул. После смерти их деда — императора Генриха IV оба брата сохраняли верность Генриху V, его сыну и своему дяде. Когда спустя двадцать лет стало ясно, что со смертью бездетного Генриха V вымрет и Салическая династия, в его племяннике Фридрихе стали видеть наследника престола. Родственная связь молодого дома Штауфенов с угасавшим императорским родом казалась столь тесной, что Штауфенов по их салическому имению близ Вайблингена стали называть также Вайблингенами. Так салические «Генрихи из Вайблингена» и мелкие господа из Бюрена слились в единый род.

Штауфены сумели породниться и с могущественным родом Вельфов, который восходил к некоему Вельфу из Альтдорфа, представителю древнейшей алеманнской знати. Лет за двести до появления Гогенштауфенов он, сидя в Равенсбурге на Боденском озере, правил Южной Швабией и Баварией. Император Людовик Благочестивый, сын Карла Великого, женился вторым браком на его дочери, красавице Юдит, прослывшей из-за своей красоты, ума и редкой для того времени учености колдуньей. Юдит приобрела такое влияние на старого императора, что тот ради ее сына отменил давно установленный порядок наследования среди своих сыновей от первого брака, предопределив тем самым раздел Каролингской империи.

В середине XI века род Вельфов по мужской линии пресекся. Его представительница Кунигунда вышла замуж за итальянца Аццо, герцога Эсте. Сын Кунигунды был назван Вельфом в честь деда по материнской линии и воспитывался в семейных традициях Вельфов. Он возвратил себе родовые имения на Боденском озере, отказавшись ради них от владений в Италии, и получил в лен от короля Генриха IV Баварское герцогство. Этот Вельф, в качестве герцога Баварии именовавшийся Генрихом IX и прозванный за темные волосы и смуглый цвет кожи Генрихом Черным, и стал родоначальником младшей линии Вельфов.

Поначалу представители этого знатного княжеского рода свысока смотрели на мелких господ из Бюрена, говоря, что тем была дана в лен Швабия лишь для того, чтобы посеять в королевстве смуту. Но когда молодой герцог Швабский Фридрих II стал играть все более заметную роль при дворе императора Генриха V и уже считался своим среди членов Салической династии, Вельфы признали его равным себе. Около 1120 года герцог Генрих Черный отдал за него свою дочь Юдит.

Однако Фридриха Швабского постигло горькое

разочарование. После смерти в 1125 году Генриха V князья по настоянию папы римского избрали королем не его, а престарелого герцога Саксонии Лотаря Супплинбургского. Поскольку акт передачи Фридриху королевских инсигний, знаков монаршей власти, в свое время не состоялся, он не мог официально считаться наследником престола, хотя Генрих V и передал ему наследственные владения Салического дома. Этим и не замедлили воспользоваться паписты. Братья Штауфены, Фридрих и Конрад, известные своей преданностью Генриху V, разделяли и его отношение к папству, не отличавшееся особым почтением, что теперь им и припомнили. Церковь отдала предпочтение герцогу Лотарю Супплинбургскому, поскольку тот давно слыл противником императоров Салической династии и убежденным папистом. Против Фридриха возник заговор, возглавленный архиепископом Майнцским, примасом, главой немецкой церкви. Между ним, папой, а также архиепископами и епископами непрерывно скакали гонцы, доставляя донесения и распоряжения. Папа даже специально прислал в Германию двоих кардиналов, дабы обеспечить исход дела в интересах римской курии.

Архиепископу Майнцскому удалось хитростью завладеть королевскими инсигниями, отданными Генрихом V на сохранение своей супруге Матильде, после чего противники Фридриха Штауфена в конце августа 1125 года во всеоружии собрались в Майнце для избрания нового короля Германии. Исход голосования был неясен до самого последнего момента, и все решил голос, поданный герцогом Баварии Генрихом Черным, долго размышлявшим, кому отдать предпочтение: своему зятю Фридриху, герцогу Швабскому, или герцогу Саксонскому Лотарю, обещавшему его сыну Генриху, прозванному Гордым, руку своей единственной дочери Гертруды и титул герцога Саксонии в качестве приданого. Рассудив, что больше выгоды будет от породнения с Лотарем, Вельф и проголосовал за него, после чего обескураженный Фридрих Швабский три дня отказывался принести присягу на верность своему новому государю, но затем смирился.

Однако позднее, когда король Лотарь III потребовал возвратить короне в качестве «королевского имения» салическое наследство, завещанное Фридриху Генрихом V, братья Штауфены восстали. Поначалу положение Лотаря казалось угрожающим. Конрад по настоянию старшего брата, предпочитавшего держаться на втором плане, был даже избран частью знати королем в пику «поповскому королю» Лотарю III. Но тут вмешались Вельфы.

Генрих Гордый, шурин Фридриха, ставший после смерти своего отца Генриха Черного герцогом Баварии, справедливо опасался, что Конрад, если сумеет утвердиться на троне, не потерпит объединения в его руках сразу двух герцогств, Саксонии и Баварии. Уже по одной этой причине он стал на сторону своего тестя, сразу же признавшего его в качестве герцога Баварии и завещавшего ему титул герцога Саксонии. Тщетно возражали против этого Штауфены, ссылаясь на законы и обычаи: никогда еще два герцогства не были в одних руках, ибо это вопиющим образом противоречило смыслу ленного права. Однако против превосходящей силы дома Вельфов они не могли ничего поделать. После десятилетней кровавой усобицы Штауфены уступили, покорившись Лотарю III, к тому времени ставшему обладателем и императорского достоинства. Подвергшийся имперской опале Фридрих Одноглазый, как прозвали Фридриха Гогенштауфена из-за потерянного в бою глаза, вынужден был броситься в ноги императору. Он клятвенно заверил, что отказывается от всех притязаний на корону, за что получил обратно свое достоинство герцога Швабии.

В то время как младший из братьев Штауфенов, Конрад, находился при дворе императора, Фридрих держался вдалеке от политики. Расставшись с мечтой о королевской короне, он решил превратить свое герцогство в надежное, единое владение рода Штауфенов. После безвременной кончины своей первой супруги он женился на дочери-наследнице графа Саарбрюккенского, получив за ней в качестве приданого богатые земли Саарланда, служившие естественным связующим звеном между его владениями в Эльзасе и Швабии. Герцог умел не только приобретать, но и удерживать имеющееся. Ясно сознавая недостатки традиционной ленной системы, при которой вассалы нередко выходили из повиновения, он, опираясь на традиции Салической династии и беря пример с Сицилийского государства норманнов, предпринял смелое для того времени нововведение, назначив чиновников, служивших за жалованье.

За этими занятиями он потерял интерес к большой политике, безучастно взирая на то, как Лотарь III идет на поводу у папистов. Когда из-за избрания сразу двух пап представилась хорошая возможность сместить их обоих и посадить на престол Святого Петра своего ставленника, этот немецкий государь подчинился воле архиепископа Майнцского, признал одного из пап и смиренно прошествовал, держа узду и стремя, рядом с его конем. Его покорность была тем более поразительна, что дело происходило не в Риме, а в Люттихе, посреди территорий, подвластных немецкому королю, к которому бежал папа, спасаясь

от своих римских противников. Однако и этого доказательства королевского смирения папистам было мало. Король должен был, встав во главе немецкого войска, лично проводить папу в Рим и там признать себя ленником того, чьим защитником являлся, за что папа милостиво «пожаловал» ему императорскую корону. Дабы увековечить триумф Святого Петра, сей примечательный акт был изображен на большой картине, запечатлевшей коленопреклоненного императора в качестве папского вассала. Вскоре все епископские кафедры в Германии были заняты верными сторонниками папы, из которых ни один не признавал себя ленником короны. Возвращаясь в 1137 году из Италии, этот первый немецкий король и император «милостью папы римского» умер в крестьянской хижине в Тироле. На смертном одре Лотарь передал королевские инсигнии своему зятю Генриху Гордому, обладавшему, помимо Баварского и Саксонского герцогств, еще и имперским леном Тоскана в Италии.

Сколь уверен был Фридрих Швабский двенадцать лет назад в получении королевской короны, столь же твердо рассчитывал теперь зять покойного императора стать его преемником. Однако и на этот раз все вышло вопреки ожиданиям. Гордый Генрих казался князьям слишком могущественным, чтобы те согласились дать ему еще и королевское достоинство. Поскольку же Генрих к тому времени уже успел настроить против себя епископов, кардиналов и самого папу римского, он был нежелателен и в Риме. Так полагал и архиепископ Трирский Альберон, которому в отсутствие архиепископов Майнцского и Кельнского (по стечению обстоятельств тогда эти епархии оказались вакантными) предстояло руководить выборами, намеченными на Троицу 1138 года в Майнце. Принялись подыскивать более приемлемую кандидатуру и нашли ее в лице Конрада Штауфена, бывшего соперника Лотаря в борьбе за корону. Конрад обладал лишь незначительным влиянием, так что нуждался в поддержке со стороны папства, дабы выдержать натиск исконных соперников Вельфов, выступление которых было неизбежно.

И вскоре, недель за десять до того, как предполагалось созвать собрание для избрания нового короля, приятно удивленный Конрад был вызван, дабы засвидетельствовать свою приверженность папской политике. Конрад принял предложенные условия, и в Кобленце незамедлительно собрался узкий круг знати, на котором его и избрали королем. Об этом не знал ни один из князей Баварии и Саксонии — во всяком случае, никто из них не присутствовал на собрании. Спустя шесть дней, 13 марта 1138 года, в завершение процедуры избрания, больше напоминавшей государственный переворот, архиепископ

Альберон организовал в Ахене коронацию своего ставленника. В нарушение обычая церемонию провел папский легат. Большое собрание королевских выборщиков, которое должно было этому предшествовать, даже не проводилось. Сразу же состоялась церемония приведения к присяге имперского вассалитета.

Альберон мог рассчитывать на благодарность немецких князей и папы за недопущение к власти слишком могущественного Генриха Гордого. Для последнего все случившееся было равнозначно свержению с престола, практически гарантированного ему завещанием покойного короля и передачей инсигний. В зеркальном отражении повторилась ситуация 1125 года, когда Фридрих Штауфен, всеми, казалось, признанный наследник германского престола, был отстранен из-за происков церковников, полагавших, что герцог Лотарь Супплинбургский на королевском троне будет более послушен им. Теперь церковь не посчиталась с последней волей короля Лотаря, надеясь на послушание Конрада Штауфена. Правда, в руках Генриха, гордого Вельфа, по-прежнему находились королевские инсигнии. После многократных требований он отослал их Конраду, но сам так и не явился к нему, отказавшись принести присягу на верность. Будучи герцогом Саксонии и Баварии, маркграфом Тосканы, правившим по поручению Лотаря и с папского одобрения Центральной Италией, он был бесконечно могуч по сравнению с бессильным Конрадом, так что этот папский ставленник рядом с ним мог влачить лишь жалкое существование.

Конрад III Штауфен стоял перед трудным выбором: довольствоваться лишь видимостью королевской власти, живя под опекой церкви и пасуя перед Вельфами, или встать на путь борьбы. Поскольку Генрих Гордый и не подумал отказаться от одного из двух герцогств и хоть в чем-то сотрудничать с королем, Конрад решился на второе, подвергнув Вельфа в июле 1138 года имперской опале. Это было равнозначно объявлению войны между Штауфенами и Вельфами. Поначалу Конраду улыбнулось счастье: в октябре 1139 года, в самый разгар успешной для него борьбы, Генрих Гордый умер во цвете лет, едва разменяв четвертый десяток. Трудно сказать, каков был бы исход этой междоусобицы, останься он в живых…

Но удача, едва улыбнувшись, тут же отвернулась от Конрада III: когда он пожаловал освободившееся герцогство Саксонию преданному ему Альбрехту Медведю из рода Асканиев, саксонская знать отказалась принести тому присягу на верность, став на сторону сына покойного, как и отец нареченного Генрихом и заслужившего не менее горделивое прозвище — Лев.

Генриху Льву только-только исполнилось тринадцать лет. Со стороны матери он был внуком Лотаря, стало быть, князем саксонских кровей, что и сыграло решающую роль. Королю Конраду не оставалось ничего иного, как закрепить за мальчиком достоинство герцога Саксонии. Зато ему хватило решимости и сил, чтобы иначе распорядиться Баварией, являвшейся родовым владением Вельфов. Он передал ее в лен своему сводному брату маркграфу Австрийскому Леопольду IV Бабенбергу, а спустя некоторое время, после его смерти, другому сводному брату — Генриху II Бабенбергу, имевшему прозвище Язомиргот из-за своей привычки то и дело приговаривать: «Ja so mir Gott helfe!», то есть «Да поможет мне Бог!» Оба они, Леопольд и Генрих, были сыновьями его матери Агнес, дочери императора Генриха IV, вышедшей после смерти супруга замуж вторым браком за маркграфа Австрийского Леопольда III Бабенберга, которому она родила восемнадцать детей. Среди них был и Оттон Фрейзингенский, епископ Фрейзинга и знаменитый историограф, поведавший потомкам о славных деяниях своего великого племянника — императора Фридриха I Барбароссы.

В духе той же династической политики, дабы нанести решающий удар против Вельфов, король Конрад выдал вдову Генриха Гордого, мать Генриха Льва, дочь императора Лотаря III, замуж за Генриха Язомиргота. Однако сколь бы тонко задуманным и реализованным ни был этот план, сопротивление Вельфов не только не ослабело, но и стало еще более ожесточенным. Вместо своей дочери-изменницы энергичная вдова Лотаря, императрица Рихенза, взяла в свои руки опеку над внуком Генрихом Львом, а также управление Саксонией. Борьбу за Баварию возглавил младший брат Генриха Гордого, граф Вельф VI, правивший на территориях близ Боденского озера и в Альгое.

Кровопролитная, опустошавшая Германию война между Штауфенами и Вельфами продолжалась с переменным успехом. Вельф VI, разгромив Леопольда Бабенберга, проиграл в 1140 году Конраду важное сражение у бурга Вайнсберг близ Хайльбронна. Именно тогда, желая показать свое королевское милосердие и великодушие, Конрад объявил, что находившиеся в бурге женщины могут уйти, прихватив с собой всё, что в силах унести. Вскоре из ворот бурга потянулась вереница женщин, каждая из которых несла на спине своего мужа, тем самым спасая его от плена или смерти. Когда же брат короля герцог Фридрих Одноглазый попытался остановить диковинное шествие, крича, что королевское слово истолковано превратно, Конрад будто бы возразил: «Королевское слово нельзя истолковать превратно», и

женщины Вайнсберга смогли унести своих мужей.

Усилия по водворению мира в Германии увенчались успехом к маю 1142 года, когда на рейхстаге во Франкфурте-на-Майне Конрад III признал юного Генриха Льва герцогом Саксонии, после чего тот отказался от Баварии. Однако Вельф VI не согласился с отречением своего племянника и продолжил борьбу против короля, получая щедрую финансовую помощь от сицилийского короля Рожера II, который тем самым старался удерживать Конрада III вдали от Италии.

Папа римский, на словах осуждая неповиновение законному королю, к тому же своему ставленнику, с выгодой для себя использовал внутригерманскую смуту. В те годы папское влияние захлестнуло Германию, словно поток, прорвавшийся через лопнувшую плотину. Конрад III Штауфен первым среди немецких королей был коронован и помазан папским легатом. Архиепископ Кельнский, до сих пор исполнявший эту почетную службу, смиренно стоял в стороне. Это стало символом наступивших новых времен. Отныне римские легаты не уходили из Германии. Сначала их принимали с подобающим их положению почетом, однако вскоре из-за собственного высокомерия они стали ненавистны. Все расходы по их пышному приему должны были нести епископства, монастыри и церковные приходы. Зачастую приходилось даже расставаться с церковными сокровищами, лишь бы угодить господам из Рима, считавшим унизительным для себя возвратиться домой без богатых даров. Подававшиеся папе жалобы оставлялись без внимания. Легаты вмешивались во все дела Империи и следили за тем, чтобы лишь верные папе люди получали должности и чины. Вскоре уже не осталось таких выборов епископа или аббата, в которых не был бы решающим голос итальянцев. И лишь в самых незначительных, не представлявших интереса для курии вопросах она в виде особой милости предоставляла принимать решения короне.

Доверенным лицом папы при королевском дворе стал Вибальд, аббат монастыря Святого Стабло в Люттихе. Он не только хорошо знал обстановку в Германии и поддерживал прекрасные отношения с наиболее влиятельными людьми Империи, но и имел друзей во всех аббатствах, епископствах и архиепископствах и даже в королевской канцелярии. Этот человек, знавший все, был чрезвычайно важен для курии. Король оказывал ему полное доверие, и курия не упускала ни малейшей возможности показать свое верховенство над короной, укрепить свое положение в Империи. Втянутый в беспрестанную внутриполитическую борьбу Конрад не находил времени, чтобы вникать еще и в эти, как он полагал, мелочи.

Тем временем в замке Высокий Штауфен возмужал юноша ангельской красоты, Фридрих, старший сын герцога Швабии Фридриха Одноглазого от его первого брака с рано умершей представительницей рода Вельфов. Благородная, рыцарственная осанка добавляла обаяния двадцатилетнему герцогскому сыну. В его изящной наружности не было ничего грубого, а заметная всякому твердость взгляда выдавала крепкий характер, способность на сильные чувства и смелые решения.

Когда он появился на свет, император Генрих V еще не наметил герцога Швабии в преемники себе на троне, так что в новорожденном не видели будущего правителя Германии. Наверное, поэтому и не запомнили место и время его рождения, хотя и появлению сына у «простого» герцога можно было придать больше значения. Ни один из дошедших до нас документов той эпохи, ни один хронист или составитель анналов не сообщает, где и когда родился император Фридрих I Барбаросса. Наверное, он появился на свет в одном из родовых замков Штауфенов, возможно, в бурге Гогенштауфен, видимо, в конце 1122 года. Его детство и ранняя юность были омрачены событиями, из-за которых его отец лишился надежды на корону и втянулся в десятилетнюю борьбу с императором и Вельфами. В разгар этих неурядиц, когда мальчику не было и семи лет, умерла его мать.

Фридрих воспитывался в ненависти к папистам, поскольку его наставники, преданные Штауфенам монахи Лорхского монастыря, растолковывали мальчику все происходящее как злейшую несправедливость, причиненную его отцу и ему самому папской кликой. Отец понимал эти события как знамение времени и, умно приспособившись, использовал их к собственной выгоде, создав своего рода «Швабское королевство» в миниатюре. Однако сын и наследник хотел большего. Хотя королевская корона тогда была потеряна не только для его отца, но и для него самого, идея королевской власти как богоугодного установления укоренилась в нем слишком глубоко, чтобы он мог отказаться даже от мечты о ней ради пошлых соображений выгоды. Потребность владеть и властвовать жила в нем, хотя и не захватывала его всецело. В этом отпрыске как Штауфенов, так и Вельфов соединились особые качества обоих родов: цепкая приобретательская хватка Штауфенов, их идейное богатство и разумное самоограничение с упрямой гордостью Вельфов, их неумолимостью и обостренным чувством собственного достоинства.

Фридрих тем болезненнее воспринимал упадок Империи, что считал ответственным за это Конрада, своего дядю, первого

короля из династии Штауфенов. Его обуревало страстное желание деятельного участия в судьбах страны. Он считал, что свои обязанности в отношении интересов дома выполнил в полной мере, женившись по желанию отца на графине Адельгейде Фобургской, владения которой располагались в Эльзасе. Она была столь же богата, сколь и незначительна, и весь смысл этого брака состоял во включении ее наследственных имений в «Швабское королевство» Штауфенов.

Обуреваемый потребностью действовать, Фридрих в своем молодом задоре поступал необдуманно и поспешно. Испытывая острейшее недовольство своим дядей-королем, он, полагая, что должен следовать зову внутреннего голоса, переметнулся на сторону его врагов Вельфов. Здесь, по крайней мере, собрались люди, противившиеся папскому влиянию, олицетворением которого стала личность самого короля Конрада III. Даже если Вельфы в этой борьбе преследовали и свои корыстные цели, их королевская власть должна была, как полагал юный Штауфен, положить конец папскому всевластию, благодаря чему Империя возродилась бы в своем былом блеске и величии.

Когда Фридрих узнал, что брат его матери граф Вельф начал опустошительный поход через швабские владения короля Конрада, он не мог усидеть в своем Высоком Штауфене. С несколькими друзьями-рыцарями он прибыл к дяде. Вельф принял его радушно и одарил с такой расточительной щедростью, что воспитанный в благоразумной бережливости шваб испытал чувство неловкости от этой чрезмерной доброты.

Но вскоре Фридрих пережил горькое разочарование, узнав, что своим богатством граф Вельф обязан ренте, получаемой от сицилийского короля. Ему стало известно о секретном договоре между ними, по которому дядя был обязан, ведя непрерывную междоусобную войну против короля Конрада, удерживать его вдали от Италии. Это открытие подействовало на Фридриха отрезвляюще. Положение казалось настолько безнадежным, что впору было прийти в отчаяние: король стал вассалом папы римского, Вельф подкуплен Сицилией, мир в стране нарушен, королевские права утрачены, императорский престол давно пустует, люди в страхе ждут конца света. Где и у кого искать спасения? Фридрих не знал ответа на этот вопрос, будораживший его и заставлявший по-новому задуматься о своей будущей жизни. Вскоре случай помог ему выпутаться из затруднительного положения: Конрад III внезапным налетом разгромил отряд Вельфа, и Фридрих сумел вымолить у своего милосердного дяди-короля прощение. С того времени он постоянно находился при его дворе и стал одним из наиболее верных ему людей.

Между тем христианский мир все больше увлекала идея очередного крестового похода, к которому настойчиво призывал аббат Бернар Клервосский. Папа Евгений III в конце концов одобрил ее, но с оговоркой, что немцы не будут участвовать в походе, а займутся наведением порядка в Риме и Италии. Однако аббат из Клерво, имевший на сей счет собственное мнение, непреклонно добивался своего. Получив задание проповедовать во Франции идею крестового похода, он завладел инициативой. Несмотря на все явственнее дававшую себя знать старческую немощь, аббат колесил по Западной Европе, зажигая сердца верующих святой идеей. Обливаясь слезами, люди бросались на колени при виде этого дряхлого тела, которым вот-вот должна была завладеть смерть. Где бы ни появилась тщедушная старческая фигура Бернара, люди впадали в экстаз, крича: «Крест просим, дай нам крест!»

Для Конрада III, к тому времени уже перешагнувшего пятидесятилетний рубеж, все это было столь же неожиданно, сколь и нежелательно. Но он понимал, что должен возглавить поход, если не хочет в этом столь важном для христиан деле уступить первенство королю Франции, уже принявшему крест. Бернар также настаивал, чтобы Конрад ни в коем случае не уклонялся от участия в крестовом походе. Правда, поначалу его красноречие при дворе немецкого короля дало сбой. Конрад заявил, что должен остаться в Германии, пока не будет одержана победа в борьбе за герцогства Вельфов. Юный Фридрих Швабский, теперь самый верный ему человек, также решительно отказался участвовать в походе, сославшись на строгий запрет своего отца. Единственное, чего Бернар наконец добился, было разрешение произнести на Рождество 1146 года в Шпейерском соборе проповедь в пользу крестового похода перед собравшимися участниками рейхстага.

Там Бернар произнес самую великолепную из всех своих речей. Народ, рыдая, пал на колени, осуждая отказ короля участвовать в походе как проявление греховного равнодушия к делу Христову. Конрад и его приближенные сидели в первых рядах, в растерянности потупив взоры. Наконец сжигаемый внутренним жаром проповедник обратился непосредственно к королю как «человек к человеку», срывающимся голосом вопрошая его, что же собирается ответить Спасителю на Страшном суде он, воплощающий в себе «мужественный характер, ум, богатство и телесные силы» своего славного королевства. При этих словах необъятное пространство храма наполнилось единодушным возгласом: «Дай нам крест!» Упорство Конрада было сломлено. Бернар еще продолжал говорить, а король уже

объявлял в полный голос: «Ныне я познал Божью милость. Я хочу служить ему, когда бы он ни позвал меня!» Народ с замиранием сердца выслушал эти слова, заставившие его ликовать пуще прежнего. Фридрих Швабский, Вельфы и множество других князей также приняли крест. Бернар же заявил, что первое чудо свершилось.

Отрезвление не заставило себя долго ждать. При сборах крестоносного войска в Регенсбурге, как заметил Оттон Фрейзингенский, «сбежалось такое множество проходимцев, что каждый разумный человек с удивлением смотрел на это внезапное усердие в служении Богу». С самого начала было ясно, что с таким сбродом невозможно сломить господство восточных правителей и завоевать Святую землю.

Но хуже всего было то, что наследник владений Вельфов Генрих Лев, небольшого роста темноволосый юноша семнадцати лет, за которым стояла вся Саксония, заявил, что некогда совершенный его матерью от его имени отказ от Баварии не имеет законной силы. Тем самым исчезла важнейшая предпосылка для участия короля Конрада III в крестовом походе: примирение с Вельфами было нарушено. В этих условиях было невозможно отправляться в дальний поход. Конрад и Фридрих Швабский сделали все возможное, чтобы образумить Генриха, напоминая ему о греховности нарушения данного под присягой обещания соблюдать Божий мир. Единственное, чего в конце концов удалось достичь, было ручательство Генриха, что он не нанесет удар в спину королю, отправляющемуся в крестовый поход, и заявит о своих притязаниях только после его возвращения. Конраду не оставалось ничего иного, кроме как принять это заявление и согласиться на новые переговоры.

Осенью 1147 года крестоносное войско выступило в путь. Целью маршрута, намеченного через венгерские и болгарские земли, был Константинополь. Старый герцог Швабии Фридрих, брат Конрада III, впал в меланхолию из-за участия своего сына в бессмысленной авантюре и вскоре умер. Фридрих младший, унаследовав титул герцога Швабского, пережил все перипетии крестового похода 1147–1149 годов вместе с дядей, королем Конрадом III. Этот ценнейший опыт пригодился ему позже, когда он, уже будучи императором Священной Римской империи, возглавил Третий крестовый поход.

Единственным результатом Второго крестового похода явилось глубокое разочарование. Тяжелобольной король Конрад III в сопровождении Фридриха Швабского нашел убежище в Константинополе, где и оставался длительное время в надежде поправить здоровье. Поскольку о его скором возвращении нечего

было и думать, он послал вперед Фридриха, чтобы тот от его имени занялся наведением порядка в стране. Поводом для беспокойства Конрада послужили слухи о том, что граф Вельф, бежавший из Святой земли, направился ко двору правителя Сицилийского королевства в Палермо. Там появление Вельфа оказалось как нельзя более кстати. За огромные деньги было куплено его обещание поднять немецких герцогов, прежде всего Фридриха Швабского и Генриха Саксонского, на борьбу против короля. Давняя мечта норманнских правителей об окончательном устранении немецкого влияния в Италии, о занятии Рима и подчинении своей власти всего полуострова казалась близкой к осуществлению.

Молодой герцог Швабии, прибыв в Германию, энергично взялся за дело. Графу Вельфу не представилось ни малейшей возможности выполнить задание своих сицилийских хозяев. В открытом сражении он потерпел поражение, а затем Фридрих разумными уступками и обещаниями сумел склонить его на свою сторону. Труднее складывались отношения с Генрихом Львом, возобновившим свои притязания на Баварское герцогство. Благодаря женитьбе на Клеменции фон Церинген он заручился поддержкой этого богатого и влиятельного рода на юго-западе Германии. Чувствуя за собой силу, Генрих отказывался являться на имперские собрания, на которых предполагалось обсудить его требования.

И все же, когда король Конрад после почти трехлетнего отсутствия опять появился в Германии, в стране благодаря Фридриху по крайней мере не было междоусобной войны. Конрад вернулся из крестового похода больным человеком, но особенно его подкосила неожиданная смерть сына Генриха. Говорили, что юный Штауфен, незадолго перед отбытием отца на Восток избранный наследником германского престола, был отравлен. И все же, несмотря ни на что, Конрад вынашивал великие замыслы. Укрепившаяся за время его пребывания в Константинополе дружба с императором Византии перерастала в нерушимый союз, порукой чему должен был стать брак его пока еще малолетнего сына, носившего родовое имя Штауфенов Фридрих, с греческой царевной. Опираясь на этот союз, Конрад собирался совершить поход в Рим за императорской короной, оттеснить сицилийцев и заставить папскую курию уважать волю императора. Однако все еще не улаженный спор с Генрихом Львом из-за Баварского герцогства лишал короля необходимой свободы действий.

За семь лет, проведенных на службе у короля, Фридрих Швабский превратился из юнца, метавшегося между феодальными группировками, в зрелого мужа. Он стал опорой и

надеждой рода Штауфенов, прошел хорошую школу большой политики внутри страны и далеко за ее пределами. Рассудительный и вместе с тем энергичный, он посвятил все свои силы единственной цели — возрождению королевства. Приверженность этой идее была совершенно бескорыстна, поскольку поначалу сам он не имел надежды унаследовать престол. Когда умер в юном возрасте старший сын Конрада, избранный королем, на его место заступил второй сын, Фридрих, которого ждал завидный брак с византийской царевной.

Тем временем здоровье короля Конрада не шло на поправку. Вскоре стало ясно, что он долго не протянет. Ввиду его неизбежной скорой кончины обсуждались варианты престолонаследия. Вступление на престол шестилетнего Фридриха могло повлечь за собой непредсказуемые осложнения. Архиепископ Майнцский получил бы в этом случае право претендовать на регентство. Это означало бы дальнейшее усиление влияния папской курии. Ее противники в Германии могли надеяться лишь на то, что Конрад проживет еще несколько лет, пока не подрастет малолетний Фридрих. Однако состояние здоровья короля стремительно ухудшалось. В феврале 1152 года он собирался проводить в Бамберге рейхстаг, дабы обсудить с князьями предполагавшийся в сентябре того же года поход в Рим за императорской короной, но слег. Общий упадок сил указывал на близкий конец.

Фридрих Швабский обсудил положение с епископом Бамбергским Эберхардом, своим родственником из рода Бабенбергов, всем своим сердцем ненавидевшим папскую клику. Одно для них было совершенно ясно — архиепископ Майнцский ни в коем случае не должен заполучить бразды правления. Но как предотвратить регентство, не нарушая династического принципа престолонаследия, и при этом посадить на трон кого-то другого, нежели малолетнего сына короля? Им представлялся только один выход: Фридрих, герцог Швабский, сам должен стать королем. Мало того, что он, правнук императора Генриха IV, становился теперь старшим в роду Штауфенов; его, сына также и представительницы рода Вельфов, уже называли, как писал Оттон Фрейзингенский, «краеугольным камнем, способным соединить обе стены». Полагали, что только он мог прекратить вражду двух славных родов, Штауфенов и Вельфов, пагубную как для Германского королевства, так и для них самих.

Когда уже не было сомнений, что конец Конрада близок, баварский клир собрался в Бамберге. К архиепископу Кельнскому обратились с просьбой, чтобы он пригласил в свою резиденцию высшую знать королевства — Генриха Льва, графа Вельфа,

Церингенов, Язомиргота и многих других, но только не архиепископа Майнцского. 15 февраля 1152 года Конрад III скончался. У постели умирающего были только герцог Швабский и епископ Бамбергский. Они и объявили, что король Конрад отошел в мир иной в здравом уме и твердой памяти, вручив своему верному соратнику Фридриху Швабскому королевские инсигнии, тем самым сделав его престолонаследником. При этом он будто бы пожелал, чтобы его преемником стал не малолетний сын, а племянник, человек в зрелых летах; мальчику же за это надлежало передать герцогство Швабское, править которым в качестве опекуна и впредь должен был Фридрих. Сразу же после погребения Конрада, состоявшегося вопреки его последней воле не в Лорхе, усыпальнице Штауфенов, а наспех в Бамберге, Фридрих и епископ Бамбергский поспешили отправиться в Кельн. Надо было действовать решительно и без промедления.

НОВЫЙ КОРОЛЬ ГЕРМАНИИ

Вибальд, представлявший немецкую церковь при папской курии, праздновал Рождество 1151 года у святого отца в Риме. В ходе долгих обстоятельных бесед удалось обсудить все вопросы, в равной мере волновавшие обе стороны. Ситуация в Империи оставалась шаткой, что не позволяло королю совершить поход в Рим для получения из рук папы императорской короны. Римский первосвященник, нуждавшийся в надежном и сильном защитнике, был заинтересован в этом не меньше правителя Германии. Светскому государству пап с недавних пор угрожали сицилийские норманны, захватившие весь юг Италии. Папа Евгений III поведал своему собеседнику, что переговоры с Сицилией до сих пор не принесли результата. Вся надежда на скорое прибытие с войском немецкого короля. И брожение среди римлян еще более усилилось с тех пор, как объявился некий ученый монах, Арнольд из Брешии, своими зажигательными речами возбуждавший недовольство толпы обмирщением католической церкви, а особенно порядками, царившими в ближайшем окружении папы. Евгению было угодно, чтобы король Конрад как можно скорее прибыл в Рим для императорской коронации, и Вибальд пообещал употребить для этого все свое влияние. В обратный путь он отправлялся с благословением и добрыми напутствиями, уже предвкушая исполнение в скором времени своей давней мечты — получения епископского посоха.

Прибыв в феврале 1152 года в Шпейер, Вибальд был приведен в полное замешательство известием о смерти Конрада III. Все достигнутые соглашения оказались под угрозой. Не успев получить императора, Германия осталась и без короля. Однако, поразмыслив, Вибальд решил, что особых причин для беспокойства нет, поскольку управление королевством от имени семилетнего наследника престола должно перейти к архиепископу Майнцскому, в преданности которого папе не приходилось сомневаться. Правда, для самого Евгения это было слабым утешением, ибо ребенок на троне не мог служить ему опорой в борьбе с врагами церкви. Церемония коронации императора в Риме опять откладывалась.

Вибальд уже собирался отправиться в Майнц, где обычно проводилось избрание нового короля, как пришли другие вести, спутавшие все его планы. Говорили, что баварский клир, уважив последнюю волю покойного короля, высказался за наследование престола не малолетним сыном его, а племянником, герцогом Швабии Фридрихом. Будучи при смерти, Конрад III рассудил, что

едва ли князья проголосуют за дитя и род Штауфенов лишится королевской короны. Другое дело герцог Фридрих. Он-то уж сумеет побороться за власть. Блюстители Кельнской и Трирской епархий поддержали эту идею, и теперь со всех концов немецкая знать прибывала в Кельн, намеренно обходя стороной Майнц.

И Вибальд, отложив обсуждение новой ситуации с архиепископом Майнцским, счел за благо сесть в Шпейере на корабль, чтобы как можно скорее прибыть в Кельн. Там он рассчитывал получить достоверные сведения от самого архиепископа Кельнского и, если потребуется, переубедить его, а главное — оградить от вредного влияния, дабы тот мог позаботиться об интересах Империи, как их понимала папская курия. Но, прибыв на место, он понял, что дела обстоят гораздо хуже, чем можно было предполагать. Мало того, что герцог Швабии Фридрих уже чувствовал себя королем, а город Кельн напоминал военный лагерь, за кулисами главных событий, в монастыре Святой Урсулы, царило оживление, не предвещавшее сторонникам папы ничего хорошего. Здесь хозяйничала сестра молодого пробста из Хильдесхайма, Райнальда Дассельского. Где бы ни появился этот опасный для папистов человек, ему неотступно сопутствовал тот дух противления, который, по мнению Вибальда, надлежало истреблять всеми возможными средствами.

Напрасно пытался Вибальд разузнать, что обсуждалось в ближайшем окружении претендента на престол и какие принимались решения. Доподлинно известно было лишь то, что собравшиеся в Кельне князья высказались за герцога Швабии. Поскольку они составляли большинство имевших право голоса, ожидавшийся протест архиепископа Майнцского уже не мог ничего изменить. Наконец и Вибальд получил официальное уведомление о том, что ему надлежит быть 4 марта 1152 года во Франкфурте для участия в рейхстаге, созываемом, как объяснили, для обеспечения в Империи мира и порядка. Для Вибальда, как и для многих других, отправившихся вместе с ним в путь из Кельна, оставалось загадкой, что подразумевалось под «обеспечением мира и порядка» и почему для этого надо было собираться именно во Франкфурте. О настоящей цели намечаемого рейхстага догадывались, а через несколько дней она должна была окончательно проясниться, чего все с нетерпением ожидали.

Догадка оказалась верной: рейхстаг созвали именно для избрания нового короля. Как только архиепископ Майнцский по заведенному порядку открыл франкфуртское собрание, архиепископ Кельнский внес предложение, что было бы разумно ради большей простоты исполнения формальностей поручить

избрание короля комиссии. И лучше всего было бы составить эту комиссию из претендентов на престол. Пусть господа сами договорятся между собой, положив тем самым предел богомерзким усобицам, терзавшим страну в последние десятилетия.

Предложение понравилось. Его приняли как первую меру по «обеспечению мира и порядка». Была создана комиссия в составе Фридриха Швабского, Генриха Саксонского, представителей княжеских родов Церингенов и Бабенбергов и других претендентов. Прошло совсем немного времени, и раздался клич герольда, послышались барабанная дробь и звуки фанфар, а из лагеря швабов стали доноситься радостные крики и грохот ударяемых друг о друга щитов. Наконец ликование выплеснулось возгласом: «Да здравствует король Фридрих!»

Собрание еще не успело как следует осознать, что же произошло, как швабские рыцари подняли на щит своего герцога, уже украшенного знаками королевского достоинства. За ним шествовала правомочная комиссия выборщиков, подтвердивших, что они, выполняя возложенную на них миссию, единодушно назвали королем Фридриха Швабского.

Во всеобщей сумятице архиепископу Майнцскому с трудом удалось получить слово. Он кричал, что эти выборы вовсе и не выборы, а неслыханный обман. Фридрих Швабский якобы не заслуживает доверия собравшихся, поскольку он уже давно похвалялся, что станет королем и вопреки воле имперского собрания. Архиепископ Кельнский отмел эти упреки, и больше не нашлось желающих оспаривать правомочность сделанного выбора. Убеждало бесспорное численное преобладание вооруженных сторонников Фридриха. Под их охраной вновь избранный король Германии Фридрих I Штауфен был пронесен на щите через весь лагерь, как того требовал обычай, и дальнейшие возражения стали бесполезны.

В том, что происходило в те мартовские дни 1152 года, многое казалось необычным — и короткое, всего в три недели, междуцарствие от смерти Конрада III до избрания Фридриха I, и перенос, в нарушение всех правил, места избрания из Майнца во Франкфурт-на-Майне. Однако вскоре современники смогли по достоинству оценить действия Фридриха и его сторонников. Поскольку следовало предполагать, что найдутся желающие использовать время безвластия для учинения смуты в стране, все, кто был заинтересован в мире и порядке, стремились к скорейшему избранию нового короля. Благодаря непродолжительности междуцарствия удалось избежать тех интриг, которые плелись в ходе королевских выборов в 1125 и

1138 годах.

Фридрих I, которого считали связующим звеном между давними соперниками, Штауфенами и Вельфами, «краеугольным камнем», стал немецким королем. На следующий день после избрания новый король Германии принял от всех присутствовавших князей присягу на верность. Затем он без лишних слов закрыл собрание и велел всем уже 9 марта быть в Ахене, где предполагалось провести коронацию и совершить обряд помазания при участии архиепископа Кельнского.

Сам Фридрих отправился на судне вниз по Майну и Рейну до пфальца Зинциг, одной из многочисленных королевских резиденций, разбросанных по всей стране. Оттуда он проделал оставшийся путь до Ахена верхом на коне. На нового короля смотрели со смешанным чувством, угадывая в нем строгого правителя, при котором, скорее всего, придется забыть о вольностях, приобретенных князьями и министериалами при Конраде III. Но все, кто натерпелся от смут последних десятилетий, радовались в надежде на восстановление порядка и справедливой власти.

В воскресенье 9 марта 1152 года в капелле Святой Марии в резиденции Карла Великого в Ахене архиепископ Кельнский Арнольд при участии множества епископов торжественно короновал Фридриха I. Новый король поклялся, что будет оказывать любовь и уважение папе римскому, защищать церковь и всех ее служителей, а также вдов и сирот и обеспечивать всем своим подданным мир, право и порядок. В день своей коронации он пожаловал епископу Бамбергскому Эберхарду за его бесценную помощь в выборах богатое бенедиктинское аббатство Нидеральтайх в Нижней Баварии. Еще находясь в Ахене, Фридрих передал свое герцогство Швабское несовершеннолетнему сыну Конрада III герцогу Фридриху Ротенбургскому, тем самым возместив кузену утрату престола. При этом король оставил за собой опекунское управление Швабией, являвшейся главной опорой его власти. Тогда же он пожаловал в лен своему дяде Вельфу VI Тосканское маркграфство, герцогство Сполето, острова Сардинию и Корсику, а также обширные владения в Центральной Италии, некогда завещанные Матильдой Тосканской немецкому королю Генриху V, именовавшиеся «наследством графини Матильды» и ставшие яблоком раздора между германской короной и папством. Этим пожалованием авторитетному представителю рода Вельфов, доставившему так много хлопот королю Конраду III, Фридрих выполнил часть своих предвыборных обещаний, рассчитывая, что бывший соперник станет сторонником Штауфенов и впредь будет в основном

пребывать в Италии, управляя своими ленными владениями.

Позднее, когда улеглись сумбурные впечатления от пережитых событий, Вибальд докладывал папе, что все свершилось с «ужасающей быстротой». Еще не бывало, чтобы менее чем за три недели выбирали и короновали нового короля. Фридриха, в котором он угадывал незаурядную личность, Вибальд охарактеризовал как жадного до борьбы и славы и чувствительного к обидам человека. Свое письмо он закончил примечательными словами о скорби, переполнявшей его сердце всякий раз, как он подумает о грядущих переменах в Империи. Предчувствие не обмануло его, ставшего свидетелем и жертвой последующей политической борьбы. Позднее, задним числом, стали казаться многозначительными даже маловажные поступки, совершенные только что избранным королем. Во всем усматривали предвестие новых времен. Будто бы всеобщее внимание привлекло к себе происшествие, случившееся в самый разгар коронационных торжеств. Фридрих как раз выходил из храма, собираясь щедро вознаградить своих сторонников и принять присягу на верность от князей, когда один из швабских министериалов бросился ему в ноги. Это воистину трогательное зрелище заставляло думать, что король великодушно простит кающемуся его прежний проступок. Но Фридрих остался непреклонен, заявив: «Не по злобе, но справедливости ради покарал я тебя. И теперь не могу тебя помиловать, дабы не погрешить против справедливости». Каждый должен был понять, что король строг, но справедлив и не будет неоправданными актами милости подрывать устои Империи.

После обряда помазания Фридрих I совершил церемониальное восшествие на трон императора Карла Великого, примеру которого он старался следовать, а затем поклялся на его могиле возродить былую славу Империи. И если обычно подобного рода клятвы воспринимались как простая дань традиции, то на сей раз собравшиеся почувствовали, что король преисполнен решимости, которая может проистекать лишь из уверенности в собственном великом предназначении.

Внешне он мало походил на своих отличавшихся богатырским видом предшественников из Салической династии. Но при всей хрупкости телосложения он внушал окружающим ощущение поистине королевского величия. У него были изящные руки и нежная кожа, через которую просвечивала кровь. Свои огненно-рыжие, слегка вьющиеся волосы он носил подстриженными столь коротко, насколько позволял придворный этикет. Его острый подбородок украшала рыжая бородка. Над крупным ртом, в котором при улыбке обнажались два ряда

безупречных зубов, стрелками разбегались усы. Особую привлекательность этому приметному лицу придавало сияние огромных голубых глаз. Внешнее обаяние помогло Фридриху с ужаснувшей Вибальда быстротой взойти на трон, вопреки воле всесильного архиепископа Майнцского и без папского благословения, хотя одно только обаяние и не могло объяснить причину его начальных успехов, так и оставшихся неразрешимой загадкой для окружающих.

Лишь немногим дано было знать, какие чувства, страсти и заботы скрывались под блистательной внешностью Фридриха, ибо он приобрел корону ценой почти невыполнимых обязательств. Самым тяжелым гнетом давило обещание возвратить Баварию герцогу Саксонии Генриху Льву, своему двоюродному брату. Это обещание можно было бы выполнить, если бы Генрих Язомиргот из рода Бабенбергов добровольно отказался от своего владения или если бы удалось насильно его сместить. Из-за этого правление Фридриха с самого начала должно было омрачиться серьезным нарушением феодальных обычаев, согласно которым Бабенберги имели больше прав на Баварию, чем Вельфы. Тревожно становилось и от мысли, что если отдать Баварию Генриху Льву, то никто в Империи уже не сможет сравниться с ним могуществом, в том числе и сам король, собственные территориальные владения которого были весьма скромными.

В конце концов Фридрих, сумевший привлечь на свою сторону деятельных и умных людей, мастерски справился с этой труднейшей задачей, заложив тем самым прочные основания для мира и порядка в Империи. Это тем более впечатляло, что его положение к моменту коронации казалось почти безнадежным. Как и в случае с Генрихом Львом, сторонников из числа влиятельных князей поначалу приходилось приобретать посредством щедрых обещаний. Поддержку герцога Чехии, враждебность которого в случае войны из-за Баварии могла оказаться серьезнейшей угрозой, удалось обеспечить обещанием пожалования ему королевского титула. Имевшему в Южной Германии богатые земельные владения Церингену, шурину Генриха Льва, Фридрих пообещал передать в качестве герцогства пограничные с Бургундией области. Однако и это обязательство было почти невыполнимо, поскольку бургундские земли находились лишь в формальной зависимости от Империи, а в действительности ими суверенно владел могущественный князь, связанный с французским двором теснее, чем с немецким.

Но менее всего король Фридрих мог рассчитывать на помощь имперской церкви, из представителей которой только епископ

Бамбергский был на его стороне. Хотя архиепископства Кельнское и Трирское и поддержали его избрание, однако на их содействие в будущем было мало надежды. Майнц находился в непримиримой оппозиции, Магдебург и Зальцбург являлись последовательными сторонниками папы, как и большинство епископов, достигших своего положения по милости Вибальда. Этому Фридрих не мог противопоставить ничего, кроме собственной власти герцога Швабии и хороших отношений с Византией. Его королевская власть во многом зависела от дружественных отношений с двоюродным братом — Генрихом из рода Вельфов, которые могли обернуться враждой, если бы спор из-за Баварии не решился в пользу последнего.

Фридрих отчетливо сознавал слабость своего положения, но вместе с тем ощущал и потребность подданных в укреплении государства, наведении в нем порядка. Речь шла не о придании королевской власти внешнего блеска, а о внутреннем ее обновлении. Фридрих отстаивал эту идею, отважно заявляя, что свою власть он получил непосредственно от Бога и это ставит его самого выше политических дрязг. Тем самым вольно или невольно он бросал вызов папству, которое также претендовало на безраздельное господство в христианском мире согласно Божественному Предопределению.

В прежние века между королем и папой не было антагонизма, ибо их взаимоотношения регулировались догмой о двух мечах, которые Бог дал для управления христианами: меч духовной власти в руки папы и меч светской власти в руки короля. Однако со времен Григория VII это равенство перед Богом все настойчивее оспаривалось. Папы стали претендовать на верховенство в христианском мире, уподоблять себя светоносному солнцу: подобно тому, как в его сиянии меркнет бледный свет луны, королевская власть ничто по сравнению с авторитетом римского первосвященника. Наконец, всевластие церкви стало провозглашаться как некая божья заповедь.

Фридрих же, заявляя о получении своей власти непосредственно от Бога, претендовал на равноправие короля с папой. Такова была главная идея его политической программы. Возрождение былого величия императора, о чем поклялся новый король при коронации, в первую очередь предполагало борьбу против папского всевластия. Уже содержание письма, в котором Фридрих сообщал папе о своем избрании, пронизано этим духом. Если Вибальд доказывал, что для коронации требуется папское благословение, то Фридрих ограничился лишь простым уведомлением, как он выразился, «ради соблюдения достойных обычаев прежних королей». Он заверил папу «как представителя

одной из двух властей, правящих этим миром», в своем особом почтении и обещал справедливо и твердо править «полученной от Бога державой». К убеждению о том, что королевское достоинство ему ниспослано непосредственно от Бога, Фридрих пришел, очевидно, памятуя о жесткой зависимости от церкви своих предшественников Лотаря III и Конрада III — зависимости, которую он собирался преодолеть во что бы то ни стало. Вибальд же, напротив, такими словами закончил свое отправленное папе римскому письмо, в коем сообщалось о последних событиях в Германии: «Не будет ли Вам теперь угодно назначить его королем и покровителем католической церкви?» В этих двух письмах нашли отражение противоположные, непримиримые представления о природе королевской власти и о соотношении ее с полномочиями блюстителя Святого престола. Для человека с таким умонастроением, как Вибальд, Фридрих не мог найти применения. Устранение этого еще недавно всесильного проводника воли папы неизбежно должно было повлечь за собой полную смену лиц в ближайшем окружении короля.

Епископу Эберхарду было поручено заниматься связями с курией, что ранее входило в обязанности Вибальда. Важно было не довести дело до открытого разрыва, по крайней мере до тех пор, пока не состоится коронация Фридриха императорской короной, что мог сделать только папа римский. Не приходилось сомневаться в том, что курия пустит в ход все свое влияние для борьбы против германского короля, как только узнает о его намерениях. Следовательно, императорскую коронацию надлежало провести как можно скорее. Эберхард Бамбергский, которому тогда было около 50 лет, имел репутацию сдержанного и рассудительного человека. Он считался также одним из лучших знатоков права и искусным дипломатом. На него можно было положиться. Эберхард оказался единственным представителем старшего поколения, с которым у нового короля сложились доверительные отношения.

Остальные князья церкви сильно проигрывали при сравнении с ним. Хотя Арнольд Кельнский своим содействием избранию Фридриха и имел заслуги перед ним, он всегда оставался под подозрением вследствие многолетнего сотрудничества с Вибальдом во время своей прежней деятельности в качестве канцлера короля Конрада III. Глава Трирского архиепископства Хиллин, напротив, не вызывал подозрений, однако был человеком, способным лишь «на малые дела». Прочие архиепископы, и прежде всего предстоятель Майнцской епархии, были не в ладах с короной и считались доверенными людьми папы.

Дабы утвердиться на престоле, Фридриху надо было иметь в своем ближайшем окружении надежных, преданных людей. Родственника и друга юности Отто Виттельсбаха, отчаянного смельчака из старинного графского рода, он назначил знаменосцем Империи. Это был крепкий, высокого роста молодец, смуглое продолговатое лицо которого обрамляла пышная черная шевелюра. Он будет неизменно сохранять преданность королю Фридриху и спустя годы получит от него в лен Баварское герцогство и станет родоначальником династии, коей суждено будет править Баварией на протяжении более 700 лет. В первые же месяцы своего правления Фридрих приблизил еще несколько новых людей, снискавших его полное доверие. И не ошибся. Их личная преданность и талант государственных деятелей пригодились при решении важных задач, намеченных королем.

Но воистину судьбоносное значение приобрело для Фридриха знакомство с пробстом Хильдесхаймской церкви, обаятельным блондином из Нижней Саксонии Райнальдом Дассельским, имя которого незадолго перед тем приобрело широкую известность. Он происходил из большого графского рода. Будучи вторым сыном в семье, Райнальд не являлся прямым наследником титула, владений и государственных должностей отца. Ему, по обычаю того времени, была уготована духовная карьера. Вместе с другими отпрысками саксонской знати он воспитывался в Хильдесхаймской школе для детей благородного сословия. Оттуда его направили в знаменитый Парижский университет, где у него, ученика вольнодумца Абеляра, сложилось собственное, не слишком лестное представление о папе римском и церкви. Он владел латынью и французским как своим родным языком, был блестящим, всесторонне образованным человеком, хотя и духовного звания, но светским по интересам, складу ума и стилю жизни. Его красноречие и ирония были неотразимы. Особой достопримечательностью считалась его личная библиотека. Незадолго до коронации Фридриха он представлял на папском соборе в Реймсе Хильдесхаймскую церковь от имени ее почти ослепшего епископа и там впервые заставил говорить о себе. Когда папа Евгений III наряду с многочисленными предписаниями аскетического образа жизни огласил и декрет, запрещавший духовенству носить меха, Райнальд, единственный из присутствующих, возразил ему, что такой закон не может понравиться ни живущим ныне, ни грядущим поколениям, и его апостолическое величество, оробев, тут же отменил свое распоряжение.

Этот смелый выпад молодого пробста против

непогрешимости папы произвел такое впечатление в Империи, что даже всесильный Вибальд изволил обратить на него внимание. Сначала он попросил у него книги, которые Райнальд выслал лишь после того, как получил от него в залог другие. А затем разговор пошел о более важном: не может ли Райнальд, у которого были хорошие отношения с кельнским соборным капитулом, походатайствовать об избрании его, Вибальда, архиепископом Кельнским. Однако вопреки или, может быть, как раз благодаря этому «ходатайству» желание Вибальда не исполнилось.

Райнальд был именно тем человеком, в котором нуждался Фридрих. Король привлек его в свое ближайшее окружение, тем самым дав понять, в каком направлении и каким образом он собирается действовать, реализуя свои планы. В политике Фридриха Райнальд стал знаковой фигурой, движущей силой — и вместе с тем злым гением.

Сразу после коронации Фридрих собрал имперских князей и сообщил им о своем намерении незамедлительно отправиться в Рим за императорской короной. Духовные князья, от имени которых говорил Эберхард Бамбергский, согласились участвовать в походе, пообещав предоставить вооруженные отряды. Светские же князья отказались. Одни говорили, что в этом году уже поздно собирать вассалов, другие ссылались на неотложные дела у себя дома. Ни один из них не испытывал желания отправиться в долгий и обременительный поход, польза от которого была только для короля. Будет лучше, заявляли они, если Фридрих сперва займется наведением порядка в королевстве, и в этом каждый из них готов помогать. А кроме того, было бы пристойнее подождать, пока сам святой отец не позовет короля как своего спасителя от городской черни и сицилийцев.

У Фридриха не было права приказывать. Участие в военном походе лишь тогда становилось обязательным, когда на то давалось клятвенное обещание. Значит, следовало пока отказаться от своего намерения, довольствуясь отправкой посольства, которое и так должно быть направлено к папе римскому, дабы уведомить его об избрании Фридриха королем. Вибальд, только что возвратившийся из Рима, с готовностью согласился еще раз проделать утомительный путь. Однако Фридрих поручил сию ответственную миссию епископу Бамбергскому, архиепископу Трирскому и аббату одного из цистерцианских монастырей. В состав посольства были включены также королевский нотариус и Райнальд Дассельский.

Посольству было дано в высшей мере ответственное задание, о котором ни в коем случае не должны были узнать раньше

времени Вибальд и его сторонники. Помимо официального уведомления об избрании короля предстояло убедить Святой престол в необходимости проведения большой кадровой реформы в имперской церкви. Светские князья, отказавшись поддержать короля в его намерении отправиться в Рим, показали, сколь мало они уважают королевскую волю. Тем важнее для Фридриха было сплотить вокруг себя сторонников из числа духовных князей. Однако это было невозможно до тех пор, пока архиепископства, епископства и аббатства оставались замещенными прежними людьми, прошедшими школу Вибальда. Только папа мог устранить неугодных Фридриху предстоятелей церкви — и теперь Евгению III предлагалось собственными руками заменить своих самых доверенных людей на сторонников короля, заявлявшего, что его власть не исходит ни от кого иного, кроме как от Бога!

Это задание могло быть выполнено лишь при условии, что папа Евгений и его кардиналы поверят в величие новой королевской власти и сочтут за благо поддерживать с ней дружеские отношения. Вибальд своими тревожными донесениями уже вызвал беспокойство в Латеране, и лучшей подготовки для исполнения своей миссии послы не могли и желать. Напомнив о сердечной дружбе, связывавшей их короля с византийским императорским домом, они еще больше усилили озабоченность папы, для которого не было ничего более нежелательного, чем совместные действия обеих империй. Со времен Карла Великого главнейшей заботой папской дипломатии было недопущение византийцев в Италию и, благодаря коронации немецких королей в качестве римских императоров, постоянное подогревание чувства недоверия и подозрительности на Босфоре. Теперь приносила свои горькие плоды ошибочная папская тактика последних десятилетий, направленная на ослабление Германского королевства, что и подтолкнуло немцев к союзу с Византией.

Папа Евгений III твердо решил прекратить эту роковую политику своих предшественников. В отличие от них он счел выгодным для себя поддержать короля Фридриха I и вернуться к традиционной политике возведения непреодолимых барьеров между германским и византийским императорами. Это было тем более необходимо, что без получения экстренной помощи от сильного императора римская церковь не могла уцелеть. Жизнь доказала, что папство не имело возможности своими силами защититься от врагов, осмелевших за последние годы. Помпезным актом пожалования и торжественными грамотами о признании не удалось удержать короля сицилийских норманнов от дальнейшего завоевания Италии, как не удалось и усмирить

римский плебс. Это по плечу лишь властному императору.

Потому посланники Фридриха I встретили полное понимание со стороны папы римского, когда смиренно заявили, что король мог бы прибыть из-за Альп на защиту престола Святого Петра лишь после того, как наведет порядок в собственном доме. Однако одному ему этого не сделать. Данную ему от Бога власть надлежит соединить с апостолическим авторитетом для свершения сего благого дела. Они убеждали папу, что, подобно волкам в овечьих шкурах, в последние годы к управлению церковью пробрались недостойные люди, изгнание коих является не только богоугодным делом, но и святой обязанностью короля.

Понял ли Евгений, о чем на самом деле идет речь, или же принял королевское послание за выражение христианского усердия, но пообещал направить полномочных легатов, дабы те совместно с королем почистили немецкую церковь? Он пообещал это, когда посланцы из Германии заверили его, что король Фридрих на следующий год прибудет в Рим для императорской коронации, чтобы затем в качестве покровителя церкви Святого Петра защитить ее от чинимых врагами притеснений; ни с правителем Сицилии Рожером II, ни с римлянами он не станет заключать мир или хотя бы перемирие без одобрения Святого престола. Правда, при этом король не брал на себя обязательство выступить в поход против Сицилийского королевства, на чем настаивал папа. Наконец, в качестве особой уступки, послы Фридриха согласились, что без взаимной договоренности немецкого короля и папы византийцам не будет позволено ступить на землю Италии.

Посланцы изложили и личную просьбу короля, пожелавшего, чтобы папа расторг его брак с Адельгейдой Фобургской по причине, как уверяли, слишком близкого родства супругов. Правда, это слишком близкое родство состояло в том, что прадед Фридриха был братом прабабушки Адельгейды. Стоило немалого труда разглядеть упомянутое каноническое препятствие для сохранения брака, однако Евгений, желая и лично обязать короля, счел его достаточным. Расторжение брака с нелюбимой Адельгейдой, отвечавшей своему супругу тем же (ее будто бы застали с любовником, что и могло служить поводом для развода), расчищало Фридриху путь для более выгодной женитьбы.

Благословив посланцев, поименованных «любимейшими и избраннейшими сынами церкви», папа с миром отпустил их. Удостоился этой чести и Райнальд Дассельский, дерзкая выходка которого в Реймсе была прощена и забыта. При расставании Евгений передал лично для Фридриха собственноручно

написанное, как выражение своей особой милости, письмо, в коем он заверял его в своей отеческой любви и подтверждал, хотя об этом его и не просили, действительность избрания его королем.

Тем временем Фридрих не сидел без дела, совершая объезд немецких земель. Постоянной столицы, как Париж во Франции или Лондон в Англии, в Германии не было, и король правил страной «из седла», непрерывно переезжая из одной своей резиденции в другую. Было утомительно трястись верхом на лошади в осеннюю и весеннюю распутицу, в зимнюю стужу и летний зной, но эти невзгоды правления с лихвой окупались выгодой от того, что подданные видели своего короля, поддерживавшего с ними личный контакт. Он давал им почувствовать, что они находятся под его непосредственной защитой и опекой. Отправив посольство к папе в Рим, Фридрих сразу же поскакал из Ахена в Утрехт, откуда был изгнан назначенный еще Конрадом III епископ, сторонник дела Штауфенов. Не пускаясь в долгие разбирательства, Фридрих сказал свое веское королевское слово, запретив любое сопротивление епископу и подтвердив его административные полномочия. За неповиновение город подвергся денежному штрафу, и никто не отважился перечить королю.

Если в данном случае речь шла об урегулировании незначительного инцидента, то последовавшее за этим вмешательство Фридриха в выборы архиепископа на вакантную Магдебургскую кафедру наделало много шума. Из-за разногласий были избраны сразу два претендента, поэтому ждали, что окончательное решение примет папа. Но тут появился король, отверг обоих претендентов и устроил выборы третьего, своего друга Вихмана, епископа Наумбургского.

Такого не случалось уже давно, с тех пор, как заключенный в 1122 году между императором и папой Вормсский конкордат лишил светского правителя полномочий для назначения на церковные должности. Магдебургский соборный капитул, оплот папского влияния, возмущенно запротестовал: король, мол, велел провести выборы и утвердил их результаты вопреки каноническому праву. Фридрих, в свою очередь, сослался на королевскую прерогативу принимать решение в спорных случаях. И все же без санкции папы Вихман не мог быть рукоположен в сан архиепископа. Дело пахло конфликтом в случае, если папа отказался бы признать правомерность состоявшихся выборов.

Однако Фридриха все это ни в коей мере не тревожило. Назначив на середину мая 1152 года в Мерзебурге свой первый рейхстаг, он вызвал к себе Вихмана и в присутствии собравшихся имперских князей пожаловал ему Магдебургское архиепископство

в лен. Замещение Магдебургской кафедры стало свершившимся фактом, который было невозможно отменить. Это означало открытый вызов курии. Столь же решительно Фридрих уладил и многолетние споры из-за престолонаследия в Дании, передав эту страну в лен одному из претендентов и тут же короновав его. От его соперника он потребовал незамедлительно вручить новому королю Дании меч в знак своего отказа от притязаний. Однако попытка урегулировать тогда же в Мерзебурге и конфликт между Генрихом Львом и Альбрехтом Медведем из-за владений в Саксонии не увенчалась успехом. Дабы поддержать хорошее настроение своего двоюродного брата, король пожаловал ему Гослар с богатыми серебряными рудниками, но молодому герцогу Саксонскому, с нетерпением ожидавшему получения и Баварии, этого было мало.

Для урегулирования этого вопроса Фридрих поскакал в Регенсбург, тогда самый значительный баварский город, правда, еще не оправившийся после недавнего опустошительного пожара. Здесь он провел свой второй рейхстаг, на котором ему присягнула баварская знать, и повстречался с дядей, баварским герцогом Генрихом Язомирготом. Он попытался убедить его добровольно отказаться от Баварии, пустив в ход все свое природное обаяние и красноречие, но ничуть не преуспел в этом. Генрих даже отклонил предложение совершить совместный поход возмездия против венгров, нанесших ему в 1146 году сокрушительное поражение на реке Лейте. Правда, это предложение Фридриха не было совсем бескорыстным, поскольку он хотел подчинить Империи венгров, как это было при императоре Генрихе III, и для этого Язомиргот, как и другие князья Южной Германии, должен был предоставить в его распоряжение вооруженные отряды. Покорение венгров послужило бы хорошим началом его правления. Однако поход так и не состоялся, поскольку своего войска у Фридриха не было, а князей он не сумел увлечь на ратный подвиг.

Решительные действия молодого короля в отношении ненавистного папского засилья в Империи многим понравились, хотя и было поначалу неясно, как он собирается выпутываться из им же самим спровоцированного конфликта. Тем временем Фридрих узнал от своих возвратившихся послов, сколь большое значение придает папа утверждению немецким королем ранее достигнутых соглашений, и тут же приготовил курии очередной сюрприз. При единодушном одобрении со стороны своих князей он упразднил уже укоренившийся обычай, согласно которому за отлучением от церкви неизбежно должна была следовать имперская опала. Отныне каждый конкретный случай должен был

рассматриваться в королевском суде, и опале подвергались только те, кто нарушил законы Империи. Это распоряжение имело принципиальное значение, поскольку устраняло верховенство церковных законов над светскими, что до сих пор рассматривалось как нечто само собой разумеющееся.

Все это вызывало у папы Евгения III большую тревогу. Он не стал заявлять протест, однако Вибальд, все еще считавшийся в Риме представителем немецкой церкви, получил указание организовать совместное обращение всех имперских епископов к королю, дабы добиться отмены последнего распоряжения. Вместо этого десять собравшихся у короля в Регенсбурге епископов обратились с нижайшей просьбой к святому отцу долее не отказывать в своем апостолическом благословении на избрание Вихмана архиепископом Магдебургским.

Теперь и при королевском дворе засомневались, захочет ли папа выполнять свое обещание содействовать обновлению состава иерархов немецкой церкви. Однако и папа, и германский король были слишком заинтересованы друг в друге, чтобы из-за возникших разногласий порвать отношения. Когда в марте 1153 года Фридрих проводил в Констанце рейхстаг, туда прибыли два кардинала — легаты папы. 23 марта был заключен договор, соблюдать который стороны поклялись «без лжи и обмана». Договор предусматривал, что немецкий король не заключит без согласия папы перемирие или мир ни с римлянами, ни с сицилийскими норманнами, но приложит все свои силы для подчинения римлян власти папы. Далее король обязался защищать честь папы и владения апостолического престола от кого бы то ни было, а также возвращать эти владения, попавшие в чужие руки. Папа и король взаимно обязались не уступать Византийской империи области в Италии и не допускать вторжения туда византийских войск. Папа заверил короля, что коронует его императорской короной, как только он прибудет в Рим, и будет всемерно возвеличивать достоинство его власти. Кто посягнет на нее, того папа покарает церковным отлучением. Относительно обязательства Фридриха I отправиться в поход против Сицилии ничего не говорилось. Легаты от имени папы исполнили и личную просьбу Фридриха — расторгли его бездетный брак с Адельгейдой Фобургской.

Фридрих поставил под договором свою подпись, обязавшись на следующий год быть в Риме. Вслед за тем легаты заявили, что готовы провести по поручению папы синод, дабы привлечь к суду тех представителей имперской церкви, которые недостойны своего высокого предназначения. Фридрих с явным удовольствием принял предложение легатов и первым делом

указал на архиепископа Майнцского.

Поскольку при желании всегда можно обвинить иерарха церкви, синод быстро вынес нужный королю приговор о низложении его противника. Сразу же после оглашения вердикта капеллан Фридриха Арнольд, одновременно являвшийся и начальником его канцелярии, был избран архиепископом Майнцским, а легаты утвердили его избрание. Так Майнцская кафедра была замещена надежным сторонником короля, одновременно исполнявшим и ответственную должность эрцканцлера. Епископы Эйхштедта, Хильдесхайма, Миндена и многие другие также пали жертвами папско-королевского суда. На их место заступили молодые пробсты из числа друзей Райнальда Дассельского. Ему самому также оказали честь, предложив стать епископом Хильдесхаймским, но Райнальд отказался — он метил выше.

Исполнив, вопреки ожиданиям немцев, все желания Фридриха, легаты решили, что пришло время урегулировать спор, разгоревшийся из-за избрания архиепископа Магдебургского. Однако в этом вопросе Фридрих оставался непреклонен, заявив, что здесь нечего выяснять, а Святой престол должен утвердить избрание Вихмана, рукоположив его в сан архиепископа. Несмотря на договор о дружбе и на потребность Святого престола в защите, вот-вот должен был разразиться конфликт. Напрасно Эберхард Бамбергский и Вихман прилагали усилия для примирения сторон, призывая их пойти на уступки друг другу. На смену едва установившейся дружбе неумолимо двигалась вражда, но тут Евгений III умер. Вихман в качестве королевского посланца отправился в Рим, чтобы передать новому папе Анастасию IV, весьма почтенных лет старцу, поздравления Фридриха. Когда же он попросил у него паллий, знак архиепископского достоинства, жалуемый только папой, Анастасий положил затканную золотыми нитями ленту на алтарь и велел ему взять ее, если он готов отвечать перед Богом. Вихман пребывал в нерешительности, преодолеть которую ему помогло вмешательство его спутников. Наконец паллий лег на плечи архиепископа Магдебургского, и Анастасий дал ему свое апостолическое благословение.

Это был триумф молодого короля Германии, успех, в возможность которого мало кто верил. Спустя менее года после коронации Фридриха I всевластное папство уступило его воле, хотя за королем и не стояла по-настоящему сильная держава, на поддержку которой можно было бы опереться. Искусная политика и твердая вера короля в самого себя обеспечили успех. Оттон Фрейзингенский имел основание написать: «С той поры авторитет короля заметно вырос».

Первоначальные успехи Фридриха были бы невозможны без содействия курии, обеспеченного дипломатическим искусством его соратников. В качестве единственной, но очень важной ответной услуги Фридрих должен был согласиться прибыть в Рим для получения императорской короны, чего он и сам желал, однако не мог сделать без согласия князей. Это предприятие только по форме представляло собой репрезентативный коронационный акт, а в действительности являлось самым настоящим военным походом, призванным восстановить верховную власть Империи над городами Ломбардии, подавить восстание в Риме и, возможно, помериться силами с могущественным правителем Сицилийского королевства. Без сильного войска, собранного и оснащенного при помощи князей, Фридрих не мог отправиться за Альпы.

Сколь бы велики ни были успехи, достигнутые королем в церковной политике, его обещания князьям, данные накануне коронации, оставались невыполненными, а значит, итальянский поход оставался невозможен. Успехи Фридриха могли быть сведены на нет и тем, что среди молодых кардиналов в папской курии нарастало недовольство слишком примирительной, как им казалось, политикой Евгения III и его преемника. Следовало ждать, что, когда престарелый папа Анастасий умрет, один из молодых кардиналов займет престол Святого Петра. Это место уже прочили Николаю из Альбано, урожденному англичанину, враждебное отношение которого к Империи ни для кого не являлось секретом. Приход этого расчетливого политика к управлению церковью мог повлечь за собой непредсказуемые последствия, а из дальнейшей отсрочки уже намеченного на 1154 год коронационного похода в Италию последовал бы вывод о слабости внутригосударственного положения немецкого короля.

Решающей в вопросе о походе в Рим за императорской короной была позиция могущественного герцога Саксонии Генриха Льва. Он соглашался принять участие в походе лишь при условии, что ему будет передано Баварское герцогство. Генрих Язомиргот, в свою очередь, клялся, что никогда и ни за что не откажется от Баварии. Задача казалась неразрешимой, а конфликт неизбежным.

Столь же трудновыполнимы были и другие обещания, данные в связи с коронацией. Пожалование герцогу Чехии королевского титула вызвало бы сильное недовольство прочих герцогов Империи. Даже передача Бургундии в лен Бертольду Церингену оставалась формальным актом до тех пор, пока тот не сумеет на деле реализовать свои права. Однако для этого потребовалось бы применение силы, поскольку правитель Бургундии граф

Вильгельм Маконский и не думал уступать свои права кому бы то ни было.

Этот граф самовольно присвоил обязанности опекуна своей племянницы-подростка Беатрикс, дочери покойного брата. Девочка, о красоте которой шла молва, содержалась под строжайшим надзором. Она была законной наследницей немалых владений в Бургундии, которые оставил ей незадолго перед тем умерший отец, а потому имела неоценимое значение для своего властолюбивого дяди-опекуна. Фридрих понимал, что уговорами от него можно добиться больше, нежели угрозами. Обещая пожаловать Бертольду Церингену титул герцога Бургундии, он в первую очередь думал о том, чтобы снова возвратить Империи эти ставшие почти самостоятельными области, куда уже более ста лет не ступала нога германского императора. Проблема требовала особого подхода, и Фридрих на правах верховного суверена решил провести в Безансоне, главном городе Бургундии, съезд своих вассалов. Он прибыл без войска, но с блестящей свитой. Граф Маконский счел за благо вступить с ним в переговоры. В ходе долгих доверительных бесед, никоим образом не связанных с обязательствами короля по отношению к Бертольду Церингену, стороны достигли полного взаимопонимания. Фридрих признал графа опекуном и за это принял от него вассальную присягу. Как вскоре выяснилось, мысли недавно разведенного короля уже тогда начали витать вокруг очаровательной Беатрикс…

Столь виртуозно уладив бургундский вопрос, Фридрих обратился к баварской проблеме. Ему казалось, что психологически момент для этого назрел, когда он добился своего первого крупного успеха, одержав триумфальную победу в Магдебургском деле. Однако на рейхстаге в Вюрцбурге последняя попытка полюбовно уладить конфликт провалилась, поскольку Генрих Язомиргот просто не явился. Фридрих воспользовался возникшим из-за этого недовольством князей и назначил новый рейхстаг для окончательного решения в Госларе, старинной императорской резиденции на саксонской земле. Сам выбор места позволял предполагать, что Генрих Лев должен выйти победителем, поскольку каждый, кто осмелился бы высказаться против него, подвергался угрозе мести с его стороны. На Вюрцбургском же рейхстаге Фридрих поставил перед князьями вопрос о своем походе в Рим за императорской короной, и было решено отправиться в Италию осенью 1154 года. Об этом настойчиво просили и прибывшие тогда в Вюрцбург многочисленные представители знати и городов Ломбардии. Они жаловались на самоуправные действия Милана и выражали

тревогу по поводу стремительно растущих республиканских настроений, под влиянием которых из городов изгонялись епископы и прочие господа.

Как и следовало ожидать, Язомиргот не появился и на рейхстаге в Гослаpе. Дальнейшие обсуждения уже не имели смысла, следовало выносить решение. Однако Фридрих предпочел пока ничего не предпринимать в отношении своего дяди, ограничившись только признанием обоснованности притязаний Генриха Льва, представителя рода Вельфов, на Баварию. Хотя и не было причин сомневаться в законности пожалования Баварии в лен Бабенбергу Конрадом III, все же теперь было отмечено, что Вельфы обладают более древними правами на нее, хотя они когда-то и были лишены этих прав. Участники рейхстага хотели не столько разобраться в чрезвычайно запутанной ситуации, сколько принять решение, продиктованное политическими интересами. И постановление оказалось именно таким, какого хотел Фридрих: князья единогласно заявили, что Бавария должна принадлежать Генриху Льву. Теперь у короля появилось правовое основание для передачи Баварии кузену.

Разумеется, Язомиргот, приговаривая: «Да поможет мне Бог!», заявил, что никогда не признает это решение, принятое в саксонском Гослаpе, ибо, как требовали закон и обычай, только баварский суд мог решать вопрос, затрагивающий жизненные интересы Баварии. По совести Фридрих не мог не признать эти возражения обоснованными, однако ему было важнее, что теперь появилась возможность привлечь саксонского герцога к участию в итальянском походе. Генрих Лев, в свою очередь, слишком хорошо знал, сколь необходимо Фридриху его участие в экспедиции за императорской короной, чтобы не продать его как можно дороже. Он заявил, что до тех пор, пока ему по всей форме не пожалуют Баварию в лен, он не станет считать обещание выполненным. При таких обстоятельствах он предпочел бы не распылять свои силы и пока воздержится от намеченного похода в далекую Италию.

И Фридриху пришлось соглашаться на новые уступки. Однако цена, которую Генрих наконец назвал, превзошла самые худшие его опасения: Генрих требовал предоставить ему право верховного сюзеренитета над церковью в его герцогстве, что означало отказ короля от непосредственного подчинения ему архиепископств, епископств и аббатств в Саксонии в пользу герцога. Сколь чрезмерным ни было это требование, Фридрих все же решил принять его, по крайней мере частично. Подумав, он ответил, что если соглашение останется в тайне, а его

исполнение будет отсрочено, то он предоставит герцогу право осуществлять в качестве королевского представителя власть над церковными владениями на территориях к востоку от Эльбы, однако от самой королевской прерогативы он не отказывается. Фридрих потому пошел на эту уступку, что она касалась только территорий к востоку от Эльбы, большей частью населенных язычниками славянами, которых еще предстояло обратить в христианство и подчинить имперской власти. И если впредь придется закрывать глаза на самоуправные действия Генриха также и на исконной саксонской территории, то это еще дело будущего. А пока важно было привлечь его к участию в коронационном походе в Рим. Большего в тот момент невозможно было добиться. Однако для Фридриха I, короля и дипломата милостью Божией, этого было довольно. Ибо, как писал Оттон Фрейзингенский, «все, что осталось позади, не тревожило его; он вверил себя Богу и устремился вперед».

КОРОНАЦИЯ В РИМЕ

Прошло уже больше двух лет, как Фридрих I вступил на престол Германского королевства. Это время он не потратил впустую. За столь малый срок ему удалось сделать больше, чем его предшественнику за все годы правления. Упрочилось положение короля внутри страны. По-новому стали налаживаться отношения с папской курией. Правда, еще не были выполнены обещания, данные перед коронацией, что могло в любой момент обернуться внезапной угрозой для него самого, но он был готов к борьбе. Число его сторонников множилось, и это вселяло надежду. Князья наконец согласились участвовать в традиционном походе короля в Рим за императорской короной и собрались со своими вассалами.

Римский поход германских королей обычно начинался ранней осенью, когда в Италии спадала нестерпимая для жителей севера жара, но альпийские перевалы еще не были засыпаны снегом. И Фридрих поступил так же. Все лето 1154 года ушло на завершение подготовки к походу. В октябре Фридрих провел смотр войска, собравшегося на поле у реки Лех близ Аугсбурга, где 200 лет назад Оттон Великий разгромил кочевые орды мадьяр, и был разочарован его малочисленностью. Оставалось лишь надеяться на поддержку ломбардских городов, прежде всего Кремоны, Павии и Лоди, с нетерпением ожидавших его прибытия в Италию, чтобы освободиться от притеснений, чинимых миланцами. Генрих Язомиргот и Альбрехт Медведь, обиженные на короля, явно отдававшего предпочтение Генриху Льву, отказались участвовать в походе. Их примеру последовало и несколько других влиятельных князей. Судя по незначительному числу собравшихся — около 1800 рыцарей, не считая пехотинцев-лучников, — участие в итальянском походе короля не казалось заманчивым делом.

Благополучно совершив через перевал Бреннер переход в Северную Италию, войско Фридриха уже в конце октября достигло южного берега озера Гарда. Далеко не все в Италии были рады приходу немцев, из-за чего у последних сразу же возникли большие затруднения с провиантом и фуражом. Пришлось прибегнуть к принудительным изъятиям. Не удалось избежать мародерства, что было особенно нежелательно для Фридриха, желавшего сохранить незапятнанной свою репутацию. Местные жители зачастую отказывались помогать германскому королю, опасаясь возмездия со стороны враждебных ему Милана и Пьяченцы. Эти города, присвоившие значительные права и

владения, издавна принадлежавшие Империи, усматривали угрозу для себя в приближении войска во главе с энергичным молодым королем. Царило напряженно-враждебное ожидание. Миланцы еще в прошлом году разорвали и растоптали грамоту, которой Фридрих напоминал им о своих правах — столь уверены были они в своих силах.

В начале декабря Фридрих со своим войском ступил на Ронкальскую равнину на левом берегу реки По, севернее Пьяченцы. Это было традиционное место сбора вассалов германских королей, прибывавших для императорской коронации. Обязаны были являться и итальянцы, хотя бы формально признававшие его своим сеньором. Здесь Фридрих первым делом провел смотр своего немногочисленного войска, добрую половину которого составляли рыцари Генриха Льва. Для почетного эскорта было вполне достаточно, а если придется оружием прокладывать путь к Риму? Опыт предшественников подсказывал, что второй вариант не следовало исключать. Если врагов в Италии будет больше, чем союзников, то исход экспедиции может оказаться печальным. Понимал Фридрих и то, сколь велика его зависимость от доброй воли Генриха Льва. С этим поневоле приходилось мириться, что не прибавляло королю оптимизма.

Впрочем, Фридрих мог облегчить себе задачу, если бы без остановки, парадным маршем в сопровождении своего блистательного эскорта проследовал до самого Рима. Стоило лишь показать, что он не имеет в Италии иных целей, кроме традиционной коронации в Риме, которая сама по себе ни у кого не вызывала возражений, и путь ему был бы открыт. Итальянцы, забывшие за последние несколько десятилетий, какой тяжелой бывает императорская рука, поначалу были готовы воспринимать поход Фридриха как очередное красочное зрелище. Однако он сразу же заявил, что коронация не является единственной целью его прибытия, проведя 5 декабря 1154 года на Ронкальских полях свой первый в Италии рейхстаг, решения которого свидетельствовали о намерении короля восстановить свои права и полномочия. Первым делом Фридрих принял присягу от тех ломбардских городов, которые захотели присягнуть ему. Генуэзцы, словно желая настроить его на благодушный лад, удивили Фридриха диковинными подарками — львами, попугаями, страусами. Наконец настал момент оглашения заранее подготовленного закона, запрещавшего вассалам отчуждение ленов без разрешения сеньоров и грозившего утратой ленов тем, кто уклонялся от службы в пользу своих сеньоров. С помощью этого закона, который должен был иметь и обратную

силу, король получал возможность аннулировать захваты, произведенные ломбардскими городами, все больше превращавшимися в вольные города-государства.

Тут же, на Ронкальских полях, Фридрих устроил массовое судебное разбирательство для итальянцев. Они не придали ему большого значения, хотя по существу это была королевская прерогатива. Зато сам Фридрих вполне серьезно принялся за дело. Ступив на землю Италии, он решил заявить о своих правах на корону Лангобардского королевства, как действовали до него Оттон Великий и, еще раньше, Карл Великий. Получение так называемой железной короны лангобардских королей считалось обязательным этапом на пути к обретению в Риме императорского достоинства. Фридриху еще предстояло короноваться в Павии, древней столице Лангобардского королевства, а пока что он потребовал от итальянцев принести присягу на верность ему. Они это с готовностью сделали, согласившись уплатить и налог, взимавшийся по случаю императорской коронации и имевший название «фодрум». Это была небольшая, почти символическая сумма.

Действуя как повелитель Италии, Фридрих не нарушал обычая. Так было заведено испокон веку, и это хорошо знали пришедшие приветствовать его итальянцы. Кто был постарше, тот еще помнил, как четверть века назад здесь же судил и оглашал законы престарелый немецкий король Лотарь. Правда, тогда никто не смотрел на него как на своего господина и не принимал всерьез его указы. Другое дело этот молодой энергичный король из новой династии Штауфенов. Он сразу же привлек к себе внимание итальянцев своей необычного для этих мест цвета бородой. «Барбаросса!» — удивленно воскликнул кто-то при виде его рыжей бороды, и это прозвище, по-итальянски означавшее «Красная Борода», навсегда приклеилось к Фридриху. Его природное обаяние у многих сразу же вызвало чувство симпатии. Некоторые отнеслись к нему настороженно, инстинктивно угадав, что его изящная королевская рука может быть очень тяжелой. Не было лишь таких, кто смотрел на Фридриха, как некогда на Лотаря, снисходительно, а тем более равнодушно. Многие старались обратить на себя благосклонное внимание Барбароссы.

Признав Фридриха своим господином, итальянцы шли к нему со всевозможными жалобами, которые он быстро разбирал и уверенно выносил приговор, проявляя при этом уважение к законам и обычаям и удивительное чутье на правду. Несколько небольших итальянских городов подали совместную жалобу на своеволие Милана, высокомерным произволом подавлявшего их свободы. Выслушав, Фридрих признал миланцев виновными и

спросил у их представителей, как они собираются загладить свою вину. Ко всеобщему удивлению, те согласились выплатить жалобщикам сумму в 4000 фунтов серебра. Мало кто верил, что Милан в точности выполнит свое обещание, и все же одно то, что столь могущественный город был вынужден дать его, казалось чудом, сотворенным Барбароссой. После этого итальянцы с большим вниманием отнеслись к оглашенному им закону о восстановлении давно преданных здесь забвению вассально-ленных отношений. Отныне итальянские вассалы немецкого короля должны были не только на словах считаться таковыми, но и исполнять свои вассальные повинности.

Сам Фридрих еще не мог составить себе отчетливого представления о царивших в Италии порядках, хотя и видел, что многое здесь было не так, как в Германии. Ему, поборнику государственного порядка и королевского авторитета, казалось анархией сосуществование многочисленных, обладавших гордым самосознанием и располагавших огромным богатством городов, не терпевших над собой власти каких бы то ни было господ. Здесь угадывалось действие незримых сил, объединявших их в единое целое. Это была не власть одного или нескольких правителей, а еще почти неведомый в Германском государстве дух экономического единства. Если Милан, пусть даже и в качестве демонстративного жеста, мог предложить 4000 фунтов в качестве компенсации за угнетенные свободы, то, значит, в этой стране все имело свою цену, выраженную в деньгах. Здесь все были экономически связаны друг с другом, из чего вырастал порядок денежного обращения, совершенно непонятный для немцев. Здесь не меняли соль на скот или полотна на оружие — здесь каждый за все платил звонкой монетой или, что казалось еще более диковинным, куском пергамента, на котором писалось, что должник к определенному сроку обязан возвратить указанную сумму, и эти лоскуты значили не меньше, чем чистое золото!

Но самое большое удивление Фридрих пережил, когда прибыл сын венецианского дожа, дабы предложить ему, немецкому королю и будущему императору, заключить договор. Могущественный город, разбогатевший на морской торговле, о выгодных связях которого с Византией и странами Востока Фридрих узнал, еще участвуя во Втором крестовом походе, хотел бы на будущее договориться с Империей о четком разграничении взаимных притязаний на господство в Италии. Если король признает подробно перечисленные владения Венеции на территории Италии, то аналогичным образом поступит и город дожей в отношении королевско-императорских владений — остальной Италии. Венеция даже и не сомневалась, что король и

будущий император признает ее итальянские владения, а за свободу передвижения своих подданных она была готова платить ежегодно по 50 фунтов золота, 50 мешков перца и сверх того еще по куску роскошной материи. Фридрих с готовностью согласился подписать этот договор, доказывавший, что его непосредственное господство в Италии Венеция рассматривает как нечто само собой разумеющееся. Эта мысль поначалу казалась ему слишком смелой, чтобы принять ее, но теперь его все больше увлекала идея превращения своего формального суверенитета над Италией в фактическое господство. Корона и титул императора помогут ему оправдать эти притязания.

И все же Фридрих не спешил прибыть в Рим. По окончании Ронкальского рейхстага он медленно продвигался со своим войском по Ломбардии вдоль берега реки По, требуя и принимая присягу на верность, оглашая законы, верша суд, заключая договоры. В этой опустошенной в ходе боев между Миланом и Павией местности невозможно было достать ни провианта, ни фуража, так что пребывавшее в дурном расположении духа королевское воинство грабило города и деревни, разрушало со злости крепости и мосты. Чтобы поддержать дисциплину в войске, Барбаросса потребовал от каждого участника похода дать клятву о соблюдении мира и порядка, нарушение которой должно было караться отсечением головы или, при менее значительных проступках, руки.

В начале 1155 года, когда королевское войско перешло близ Турина через реку По, были разрушены преданные имперской опале города Кьери и Асти. Жители Павии, с которыми у Фридриха были особенно дружественные отношения, пожаловались ему на город Тортону, стоявший на большой дороге из Генуи в Милан. Поскольку правители Тортоны, полагаясь на поддержку Милана, проигнорировали требование короля явиться для объяснений, город также подвергся опале, и ему грозило разрушение. Однако Тортона продолжала упорствовать, и в середине февраля Барбаросса приступил к ее осаде. Верхняя, укрепленная часть города располагалась на крутом утесе, а все подходы к ней были защищены башнями. Нижний город еще в первые дни осады был захвачен и разрушен рыцарями Генриха Льва. Большинство жителей бежали в крепость, где им пришлось тесниться вместе с 100 рыцарями и 200 лучниками, присланными Миланом на подмогу.

Завязалась борьба не на жизнь, а на смерть. Осажденные неоднократно пытались вырваться из окружения, однако стянувшее их кольцо было слишком плотным, чтобы эти попытки могли увенчаться успехом. Но и примененные Барбароссой

осадные орудия, в том числе и большие катапульты-онагры, оказались бессильны против мощных укреплений города. Отсутствие воды вынуждало осажденных ежедневно предпринимать боевые вылазки к расположенному внизу колодцу. Подвергая себя смертельному риску и презирая саму смерть, они добывали столь необходимую воду. Когда же немцы отравили колодец, набросав в него лошадиные трупы, бедствия осажденных стали невыносимыми. Барбаросса, раздосадованный упорством противника, велел вешать каждого плененного защитника Тортоны на виду укрывшихся за стенами крепости, дабы сломить их боевой дух.

Затянувшаяся осада уже успела наскучить и многим наиболее деятельным натурам из королевского войска, предпочитавшим подвиг в бою взятию противника на измор. И вот однажды рутину будней походного лагеря всколыхнул удивительный поступок простого конюха. Подбадриваемый восторженными криками товарищей по оружию, он на глазах у осажденных вскарабкался вверх по скале к бургу, топориком прорубая ступени и прикрываясь щитом от осыпавших его стрел. Он благополучно достиг бруствера и, несмотря на невыгодность своей позиции, сумел зарубить мечом одного из защитников крепости, а затем невредимым вернуться к своим. Барбаросса, пораженный увиденным, хотел вознаградить отчаянную смелость конюха возведением его в рыцарское достоинство, но тот предпочел остаться, кем был, полагая, что не к лицу простому человеку рыцарское звание. Наградой безымянному конюху стало лишь то, что средневековый хронист поведал о его геройском поступке. А сколько еще было таких безвестных героев!

Несмотря на преподанный конюхом урок, несмотря на голод, нехватку воды и болезни среди осажденных, затянувшаяся блокада продолжалась. Когда спустя шесть недель после ее начала, во время пасхального перемирия, из крепости вышла процессия клириков, дабы просить пощады у Барбароссы, тот был неумолим. Наконец в середине апреля осажденные сдались, потеряв надежду на помощь от дружественного Милана. Им разрешили покинуть город, захватив с собой лишь то, что они смогут унести. Измученные, истощенные люди были не в состоянии захватить много, и богатая добыча досталась победителям. После разграбления Тортону подожгли, а жители Павии довершили разрушение ненавистного города. Однако миланцы вскоре приступили к его восстановлению.

После падения Тортоны король со своим войском направился в Павию, столицу бывшего Лангобардского королевства, являвшуюся со времен Оттона Великого и резиденцией

германских императоров. Здесь было устроено грандиозное празднество по случаю победы. В ходе этих торжеств 17 апреля 1155 года Барбаросса собственными руками возложил себе на голову королевскую корону лангобардов. Продолжив свое неспешное продвижение на юг, он отпраздновал Троицу в Болонье, где задержался подольше. Здесь была знаменитая школа правоведения, суждения которой по правовым вопросам считались непререкаемыми. Фридрих часто и подолгу беседовал с магистрами и докторами, к его удовольствию подтверждавшими, что прежние законы германских императоров, повелевавших Италией, не утрачивают своей силы. От этих ученых мужей он хотел получить и получил правовое обоснование замыслов подчинения итальянских земель своей власти. Покидая Болонью, Фридрих пожаловал школе особую привилегию: отныне жителям города запрещалось взыскивать долги беглых школяров с их товарищей или земляков. Самоуправству болонских трактирщиков, из-за которого школа несла большой урон, поскольку ни один из вновь прибывавших школяров не мог быть уверен в безопасности своего имущества, пришел конец. Так Фридрих приобрел новых друзей.

А между тем опять произошла смена пап. Престарелый Анастасий умер, и уже на следующий день на его место заступил кардинал из Альбано, принявший имя Адриана IV. Этот единственный в истории папства англичанин на престоле Святого Петра был незаконнорожденным сыном священника. В ранней юности он покинул Англию, перебравшись во Францию, где стал монахом одного из монастырей. В конце концов он сделался аббатом этого монастыря, однако спустя некоторое время был изгнан монахами из-за своей чрезмерной строгости. Прибыв с жалобой к папе Евгению III, он обратил на себя внимание своей рассудительностью. Прошло совсем немного времени, и папа поощрил его возведением в ранг кардинала, одновременно дав ему труднейшее задание — обеспечить независимость молодых скандинавских церквей от немецкого Гамбургско-Бременского архиепископства. В качестве папского легата он отправился на далекий север. Всего несколько месяцев назад он вернулся из этой миссии, увенчавшейся полным успехом. Он утвердил самостоятельность Лундского архиепископства и учредил в северных странах множество новых церквей и монастырей, согласившихся платить подати папе, благодаря чему существенно возрастали доходы курии. Окончательное отделение скандинавских церквей от Гамбургско-Бременской епархии, больно ударившее по интересам Империи, явилось делом этого англичанина, стяжавшего себе славу «северного апостола».

Адриан IV и его канцлер Роланд, бывший профессор канонического права в Болонье, являлись убежденными «григорианцами», как называли, по имени папы Григория VII, сторонников догмы о верховенстве пап над императорами. Это предвещало перемены в папской политике, весьма нежелательные для немецкого короля. Вместе с формальным уведомлением о происшедшей смене папы Барбаросса получил запрос Адриана, признает ли он соглашения, заключенные с Евгением III. Фридрих утвердительно ответил на этот вопрос, а затем, уважив просьбу папских легатов, вновь подтвердил Констанцский договор 1153 года. По условиям этого договора ему надлежало незамедлительно отправиться в Рим для совершения обряда императорской коронации, но он не спешил, продолжая заниматься своими делами в Северной Италии. Папа неоднократно направлял к нему гонцов, дабы поторопить его.

Нетерпение Адриана объяснялось крайней непрочностью его положения в Риме. Он был даже вынужден покинуть город и перебраться в свою резиденцию в Витербо. «Сенат римского народа», вновь созданный орган восставшего города, взял власть в свои руки. Во главе республиканского движения стоял аскетического склада монах-августинец Арнольд Брешианский, народный трибун, почитавшийся святым. Он страстно выступал против обмирщения духовенства, требуя от последнего возвратиться к простоте жизни времен первоначального христианства. Спасение могло прийти к папе только от германского короля. Однако Адриан тревожился, как бы Фридрих не вступил в соглашение с мятежным сенатом. Ему слишком хорошо были известны взгляды правителя Германии на природу своей власти, а действия Фридриха в Северной Италии не оставляли сомнений относительно его дальнейших намерений. Когда же Барбаросса после столь долгих проволочек наконец-то направился к Риму, папа уже и не знал, чего от него ждать.

И в Риме весть о приближении немцев произвела переполох. Сенат поспешил начать переговоры с курией, которые, однако, сперва ни к чему не привели. Лишь после того, как в Риме бесновавшейся чернью был убит один из кардиналов, Адриан IV наложил на Вечный город интердикт, тем самым — в канун Пасхи — преградив паломникам со всего света доступ в него. Из-за этого римляне лишались своих доходов, и сенат пошел на минимальную уступку, согласившись удалить из города Арнольда Брешианского. Требование выдать его папскому суду не было удовлетворено. Арнольд бежал в горы Тосканы, где бароны защитили его от преследователей. Адриан усматривал в бегстве этого опасного человека лишь новую угрозу для себя. Что будет,

если он попадет в руки Фридриха? Как в этом случае поведет себя германский король?

Однако опасения Адриана были напрасны. Когда он обратился к королю, чтобы тот, дабы доказать свое единодушие со Святым престолом, поймал врага церкви, еретика Арнольда, Барбаросса тут же согласился. Ему и самому был ненавистен этот смутьян. Арнольда схватили и выдали людям папы. Адриан велел его повесить, труп сжечь, а пепел развеять над Тибром. Но эта совместная победа папы и короля над еретиком имела и свою оборотную сторону: Арнольд умер мучеником, своей смертью еще более усилив ненависть народа к официальным властям.

А между тем святой отец, не ожидавший столь быстрого исполнения своей просьбы, пребывал в полном замешательстве. Поскольку Барбаросса отказался дать заложников для обеспечения его безопасности, он заподозрил ловушку. Однако его легаты уверяли, что он и вправду не должен бояться немцев: Фридрих ручался за безопасность не только папы, но и кардиналов и называл врагов церкви своими врагами. Какое бы то ни было тайное сотрудничество с «римским сенатом» исключено. Поэтому-де можно, ничего не опасаясь, согласиться на встречу с королем, от которой зависело столь многое.

Барбаросса прибыл в Сутри, то историческое место, где более ста лет назад его предшественник Генрих III сместил трех итальянских пап и возвел на Святой престол немца. Адриан направился в близлежащий монастырь Непи. Как и договорились, встреча должна была состояться 8 июня в королевском лагере, а не в резиденции папы.

Фридрих в окружении кардиналов и в сопровождении немцев ожидал перед своей палаткой папу, приближавшегося верхом на коне. Король не тронулся с места, когда Адриан на некотором удалении от него остановил свою лошадь. Похоже, папа не собирался спешиваться, ожидая, что Барбаросса выйдет ему навстречу, немного проведет лошадь за уздцы, а затем, придерживая стремя, поможет ему сойти наземь. Так выглядела церемония шталмейстерского услужения вассала своему сеньору. Случалось, что в прежние времена и короли, прибывавшие в Рим за императорской короной, оказывали папам эту символическую услугу.

Фридрих не мог не знать об этом обычае, однако не собирался его уважить. Обе стороны выдерживали паузу. Напряжение, грозившее большим скандалом, нарастало. У некоторых кардиналов из папского окружения сдали нервы, и они, охваченные ужасом, в спешке удалились от своего господина. Словно в оцепенении, Адриан не смог сдвинуться с

места, чтобы последовать за ними. Не зная, что делать, он наконец спешился и сел в приготовленное для него кресло. И только тогда Фридрих пал перед ним, приложился губами к его туфле и попросил о поцелуе мира. Но Адриан отказался. Настаивая на своем, он заявил Фридриху, что поцелует его не раньше, чем тот окажет ему такое же почтение, какое и его предшественники, благочестивые императоры, оказывали апостолическому величеству.

Создалось безвыходное положение. Барбаросса наотрез отказался совершать символический обряд, представлявшийся ему личным унижением. Так в ожесточенных спорах прошел весь день. Желая опереться на авторитет предков, вспоминали случаи, когда императоры оказывали папам шталмейстерскую услугу. Представители папы уверяли, что таков старинный обычай, не имеющий отношения к вассальной службе. Король отлично понимал смысл сего старинного обычая и при иных обстоятельствах ни за что не уважил бы его. Теперь же надо было выбирать: гордо отвергнуть притязания папы и сорвать столь желанную и уже близкую коронацию или же уступить ради достижения главной цели. Барбаросса выбрал второе, проявив характер расчетливого государственного мужа. Не для того же он целый год продвигался к Риму, чтобы теперь, заспорив об обычаях, забыть о деле. Вместе с тем все увидели, сколь болезненно реагирует Барбаросса на любое умаление его королевского достоинства.

На следующий день они вместе с папой поскакали на берег небольшого озера. Когда они приблизились к стоявшей здесь королевской палатке, Фридрих пустился в галоп, спешился и пошел навстречу Адриану. Затем на глазах у войска он провел за уздцы папского коня на расстояние брошенного камня и остановился. Когда Адриан спешивался, Барбаросса с такой силой схватился за стремя, что окружающие подумали, будто он хочет его оторвать. Облегченно вздохнув, папа на сей раз удостоил его поцелуя мира, но от укоренившегося в глубине души недоверия он так и не смог избавиться.

Тем с большим усердием выказывал Фридрих свое расположение к нему. Он обещал незамедлительно отправиться в Рим, чтобы обеспечить триумфальное сопровождение святому отцу и его кардиналам. С нескрываемым возмущением он выслушал жалобы Адриана на мятежный народ, а затем в полном дружеском согласии обсуждал с ним перспективы военного похода против Сицилийского королевства, которое после смерти короля Рожера II находилось в состоянии смуты, вызванной борьбой за власть, что сулило успех папско-имперскому

вторжению.

Блестящая возможность завоевать полное доверие папы представилась Фридриху на следующий день. И он не упустил ее. Вновь сформированный «Сенат римского народа», не веривший в искренность соглашения между королем и папой, вышел навстречу немцам торжественной процессией. Поскольку сложилась традиция, что вновь избранный император делал городу подарки, о чем обычно заблаговременно договаривались, Фридрих просто не мог не принять эту делегацию. Однако римляне пришли не за тем, чтобы выказать свою преданность, а за тем, чтобы сообщить о своих «древних обычаях и новых установлениях», которые должны быть заранее признаны. Они требовали гарантий и уплаты 5000 фунтов серебра. Если Фридрих письменно и клятвенно засвидетельствует, что принимает эти требования, он получит императорскую корону от римского народа, а не от апостолического князя, который, как заявили они, в своей глупой самонадеянности хочет обладать и земной, и небесной властью. Король же благодаря коронации по милости суверенных римлян должен стать первым гражданином города.

Барбаросса сначала внимательно слушал, но эта речь все больше и больше выводила его из себя. Наконец он оборвал испуганных сенаторов гневным окриком: «Что? Я должен получить от вас корону и права гражданина? Вы требуете подтверждения ваших законов и прав? От кого вы имеете их, как не от германских императоров? Оттон Великий овладел Римом благодаря доблести своих воинов, так поступим и мы. Еще не ослабела наша рука. Пусть вырвет, кто может, дубину из руки Геракла! С каких это пор народ дает законы государю, а не государь народу?»

В страхе и негодовании римляне покидали королевский лагерь. На Адриана поступок Барбароссы произвел должное впечатление. Наконец-то нашелся тот, кто сумел дать достойную отповедь ненавистным бунтовщикам. Лишь то плохо, что теперь не избежать кровавой борьбы. А это значило, что коронация должна состояться тайно, дабы ничто не помешало проведению священного обряда.

В глубине души Адриан сохранил недоверие к гордому королю немцев, но теперь он убедился, что Фридрих никогда не пойдет на сговор с мятежниками. Значит, с ним можно ладить, действовать заодно и поддерживать добрые отношения, если только щадить его самолюбие.

Теперь надо было, не теряя времени, приступать к делу, дабы упредить римлян. 17 июня войско Барбароссы уже стояло на

Монте-Марио, в непосредственной близости от стен Рима. Было решено провести коронацию уже на следующее утро, в субботу, не дожидаясь воскресного дня, более отвечавшего значимости предстоящего события. Ночью один из кардиналов провел отряд немцев через маленькие ворота в папскую часть города, и они тут же заняли собор Святого Петра. Ранним утром 18 июня 1155 года папа и король покинули Монте-Марио. Адриан, поскакав вперед Барбароссы, приветствовал его на ступенях собора Святого Петра. В расположенной по соседству церкви Санта-Мария Фридрих I произнес торжественную присягу: «Обещаю и клянусь перед Богом и Святым Петром быть с Божьей помощью достойным покровителем и защитником римской церкви во всех ее делах». Затем папа и король со своими свитами снова направились торжественной процессией в собор Святого Петра, где при закрытых дверях и состоялась коронация. С молитвами за нового императора и просьбами у Бога о заступничестве Фридрих был помазан у могилы апостола Петра. Отслужив торжественную мессу, папа вручил Барбароссе меч и скипетр, возложил на его голову золотую корону и дал ему свое благословение. Возгласы ликования громовыми раскатами наполнили обширное пространство собора. Только чудом, свершившимся по воле Всевышнего, дабы исполнилось таинство священного обряда коронации, можно объяснить, что римляне умудрились ничего не заметить, не услышав даже ликующих криков немцев.

Лишь к полудню, когда папа и император, утомленные жарой и коронационными торжествами, сидели за праздничным столом в германском лагере вне стен города, сенат узнал о происшедшем. Почувствовав себя захваченным врасплох и обманутым, он призвал римлян к оружию. Те устремились к собору, перебили немецкую стражу, захватили двух кардиналов и, пожалуй, разграбили бы папскую резиденцию, Замок Ангела, не подоспей вовремя Фридрих. Его рыцари со всех сторон окружили восставших. Началась кровавая бойня, в которой особенно отличился Генрих Лев со своими саксами. Именно им удалось вызволить из смертельно опасного положения Барбароссу, врезавшегося в самую гущу сражавшихся. С наступлением ночи римляне ретировались.

Так коронационные торжества, прелюдией к которым послужила стычка папы с императором, закончились самым неприятным образом. В наиболее щекотливом положении оказался Адриан, теперь не чувствовавший себя в безопасности даже в Замке Ангела, а потому уже на следующее утро покинувший город. Римлянам преподали кровавый урок, однако об окончательном подавлении мятежа говорить было рано.

Вместе с папой и его кардиналами покинули город и немцы, искавшие на Альбанском нагорье близ Тиволи спасения от жары и римлян. Там еще раз была отпразднована коронация, на сей раз более пышно и шумно. Папа и император пробыли вместе до середины июля. Этим пока и ограничилась обещанная Барбароссой защита римской церкви.

Но тем настойчивее требовал Адриан перейти в наступление против Сицилийского королевства. Если в своей борьбе против римлян Барбаросса был вынужден ограничиться кровавой расправой, не избавившей папу от постоянной угрозы, то решительное и смелое выступление в поход против сицилийского врага могло привести к полному успеху. Были сделаны все необходимые приготовления. Генуя и Пиза, крупнейшие морские города на западном побережье Италии, предоставили свой флот. Момент был удобный, поскольку Сицилийское королевство после смерти короля Рожера II погрузилось в смуту. Мятежные бароны уже овладели Апулией и приглашали к себе немцев, желая видеть их своими покровителями. Господство над всей Италией, к которому всегда стремились немецкие правители, казалось, могло быть установлено.

Однако прямо сейчас, в самый разгар летнего зноя, отправиться на юг немецкое войско, и без того измученное жарой, не могло. Поскольку и близ Тиволи стало нестерпимо жарко, решили перебраться на север, в более прохладные места. Не обошлось без приключений и на сей раз. Проходя близ Сполето в Умбрии, император вспомнил, что этот город еще не заплатил ему обычную подать — «фодрум». Сполетанцы не стали отпираться, с готовностью отдав долг, да только, как вскоре выяснилось, фальшивой монетой, задержав к тому же императорского посланца. Они понадеялись на хорошие укрепления своего расположенного на крутом возвышении города — печальный опыт Тортоны не пошел впрок. Заметив, что император не собирается давать им спуску за их небезобидную проделку, они выслали вперед лучников и пращников, дабы упредить нападение. Однако войско Барбароссы сумело не только загнать сполетанцев назад в город, но и ворваться туда вместе с ними. Завязавшаяся схватка больше напоминала избиение младенцев, нежели сражение мужей, равных по силе и доблести. Сполето был разграблен и сожжен. Позднее пленных освободили за выкуп, а город получил позволение восстановить разрушенное.

Близ Анконы на Адриатическом море, которая еще четыре года назад была занята византийцами, Барбаросса встретился с посольством из Константинополя, вручившим ему дорогие подарки от Мануила Комнина и сообщившим, что василевс готов

отдать ему в жены свою племянницу, красавицу-царевну Марию. Византийские послы предложили ему и денег, если он сейчас же повернет свое войско и вступит в войну против норманнов в Апулии. При поддержке византийского флота Барбаросса мог одержать легкую победу.

Перед римско-германским императором открывалась заманчивая перспектива, и он собрал князей на совет, суля им богатую поживу. Поскольку они обещали участвовать только в походе за императорской короной, он не мог требовать, чтобы они отправились с ним еще и завоевывать Южную Италию, хотя и надеялся на их дружеское согласие. Мнения разделились. Тогда как духовные князья были на стороне Фридриха, одобряя его намерение, большинство светских князей ответили отказом. В свое оправдание они сослались на страшную жару, которую войско, измученное непривычным климатом и болезнями, могло не перенести. А кроме того, пособив королю добыть императорскую корону, они исполнили свой долг перед ним. В военных подвигах на юге Италии они не видели никакой пользы для себя.

Барбаросса был весьма раздосадован. Еще у Анконы он распустил войско, продолжив путь с небольшим отрядом. В начале сентября он был уже близ Вероны. Чтобы уберечь город от посещения внушавших им опасение немцев, веронцы построили неподалеку мост через реку Адидже, но с таким расчетом, чтобы он обрушился в момент прохождения по нему императорских рыцарей. Однако мост устоял, рухнув, лишь когда на него вступил отряд веронцев. Взбешенные двойной неудачей граждане Вероны, дабы дать выход распиравшей их злости, напали на воинство Барбароссы, но были разбиты, и многие из них собственной жизнью заплатили за вероломство.

Измотанные превратностями обратного пути на родину, немцы вошли в узкую долину реки Адидже севернее Вероны — Веронское ущелье. Град камней, посыпавшийся на них из крепости на вершине ущелья, преградил им путь. Засевший в крепости некий Альберик, веронский гранд, потребовал за право прохода по полному комплекту рыцарского снаряжения и коню с каждого. Столь неслыханную дерзость император не мог стерпеть, но как было штурмовать крепость, расположенную на вершине ущелья? Выручил давний друг Барбароссы Отто Виттельсбах. С несколькими такими же, как и он сам, отчаянными смельчаками, он кружным путем забрался на крутой утес, нависавший над крепостью и водрузил там императорский штандарт. Это послужило сигналом. Когда на утесе показалось полотнище, оставшиеся в долине воины пошли на приступ крепости, а в

разбойничьем гнезде началась паника. Многие сообщники Альберика, решив, что их окружили, думали уже не о сражении, а о том, как бы унести ноги, срываясь при этом в пропасть. Сам главарь был захвачен и повешен.

Через альпийский перевал Бреннер Барбаросса возвратился в Германию и в конце октября 1155 года прибыл в Аугсбург, откуда год назад начался его первый поход в Италию. Его результатами он мог быть доволен. Ему удалось восстановить имперские права в Северной Италии. Кроме того, он хорошо узнал порядки, царившие в городах-государствах Ломбардии. Их взаимное соперничество немцы могли использовать для установления там своего господства. Однако наибольшим успехом Барбароссы явилась состоявшаяся уже на третьем году его правления и при полном взаимопонимании с папой римским императорская коронация, делавшая его первым среди королей христианского мира. Его представления о божественном происхождении своей власти теперь получили подтверждение благодаря папскому благословению.

Совсем по-другому оценивал результат этого коронационного похода папа Адриан. О возобновлении верховенства папы над императором уже не приходилось говорить. Оставалось лишь довольствоваться тем, что ему, хотя и весьма неохотно, была оказана шталмейстерская услуга, да и та осталась пустым жестом, не повлекшим за собой ни малейших политических последствий. Еще за несколько дней до коронации Адриан пребывал в полном неведении относительно намерений короля, внушавшего ему страх: не примет ли он предложение римского сената, чтобы и без содействия папы обрести императорскую корону? Решительная отповедь Фридриха римлянам и кровавое подавление мятежа развеяли сомнения папы, но вместе с тем и породили опасения, лишавшие покоя: можно ли будет впредь оставаться в Риме, не рискуя собственной жизнью? Досадно было вспоминать и о том, что упустили возможность, какая, может, никогда больше не представится, — разделаться с Сицилийским королевством. Свой главный козырь, императорскую корону, папа выложил, не получив адекватной выгоды. Адриан IV и его канцлер Роланд не намеревались мириться с этим. Следующий ход был за ними.

СОБИРАНИЕ СИЛ

Вступив в пределы родной Германии, Барбаросса мог, наконец, вздохнуть с облегчением. Италия, настороженно встретившая и столь недружелюбно проводившая его, осталась позади. Дома по крайней мере ничто не угрожало его жизни. Теперь можно было, безмятежно покачиваясь в седле, продолжать движение, не озираясь по сторонам в ожидании очередной засады. С тех пор как его голову увенчала королевская корона, Фридрих почти непрерывно находился в пути, продвигаясь от одной цели к другой. И теперь, возвращаясь на родину обладателем императорского титула, он обдумывал свои дальнейшие действия. Предстояли трудные решения и важные дела. Две короны, королевская и императорская, были тяжелы, обязывали ко многому. Первым делом надлежало восстановить мир и порядок в стране, прекратить усобицы, с новой силой разгоревшиеся за время его отсутствия.

Сразу же по возвращении в Германию, уже в октябре 1155 года, Фридрих созвал в Регенсбурге рейхстаг, дабы вознаградить Генриха Льва, столь самоотверженно сражавшегося за него в Италии, Баварским герцогством. Собралось гораздо больше князей, чем он ожидал, «ибо, — несколько подобострастно заметил хронист, — всем оставшимся дома его деяния внушили такой страх, что они старались снискать его милость». Однако Генрих Язомиргот, лицо, более других заинтересованное в предмете обсуждения, не явился и на сей раз. Барбаросса не мог долее тянуть с решением этого больного вопроса, а посему объявил о передаче Баварии Генриху Льву, после чего баварская знать сразу же присягнула своему новому герцогу. То же самое проделали и граждане Регенсбурга, предоставившие Генриху даже заложников.

Барбароссу переполняло смешанное чувство облегчения и досады. Хорошо, что выполнены все обязательства в отношении кузена Генриха, но теперь он, германский король и римский император, еще больше будет зависеть от доброй воли этого могущественного, несоизмеримо более могущественного, чем он сам, герцога. Хотелось по-доброму уладить отношения и с другим родственником, своим дядей Генрихом Язомирготом, сопротивление которого еще отнюдь не было сломлено. Фридрих пообещал себе, что сделает все возможное для примирения с ним. Чтобы хоть чуть-чуть дать выход эмоциям, а заодно и показать, что он не потерпит какого бы то ни было умаления своих прав, император покарал большим денежным штрафом нового

епископа Регенсбургского, приступившего к исполнению своих обязанностей, не дожидаясь, когда Фридрих совершит надлежащий обряд инвеституры. Тогда же и Верона прислала своих представителей в Регенсбург, чтобы те просили императора о прощении за инцидент в Веронском ущелье. С первого посещения Италии, менее чем за год пребывания там, Барбаросса заставил уважать себя.

Завершив Регенсбургский рейхстаг, император занялся восстановлением мира и порядка в стране. В сопровождении блестящей свиты из герцогов, маркграфов, архиепископов и епископов, бок о бок с грозным Генрихом Львом, он объезжал баварские и прирейнские области, раздираемые непрерывными усобицами. Повсюду он вершил суд и расправу, с неумолимой строгостью приводя в исполнение заповедь о мире. В Вюрцбурге он урегулировал вопрос о сборе пошлин на Майне, прежде произвольно взимавшихся большими и малыми господами, устранив тем самым препятствие, серьезно затруднявшее движение по этой важнейшей водной магистрали. В Кельне, где его торжественно принимали архиепископ и горожане, он провел большое судебное разбирательство. Без сомнений и опасений он привлекал к ответу даже самых знатных господ. Отпраздновав Рождество и новый год в Вормсе, он и там учинил суд, покарав виновных в нарушении мира в то время, когда сам он совершал поход в Италию. Тогда недавно назначенный архиепископ Майнцский с чрезмерным усердием принялся возвращать церковные владения, утраченные его предшественником, что вызвало недовольство у держателей ленов, расценивших это как посягательство на свои свободы. Под предводительством пфальцграфа Германа фон Шталека они принялись грабить и опустошать владения и разрушать бурги архиепископства, не давая пощады также церквям и монастырям. Вынеся крутой приговор, Фридрих прекратил роковую распрю между архиепископом Майнцским и пфальцграфом Рейнским: оба они были присуждены к позорному наказанию несения собаки. И если престарелого архиепископа в последний момент освободили от кары, то гордый пфальцграф должен был вместе с десятью соответчиками на глазах у собравшихся князей и многочисленных ротозеев из простого народа пронести на расстояние мили шелудивого пса. От пережитого позора он впал в меланхолию и вскоре умер, перед смертью успев принять монашеский постриг. Освободившееся пфальцграфство Фридрих, воспользовавшийся собственным правом верховного сюзерена, передал своему сводному брату Конраду, старшему сыну от второго брака отца. Тем самым попал в надежные руки важнейший имперский лен,

имевший особое значение для расширения владений рода Штауфенов в прирейнских областях Франконии.

В конце января 1156 года Барбаросса в сопровождении нескольких герцогов прибыл в Страсбург, где состоялась важная для него встреча с архиепископом Безансонским Гумбертом. В ходе этой встречи обсуждалось намерение императора вступить в брак с Беатрикс, дочерью покойного графа Рено Бургундского. После случившейся годом раньше смерти ее опекуна, графа Маконского, приходившегося ей родным дядей, Беатрикс стала наследницей всего графства Бургундского. Для Фридриха это была весьма выгодная партия, позволявшая вступить во владение всей Бургундией. Предполагавшийся ранее династический брак с византийской царевной, дочерью императора Мануила Комнина, так и не состоялся из-за разногласий в связи с Южной Италией, к обладанию которой стремились оба императора, римский и византийский. Фридрих, в сердце которого уже зародилась любовь к юной Беатрикс, не жалел об этом разрыве.

Продолжив затем поездку по стране ради восстановления мира и порядка, он примирил с Генрихом Львом архиепископа Бремен-Гамбургского, участвовавшего в заговоре против Генриха, устроенном князьями во время пребывания герцога в итальянском походе. В марте император восстановил мир на Нижнем Рейне, а в середине апреля, не прекращая объезд своих владений, прибыл для празднования Пасхи в Мюнстер. Примерно через месяц он произвел важные перемены в своем ближайшем окружении. Воспользовавшись кончиной архиепископа Кельнского Арнольда, исполнявшего также обязанности руководителя имперской канцелярии, он назначил на эту должность молодого пробста из Хильдесхайма Райнальда Дассельского. Ровесник Барбароссы, он в значительной мере был сходен с ним характером и складом ума, а главное — своими взглядами на природу и цели королевской власти. Даже среди друзей Фридриха он был выразителем весьма радикальных настроений, требуя не только равноправия римского императора с папой, но и верховенства над ним, ибо папа, по его утверждению, являлся не кем иным, как римским епископом и, таким образом, подобно любому другому князю церкви — имперским вассалом. Это верховенство, в прежние века неоднократно находившее свое выражение в том, что немецкие правители ставили папами своих сторонников, представлялось ему необходимой предпосылкой для осуществления задуманной с большим размахом программы возрождения Империи во всем ее величии. Назначение умного, ловкого и энергичного пробста из Нижней Саксонии на должность первого советника императора должно было

перечеркнуть все тайные надежды сторонников папы в Империи на возвращение к временам церковного всевластия.

Фридрих дал еще один повод говорить о себе, с необычайной пышностью отпраздновав свою свадьбу с Беатрикс, очаровательной наследницей Бургундии. Сама юная бургундская графиня привлекала его не меньше, чем блестящая перспектива включения в свои наследственные швабские владения бургундских территорий с их альпийскими перевалами, открывавшими путь в Италию. Еще во время своего первого пребывания в Безансоне, когда решался вопрос о пожаловании в лен герцогства Бертольду Церингену, он задумал этот брачный союз. Начались долгие переговоры с суровым опекуном прекрасной Беатрикс. Теперь он получал вместе с желанной невестой огромное приданое, состоявшее из 5000 рыцарей, цветущей страны, до сих пор лишь формально входившей в состав Империи, а также хорошо укрепленные опорные пункты по ту сторону Альп вплоть до Турина.

В сопровождении архиепископа Безансонского и нескольких родственников императорская невеста прибыла в Вормс, где состоялась ее коронация не только в качестве королевы, но также и императрицы, что явилось грубым нарушением папской прерогативы, вызовом римскому первосвященнику. На состоявшуюся 10 июня 1156 года в Вюрцбурге свадьбу прибыли все, кто пользовался известностью и занимал видное положение в Империи. Из Италии по этому случаю явились с подарками и поздравлениями знатные и важные господа, и даже король Англии Генрих II прислал своих представителей, дабы те от его имени пожелали благополучия венценосным молодоженам. Среди разливавшегося морем веселья печален был лишь Бертольд Церинген, окончательно убедившийся в том, что титул герцога Бургундии навсегда ускользнул от него.

Отныне рядом с блистательным императором красовалась очаровательная императрица Беатрикс, молниеносно покорившая сердца всех рыцарей. Не достигшая еще и двадцати лет, изысканно воспитанная, наделенная утонченной натурой, любезная в обхождении с людьми и искусная в ведении беседы, она задавала тон в благородном обществе. Вскоре жизнь при дворе императора приобрела по бургундскому образцу элегантное изящество, «куртуазность», отличавшуюся особой приверженностью рыцарским идеалам. Беатрикс, тонко чувствовавшая искусство и великолепно образованная, читала и писала не хуже любого ученого монаха, говорила на французском, немецком, итальянском и латинском языках. Она сохранила и приобретенную на родине привычку к исполнению

песен, многие из которых сочинила сама. Вскоре без этих песен уже не обходилось ни одно празднество. В Германию потянулись французские трубадуры, своим примером способствовавшие зарождению немецкого миннезанга — придворной лирики, воспевавшей любовь к даме, служение Богу и сюзерену, рыцарские подвиги.

И при этом юная королева не была ни ветреной, ни изнеженной. Она скакала верхом и фехтовала, а если было необходимо, то переносила тяготы походной жизни не хуже любого мужчины. Несмотря на переливавшую через край жизнерадостность и изысканную элегантность, ей не чужды были благочестие и сострадание к бедным, особенно к больным женщинам, для которых она построила госпиталь. Ее прозвали Добросердечной, подметив главное ее душевное качество. Так ее называли повсюду, и прежде всего на ее бургундской родине, которую она сумела своим умом, обходительностью и всем сердцем склонить к поддержке большой политики супруга-императора.

Июнь того года был в жизни Барбароссы богат событиями. Отпраздновав свадьбу, он встретился в Регенсбурге с Генрихом Язомирготом, предложив ему компенсацию за отказ от Баварского герцогства. Им удалось достичь принципиального соглашения, которое предполагалось закрепить на рейхстаге в Регенсбурге же, специально для этого созванном в сентябре. К установленному сроку в этот баварский город прибыли многочисленные князья, прежде всего из южно-германских земель. Среди них были и оба заинтересованных лица, Генрих Лев, из рода Вельфов, и Генрих Язомиргот, Бабенберг. Однако Бабенберг не пожелал войти в город, а расположился со своей многочисленной свитой лагерем на берегу Дуная. Он решил еще раз выказать свою гордость, ожидая, что император сам прибудет к нему. И Барбаросса действительно прибыл в сопровождении всех князей и прочей знати, собравшейся в Регенсбурге. В лагере Генриха Язомиргота и был скреплен ранее уже согласованный договор, согласно которому бывшая Восточная марка, называвшаяся также Австрией, отделялась от Баварского герцогства и становилась самостоятельным герцогством Австрийским. Оно и было пожаловано Генриху Язомирготу.

Дарственная грамота от 17 сентября 1156 года, так называемая «Малая привилегия», устанавливала, что как сам герцог, так и его супруга, византийская царевна Феодора, сестра императора Мануила Комнина, могут свободно распоряжаться новым герцогством, передавать его по наследству как сыновьям, так и дочерям. Без разрешения герцога никто не смеет вершить в

Австрии суд, а сам герцог Австрийский обязан посещать созываемые королем собрания, хофтаги и рейхстага, только в Баварии и участвовать в военных походах только на территориях, пограничных с Австрией. Тем самым Австрия приобретала особое положение среди германских герцогств. Впервые имперский лен передавался также и женщине, и впервые женщина получала право наследовать германское княжество. Было положено начало обретению герцогствами большей самостоятельности по отношению к центральной королевской власти. Выданная в Регенсбурге грамота означала, что сделан решающий шаг на пути превращения старинного племенного герцогства в территориальное княжество, обладавшее государственным суверенитетом. Австрийским герцогством отныне не мог распоряжаться ни один германский король. Пройдет немного времени, и вся Германия будет состоять из таких княжеств, лишь формально признающих над собой власть короля-императора.

Барбаросса дорого заплатил за восстановление мира в Германии и примирение Вельфов и Бабенбергов, сознательно пойдя на подрыв самих основ королевской власти, все еще опиравшейся на древнегерманские ленные отношения. Основным принципом этих ленных отношений было то, что сюзерен совершал пожалования своим ленникам, а те должны были нести в его пользу службу и платить подати. Однако это ленное пожалование могло быть отменено в любой момент и утрачивало свою силу со смертью ленника. Верховным сюзереном являлся король, жаловавший самые большие имперские лены, герцогства и маркграфства, верным ему людям, чтобы после их смерти передать другим.

Однако этот основной принцип, сообщавший Империи при императорах Саксонской династии прочность, был похоронен, когда первый король из Салической династии Конрад II, дабы создать противовес высшей аристократии, объявил «малые лены», жалуемые князьями, наследственными и тем самым лишил сюзеренов права распоряжаться ими. На крупные имперские лены, прежде всего герцогства, это постановление не распространялось. За прошедшие с тех пор 125 лет, особенно во время борьбы Генриха IV против папы и князей, наследование ленов вошло в обычай. Наконец с одобрения верховной власти и княжества стали собственностью знатных родов.

17 сентября 1156 года состоялось примирение Бабенберга и Вельфа. Генрих Язомиргот передал императору и королю Фридриху I Штауфену, прозванному Барбароссой, семь знамен, символизировавших собой власть над Баварским герцогством, которые тот, соответственно, вручил Генриху Льву. Однако Вельф

оставил у себя только пять из них, а два, относившихся к Австрии, возвратил императору. Фридрих принял их, а затем, в качестве последней сцены этого торжественного акта, вложил их в руки герцога Австрийского и его супруги Феодоры.

Фридрих назвал этот день счастливейшим в своей жизни. Данное накануне коронации и казавшееся невыполнимым обещание было выполнено без кровопролития. И все же уступки, ценой которых был куплен этот успех, оказались непомерно велики для короны. Новое герцогство Австрийское более не вписывалось в государственное устройство Германии. Благодаря своим огромным привилегиям оно представляло собой наследственную монархию, весьма слабо связанную с Империей. Оно стало государством в государстве. И двойное герцогское достоинство Генриха Льва также представляло собой нарушение обычного права, по которому никто не мог обладать двумя герцогствами сразу.

Собравшиеся на рейхстаге князья одобрили это решение короля лишь потому, что едва ли поняли все его далекоидущие последствия, тем более что подробности этого соглашения долгое время держались в секрете. И все же многих должно было удивить, что именно Барбаросса, который недавно подверг суровому наказанию епископа Регенсбургского из-за формального нарушения им ленного права, этот целеустремленный, умный, полностью сознающий свою ответственность государь согласился на такое ослабление вверенной ему имперской власти. Многим должно было показаться, что от выполнения своего обещания возродить былое величие Империи он отстоял теперь дальше, чем когда-либо прежде.

Однако в голове Фридриха уже тогда вызревал план, по которому он намеревался не только с лихвой возместить утраченное, но и упрочить свою власть. Решение баварского вопроса не было простым отказом от старинных королевских прав — вскоре оно должно было стать основной предпосылкой для реализации продуманного до мельчайших деталей замысла. Это была идея Империи, выходившей далеко за рамки Германского королевства. Примирение с Генрихом Язомирготом, а еще в большей мере удовлетворение притязаний Генриха Льва благополучно прекратили роковую внутригерманскую распрю. Королевская власть пошла на большие уступки, зато враги короны превратились в ее друзей, благодаря чему появилось больше возможностей для реализации имперской идеи.

Этот замысел предполагал превращение Италии во владение императора. Ни один из имперских князей не проявлял заинтересованности в будущей судьбе Ломбардии и Романьи;

даже тосканские области, «имение графини Матильды», едва ли стали бы предметом ожесточенных споров. Все эти богатые области были предоставлены императору, если бы только он сумел достаточно авторитетно заявить о своих старинных правах на них. В самой Италии под этими правами усматривали всего лишь пустые формальности, но, опираясь на правовые суждения юристов из Болоньи и на сильное войско, можно было наполнить их реальным властным содержанием, как это сумели сделать норманнские правители Сицилийского королевства.

Норманнская держава, обладавшая баснословными богатствами, не знала ленных, феодальных порядков. Здесь всей страной правили от имени короля чиновники, руководимые из центра; здесь не было обладавших наследственными правами герцогов и независимой высшей аристократии. В этом государстве были только слуги короля и подданные.

Для Фридриха подобная система управления при помощи чиновников не была новшеством. Еще его отец таким же способом произвел переустройство и сплочение Швабии. Тем неодолимее завладела Фридрихом идея превратить, опираясь на старинные, но не утратившие, как хотелось ему думать, свою силу имперские права, северо-итальянские области с их богатыми городами в собственное эффективно управляемое владение. Ни одно герцогство в Империи, даже Бавария и Саксония вместе взятые, не принесло бы таких доходов, какие могли давать в императорскую казну поступления от этих городов. Что значили по сравнению с этим отказ от судебных прав в Австрии и даже, в худшем случае, необходимость терпеть женщину в качестве герцога!

Фридрих хорошо знал, сколь велика роль, которую в делах Империи всегда играло византийское и сицилийское золото. Но теперь пробил его час, когда он сам должен был стать самым богатым и потому самым могущественным из государей Запада. И тогда папа будет низведен до положения зависимого от Германии римского епископа, а на месте раздробленного феодального королевства возникнет новая Империя. У повелителя этой раскинувшейся от моря и до моря Империи в один прекрасный день будет достаточно сил для того, чтобы подчинить своей власти герцогства, завладевшие непозволительно большими правами. Барбаросса вместе со своим канцлером Райнальдом Дассельским задумал не только восстановить былое величие императора, но и поднять его до высот, каких еще не видали в христианском мире.

Реализация великого замысла требовала уже иного отношения к вверенной ему власти. «С тех пор как Господь передал в наши руки власть над Римом и миром, нашей

высочайшей обязанностью является попечительство о Священной империи и о Божьем царстве!» Такое окрыленное великой идеей послание направил теперь Фридрих своим князьям, чтобы они поняли смысл императорской власти как высшей, угодной Богу миссии. Впервые прозвучали выражения «Священная империя» и «Божье царство», коим суждено было впоследствии преобразоваться в Священную Римскую империю германской нации. Ссылка на священность своей миссии означала новый вызов папе, поскольку все будущие действия императора, милостью Божией призванного на престол, даже если окажутся прямым покушением на итальянскую сферу влияния курии, объявлялись непосредственным выражением божественной воли. Следовало понимать, что повелитель этой Священной империи не только равен римскому первосвященнику, на что он претендовал в качестве короля Германии, но в мирских делах и превосходит его.

Если Барбаросса в качестве предводителя Священной империи собирался подчинить своей власти самого папу римского, то как он мог терпеть гордую независимость Милана, открыто бросавшего ему вызов?! В Италии противники императора в полной мере пользовались его отсутствием, но больше всех преуспели миланцы, которые назло ему отстроили Тортону лучше прежнего, принудили Кремону к заключению перемирия и вновь принялись нагонять страх на Комо и Лоди. Милан продолжал свою враждебную Империи политику, все больше и больше подчиняя себе города Ломбардии, поэтому Барбаросса в том же послании к князьям, в котором впервые упоминалась Священная империя, объявлял, что не может долее терпеть, чтобы самонадеянные миланцы продолжали бесчестить императора, а посему намерен, «дабы смирить Милан, призвать под свои знамена все воинство Империи». Князья не остались глухи к обращению государя, и на рейхстаге, собравшемся в марте 1157 года в Фульде, было принято решение о новом итальянском походе, в который предполагалось выступить следующей весной. Прибывшие на рейхстаг князья обещали императору свою поддержку. Удобным поводом для вторжения в Италию могли стать просьбы о помощи и защите, переданные Барбароссе представителями от Павии, Комо, Новары и Кремоны. Итальянцы жаловались на тиранию Милана, буквально попиравшего (опять вспомнили о разорванной и растоптанной королевской грамоте) все распоряжения императора. Их заверили, что скоро в Ломбардию прибудет германское войско, дабы защитить оказавшуюся под угрозой честь Империи.

Еще совсем недавно Фридриху было бы весьма

затруднительно ради защиты оказавшейся под угрозой чести Империи «призывать под свои знамена» все воинство Германии. Теперь же давало себя знать укрепление его авторитета, которого он добился благодаря мирному решению баварского конфликта. Сознательно пойдя на увеличение могущества Генриха Льва, он дружбой привязал его к себе и поставил на службу интересам Империи. Когда он после передачи Баварии сообщил ему, что предполагает осуществить своего рода разделение властей — Генрих впредь должен будет защищать Германию, в то время как сам он займется покорением Италии, хотя на первых порах не сможет обойтись без его помощи по ту сторону Альп, — герцог Баварский и Саксонский заверил его в своем искреннем стремлении сотрудничать. Вслед за ним и другие князья присягнули, что весной 1158 года отправятся на год в поход против Милана, оговорив при этом, чтобы миланская кампания не переросла в войну против Сицилии. Так что Фридрих мог теперь заключить свое большое послание имперским князьям «сердечной просьбой и приказом» собраться к указанному сроку в Ульме. Так под удобным предлогом необходимости покарать Милан был сделан первый шаг к покорению Северной Италии, к исполнению великого замысла.

Однако в течение года, остававшегося до начала похода, Фридрих не хотел и не мог сидеть сложа руки. Это время предстояло использовать для водворения всеобщего земского мира, для окончательного устранения беспорядков в королевстве, прекращения усобиц и разбойничьих вылазок рыцарских отрядов, дабы дать тем самым всем князьям возможность наилучшим образом подготовиться к большому военному походу. И его усилия, как заметил хронист Оттон Фрейзингенский, не пропали даром: «Каждый предпочитал соблюдать мир, ибо император без устали разъезжал по стране, веля обезглавливать или вешать любого нарушителя спокойствия, попадавшего к нему в руки». Если раньше участники усобиц и разбойничьих нападений находили защиту у враждовавших друг с другом Вельфов и Штауфенов, то теперь эта кровавая затяжная борьба обоих родов не только прекратилась, но и переросла в их братство по оружию. Это единение позволило навести в Германии порядок, какого давно не было, так что замученному феодальными усобицами народу, по образному выражению хрониста, казалось, будто после долгой дождливой ночи наступило солнечное утро.

После умиротворения германских земель особенно нетерпимыми казались Барбароссе действия восточного соседа, польского князя Болеслава IV, упорно не желавшего присягнуть на верность ему и допустить к участию в управлении страной

своего изгнанного десять лет назад брата. На хофтаге в Госларе в конце июня 1157 года император договорился с саксонскими князьями совершить военный поход в Польшу, который предполагалось закончить как можно скорее, чтобы затем заняться подготовкой к итальянской кампании. В начале августа имперское войско собралось в Галле на реке Заале, чтобы оттуда двинуться в Польшу. Из Саксонии и Тюрингии прибыли почти все светские и духовные магнаты со своими военными отрядами, а также пфальцграф Отто Виттельсбах и чешский герцог Владислав II. 4 августа войско выступило в поход и спустя двенадцать дней форсировало Одер. Отступая, поляки сжигали за собой крепости и селения в Силезии. Чтобы задержать наступление Барбароссы, они устраивали засеки на дорогах. Тактика выжженной земли создавала немцам большие затруднения с заготовкой провианта и фуража. И все же, несмотря ни на что, они стремительным маршем достигли Познани и принудили польского князя к капитуляции. Чешский герцог выступил посредником между своим польским родственником и императором. Болеслав пообещал прибыть на Рождество 1157 года в Магдебург и уладить спор со своим изгнанным братом. Он присягнул на верность императору, заплатил ему денежную контрибуцию и обещал прислать 300 рыцарей для участия в итальянском походе. В качестве гарантии выполнения взятых на себя обязательств Болеслав дал в заложники нескольких знатных поляков, которые потом не скоро увидели свою родину, поскольку князь не сдержал данных Барбароссе обещаний.

Быстро и успешно завершив польскую кампанию, император созвал 28 сентября 1157 года хофтаг в Вюрцбурге. Уже по составу участников хофтага было видно, сколь возрос авторитет императора. В те дни он выступал в Вюрцбурге во всем блеске своего величия, какого не знали даже самые славные из его предшественников. Помимо немецкой знати прибыли посольства от византийского василевса, королей Англии, Дании и Венгрии, а новая имперская земля Бургундия, равно как и все области Италии, направила своих представителей. Здесь, в Вюрцбурге, сошлась почти вся Европа. Иноземные послы преподнесли императору богатые подарки и обратились со своими просьбами.

С тех пор как Фридрих женился на наследнице Бургундии, его отношения с правителем Византии заметно охладели. Супруга императора Мануила, родом из Германии, свояченица короля Конрада III, теперь даже опасалась, что Фридрих нарушит свои обязательства опекуна по отношению к сыну ее сестры, ныне четырнадцатилетнему герцогу Швабии, и присвоит

принадлежащее ему герцогство. Поэтому посольству было дано поручение добиться объявления мальчика совершеннолетним и посвящения его в рыцари, с тем чтобы он стал полноправным обладателем герцогства Швабского.

Фридрих выслушал послов и милостиво согласился на посвящение сына Конрада III в рыцари, хотя из-за этого ему пришлось выпустить из своих рук власть над Швабией. Тогда же, в Вюрцбурге, и состоялся торжественный обряд посвящения. Поскольку Барбаросса был заинтересован в установлении впредь наилучших отношений с византийским двором, а также в выяснении намерений императора Мануила в Италии, аббат Вибальд получил задание сопровождать византийских послов в их обратной поездке на Босфор. Вибальд однажды уже посетил императора Мануила, когда просил для Фридриха руки его дочери. С другой стороны, многие усматривали в выборе именно этой кандидатуры происки Райнальда Дассельского, постаравшегося услать подальше от двора нежелательного и даже опасного старца. Вибальд так и не вернулся в Германию. Уже собираясь в обратный путь, он умер, причем, как подозревали, не своей смертью.

Недавно вступивший на английский престол король Генрих II, родоначальник новой династии Плантагенетов, опасался союза короля Франции с императором, а посему стремился снискать его благосклонность, прислав ему в подарок великолепный шатер такой необъятной величины, что для его установки потребовалось соорудить специальный подъемник. Затем английские послы зачитали медово-сладкое послание своего короля, рассыпавшегося в чрезмерно льстивых любезностях: «Мы кладем к ногам вашего величества свое королевство и все, чем владеем, дабы все исполнилось по единому вашему мановению, и свершилась воля вашей Империи. Нерасторжимый мир и благотворная торговля должны царить между нашими народами. При этом вам, обладающему высшим достоинством, надлежит повелевать, а у нас не будет недостатка в готовности повиноваться». Впрочем, когда спустя всего лишь три года Генриху II представится первая возможность не то чтобы доказать «готовность повиноваться», а хотя бы стать на сторону Фридриха в его борьбе с папством, окажется, что эти сладкие речи уже давно преданы забвению.

Датский король Вальдемар, только что пришедший к власти после тяжелой борьбы за престол, просил императора о защите, соглашаясь признать себя его ленником. Король Венгрии Гейза в знак своей верности Барбароссе обещал пятьсот рыцарей для войны против Милана. Бургундцы, итальянцы, герцоги и князья,

наперебой заверяли императора в собственной преданности. Еще пять лет назад он был всего лишь одним из них, таким же, как и они, имперским князем. Теперь он, Римский император, недосягаемо возвышался над ними. Уже никто не осмеливался более перечить его приказам, выражавшимся в форме «сердечных просьб».

В конце 1157 года Фридрих провел свой первый большой рейхстаг на территории Бургундии, в Безансоне. Предстояло обсудить и решить множество важных дел. Местная бургундская знать, пользуясь прибытием императора, старалась обратить его внимание на свои проблемы. Барбаросса не уклонялся от обязанности вникать в заботы своих подданных и делал, что было в его силах, не давая, однако, увести себя в сторону от главного. Весной будущего года предстояло выступить в поход против Милана, открыто бросившего вызов императору и не признававшего за ним права на господство в Северной Италии. Фридрих хотел, заручившись поддержкой князей, обсудить все детали этого похода. Императору предстояло также принять послов Англии, Испании и Франции, специально для этого прибывших в Безансон. Французский король Людовик VII, не приславший послов на хофтаг в Вюрцбурге, теперь просил через своих представителей о личной встрече, которая могла бы состояться по окончании рейхстага на границе обоих королевств.

Но был и еще один вопрос, для решения которого Барбаросса хотел поинтересоваться мнением своих князей. Еще более года тому назад, 18 июня 1156 года, папа Адриан IV без предварительного согласования с императором заключил в Беневенте союзный договор с королем Сицилии Вильгельмом I, так называемый Беневентский конкордат. Было ясно, что этот договор направлен против Империи и что он находится в вопиющем противоречии с принятыми взаимными обязательствами не заключать мир ни с римлянами, ни с сицилийцами. Уйдя из Италии, Фридрих оставил Адриана один на один с его прежними и новыми врагами и тем самым в какой-то мере подтолкнул его к переговорам с противниками. Папа римский мог привести много убедительных доводов в оправдание своих действий, и тем не менее налицо было нарушение ранее достигнутых соглашений. Прежние союзники начинали действовать порознь, а может быть, и друг против друга. Под влиянием происшедших перемен изменилась и позиция римского сената. Под нажимом правителя Сицилийского королевства, поддержкой которого они пользовались, римляне подчинились папе. Его возвращение в Рим, обставленное невиданно пышными и торжественными церемониями, было подобно триумфу. Так

встречают не беглеца, а победителя. Не оставалось сомнений в том, что политика папы претерпела изменение, грозившее большими осложнениями во взаимоотношениях с императором. Адриан IV, а не Фридрих I выступил инициатором разрыва.

Тем большее удивление вызвало неожиданное появление на рейхстаге двух посланников Святого престола. В качестве легатов прибыли папский канцлер Роланд, весьма влиятельный в Риме человек, и его сторонник кардинал Бернгард. Первым делом они попросили императора о частной аудиенции, которая и была предоставлена им, но в присутствии канцлера Райнальда Дассельского. Заверив собеседников в своем глубочайшем почтении, папские посланники сообщили, что принесли добрые вести, о чем и хотели бы доложить высокому собранию.

Участники рейхстага, среди которых было и множество итальянцев, светских и духовных князей со всего полуострова, даже из Апулии и Венеции, пребывали в напряженном ожидании. Им не терпелось узнать о содержании этих «добрых вестей», из которых они надеялись получить исчерпывающее объяснение последних событий. Наконец император и его собеседники вышли к ним, однако суровое выражение лица канцлера Райнальда не предвещало ничего хорошего. Когда установилась полная тишина, Фридрих предоставил слово своему канцлеру, который должен был зачитать им самим же выполненный перевод послания папы на немецкий язык, понятный большинству участников рейхстага.

Уже сама форма обращения, выбранная Адрианом, была неприятна для слуха присутствовавших: он сразу же ставил себя выше императора, называя себя отцом, а его — сыном, при этом уравнивая его с кардиналами, которые именовались его братьями. Далее в резких выражениях высказывался протест против того, что архиепископ Эскиль, предстоятель Лундской епархии в Дании, на пути в Рим был захвачен немецкими разбойниками, заключен под стражу и все еще не выпущен на свободу, хотя по этому поводу папа уже обращался с ходатайством к Фридриху. Собрание выслушало эту жалобу с ироничной усмешкой, поскольку всем было известно, что Эскиль Лундский являлся врагом Империи, осуществлявшим по указанию Адриана полное отделение датской церкви от Гамбургского архиепископства, которому она до сих пор подчинялась. Как, впрочем, было известно и то, что отделение скандинавских церквей от Империи вообще было делом папы-англичанина. И подавляющее большинство участников безансонского рейхстага с пониманием отнеслось к тому, что император не слишком спешил с освобождением упомянутого

Эскиля, оценивая происшедшее иначе, нежели папа.

«Поскольку же ты, — говорилось дальше, — не заметил и не покарал такого бесчестья для всей церкви, мы опасаемся, что причину сего следует искать в том, что некий злой человек, сеющий раздор, нашептал тебе это». Нетрудно было догадаться, что под «злым человеком» имелся в виду не кто иной, как Райнальд, в голосе которого появились теперь твердость и острота стали и ледяной холод: «Вспомни же, с каким радушием два года назад принимала тебя святая римская церковь и как почтила твое величество, с радостью пожаловав тебе императорское достоинство. Мы ничуть не раскаиваемся в этом, напротив, мы были бы рады от всего сердца пожаловать твоей светлости и другие лены».

Поднялась настоящая буря негодования. Как смел папа говорить о «пожаловании» императорского достоинства, а тем более называть его «леном»? Как будто Фридрих в качестве вассала получил это «пожалование» от папы, своего сеньора! Кто-то пытался возражать, что, мол, такова обычная точка зрения в Риме, которой придерживаются со времен коронации императора Лотаря III, и не стоит на это обращать внимание, но тем лишь еще больше раззадорил по-боевому настроенное большинство участников рейхстага. Стали припоминать все обиды, кои пришлось претерпеть от пап и их сторонников. Вспомнили и о фреске в Латеранском дворце, на которой был изображен стоящий на коленях император, получающий корону в качестве папского ленника. Подпись под фреской гласила: «К вратам Рима прибыл король и, присягнув соблюдать права города, стал человеком папы, затем приняв от него корону». «Стал человеком папы» — значит принес ему оммаж, стал его вассалом, ленником. Фридрих, два года тому назад во время коронационных торжеств увидевший эту фреску, был страшно раздосадован и заявил Адриану свой самый решительный протест, потребовав убрать ее. Тот обещал выполнить это требование, «дабы, — как он объяснил тогда, — такой пустяк не стал поводом для раздора».

Похоже, что теперь святой отец сам хочет вызвать раздор. Как смел он снова называть императора своим ленником?! Правда, негодующие участники рейхстага, ознакомленные только с немецким переводом папского послания, выполненным канцлером Фридриха, ничего не знали о двойном значении латинского текста. Райнальд нарочно взял слово «лен» для перевода выражения «beneficium», которое вполне можно было перевести и как «благодеяние». Если в письме имелись в виду и другие благодеяния, которыми святой отец собирался осчастливить своего возлюбленного сына, то не было ни

малейшего повода для столь бурного возмущения. Однако Райнальд не мог упустить такую замечательную возможность — злонамеренно выбранным вариантом перевода подлить масла в огонь, дабы вызвать желательные для себя последствия.

Но, с другой стороны, хотя и можно было спорить о смысле слова «beneficium», относительно истинных намерений Адриана не оставалось сомнений, после того как кардинал Роланд в начавшейся суматохе во весь голос выкрикнул: «А от кого император получил корону, как не от папы?»

Эти слова, подтверждавшие беспредельную дерзость папских притязаний, переполнили чашу терпения и без того возбужденного собрания. Началось невообразимое столпотворение. Отто Виттельсбах, молодец богатырского роста, вне себя от ярости бросился с обнаженным мечом на паписта и зарубил бы его, не подоспей вовремя Фридрих, приказавший Райнальду немедленно препроводить легатов в отведенные им апартаменты. Исполняя приказание императора, канцлер даже сделал больше того, что ему было велено. По его распоряжению были обысканы пожитки посланцев из Рима. В результате ему в руки попало несколько чистых листов пергамента, на которых стояли папские печать и подпись. Очевидно, они были даны легатам для того, чтобы те могли написать на них, что сочтут нужным, а затем разослать по Империи. Реакция Барбароссы на это последовала незамедлительно: безотлагательная высылка из страны непрошеных гостей.

Вскоре был опубликован императорский указ, категорически запрещавший обращаться в папский суд. Этот запрет вводился, «дабы пресечь всякого рода злоупотребления, от коих терпят ущерб все церкви нашей Империи и происходит пагуба для монастырской дисциплины». Паломники, направляющиеся в Рим к святым местам, отныне должны были получать разрешение от своих церковных властей. Это был тяжелый удар по интересам и самолюбию папы римского, по существу означавший разрыв отношений.

За этим тяжелым ударом сразу же последовал второй. Еще в Безансоне Фридрих велел сочинить послание, которое затем надлежало распространить по всей Империи. «Поскольку божественная сила, от коей происходит любая власть на небе и на земле, — гласила преисполненная имперской идеей преамбула, — вложила в наши, своего помазанника, руки королевские и императорские полномочия и тем самым возложила на нас обязанность блюсти при помощи нашего императорского оружия мир для церкви, мы вынуждены к нашему величайшему огорчению высказать свои возражения». Далее с

использованием сильных выражений и искусного передергивания фактов подробно излагалось происшедшее на рейхстаге. Опять прибегли к слову «лен» для передачи выражения «beneficium» из папского послания: «Так вот какой была весть, продиктованная отеческой любовью, вот чем должно было крепиться единство церкви и Империи! Понятно, что столь непотребные слова оскорбили наше императорское величество, а всех князей охватила сильнейшая ярость… Поскольку мы получили королевскую и императорскую власть единственно от Бога посредством избрания князьями, от Бога, который устами святого Петра изрек: „Бойтесь Бога, почитайте государя“, то каждый, кто утверждает, будто мы получили императорскую корону от господина папы в лен, есть богохульник и уличенный лжец. Сам я скорее смерть приму, нежели при своем правлении потерплю подобное умаление собственного достоинства».

Столь резких слов еще не доводилось слышать папе римскому. Это переполненное фанатической яростью послание Фридриха многим казалось несовместимым с его обычаем во всем соблюдать меру и дипломатично лавировать. Поэтому решили, что автором сего манифеста скорее был канцлер Райнальд Дассельский, нежели сам император. Форма и содержание письма выдавали человека, который мог не задумываясь перевести двусмысленное слово «beneficium» как «лен», тем самым приняв брошенный Римом вызов.

Уже множились голоса, осуждавшие этот сделанный канцлером «слишком буквальный перевод». Многие имперские епископы, и первый среди них Эберхард Бамбергский, не говоря уже о стороннике папы архиепископе Зальцбургском, разделяли мнение, что императорское послание в своей резкости зашло слишком далеко. Правда, не было разногласий относительно того, что курия сама спровоцировала этот скандал, нежелательный для обеих сторон.

Адриан IV был потрясен до глубины души. То, как обошлись с его легатами, а также запрещение апеллировать к нему как высшей инстанции, казалось нестерпимым оскорблением, больше того, богохульством. Когда же ему стало известно содержание императорского послания, он счел своим долгом перейти в контрнаступление, обнаружив тем самым полное непонимание царивших в Империи настроений.

То ли он расценил возвращение свободы архиепископу Лундскому как уступку оробевшего императора, то ли и вправду полагал, что немецкие князья церкви вопреки своей воле подчинились диктату Фридриха и его канцлера, но в своем пастырском послании он призвал епископов Германии как

следует воздать за причиненное ему, блюстителю Святого престола, бесчестье. Что касается самого императора, то они должны были своими увещеваниями наставить его на путь истинный, но от Райнальда Дассельского, канцлера, и Отто Виттельсбаха, знаменосца Империи, пагубно повлиявших на государя, следовало потребовать удовлетворения. Дело шло не просто о спасении чести — возникла угроза для свободы церкви! Желая еще раз заявить, что не намерен враждовать с Барбароссой, папа заключил свое письмо словами: «Но мы полагаем, что разумный, истинно преданный вере император благодаря вашим увещеваниям вернется на путь добра».

А между тем Адриан мог бы поступить умнее — не пытаться вбить клин между епископами и императором, а просто объяснить, что слово «beneficium» в его письме означало «благодеяние». Тем самым, возможно, удалось бы погасить разгоравшийся конфликт, единственным пострадавшим от которого в этом случае был бы Райнальд Дассельский, изобличенный в умышленном подстрекательстве и подлоге. Однако папа эту возможность не использовал и, видимо, сознательно, поскольку и на этот раз употребил слово «beneficium» столь же двусмысленно.

Адриан получил ответ, какого меньше всего ждал. Мало того что его замысел поссорить немецких епископов с императором или хотя бы посеять раздор среди них самих ни к чему не привел, в их ответном совместном послании отчетливо слышался голос ненавистного канцлера. Они писали, что незамедлительно и с превеликой охотой обратились к императору, дабы выполнить поручение папы, поскольку «неслыханные прежде выражения» его письма привели в смятение всю Германию. И далее, ничего не сообщая о результатах предпринятых ими усилий, они ограничились лишь просьбой «умиротворить вашего великодушного сына новым посланием, которое бы смягчило впечатление, произведенное недавним письмом». Что касается императора, то он, говорилось в письме, по поводу разгоревшегося конфликта будто бы заявил: «Есть два правовых источника для управления нашей державой: священные законы императоров и обычаи наших предков. Мы не хотим и не можем преступать пределы, предначертанные церкви. Мы с готовностью оказываем должное почтение отцу нашему, папе римскому, но короной Нашей Империи мы обязаны исключительно „бенефицию“ Бога. Короновать королевской короной надлежит архиепископу Кельнскому, а императорской — папе, прочие же его притязания — от лукавого… В Риме, столице мира, Бог при помощи императорской власти возвысил церковь, а теперь в Риме

же церковь пытается, но, как мы полагаем, не с Божьей помощью, унизить достоинство императора. Все началось с непотребной картины, от картины перешли к изложению сего принципа на бумаге, а теперь хотят возвести его в ранг закона. Этого мы не потерпим, не допустим! Скорее мы сложим с себя корону, нежели смиримся с таким унижением императорской власти и нашей личности. Пусть будет уничтожена картина, пусть будет опровергнуто написанное, дабы они не остались вечным памятником конфликта между Империей и папой».

Фридрих тем временем расположился лагерем близ Аугсбурга, где собиралось имперское войско, готовящееся к походу в Италию. Адриан понимал, что сейчас ему нечего противопоставить мощи императора. Если еще совсем недавно он требовал, чтобы оба главных участника инцидента в Безансоне принесли ему свои извинения, то теперь пришлось делать примирительное заявление самому. Это трудное для него решение было облегчено тем, что Райнальда Дассельского и Отто Виттельсбаха в то время не было в окружении Барбароссы: в качестве императорских посланцев они были отправлены в Италию. Говорили, что это поручение обоим приближенным императора, заставившим так много говорить о себе, будто бы дано было по инициативе епископа Бамбергского, который отныне не отходил от Фридриха. Папское послание, доставленное в Аугсбург двумя престарелыми кардиналами, наконец-то объяснило, что выражение «beneficium», само собой разумеется, следовало понимать как «благодеяние», а отнюдь не «бенефиций», ленное пожалование. Фридрих милостиво принял это объяснение и отпустил обратно легатов со всеми подобающими им почестями, однако не позволив им продолжить поездку по территории Германии.

Завершив объяснения с папой по поводу его благодеяний, можно было посвятить все дела и мысли предстоящему походу в Италию. Несмотря на возникший конфликт с курией, подготовка итальянской экспедиции оставалась главной заботой императора после рейхстага в Безансоне. Он считал своей неудачей, что так и не состоялась намечавшаяся на ноябрь 1157 года личная встреча с королем Франции Людовиком VII. Тот опасался, что добрые отношения императора с английским королем причинят ему вред, а укрепление позиций Барбароссы в Бургундии рассматривал как усиление угрозы для своей страны. Еще до условленной встречи он набрал войско, дабы на всякий случай быть вооруженным. Однако эти военные приготовления не остались незамеченными императором, заставив его насторожиться, так что в конце концов он уклонился от встречи с

Людовиком, направив ему лишь письмо с извинениями.

В остальном же причин для беспокойства не было. На хофтаге в Регенсбурге в январе 1158 года Фридрих в очередной раз получил от герцога Чехии Владислава II подтверждение готовности участвовать в борьбе против Милана и за это короновал его королевской короной. В последующие месяцы Барбаросса непрерывно разъезжал по стране, дабы перед отправкой в Италию уладить как можно больше дел в немецких землях. Он объехал Франконию, Швабию и прирейнские области. Этот длинный путь император проделал по зимней стуже верхом на коне, зачастую даже без остановки на обед — лишь бы не терять драгоценного времени.

РОНКАЛЬСКИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ

В начале 1158 года канцлер Райнальд Дассельский и пфальцграф Отто Виттельсбах с небольшим отрядом рыцарей отправились в Италию, чтобы подготовить очередное прибытие туда императора. Во главе своей немногочисленной дружины они проскакали через всю Северную и Центральную Италию, требуя от каждого города присягнуть на верность Фридриху I. Присяга включала в себя торжественное обязательство признать все старинные права императора и прилагать усилия для их реализации. Решительные действия личных представителей Барбароссы вскоре снискали им уважение со стороны итальянцев, встречавших их с должным почтением. В Кремоне они провели собрание знати, в котором приняли участие архиепископы Милана и Равенны, а также множество церковных и светских господ. Продолжив путь, они повстречали папских легатов, направлявшихся к императору в Аугсбург с письмом от Адриана IV, в котором, наконец-то, содержались разъяснения, необходимые для улаживания безансонского инцидента. Лишь убедившись, что послы действительно едут с целью примирения, Райнальд позволил им продолжать путь, однако выслал вперед гонца с депешей, в коей убеждал Фридриха не оказывать кардиналам-легатам свою полную милость, а, получив от них папское послание с долгожданными разъяснениями, отложить принятие решений до встречи с ним, Райнальдом, в Италии. «Ни в коем случае, — писал канцлер, — они не должны разъезжать по Германии. Если Вы поступите иначе, Вы очень пожалеете об этом!»

Едва ли кто-либо еще в Империи осмеливался писать императору в подобном тоне. Это письмо вызвало недовольство Барбароссы, судя по тому, что Райнальд не получил ответа, на что и сетовал в своем следующем послании. Однако даже эта жалоба была облачена в форму шутливой угрозы, что он, мол, пожалуй, вступит в соглашение с «сенатом римского народа», вызывавшим резкое неприятие Фридриха, «поскольку Вы на наши многочисленные письма не отвечаете ни слова — может, у Вас нет пергамента или писец слишком ленив?» Возможно, Райнальд полагал, что право на столь развязный тон ему дают беспримерные успехи, которых он добился на пару с Отто Виттельсбахом. Формально вся Северная Италия, за исключением Венеции, покорилась императору, и даже Равенна, впервые за последние 400 лет, была вынуждена присягнуть на верность ему, хотя только что заключила направленный против него договор с

византийскими послами, высадившимися в Анконе.

Этот очевидный успех был обеспечен отважными действиями немцев, о которых Райнальд с гордостью написал Фридриху. Наверное, он немного прихвастнул, рассказывая, как они напали на консулов Равенны, возвращавшихся из Анконы: «Хотя их и сопровождало около 300 человек, а нас было всего десять, мы, разъярясь, устремились на них и захватили их вместе с греческими деньгами». Имея в руках таких заложников, не трудно было склонить Равенну к уступкам. Даже Анкона, собиравшаяся закрыть перед немцами ворота, сложила оружие, когда Райнальд и Отто, на скорую руку набрав из числа итальянцев войско, подошли к ней. Связи Райнальда простирались до самого Рима, где он установил тайные контакты с Октавианом, предводителем дружественной императору группировки в коллегии кардиналов. В конце своего победного донесения Барбароссе Райнальд писал: «Теперь Вы можете смело идти в Италию. Бог отдал Вам в руки всю страну. С папой и его кардиналами Вы можете делать все, что Вам заблагорассудится. И даже, ежели Вам будет угодно, Вы можете разрушить Рим!»

Тем временем Барбаросса вновь собрал свое войско на поле у реки Лех близ Аугсбурга. Генрих Лев на сей раз остался в Германии, занимаясь укреплением своего положения в Баварии и намереваясь предпринять наступление против поморских славян. В конце июня 1158 года император выступил в путь. С ним были чешский король Владислав II, сводный брат Конрад, герцог Фридрих Швабский, архиепископы Кельнский и Трирский и множество других светских и духовных князей. Войско двинулось в Италию через альпийский перевал Бреннер. Участники похода из Бургундии и Верхней Лотарингии выбрали путь через перевал Сен-Бернар, а двигавшиеся из Франконии, Нижней Лотарингии и Швабии прибыли в Италию через Септимер. Четвертый отряд составило воинство из Австрии, Каринтии и Венгрии, прошедшее через марку Фриуль и Веронскую область в долину реки По, где и воссоединилось с войском императора. Вместе с прибывшим итальянским подкреплением насчитывалось около десяти тысяч рыцарей, а всего, считая оруженосцев и боеспособных слуг из обоза, набралось до 50 тысяч воинов. Как и три года назад, для поддержания дисциплины и порядка в своем чрезвычайно пестром по составу войске Барбаросса огласил закон военного времени, по которому запрещались драки среди участников похода и пребывание в лагере женщин легкого поведения. Нарушители лишались всего своего снаряжения и изгонялись из войска. Он разделил собравшееся воинство на семь отрядов, из которых по одному отдал под начало Райнальда Дассельского и

Отто Виттельсбаха, тем самым вознаградив их за доблестную службу. Командовать остальными было поручено имперским князьям.

Миланцы хорошо подготовились к отражению угрозы. Сооруженные ими укрепления протянулись вплоть до реки Адды. Сам город был надежно защищен новыми стенами и системой оборонительных валов. Говорили, что на эти цели Милан потратил баснословную сумму в 50 тысяч фунтов серебра. И тем не менее его консулы прибыли в Верону к императору, дабы попытаться по-хорошему договориться с ним. Однако приемлемого для обеих сторон соглашения не получилось, поскольку Фридрих настаивал на безоговорочном подчинении Милана. Только так, по его мнению, можно было создать в Италии обстановку, благоприятную для реализации его далекоидущих замыслов.

23 июня 1158 года император отдал приказ перейти в наступление. Совершая марш на Милан, было решено первым делом взять Брешию, принадлежавшую к числу наиболее верных союзников миланцев и занимавшую важное стратегическое положение. Город был захвачен и разрушен, а его жителей обязали выставить против своего недавнего союзника вооруженный отряд, заплатить в качестве контрибуции крупную сумму денег и дать 60 заложников. При штурме Брешии особо отличились присланный на помощь немцам отряд из Бергамо, а также чехи. Про воинов Владислава рассказывали жуткие истории: они, мол, едят человечину и пьют людскую кровь, хотя на деле своей жестокостью чехи ничем не отличались от итальянцев, желавших отомстить за прежние обиды жителям соседних городов.

Разгром Брешии вынудил миланцев пойти на мирные переговоры, которые, однако, и на этот раз закончились безрезультатно, поскольку император по-прежнему был неумолим в своих требованиях. Тогда миланцы разрушили все мосты над стремительной Аддой, кроме одного, обеспечив надежную его защиту. И все же чешским рыцарям во главе со своим королем удалось найти брод через реку и успешно форсировать ее. Завязалась битва, стоившая больших жертв обеим сторонам. Тем временем люди императора, дабы ускорить переправу, построили на скорую руку два дополнительных моста, которые вскоре, не выдержав нагрузки, рухнули, унеся в пучину вод множество людей. И тогда Барбаросса, раздосадованный большими потерями, распорядился стереть с лица земли местечко Ваприо.

Преодолев сопротивление противника, войско императора вышло на пригородную территорию Милана. Тем временем на

подмогу Фридриху подтягивались все новые и новые отряды. Даже из Пизы и далекого Рима прибыли вооруженные ополчения, как и было обещано канцлеру Райнальду, принимавшему от представителей городов присягу на верность. В начале августа в лагерь Барбароссы явилось новое посольство от миланцев, обещавшее выполнить все предложенные им условия мира. Многие князья высказались за принятие этого предложения, поскольку их дружинам не терпелось вернуться на родину. Однако архиепископ Равеннский Ансельм считал эту капитуляцию сплошным обманом и предрекал, что миланцы откажутся от своих обещаний, как только почувствуют, что угроза миновала. Императору, а за ним и большинству князей эти доводы показались убедительными, ибо они помнили, сколь быстро миланцы забыли о соглашениях, достигнутых во время первого итальянского похода Барбароссы. Миланских парламентеров ни с чем отправили назад и продолжили наступление.

Войско императора вплотную подошло к Милану, и теперь у самых стен города то и дело возникали стычки, однако о штурме укреплений нечего было и думать. Только осадой и измором можно было взять этот город, для чего требовалось окружить его плотным кольцом блокады, а это ввиду мужественного сопротивления осажденных оказалось нелегким делом. Желая поднять боевой дух своего воинства, Барбаросса распорядился установить свой шатер почти на расстоянии полета камня, пущенного от стен города из метательного орудия, которые теперь использовались с обеих сторон. Атаки под командованием Отто Виттельсбаха и герцога Австрийского не приносили желаемого результата, разбиваясь об упорство и мужество обороняющихся. Осажденные даже позволяли себе потешаться над противником. Некий знатный миланец вылетел на своем боевом коне из городских ворот и под носом у императора начал выписывать замысловатые кавалерийские фигуры, вызывая на поединок немецких рыцарей. Среди обескураженных подобной дерзостью немцев не сразу нашлись желающие принять вызов, и итальянец начал обзывать их трусами. И тогда граф Альберт Тирольский, разозлившись, вскочил на коня и без доспехов, с одним только щитом и копьем, устремился на задиристого миланца, который спустя некоторое время уже лежал распростертым на земле. Граф, желавший лишь сбить спесь с противника, подарил ему жизнь.

Кольцо блокады вокруг Милана становилось все плотнее, а окрестности города были опустошены. Исчезли фиговые и оливковые рощи, виноградники и фруктовые сады, а вместе с

ними пропал и многолетний труд крестьян. Жители соседних, враждовавших с Миланом городов радовались каре, обрушившейся на жадных и высокомерных миланцев. Между тем и в самом городе, и среди осаждавших начались болезни. По всей округе разносился трупный смрад. Стояли самые жаркие дни в году, и особенно сильно страдали от зноя не привыкшие к нему жители севера. В середине августа у стен Милана скончался архиепископ Равеннский Ансельм, еще недавно убеждавший своих соратников в бесполезности заключения мира с осажденным городом. Непреклонному, сильному духом прелату не суждено было насладиться видом поверженного противника.

Осада продолжалась до конца августа. Хотя Барбаросса и распорядился соорудить мощные стенобитные орудия, чтобы, наконец, поставить Милан на колени, однако стены города и его оборонительные валы, пожалуй, еще долго выдерживали бы натиск противника, если бы не иссяк запас прочности у людей. Миланцы, страдая от нехватки продовольствия и сознавая безнадежность своего положения, опять пошли на переговоры с Барбароссой, теперь уже соглашаясь на капитуляцию. У императора на сей раз не было причин ответить отказом: город сдавался на милость победителя, переходя в его руки. Это было как нельзя более кстати, поскольку и в императорском войске, измученном затянувшейся осадой, уже ощущалась усталость. Большой успех, к которому стремился Барбаросса, был достигнут своевременно.

Император созвал князей на совет, дабы обсудить с ними условия капитуляции. 7 сентября 1158 года был подписан договор из тринадцати пунктов, хоронивший вольности гордого Милана. Город был вынужден согласиться на строительство в своей черте укрепленной императорской резиденции, уплату контрибуции в девять тысяч фунтов серебра и предоставление заложников в порядке гарантии выполнения этих обязательств. Избранные народом консулы отныне должны были утверждаться императором, к которому переходили и все так называемые регалии — доходы от чеканки монеты и рыночной торговли, таможенные сборы и прочие привилегии. Уже на следующий день после подписания договора миланцы передали победителям заложников и свыше тысячи пленников, многие из которых уже более десяти лет томились в городских казематах — темных, сырых, кишащих крысами, жабами и даже змеями.

Не отказался Барбаросса и от унизительного для побежденных формального акта капитуляции. Перед роскошным шатром, подаренным ему английским королем Генрихом II, для императора установили трон, перед которым появились 12

консулов Милана — босые и с подвешенными на шею мечами на веревке. Они бросились в ноги победителю, вымаливая у него, своего нового господина, пощады и прощения. Именитые миланцы пытались деньгами откупиться от такого унижения, но Барбаросса был неумолим. Пожалели одного лишь архиепископа Миланского, поскольку император признал его имперским вассалом. Но и для него жестоким наказанием послужило то, что на протяжении всей экзекуции он должен был стоять подле трона среди имперских епископов и смотреть, как попирают достоинство сограждан, в глазах которых и сам он становился пособником их врагов. Один из консулов обратился к Барбароссе со словами покаяния: «Мы погрешили, свершив неправое дело, и теперь просим прощения. Наши головы, которые мы предаем вашей власти и вашему мечу, пусть ответят за всех миланцев, а вместе с этими мечами, — продолжал консул, дрожащей рукой коснувшись висевшего у него на шее клинка, — в вашей руке будет все оружие Милана».

Воцарилась тишина, не нарушаемая ни единым звуком. Все напряженно ожидали ответной реакции императора, выдерживавшего паузу. Наконец Барбаросса поднялся и велел консулам приблизиться к себе, после чего в знак примирения расцеловался с каждым из них. В завершение церемонии глашатай объявил об освобождении Милана от имперской опалы. Город вновь становился союзником императора.

Расправа с непокорным Миланом послужила для итальянцев горьким уроком, на что и рассчитывал Барбаросса. Со страхом и изумлением смотрели на него, сумевшего не только продиктовать свою волю папе римскому, но и подчинить себе могущественнейший город — неприступную крепость. Прежде угнетавшиеся Миланом Павия, Лоди, Комо и многие другие города рукоплескали своему освободителю, а прочие поспешили заверить его в своей преданности. Однако прошло совсем не много времени, и всем стало ясно, что победитель не остановится на достигнутом. Во все города, к светским и духовным господам Италии стали поступать императорские распоряжения, предписывавшие прибыть к 11 ноября 1158 года на Ронкальские поля, где предполагалось огласить судебные приговоры и новые законы ради изменения существовавших в Италии порядков — для укрепления императорской власти.

Отойдя от Милана, большая часть немецкого войска двинулась в северо-западном направлении — домой, в Германию. Барбаросса был вынужден распустить свое воинство, достигшее цели, ради которой оно прибыло в Италию. Ушли Бертольд Церинген и Генрих Язомиргот. Король чешский Владислав II

также попросил императора об увольнении, и тот с превеликой неохотой отпустил от себя этого мужественного воина, пожаловав ему в награду за службу 1000 марок серебра. Оставшись с небольшим отрядом немецких рыцарей, Барбаросса, которому еще предстояли важные дела в Италии, рассчитывал на помощь верных городов Ломбардии.

Законы, для принятия которых созывался рейхстаг на Ронкальских полях, должны были возвестить о наступлении новой эпохи, рождавшейся по воле Барбароссы. Император желал дополнить свою королевскую власть в Германии новыми державными полномочиями в Италии таким образом, чтобы оба королевства слились воедино под эгидой имперской идеи. Опираясь на поддержку своего еще не знавшего поражений рыцарского войска, имея за спиной окрепшую и сплоченную Империю, Фридрих решил теперь возродить императорское право, действовавшее в Древнем Риме. Оно было систематизировано и дополнено при византийском императоре Юстиниане I, по распоряжению которого видные юристы составили «Кодекс Юстиниана». После его смерти оно стало утрачивать свое значение, постепенно предаваться забвению. Императорское право узаконивало притязания на всемирное господство, находившее теперь свое выражение прежде всего в провозглашении абсолютного суверенитета императора над северной половиной Италии. Одна Венеция была исключением, да и то лишь потому, что ей отводилась роль посредника в отношениях с Византией.

В течение двух месяцев перед открытием рейхстага, проведенных императором в Пьяченце, в его резиденции царила деловая обстановка. Барбаросса со своими советниками сочинял тексты новых законов. Неоценимую помощь в этом оказывали авторитетные доктора права из юридической академии в Болонье, с которой император продолжал поддерживать дружеские отношения. Перед ними была поставлена задача привести «Кодекс Юстиниана» в соответствие с новыми постановлениями. При этом было велено неукоснительно руководствоваться основным, предложенным Барбароссой, принципом, гласившим, что обычай хотя и может создавать новое право, не должен отменять прежде действовавших законов. Это задание оказалось как нельзя более по душе знаменитым правоведам, получившим редкую возможность показать свою ученость в области не только права, но также истории и философии. Правда, не всегда они строго следовали научной истине, о чем свидетельствует один курьезный случай. Когда некий доктор права утвердительно ответил на вопрос Барбароссы, подобают ли ему полномочия

повелителя мира, тот подарил ему скакуна, зато его коллега, давший отрицательный ответ, ушел ни с чем, утешая себя тут же придуманным и быстро разлетевшимся по свету каламбуром, что его удачливый товарищ дал «aequum propter equum», то есть «благоприятный ответ ради лошади».

Когда наступил объявленный день открытия рейхстага, Фридрих велел раскинуть свой великолепный императорский шатер на одном берегу реки По, тогда как итальянцы расположились лагерем на другом. Однако прошло еще три дня, прежде чем состоялось первое пленарное заседание. Это время потребовалось для того, чтобы имперские князья и высшее духовенство, среди них и итальянские архиепископы, могли ознакомиться с законами и иметь возможность обсудить их. Гвидо из Кремы, двоюродный брат Октавиана, сторонника императора в папской коллегии кардиналов, принял участие в этих предварительных обсуждениях в качестве единственного папского представителя, допущенного императором на рейхстаг.

Воссев на трон, возвышавшийся над истомившимися ожиданием участниками собрания, Фридрих открыл рейхстаг торжественной речью, которую слово за словом переводили на итальянский язык. Император говорил, что считает своей священной обязанностью отныне установить господство и над итальянскими землями Империи. Покорив Милан и водворив в стране мир, он, питающий глубокое отвращение к тирании, хотел бы теперь огласить законы, которые впредь должны служить основой общественной жизни. Эти законы, пояснил он, проистекают из обычного права в той мере, в какой оно не противоречит древним имперским правам, коим всегда надлежит отдавать приоритет.

Его слова вызвали возгласы одобрения и рукоплескание. «Невозможно было надивиться тому, что сей едва вышедший из юношеского возраста муж, не учившийся книжной премудрости, обладает столь великим умом и даром красноречия», — не без подобострастия написал преданный императору хронист. Затем один за другим поднимались уполномоченные представители итальянских городов и произносили цветистые речи, в коих заверяли повелителя в своей преданности и покорности. Под конец архиепископ Миланский подытожил выступления и предложил вниманию собравшихся первое решение рейхстага: «Твоя воля является законом, ибо, как написано в „Кодексе Юстиниана“, „что угодно государю, то имеет силу закона, поскольку народ вручил ему неограниченное право повелевать“. Поскольку на твоих плечах лежит ответственность за всех нас, тебе одному и подобает распоряжаться».

Настроение собравшихся как нельзя более подходило для оглашения нужных императору законов. И все же Фридрих решил сделать перерыв, дабы, исполняя свой императорский долг, рассудить обратившихся к нему с жалобами. И это был тоже весьма искусный тактический ход, позволивший завоевать еще большее доверие итальянцев. Количество поступивших жалоб было столь велико, что император поручил их рассмотрение нескольким судебным палатам, по областям Италии. Чтобы исключить подкуп со стороны земляков обвиняемых, судьями были назначены немцы или люди из других областей. Принятие решений по важнейшим вопросам, прежде всего разбор жалоб городов друг на друга и споров по поводу вассально-ленных отношений, Барбаросса оставил за собой, пригласив в помощники себе докторов права из Болоньи.

По итальянскому обычаю, истец, требовавший решения своего дела в суде, должен был нести крест. Когда на следующее утро Фридрих объявил о начале разбирательств в судебных палатах, к нему приблизилась такая толпа «крестоносцев», что он, не сдержавшись, с сарказмом заметил: «Вот так итальянцы! Вижу, они не только лучшие в мире, как любят похвастаться, знатоки права, но и лучшие правонарушители!»

Когда судебные палаты завершили свою работу, «император, — говорится в королевских анналах, — распорядился самым тщательным образом исследовать вопрос о правах Империи и регалиях, давно уже утраченных ею, частично в результате дерзких посягательств, а частично из-за нерадивости королей». Это было сделано на сессии рейхстага, состоявшейся в церкви. Присутствовали все епископы и первые люди итальянских городов. Хотя и без того было ясно, что под утраченными правами подразумеваются денежные поступления в казну, император обратился с запросом по этому поводу к правоведам из Болоньи. Они тут же ответили, что готовы составить полный перечень упомянутых прав, однако для этого необходимо, чтобы судьи городов оказали им помощь. Фридрих согласился. Вызвали 28 судей из 14 городов и заставили их под присягой обязаться предоставить докторам права все нужные сведения. А участники рейхстага тем временем ознакомились с проектом императорского закона, предусматривавшего, что все те права, кои будут перечислены в готовящемся перечне, принадлежат исключительно императору. При этом Барбаросса был столь великодушен, что заранее отказывался от тех прав, которые могли быть удостоверены законными дарственными грамотами как пожалованные в лен.

В самой непосредственной связи с этим восстановлением

имперских прав находилось административное предписание, согласно которому император назначал в каждый город своего уполномоченного, «подеста», как его называли итальянцы, обязанного надзирать за неукоснительным соблюдением императорских привилегий. Он же должен был утверждать и ежегодно избиравшихся горожанами консулов и судей.

Участники рейхстага одобрили и закон о всеобщем земском мире, по которому зачинщики междоусобных войн облагались денежным штрафом, поступавшим в императорскую казну. Размер штрафа устанавливался в пределах от трех до ста фунтов золота, в зависимости от ранга и имущественного состояния нарушителя. В случае же невозможности взыскания установленной суммы предусматривались арест и сечение осужденного розгами с последующим изгнанием на пять лет. Снова вступал в силу существовавший еще со времен Карла Великого, но преданный забвению запрет на создание всякого рода союзов для оказания взаимопомощи, будь то между городами или отдельными лицами. Дабы обеспечить исполнение этого постановления, все жители Итальянского королевства мужского пола в возрасте от 18 до 70 лет обязаны были присягнуть, что будут хранить мир, не участвуя в военных действиях и каких бы то ни было союзах.

Среди множества оглашенных тогда постановлений было и объявление недействительной любой присяги, к принесению которой принудили силой. Какими бы соображениями ни руководствовался тогда Барбаросса, он, видимо, сам того не желая, сыграл на руку любителям менять корысти ради друзей и союзников: очень трудно было опровергнуть утверждение о вынужденности присяги. В интересах магнатов был принят закон о феодах, запрещавший отчуждение и раздел больших ленных владений, особенно тех, что были связаны с несением королевской службы — герцогств, маркграфств, графств. Благодаря этому укреплялось положение феодалов, вступавших в конфликты с городами из-за земельных владений. Барбаросса предпочитал в своей политике опираться на землевладельческую аристократию, стремился искать друзей и сторонников в ее среде.

Наконец появились с выполненным заданием болонские юристы, предъявившие императору обширный перечень регалий — его исключительных прав, превзошедший все его ожидания. Они констатировали, что все подати и пошлины, которые начали собирать со свободных людей еще 400 лет назад в Лангобардском королевстве за пользование дорогами, водными путями и гаванями, должны рассматриваться в качестве императорских регалий. Сюда же причислялись рыночные пошлины и доходы от

чеканки монеты, штрафы, право на безопасный проезд, пользование мостами, рыболовство, строительство мельниц, владение бесхозным и конфискованным имуществом, получение лошадей, подвод и судов. Признали принадлежащими императору доходы от серебряных рудников и солеварен, имения государственных преступников и половину сокровищ, найденных на королевской или церковной земле, а вдобавок ко всему еще и право собирать поголовный налог, когда он, император, задумает отправиться на войну.

Когда подсчитали приблизительную стоимость всех этих регалий, получилась астрономическая сумма: только фиксированные ежегодные поступления из Италии должны были составить 100 тысяч фунтов серебра, в четыре с половиной раза больше, чем подати со всех немецких городов вместе взятых. Ожидалось, что в будущем они еще более возрастут. А ведь сюда еще не вошли доходы, формировавшиеся из единовременных, но постоянно повторявшихся сборов: выплаты при пожаловании ленных владений, судебные сборы и штрафы, контрибуции, налагавшиеся на побежденных и многие другие доходы, размер которых невозможно было подсчитать даже приблизительно.

Законы, принятые на Ронкальском рейхстаге, должны были обеспечить самые большие доходы, когда-либо получаемые императором. Хотя все города, и даже Милан, приняли эти законы и торжественно поклялись соблюдать их (единственным исключением явилась Генуя, представители которой заявили, что не наделены соответствующими полномочиями), император повелел, чтобы они дали по одному заложнику. Это касалось даже верных ему Павии и Кремоны.

Как раз в эти дни скончался архиепископ Кельнский, по установившемуся порядку носивший титул эрцканцлера Италии. Фридрих назначил на освободившуюся должность человека, уже зарекомендовавшего себя надежным защитником имперских интересов на территории к югу от Альп, — Райнальда Дассельского. Кельнский соборный капитул не воспротивился желанию императора, и в январе 1159 года Райнальд был почти единогласно избран архиепископом Кельнским. Оставаясь имперским канцлером, вторым после императора человеком в государстве, он стал теперь еще и правителем Италии.

От Генуи, единственного города, отказавшегося присоединиться к Ронкальским постановлениям, Барбаросса самым решительным образом потребовал незамедлительно подчиниться его воле. Однако ему в почтительной форме заявили, что Генуя останется на особом положении: благодаря своим широко разветвленным заморским связям, город и без того

берет на себя заботы по защите христианских народов в Западном Средиземноморье, от Барселоны до Рима, снимая эту обязанность с Империи и тем самым экономя ей не менее десяти тысяч фунтов серебра ежегодно. Впрочем, генуэзцы согласились отдать Фридриху все, на что он сможет законным образом заявить свои права как император, — и тут же приступили к возведению укреплений со стороны суши. Поскольку Барбаросса распустил большую часть войска по домам, он не мог даже и помышлять об осаде. Пришлось действовать по-другому. Остановившись поблизости от города, он пригласил к себе консулов для переговоров, результатом которых явился союзный договор, выводивший Геную, как это уже было сделано в отношении Венеции, из имперского подчинения. В качестве ответного дара консулы сделали единовременный взнос в императорскую казну в размере 1200 фунтов серебра.

Тем самым Барбаросса отступил от им же обнародованных законов, дав понять, что незамедлительное получение крупных денежных сумм для него важнее неукоснительного осуществления своих суверенных, хотя и не всеми признаваемых прав. Но тем неумолимее действовали его уполномоченные, приступившие под началом эрцканцлера Райнальда к внедрению в систему городского управления нового должностного лица — подеста. Павия и Кремона охотно приняли императорских чиновников, но уже с Пьяченцей возникли первые осложнения, за которые та и поплатилась вынужденным сносом части своих оборонительных сооружений. Решительное сопротивление первым оказал небольшой город Крема, смертельно враждовавший с соседней Кремоной и находившийся в союзе с Миланом. Жители Кремы отказались принять подеста и прогнали императорских посланцев, хотя еще совсем недавно на Ронкальских полях клялись в верности Барбароссе.

Эта дерзость Кремы не могла объясняться ничем иным, кроме как ее сговором с Миланом, который, в свою очередь, тоже не собирался выполнять предложенные ему условия мира. Недавняя война с Империей и выплата огромной контрибуции не причинили ему ощутимого урона. Райнальд, которому доложили о перемене настроения его новых подданных, счел необходимым лично заняться водворением порядка и направился с немногочисленным сопровождением в Милан. Из беседы с консулами стало ясно, что они намерены и впредь соблюдать заключенный договор, обязывавший их сохранять верность императору, но не могут позволить, чтобы к ним прислали предусмотренного Ронкальскими решениями особо уполномоченного чиновника — подеста. Надо было что-то

решать. И Райнальд, понимая, что едва ли ему удастся сейчас заставить миланцев в точности выполнить все, к чему их принудили недавние победители, пошел на уступку: он предоставил горожанам самим выбрать себе подеста, которого и утвердит в должности — полностью же отказаться от своей прерогативы он никак не может.

Тем временем перед ратушей, где велись эти переговоры, стал собираться народ. Было видно, что люди раздражены прибытием в город немцев. Возбуждение нарастало, и, наконец, ненависть миланцев выплеснулась угрожающими криками: «Вышвырнуть их! Чего там с ними возитесь?! Прибить их и делу конец! Давай открывай!» Хорошо еще, что вовремя успели закрыть ставни, по которым загромыхали летевшие из толпы камни. Разбушевавшиеся горожане едва не захватили представителей Барбароссы, которым была бы уготована печальная участь. В конце концов консулам удалось восстановить порядок и провести Райнальда с его спутниками в приготовленный для них дом. Под покровом ночи немцы, сопровождавшие эрцканцлера, тайком покинули город. Сам же Райнальд остался, считая ниже собственного достоинства бежать подобно захваченному врасплох вору. Напрасно представители рыцарского сословия вальвассоров пытались умиротворить его клятвенными заверениями, что Милан в точности выполнит все взятые на себя обязательства. Когда на следующий день Райнальд, гордо и бесстрашно восседая на коне, покидал город, в душе своей он уже вынес Милану смертный приговор.

Охваченный негодованием Барбаросса тут же вызвал к себе миланцев. Они явились во главе со своим перепуганным архиепископом, которому при виде императора сделалось настолько плохо, что его, бормотавшего извинения, пришлось вывести под руки. Миланцы, вынужденные держать ответ, и на сей раз не сказали ничего по существу, отделавшись пустыми отговорками. Уличенные в клятвопреступлении, они вызывающе дерзко заявили: «Мы, конечно, клялись, но ведь не обещали соблюдать клятву!»

Новая война с Миланом становилась неизбежной. Императору нечего было и думать о возвращении в Германию. Маленькая, но строптивая Крема продолжала упорствовать в своей непокорности. Ободренная ее примером, опять стала склоняться к неповиновению и Пьяченца. Установить свое прочное господство в Италии император мог, лишь преподав бунтовщикам хороший урок. Когда миланцы пропустили и последний срок, отведенный им для представления исчерпывающих объяснений, Барбаросса подверг мятежный город

имперской опале. Он повелел одновременно с этим обнародовать и суждение докторов права из Болонской юридической академии, согласно которому преданные опале государственные преступники отдаются в рабство и лишаются своего имущества. Тем самым оправдывалась любая самая жестокая расправа, какую мог император совершить над Миланом.

Понимая, что одними только Ронкальскими законами не сломить сопротивление, Барбаросса решил укрепить свои вооруженные силы, призвав из Германии свежее подкрепление. В феврале 1159 года он потребовал от Генриха Льва и других светских и духовных князей прибыть весной вместе со своими отрядами в Италию. Никто не осмелился возражать императору, и вскоре военные отряды из Германии опять собрались на Ронкальских полях. Большинство рыцарей даже не успели добраться до родины. Настигнутые на марше императорским приказом, они тут же повернули назад. Императрица Беатрикс, дабы не обрекать супруга на долгую разлуку, также направилась в сопровождении Генриха Льва в Италию. В ближайшие годы, которые Барбароссе было суждено провести там, она не расставалась с ним.

Остававшееся с императором в Италии войско располагалось около Болоньи, тогда как сам он без устали разъезжал по Ломбардии, вдохновляя своих друзей на новые ратные подвиги и стремясь расширить круг сторонников. Постоянные тяготы и лишения походной жизни, переезды верхом на коне в любую погоду не прошли даром: в свои 36 лет Барбаросса уже страдал подагрой. К тому же его итальянские подданные не всегда отличались гостеприимством. Когда он вознамерился передохнуть в Лоди, на него совершили почти одновременно, одно за другим, два покушения, окончившихся более счастливо для него, нежели для покушавшихся. В посягательстве на жизнь императора обвинили миланцев, хотя тому и не было доказательств.

Но прежде чем начать борьбу с Миланом, решили преподать наглядный урок Креме, жители которой, полагаясь на свой союз с Миланом и Брешией, не выполнили приказ императора разрушить свои оборонительные сооружения. Барбаросса, дорожа собственной репутацией, не мог стерпеть такой непокорности. Объявив Креме имперскую опалу, он приказал в июле 1159 года приступить к осаде города. Для этого он выделил часть своего войска, а с остальными начал военные действия против Милана, соединившись с итальянскими вспомогательными отрядами. Спустя некоторое время он лично возглавил осаду Кремы. Однако расчеты на скорый и легкий успех не оправдались:

оборонительные сооружения маленького города и мужество его защитников не позволили решить дело одной атакой. Немцы были вынуждены перейти к долгой и изнурительной для обеих сторон осаде.

Тем временем и борьба против Милана, шедшая с переменным успехом, не приносила желаемого результата. Взаимоотношения императора с папой Адрианом IV также приобрели характер борьбы, только перенесенной в область дипломатии. После проведения Фридрихом Ронкальского рейхстага у папы римского более не оставалось сомнений относительно того, что власть императора не совместима с его интересами. Формальный суверенитет немецких королей и римских императоров над Италией существовал издавна, однако после того, как Штауфен, огласив Ронкальские законы, показал, что не намерен долее довольствоваться пустым титулом, борьба за власть в Италии стала неизбежной. Осознание этой истины лишило покоя Адриана и его канцлера Роланда. Время осторожного лавирования и робких уступок прошло, пробил час решающей схватки.

Если еще каких-нибудь десять лет назад могло казаться, что провозглашенное папой Григорием VII притязание церкви на господство в мире стало реальностью, то теперь эта иллюзия рассеялась. Тем важнее для папства было постараться реализовать хотя бы в Италии тезис Григория, гласивший, что свобода церкви может обеспечиваться только ее господством. Однако Ронкальские постановления похоронили и этот принцип. Церкви ломбардских городов, до сих пор признававшие папу и как своего светского главу, теперь попали в зависимость от римского императора как своего верховного сюзерена.

Сразу же после Ронкальского рейхстага в тайный сговор с курией вступили представители Милана. К заговору подключились Пьяченца, Брешиа и Крема. Любое сопротивление императорской власти римский первосвященник объявлял богоугодным делом, вдохновляя своих сторонников на борьбу. Участников этой борьбы он поддерживал не только своим благословением, но и всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Так, еще до начала осады немцами Кремы заговорщики заключили друг с другом договор. Милан и дружественные ему города обязались не прекращать без папского одобрения сопротивление императору, даже если из-за этого завяжется борьба не на жизнь, а на смерть. Адриан в свою очередь обещал не упускать, используя свой апостолический авторитет, ни одной возможности навредить императору, оспорить действительность Ронкальских законов и, наконец, дождавшись

удобного момента, предать анафеме Фридриха и его подручных.

При дворе императора не сразу узнали об этом. Хотя там и сознавали, что союз Адриана с правителем Сицилии, за которым последовало еще и соглашение с римским сенатом, создает определенную угрозу, однако не придавали ей слишком большого значения. Но вскоре начались конфликты по, казалось бы, ничтожному поводу. Скончался архиепископ Равеннский, и Барбаросса решил назначить его преемником сына лично преданного ему графа Бьяндрате. Для этого, поскольку юноша служил младшим диаконом при папской курии, требовалось специальное разрешение папы. Хотя выборы нового архиепископа проходили с соблюдением всех установленных формальностей и в присутствии папских легатов, Адриан отказался дать необходимое разрешение, не без злорадства пояснив, что курия сама нуждается в таких людях. Однако Фридрих расценил этот отказ папы как мелочную придирку и, не дожидаясь, пока тот сменит гнев на милость, утвердил молодого Бьяндрате в должности архиепископа.

Когда же спустя некоторое время Адриан объявил недействительным судебное решение, вынесенное Фридрихом в пользу Бергамо против Брешии, произошел острейший конфликт. Мало того что папа высокомерным тоном оспорил право Барбароссы вмешиваться в дела этих двух городов, он еще передал ему свое послание «через худого вестника» — малозначительного, низкого происхождения человека, а это уже было прямым вызовом. Император не остался перед ним в долгу. Хотя гонцом он и отправил благородного господина, в обращении имя императора, дабы заявить о его верховенстве, было поставлено перед именем папы. Кроме того, себя Фридрих называл «мы», а к папе обращался на «ты», чем сильно обидел чувствительного к таким формальностям Адриана, болезненно воспринимавшего любое умаление собственного достоинства.

Не было сомнений в том, что это подстрекательское письмо сочинил эрцканцлер Райнальд. Тем больше усилий пришлось приложить Эберхарду Бамбергскому для улаживания конфликта. В Риме, не желая идти на открытый разрыв, готовы были сменить тон. Один из членов папской коллегии, дружески настроенный по отношению к Империи, направил Эберхарду письмо, дабы обратить его внимание на серьезность положения. Он писал, что следовало бы позаботиться о том, чтобы впредь люди, «не имеющие опыта в служебной переписке», не допускались к составлению официальных посланий. Эберхард, в ответном письме выразив сожаление по поводу того, что «враг посеял в пшеницу сорную траву», заявил, что не стоит так серьезно

относиться к формальностям, ибо спор возник из-за бестактного вмешательства курии в имперские дела. Поскольку же император неожиданно покинул свою резиденцию, он, Эберхард, не может с ним переговорить, и потому ответа в ближайшее время не будет: «Вы же его знаете! Он любит всех, кто к нему приходит с любовью, но он еще не вполне научился и врагов своих любить…»

Тем временем Адриан получил приятные для себя вести об успешной подготовке Милана к обороне. Сопротивление, оказанное врагу Кремой, также вселяло в него добрую надежду. Теперь он направил императору целый ряд требований, принятие которых называл обязательным условием для продолжения дружественных отношений с Империей. Так, он запрещал императору какие-либо переговоры с римским сенатом и заявлял, что действие Ронкальских постановлений не может распространяться на папские владения в Италии. К этим владениям римская курия отнесла, ссылаясь на весьма сомнительные правооснования, и всю Тоскану. Кроме того, утверждалось, что епископы Италии не должны присягать императору, а императорские посланцы не могут претендовать на гостеприимство с их стороны.

Эти новые притязания папы поначалу даже развеселили Фридриха, не без сарказма ответившего его легатам, что в столь важном деле он не может решать, не посоветовавшись с князьями, хотя свое личное мнение не утаит от них: «От присяги итальянских епископов на верность нам мы охотно откажемся, если они откажутся от пожалованных им нами владений. И наши посланцы будут обходить стороной их резиденции, если итальянцы сумеют доказать, что эти резиденции стоят не на нашей земле, ибо право землевладельца, как известно, превалирует над правом застройщика». Далее, сменив тон, Барбаросса заявил: «Желание же папы, чтобы я не направлял в город Рим своих посланников, слишком серьезно, чтобы об этом шутить. Ибо милостью Божией Мы являемся Римским императором. Но Мы обладали бы лишь пустым титулом и были бы жалкой тенью императора, если бы позволили лишить себя власти над нашим городом Римом!»

Кардиналы не могли что-либо возразить. Им не было дано поручение вступать в переговоры. А Фридрих, в свою очередь, предъявил ультиматум: или папа проявит добрую волю и пойдет на разумное соглашение, которое отвечало бы интересам как его самого, так и императора, или же, в противном случае, незамедлительно будут начаты переговоры с сенатом города Рима, а это значит, что император признает сенат, вместо папы, властью в городе. Именно в это время, как нельзя более кстати

для Барбароссы, к нему прибыли представители римского сената, чтобы просить у него прощения за инциденты, имевшие место во время его коронации в 1155 году, и добиваться примирения с ним.

Послание императора было доставлено папе специальной миссией во главе с Отто Виттельсбахом, знаменосцем Империи. Таким образом, разрыв, которого Адриан и его канцлер Роланд не только не пытались избежать, но и хотели в нужный для себя момент осуществить, состоялся. Адриан давно уже перешел на сторону врагов Империи и договорился с посланцами Милана, Брешии и Пьяченцы, что никто из них без согласия других партнеров не заключит мир с императором, застрявшим у стен Кремы. Тем самым папа подстрекал Крему к продолжению сопротивления. Милан, Пьяченца и Брешиа заявляли о своей полной готовности к борьбе и просили святого отца нанести, наконец, удар по еретику Барбароссе, отлучить его от церкви. Последствия этого были бы непредсказуемы. Не только все подданные императора освободились бы от принесенной ему присяги и отложились бы от него, но и, возможно, в стране появился бы антикороль, а борьба Милана переросла бы в Священную войну католического мира против государя-еретика, едва ли не антихриста. С другой стороны, высказывались и резонные возражения, не окажется ли эта анафема пустой затеей ввиду прочности положения императора, полноты его власти в Империи.

В августе 1159 года папа пообещал предать императора анафеме, но не успел. События приняли неожиданный для всех оборот.

ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ

Осада Кремы продолжалась уже третий месяц, связывая Барбароссу по рукам и ногам и не давая ему заняться более важными делами. Отошли на второй план и папа римский, и Милан, и многое другое, ради чего император прибыл в Италию. Из-за упорного сопротивления защитников Кремы пришлось даже позвать на подмогу герцогов Генриха Льва и Фридриха Швабского, пфальцграфа Отто Виттельсбаха и других имперских князей с их отрядами. Увеличением численности осаждавших Барбаросса надеялся запугать противника, склонить его к капитуляции, но слышал в ответ лишь упрямое «нет» и откровенные насмешки. Женщины Кремы танцевали на улицах города и распевали фривольные песенки о рыжебородом императоре, предрекая ему бесславное отступление. Ожесточение нарастало с обеих сторон. Осажденные то и дело совершали вылазки, пытаясь разорвать кольцо блокады. Однажды им удалось поджечь метательное орудие немцев, за что Барбаросса тут же отомстил, приказав учинить жестокую расправу над четырьмя взятыми в плен жителями Кремы: одному из них отрубили голову, другому — обе ноги, третьему — обе руки, а четвертого медленно замучили до смерти на виду у земляков. Еще семерых повесили. В ответ на это и осажденные вздернули на крепостном валу четверых пленников.

В лагерь у стен осажденной Кремы и прибыли к Барбароссе гонцы с вестью, что Адриан IV умер, как говорили, от укуса ядовитой мухи. Его смерть, неожиданно для всех наступившая 1 сентября 1159 года, еще раз отсрочила окончательный разрыв папства с императором и отвела на время от Барбароссы угрозу отлучения от церкви. Роковое решение теперь зависело от того, кто будет избран новым папой. Умирающий назвал преемником епископа Бернгарда из Порто, заслужившего уважение тем, что всегда старался быть выше борьбы группировок. Однако большинство в коллегии кардиналов считало себя сторонниками несгибаемого Роланда, канцлера курии, а остальные — кардинала Октавиана, графа Монтечелли, друга и родственника императора.

Последняя воля отходившего в мир иной Адриана, казалось, сгладила противоречия. Кардиналы собрались в Ананьи, летней резиденции пап, у постели умирающего и единодушно приняли решение: только тому надлежало стать папой, кто устраивал всех, даже если он не принадлежал к коллегии кардиналов. Октавиан был склонен считать это своим успехом, поскольку, хотя и не избрали его самого, по крайней мере не стал папой Роланд,

пользовавшийся поддержкой большинства кардиналов. Однако уже во время церемонии погребения покойного стало ясно, что ни данное ему обещание, ни вроде бы достигнутое кардиналами соглашение выполнены не будут. О кандидатуре Бернгарда даже и не вспоминали, а сторонники Роланда в коллегии кардиналов были в таком большинстве, что Октавиан не мог рассчитывать на голосование в свою пользу.

Роланда поддерживало и несколько могущественных римских семейств, что, впрочем, не сулило никаких преимуществ перед ставленником императора. Сомнительную услугу Роланду оказывали и его тесные отношения с королем Сицилии, опаснейшим врагом Империи, за которые его группировку называли «сицилийцами». Далеко не всем в Италии это нравилось. Зато Роланд был человеком большого ума, известным знатоком канонического права, многоопытным сотрудником курии и убежденным поборником григорианских принципов свободы церкви. К императору он относился с величайшим недоверием, а в его канцлере Райнальде видел врага, с которым готов был бороться любыми средствами.

Октавиан мог противопоставить сопернику только свое знатное происхождение и хорошие связи. Его противники иронизировали, что отними у Октавиана его родовитость, ничего больше у него не останется. Дом Монтечелли состоял в родстве с высшей знатью всей Европы, в том числе и с императором Фридрихом I. У Октавиана были доверительные отношения и с королем Франции Людовиком VII. Барбаросса очень дорожил этим преданным ему человеком в коллегии кардиналов и не упускал случая выказать свою благосклонность к нему. Он даже пожаловал «своим возлюбленным и дорогим друзьям, кардиналу Октавиану и его братии», город и графство Терни, занимавшее ключевое положение на пути из Папской области в Умбрию.

Но несмотря на это сторонники Октавиана в Риме были немногочисленны. Из 23 кардиналов он мог считать своими друзьями от силы семерых. Следовательно, избрание его папой было исключено: при голосовании большинство голосов должно было обеспечить Роланду уверенную победу. Рассчитывать на то, что Барбаросса, занятый осадой Кремы, придет и личным вмешательством возведет его на престол Святого Петра, не приходилось; прибывший в Рим Отто Виттельсбах прямо заявил об этом. Однако он добавил, что избрание Роланда при дворе императора считают нежелательным, а посему Октавиан должен любым способом воспрепятствовать этому.

И Октавиан делал все, что мог. Когда, наконец, 7 сентября 1159 года, после многочисленных попыток Октавиана помешать

избранию его соперника, собрались кардиналы, ситуация по-прежнему оставалась запутанной. Требуемое единогласное избрание одного из кандидатов могло состояться лишь при условии, что сторонники другого воздержатся от голосования. Но на это никто не соглашался. И тогда Октавиан внес последнее компромиссное предложение: пусть каждая сторона назовет из числа представителей противоположной стороны кандидатуру, по которой можно будет достичь согласия. Однако сторонники Роланда громко запротестовали. Они заявили, что их терпению пришел конец, что они и так слишком долго принимали во внимание мнение меньшинства, а посему пора, наконец, принести папскую мантию и облачить ею Роланда.

Между тем в соборе Святого Петра клир и римский народ, приглашенные для обряда аккламации — приветствия ликующими возгласами новоизбранного папы, час за часом ждали решения. И вот показался кардинал Оддо, друг Роланда, спешивший в ризницу с перекинутой через руку пурпурной мантией. Кажется, победа «сицилийцев» обеспечена. В любой момент мог показаться Роланд, и все приготовились ликованием засвидетельствовать избрание его новым главой католической церкви.

Однако вместо этого из ризницы донесся громкий крик, после чего там началась шумная возня, явно не имевшая отношения к посвящению в папский сан. Ожидавших, среди которых был и Отто Виттельсбах, охватило беспокойство. Они вскочили со своих скамеек и ворвались в небольшое помещение позади главного алтаря. Здесь их взгляду предстало диковинное зрелище. В то время как Роланд и Октавиан осыпали друг друга бранью, их сторонники, почтенные святые отцы, дрались за пурпурную мантию, пытаясь вырвать ее из рук друг друга. Мгновенно оценив ситуацию, не допускавшую промедления, Отто Виттельсбах зычным голосом возвестил: «Октавиан станет папой! Только Октавиан принесет мир!» И сразу же на первый план выступили вооруженные люди, друзья и сторонники того, чье имя было только что оглашено.

При виде обнаженных мечей кардиналы тут же прекратили борьбу за мантию. Потрясенный Роланд отпрянул назад, а изодранный в клочья пурпур исчез, переходя из рук в руки его единомышленников. Зато в руках двух капелланов Октавиана появилась другая мантия, которую они, торопливо расправив, накинули на плечи своего господина. В спешке и волнении они не заметили, что головная часть мантии оказалась внизу. Тщетно пытаясь нащупать застежку, Октавиан нервными торопливыми движениями теребил и вертел вокруг шеи кисти подола. Драма

перешла в комедию, и кое-кто из зрителей не смог сдержать смеха.

Однако вскоре воцарилась тишина. В то время как Роланд и его сторонники скрылись в укрепленных домах на соборной площади, перед алтарем появился Октавиан и, благословляя, распростер руки. И тогда клир и римский народ пали на колени, приветствуя возгласами одобрения новоизбранного. Теперь не могло быть сомнений в том, что Октавиан, отныне именовавшийся Виктором IV, стал законным папой! После обряда аккламации он, облаченный в папскую мантию, принялся раздавать апостолическое благословение у главного алтаря собора Святого Петра. Как будто ничего и не произошло только что за кулисами этой величественной сцены.

Роланд покинул город и направился в Нимфею, где собралось великое множество его сторонников. Прошло всего восемь дней, но и этого оказалось достаточно, чтобы настроение в Риме совершенно переменилось. Представители знатного семейства Пьерлеоне, враждебного императору, будоражили народ. Если поначалу римляне думали, что Роланд, бежав из собора Святого Петра, добровольно и окончательно отказался от дальнейшей борьбы за папский престол, то теперь его называли мучеником, уступившим во избежание кровопролития в святом месте. Виктора же клеймили как похитителя папского достоинства. Тот самый народ, который еще недавно возгласами одобрения приветствовал нового господина Рима, под впечатлением от речей присланных из Нимфеи проповедников столь враждебно настроился по отношению к нему, что тот предпочел покинуть город в поисках убежища в более безопасной Фарфе.

18 сентября 1159 года в Нимфее «мученика» Роланда провозгласили папой, облачив его в пурпурную мантию. На следующий день, в воскресенье, он был рукоположен в сан, получив после помазания святым миром папскую тиару. Дабы показать всем собственное неприятие императора и Империи, он взял имя Александра 111. Александр II, родом итальянец, был известен тем, что первым из пап успешно противостоял немцам. Октавиану направили послание, в коем предписывалось в течение недели освободить незаконно занятый престол, иначе его вместе со всеми сторонниками поразит стрела церковного отлучения.

В ответ на это и Октавиан велел рукоположить себя в сан папы и, пребывая в окружении лишь немногих друзей, отныне всецело уповал на энергичное вмешательство императора, желание которого он постарался выполнить, как мог. Однако он не осмелился обратиться к нему самому, а попросил канцлера походатайствовать за него. Одновременно он адресовал всем

государям христианских стран энциклику, в которой сообщал о своем избрании, законность коего обосновал ссылкой на облачение папской мантией и аккламацию клиром и римским народом.

Но и Александр не бездействовал. 27 сентября в Террачине он объявил об отлучении от церкви своего противника со всеми его сторонниками, сопроводив оглашение исполнением традиционного мрачного обряда погашения свечей. Действуя так, словно не было и тени сомнения в правомерности его поступков, он вслед за этим оповестил весь мир о своем избрании на папский престол и об отлучении еретика Октавиана от церкви. Пребывая поначалу в сомнении, следует ли ему официально уведомить императора о своем избрании, как того требовал обычай, он решил было не делать этого, предпочтя проводить враждебную Империи политику и отстаивая принцип верховенства папы по отношению к светской власти. И все же, рассудив, что полное игнорирование императора было бы преждевременным объявлением ему войны, он велел своим кардиналам сочинить длинное письмо Барбароссе с изложением всех перипетий собственного избрания папой. Содержалась в нем и выраженная в почтительных тонах просьба о защите святой церкви в качестве ее «уполномоченного фогта и покровителя», которому он, папа, собирался оказывать уважение, а также «всеми силами содействовать приумножению его славы». Письмо нарочно сочинялось в таких выражениях, чтобы дать понять императору: папа Александр III впредь намерен занимать иную позицию, нежели прежний папский канцлер Роланд.

Однако ни показное смирение, ни намеки на смену политического курса не помогли. Император крайне неблагосклонно воспринял это письмо. Рассказывали даже, будто он, усмотрев в нем оскорбление его императорского величества, сгоряча велел казнить подателей сего, и лишь вмешательство Генриха Льва в самый последний момент предотвратило исполнение жестокого приказа. Барбаросса, действуя в полном единодушии со своим канцлером Райнальдом Дассельским, не хотел идти ни на малейшие уступки. Все должны были знать, что он признает только одного папу — Виктора IV, своего верного Октавиана, а самозванца Роланда не потерпит на престоле Святого Петра.

Когда Фридриху доставили в его полевой лагерь у стен Кремы донесение о происшедшем церковном расколе, он сразу понял, какая угроза для Империи проистекает из этого. В письме архиепископу Зальцбургскому Эберхарду, мнением которого он дорожил, Барбаросса, дабы создать видимость, будто

затрудняется в выборе, заявил, что лишь того признает папой римским, кто способен обеспечить мир и единство церкви и Империи. Об этом же он говорил и многочисленным епископам, посетившим его в октябре у Кремы. Они, в свою очередь, посоветовали ему попытаться убедить одного из пап отказаться от тиары, благодаря чему удалось бы преодолеть схизму. Идея понравилась Барбароссе, и по его распоряжению были направлены приглашения королям и епископам прибыть на церковный собор в Павию в первых числах 1160 года, чтобы совместно рассмотреть обстоятельства выборов, состоявшихся 7 сентября, и решить, кому из двух претендентов быть папой.

Между тем конца осады Кремы не было видно, поскольку ни одна из сторон не шла на уступки. Когда в лагерь Фридриха прибыло несколько князей церкви, дабы склонить его к заключению мира с Миланом и его союзниками, он ответил, что миланцы, в свое время пойдя на соглашение с врагами Империи, сами сделали выбор в пользу войны. Жителям же Кремы он велел передать, что отныне станет использовать против них все средства. Его брала досада, что этот маленький городишко держится так долго, гораздо дольше, чем в прошлом году сопротивлялся могущественный Милан. Решив начать беспощадную войну, он, дабы показать серьезность своих намерений, приказал казнить на глазах у осажденных 40 заложников и 6 знатных миланских пленников.

Для штурма городской стены соорудили большую деревянную башню высотой более 20 метров с шестью расположенными друг над другом платформами. Башню предполагалось подкатить к стене города, но прежде надо было засыпать участок широкого и глубокого городского рва. Сделали большие защитные навесы, под прикрытием которых можно было работать, не опасаясь камней и стрел защитников Кремы. Потребовалось около 2000 повозок земли, гравия и древесины, чтобы засыпать ров на участке достаточной ширины, чтобы 500 человек могли двинуть вперед осадную башню шириной около 10 метров. Осажденные, осознав грядущую опасность, пытались огнем, камнями и стрелами воспрепятствовать приближению башни к городской стене. И тогда Барбаросса приказал привязать спереди и по бокам башни корзины, в которые поместили заложников и пленников. Защитники Кремы оказались перед страшным выбором: метание камней и пускание стрел по башне подвергали угрозе их собственных людей. Но рассудив, что уничтожение врагом их родного города обернется для них несопоставимо большей потерей, нежели смерть отдельных сограждан, они обстреливали башню до тех пор, пока та не вышла

из строя. Отбив атаку, они, дабы отомстить за гибель своих, казнили на городском валу пленных немцев и жителей Кремоны и Лоди.

Спустя несколько дней осадную башню отремонтировали и более надежно защитили от ударов со стороны осажденных. С помощью гигантской стенобитной машины немцам удалось пробить брешь в стене, однако защитники города насыпали перед проломом вал и устроили перед ним подкоп, сведя тем самым на нет все усилия осаждавших по подготовке штурма. Противники оказались достойны друг друга: ни одна из сторон не уступала в мужестве и сноровке. Казалось, перелом в войне наступил, когда Барбароссе удалось с помощью подкупа переманить на свою сторону умелого строительного мастера из осажденной Кремы. Тот пообещал сконструировать помост, с которого можно было бы перебрасывать трап на стены и оборонительные сооружения города, чтобы взбираться на них. Осадная башня также была оснащена перекидным мостом.

На 21 января 1160 года, когда пошел уже восьмой месяц осады, был намечен штурм города с помощью большой башни и нового помоста. Был разработан детальный план атаки. Отто Виттельсбах и пфальцграф Рейнский Конрад, руководившие штурмом, заняли места на башне. Защитники Кремы внимательно следили за этими приготовлениями, происходившими у них на глазах на расстоянии полета стрелы, и сами готовились к отражению натиска. Во время штурма Отто и Конрад со своими воинами уже достигли было городской стены, но отважные бойцы обороны преградили им путь. Крючьями на длинных шестах они сбрасывали нападавших, а с помощью катапульт сумели так повредить камнями осадную башню, что стало невозможно использовать перекидной мост. Героические защитники города камнями, мечами, копьями и шестами не подпускали нападавших к стене. Атака была отбита.

Однако этот успех осажденных лишь продлил агонию. Войско Барбароссы не давало противнику ни минуты покоя, день и ночь обстреливая город из катапульт. Сила сопротивления оборонявшихся после семи месяцев осады пошла на убыль. При посредничестве патриарха Аквилейского Перегрина и Генриха Льва они уведомили императора о том, что подняли оружие не против него, а против своих давних врагов кремонцев, вражда с которыми у них продолжается уже полвека. Не им, а императору они готовы сдаться. Посовещавшись со своими союзниками, Фридрих выдвинул условие, что жители Кремы могут взять с собой лишь столько, сколько каждый в состоянии унести. Сам же город подлежал уничтожению. У осажденных не было иного

выбора, и 26 января 1160 года они сдались. Опустевший город был отдан на разграбление, после чего кремонцы, движимые все еще не утоленной жаждой мести, разрушили его. Так Барбаросса, уничтожив строптивый город, показал, что Ронкальские законы остаются в силе и подлежат исполнению.

Не собираясь предпринимать чего-либо против Милана до весны 1161 года, император распустил большую часть войска по домам. В Италии с ним остались лишь немногие, среди которых наиболее дороги и верны ему были Отто Виттельсбах, юный герцог Фридрих Швабский и пфальцграф Рейнский Конрад.

Тем временем приготовления к объявленному церковному собору в Павии шли полным ходом. Оба папы, Виктор и Александр, ссылались на свои далеко не всеми признанные права и каждый на свой манер возлагали на Фридриха ответственность за судьбу христианской Европы. Как следовало ему поступить? Уклониться ли от вынесения приговора, как в свое время император Лотарь III, когда соперничавшие папы Анаклет II и Иннокентий II требовали от него решения своей участи? Уступить ли настойчивым советам Райнальда Дассельского и, вопреки совести, признать того из них, кто гарантировал ему восстановление прежних императорских прав над церковью и беспрепятственное проведение его итальянской политики? Или же последовать примеру Генриха III и сместить обоих, чтобы затем, воспользовавшись своей императорской прерогативой, назначить третьего?

Барбаросса воздержался от принятия поспешных решений. Он понимал, что невозможно устранить церковный раскол без учета мнения королей Англии и Франции. Нельзя было допустить, чтобы конфликт из-за папы римского расстроил лишь намечавшееся взаимное согласие с обоими монархами. Следовало также принять во внимание имперскую церковь, прежде всего могущественное архиепископство Зальцбургское, влияние которого на севере простиралось до Аугсбурга и Регенсбурга, а на юге — до Аквилейского патриархата и которое удерживало Венгрию в сфере влияния римского императора, но при этом издавна склонялось к григорианским идеям свободы церкви.

Единство государства, с таким трудом восстановленное в результате семи лет непрерывных усилий, огромных жертв и самого изощренного дипломатического искусства, еще не настолько окрепло, чтобы теперь подвергнуть его столь суровому испытанию. Хотя эрцканцлер Райнальд и пускал в ход все свое красноречие, чтобы побудить императора к решительным односторонним действиям, хотя поддержать всей мощью Империи своего ставленника Виктора IV и представлялось весьма

заманчивым, Барбаросса понимал, что решать церковные вопросы — не его дело. Сама церковь должна принимать решения, а он, ее фогт и покровитель, обязан быстро и точно приводить их в исполнение.

Необходимо было созвать церковный собор, на котором был бы представлен весь западный христианский мир. Откликнувшись в минуту грозящей опасности на зов императора, собор возьмет в свои руки судьбу народов. Честь Империи от этого ничуть не пострадает, зато свобода совести будет соблюдена. Епископ Павии, умный, опытный и отменно благочестивый человек, был направлен к королям Англии и Франции. Гонцы поскакали ко дворам Венгрии, Чехии, Дании и Польши. Были разосланы приглашения иерархам церкви всей Империи, включая Бургундию и Италию; им предстояло избрать в качестве преемника Адриана такого человека, «который бы на благо всем верующим мирно реформировал церковь и нашел бы взаимопонимание с Империей». Ни единым словом не упоминалось об избрании папами сразу двоих — как будто ни Виктора, ни Александра не существовало. Предпочитая даже не упоминать о случившемся расколе в церкви, говоря полунамеком, Фридрих писал архиепископу Зальцбургскому: «Относительно избрания мнения уже разделились. Я весьма сожалею об этом… Мы надеемся, что ты не свяжешь себя опрометчивым решением, а предварительно посоветуешься с нами; мы просим тебя действовать только в согласии с нами». И далее уточнялось, на каких условиях возможно согласие: «Лишь того мы потерпим на престоле Святого Петра, кто будет единодушно и единогласно избран к славе Империи и для воцарения мира в церкви».

Первые ответы на разосланные императором приглашения обнаружили, что большая часть итальянских епископов не видела необходимости в принятии каких бы то ни было новых решений, считая Александра III законным папой. Откликнулся на обращение императора и архиепископ Зальцбургский Эберхард, заявивший, что хотя и примет участие в церковном соборе, однако ни в коем случае не согласится признать Виктора IV. Французская и английская церкви уклонились от ответа, лишь архиепископ Реймсский открыто высказался за Александра. Короли Англии и Франции охотно согласились прислать собственных представителей, ни единым словом не обмолвившись при этом о делегировании своих князей церкви. Таким образом, собор утрачивал значение вселенского, и лишь присутствие обоих «пап» могло сделать его правомочным принимать решения.

Виктор принял приглашение, ни минуты не колеблясь.

Ничего не было для него важнее, как отстоять свои спорные права. Он знал, что может твердо рассчитывать на поддержку канцлера Империи, которому как архиепископу Кельнскому предстояло играть весьма важную роль на этом собрании князей церкви. Александр же, получив помпезное приглашение: «Мы вызываем Вас от имени Господа Бога и всей католической церкви на собор, дабы Вы могли выслушать и уважить решение собравшихся архиепископов, епископов, аббатов и прочих благочестивых мужей», отверг его, заявив, что папу римского никто не может судить. «Наши отцы ради собственной свободы жертвовали всем. Мы были бы недостойны их, если бы сейчас убоялись подвергнуться, ежели потребуется, какой угодно опасности», — гордо ответил он императору. Он остался при своем мнении и после повторного приглашения, лишь послав в Павию наблюдателем одного из своих кардиналов. Собор, еще не открывшись, лишался смысла, однако окружение Райнальда ликовало, полагая, что победа Виктора над Александром, а вместе с ней и торжество имперской идеи обеспечены.

Открытие собора, первоначально намеченное на 13 января 1160 года, из-за продолжавшейся осады Кремы перенесли на 5 февраля, в надежде, что к тому времени строптивый город капитулирует. Как только начались переговоры об условиях капитуляции, в Павию потянулись епископы, особенно итальянские. Расправа, учиненная над Кремой, произвела должное впечатление. Такую же участь пророчили и Милану, вследствие чего враждебный Империи папа неизбежно должен был лишиться поддержки в Ломбардии. В этой обстановке даже наиболее осмотрительные имперские епископы решились участвовать в работе собора.

На собор прибыли собственной персоной архиепископы Майнцский, Кельнский, Бременский и Магдебургский с подчиненными им епископами. Из числа наиболее влиятельных представителей церкви отсутствовали архиепископы Трирский и Зальцбургский. Оба они ссылались на болезни, причем второй из них и вправду был болен. Эберхард находился уже на расстоянии всего одного дня пути от Павии, но был вынужден повернуть назад, направив вместо себя верного человека. Князья церкви из Бургундии, архиепископы Арля, Безансона и Лиона, извинившись за свое отсутствие, прислали представителя, в верительной грамоте которого сообщалось, что все эти иерархи заранее присоединяются к решениям собора. Посольство от короля Англии Генриха II вручило императору составленное в самой уважительной форме послание, из коего следовало, что Англия пребывает в согласии с Империей. Яснее выразился Людовик VII,

заявивший, что воздержится занимать ту или иную позицию, пока не узнает о принятых на соборе решениях. От датского, венгерского, чешского и польского дворов прибыли дипломатические представители, но ни одного князя церкви. Всего собралось около 50 епископов, в основном из Германии, Бургундии и Италии — королевств, составлявших Священную Римскую империю.

Виктор со своей многочисленной свитой остановился в загородной резиденции близ Павии. 3 февраля прибыл двор императора. Жители Павии устроили Барбароссе триумфальную встречу, чествуя победителя Кремы как отца отечества. Особый блеск торжествам придавало присутствие почти всех наиболее влиятельных князей Империи. Однако, вопреки ожиданиям тех, кто настроился долго и шумно праздновать, Фридрих распорядился устроить день покаяния и молитвы, что, по его мнению, было более уместно в канун открытия церковного собора.

Оно состоялось 5 февраля в главном храме города. Император произнес перед собравшимися приветственную речь; он заявил, что считает не только правом, но и своей обязанностью созвать церковный собор. Так поступали и его выдающиеся предшественники: Феодосий и Юстиниан, Карл Великий и овеянный славой Оттон I, возродивший Римскую империю. Их примеру он следует. Но, созвав сей собор, он выполнил свою задачу, ибо принимать решение по спорным вопросам предстоит не ему. Эту тяжкую ответственность надлежит взять на себя собравшимся прелатам. Пусть каждый решает по совести и постоянно помнит о том, что и самому не избежать Божьего суда. После этого император со своей мирской свитой покинул храм, предоставив свободу действий участникам открывшегося собора.

Начали с признания того очевидного факта, что, хотя немецкий и североитальянский клир представлен почти полностью, говорить о вселенском соборе не приходится. Кроме того, отсутствие Александра III вынуждало изменить заявленную в приглашениях цель собрания. Теперь вместо того чтобы, выслушав обоих пап, принять решение, предстояло установить законность избрания по крайней мере присутствовавшего на соборе Виктора IV. Однако из-за отсутствия его противника непросто было внести ясность и в этот вопрос, так что итальянцы предложили перенести все обсуждение на будущий собор, который следовало созвать позже и на который явились бы по крайней мере представители Александра, если не сам он. Против этого дружно запротестовали немцы: для итальянцев еще одна поездка на собор потребует грошовых затрат, для них же

обернется непосильными расходами, а посему надо приступить к дебатам и, поелику возможно, принять решение.

Пришлось начинать, и первым делом предоставили слово Виктору. Тот отлично подготовился к выступлению и потому изложил суть вопроса самым обстоятельным образом. При этом он не утверждал ничего такого, что невозможно было бы тут же подтвердить свидетельскими показаниями уважаемых людей, к числу коих принадлежали и три последних верных ему кардинала. Один за другим выходили клирики соборного капитула, сенаторы, рыцари, аббаты и простые священники из Рима и клятвенно подтверждали, большей частью в качестве очевидцев, правдивость его слов. Были предъявлены высокому собранию и письменные свидетельства, так что, казалось, уже не оставалось сомнений относительно законности избрания Виктора.

И все же нельзя было принимать решение, не выслушав предварительно и другую сторону. Постановили направить с нарочным приглашение к кардиналам Александра, Оддо и Генриху. Поскольку те в свое время активно участвовали в борьбе за избрание папы, их свидетельские показания были особенно важны. Однако оба наотрез отказались прибыть, и переубедить их не удалось, даже намекнув, что они могли бы дать делу Александра благоприятный для него поворот.

Тем временем собор приступил к тщательной проверке всех показаний. Особое значение его участники придали письму соборного капитула Святого Петра, члены которого единодушно утверждали, что на их глазах Роланду помешали надеть папскую мантию, тогда как Октавиана видели облаченным в пурпур. Клир и народ Рима преклонили перед ним колена и возгласами одобрения признали его папой. Поскольку показания многих очевидцев были признаны заслуживающими доверия, участники собора одобрили показания Виктора. Тем самым было завершено следствие по первому важному вопросу и установлено, что 7 сентября 1159 года, в день официально назначенных выборов, Виктор IV, облаченный в пурпурную мантию, предстал для аккламации перед народом и клиром как папа.

Раз дело обстояло именно так, то какие еще могли быть сомнения в правомерности его избрания? И все же оставался один вопрос, на который обязательно надо было ответить, если не хотели ограничиться поверхностным разбирательством: как могло случиться, что настроение в Риме за неделю переменилось столь основательно? Виктор свалил всю вину на лживые манифесты Роланда, затуманившие головы римлян. Зачитали один из таких манифестов, в котором утверждалось, что лишь два или три кардинала проголосовали за Октавиана, а все остальные

были против, за что и подверглись насилию. Учитывая, что на соборе в Павии как раз и присутствовали только трое из 23 кардиналов, эти утверждения не могли показаться невероятными. Однако требовалось удостовериться в этом. Если все так и было, то дело принимало иной оборот. Возражение двоих или троих обладавших правом голоса кардиналов не могло, согласно каноническому праву, помешать констатации факта «единогласного», как требовалось, избрания. Но Виктор утверждал, что против Александра было подано не менее семи голосов.

Расследование показало, что таких голосов семь, а восьмой голос признали сомнительным. Трое из тех, кто голосовал за Виктора, присутствовали на соборе, относительно двоих других удалось узнать, что их успели подкупить, и они переметнулись на сторону Александра; еще один будто бы направлялся в Павию, но по дороге заболел, а еще один, как стало известно, был захвачен противниками. Что касается восьмого, сомнительного голоса, то его обладатель, как выяснилось, сильно проголодавшись, раньше времени покинул место проведения выборов. Итак, манифесты Александра были признаны лживыми, и загадочная перемена настроения римлян получила свое объяснение.

Рассмотрение свидетельских показаний позволило предъявить Александру и еще одно обвинение. В бытность канцлером курии он, кардинал Роланд, со своими «сицилийцами» постоянно нарушал Констанцский договор: не столько покойный папа Адриан IV, сколько Роланд и его кардиналы пошли на соглашение с правителем Сицилийского королевства, а также постоянно подстрекали Милан и другие враждебные императору города к мятежу. В подтверждение участникам собора были предъявлены перехваченные письма, неопровержимо доказывавшие обоснованность обвинения. От разоблачения Александра в государственной измене одни преисполнились праведным гневом, а другие испытали чувство неловкости: все же собор созывался вовсе не для отстаивания имперских интересов. Тем не менее под нажимом Райнальда Дассельского и других сторонников императора действия Роланда были подвергнуты осуждению как несовместимые с папским достоинством. Виктора IV признали законным папой, избранным хотя и меньшинством коллегии кардиналов, но зато, как было заявлено, ее лучшей, здравой частью, не согласной с политикой курии.

Можно было приступать к составлению заключительного протокола. По общему решению в нем записали, что собор «в надежде на мир и согласие» признал Виктора папой, поскольку Роланд со своими сторонниками присоединился к врагам

Империи — Сицилии, Милану, Брешии и Пьяченце. Церковный собор, пожалуй, мог бы завершиться и с другим результатом, если бы Александр III присутствовал на нем или хотя бы прислал своего представителя. Не случайно перед самым подписанием протокола неожиданно разгорелся спор. Большинство итальянцев, признав результаты расследования, все же потребовало, чтобы принятие решения было отложено до созыва вселенского собора, на котором бы и Роланд получил возможность выступить. Им возразили, что ради него и так уже затрачено впустую слишком много усилий, а для большей убедительности, в качестве последнего довода, зачитали только что полученное от его кардинала Генриха письмо, в котором говорилось, что ни сам Александр, ни его кардиналы никогда не позволят судить себя.

Когда же началось подписание протокола, епископ Павии и трое других его итальянских единомышленников удалились, не оставив под документом своего автографа. Патриарх Аквилеи, епископы Пассау и Регенсбурга и даже епископ Бамбергский, доверенный советник Барбароссы, подписали протокол с оговоркой, что их подписи будут действительны, если новое расследование подтвердит решения собора в Павии. Посланцы английского, французского, датского и венгерского королей заявили, что не уполномочены подписывать такие документы, и пообещали доложить обо всем своим государям. Аналогичные заявления сделали и представители бургундской и польской церквей. Безоговорочно поставили свою подпись только имперские епископы, да и то не все.

После подписания протокола император Фридрих I торжественно сопроводил своего ставленника в храм, где того еще раз рукоположили в папский сан. Затем Роланда и его сторонников, а заодно и короля Сицилии, предали анафеме как врагов Римской империи, после чего Барбаросса поцеловал туфлю Виктора IV и помог ему сесть на коня, поддерживая стремя, то есть охотно выполнив шталмейстерскую услугу, которую в свое время никак не хотел оказывать Адриану IV. Все свершившееся делалось, как было объявлено, «в надежде на мир и согласие», однако многим уже тогда стало ясно, что раздор между светской и духовной властями по-настоящему только теперь и начнется.

И все же имперский канцлер Райнальд Дассельский, он же архиепископ Кельнский, он же эрцканцлер Италии, мог быть доволен собой. Его рука чувствуется в тексте решений Павийского собора. Именно он председательствовал на заседаниях, направляя в нужное русло дискуссии, начинавшие уходить в дебри религиозной догматики. Так церковный собор превратился в мирской суд над противниками Барбароссы.

Император утвердил решения собора, используя весь авторитет Империи для поддержки Виктора IV. Спор за папский престол вышел из церковной области, став центральным вопросом большой политики. Признание императором Виктора IV означало конец независимого положения папы римского. Если бы и другие страны последовали примеру Империи, то в персоне заместителя апостола Петра на земле отныне можно было бы видеть примаса имперской церкви. Однако монархи большинства европейских стран продолжали придерживаться идеи свободы церкви, олицетворением которой стал отныне папа Александр III.

Для императора же назад пути не было. Предстояло добиваться повсеместного признания решений собора в Павии, и Райнальд, готовый на все, принялся за дело. Заключительный протокол разослали церквам и дворам Европы в качестве императорского послания. Под ним теперь стояли подписи не только участников собора, в том числе и тех, кто не подписался или обусловил подпись оговорками, но и всех, кто вместо себя прислал представителя. Поскольку к числу подписавшихся добавили и епископов, не участвовавших в соборе, набралось внушительное количество епископских подписей — более полутора сотен, не считая аббатов и «прочих благочестивых мужей». Было упомянуто и о якобы полученном одобрении со стороны всех королей.

Александр III незамедлительно дал свои опровержения, смазавшие первое впечатление, произведенное императорским посланием. Вслед за тем он уведомил христианский мир о том, что 24 марта 1160 года Барбаросса и его ближайшие советники отлучены от церкви, а все его подданные освобождаются от принесенной ему присяги на верность. В то время как в самой Германии не придали этому большого значения и даже осудили папскую анафему как акт мести, во Франции и Англии подобная решительность понтифика была встречена ликованием. «Кто поставил немцев судьями над народами? — восклицал английский богослов и писатель Иоанн Солсберийский. — Кто дал этим неотесанным варварам право царить среди христианских правителей?»

Однако сколь ни велико было влияние английской и особенно французской церкви на своих королей, проблемы большой политики давили на тех с не меньшей силой. Генрих II и Людовик VII питали друг к другу глубокое недоверие, но оба были едины в своей решимости отстаивать собственную самостоятельность по отношению к Империи. Совместное признание Виктора IV обеспечивало им дружескую поддержку императора, признание же Александра III толкало на борьбу с

Барбароссой, выстоять в которой они могли, только поддерживая друг друга.

Во главе большого посольства, в состав которого входил и легат «императорского» папы, епископ Кремы Гвидо, двоюродный брат французского короля, Райнальд лично отправился во Францию, дабы склонить Людовика VII на сторону Виктора IV. Он был принят со всеми подобающими его чину почестями, но по делу, ради которого прибыл, ничего не добился. Король был замкнут и сдержан, давая понять, что может принять решение только в согласии с английским правителем. А от того поступил столь же уклончивый ответ: не связывая себя никакими обязательствами, Генрих II заявил о необходимости принять во внимание мнение английского клира. Райнальд ухватился за это предложение и уговорил также и Людовика провести подобный опрос.

Оба короля пригласили к себе своих прелатов. Совещания проходили в один и тот же день на соседних английской и французской территориях, так что Райнальд успел поучаствовать в обоих. Результаты оказались неутешительными для него: Виктора IV отвергли, зато признали Александра III. С таким ответом Райнальд не мог возвращаться, надо было что-то предпринять. И, похоже, он сумел преуспеть, по крайней мере отчасти. Спустя какое-то время многие обратили внимание на то, что король Англии Генрих II, несмотря на отчетливо выраженную позицию своей церкви, демонстративно оказал знаки своей особой милости легатам Виктора, согласившись лишь на короткую аудиенцию с посланцами Александра, уже длительное время находившимися во Франции. Вскоре между обоими королями состоялось серьезное выяснение отношений, поскольку Людовик VII заподозрил, что Генрих II интригует против него. Затеянная Райнальдом провокация удалась. И все же, опасаясь попасть из-за возникшего между ними раздора в зависимость от Империи, короли примирились и постановили созвать в Тулузе новый церковный собор для окончательного разрешения спора о папе римском.

Возможно, Виктору IV, следуя примеру своего соперника, имело смысл проигнорировать собор, созывавшийся в Тулузе, однако подобного рода соображение даже не пришло ему в голову. То ли он переоценивал собственное влияние на французского короля, то ли был убежден в неоспоримости принятых в Павии решений, но на собор в Тулузе он направил своим представителем епископа Кремы Гвидо, дав ему наказ как можно решительнее обвинять Александра III перед собравшимися отцами церкви. В свою очередь, Александр, понимая, что на карту

поставлена его судьба, на сей раз согласился прислать своих легатов.

Надменно восседая на коне, в окружении императорских штандартов Гвидо вступил в Тулузу, куда для участия в соборе уже прибыло свыше сотни прелатов английской и французской церквей. Это было блестящее собрание, по представительности не уступавшее собору в Павии. Присутствовали даже короли Генрих II и Людовик VII. На глазах у всех они протянули друг другу руку примирения, словно желая показать, сколь полны решимости отстоять свою самостоятельность по отношению к императору.

Первым взял слово легат Виктора. Опираясь на доказательства, полученные на соборе в Павии, он принялся рьяно обвинять Александра и его сторонников. Еще раз были перечислены их прегрешения, а на их головы обрушена анафема в надежде на горячее одобрение со стороны собравшихся. Однако речь Гвидо была встречена холодным молчанием. Предоставили слово легатам Александра. Они возражали спокойно и деловито, не оставив камня на камне от сформулированных в Павии обвинений. Вызвав своих свидетелей, они сумели убедительно доказать, что облачение Александра пурпурной мантией уже началось, когда ворвались вооруженные сторонники Виктора и помешали завершить обряд. Не менее важным представлялось и то, что Александр раньше Виктора и в полном соответствии с каноном был подвергнут священному обряду помазания. Что же касается подписанного в Павии протокола, то он был, по их утверждению, сплошным обманом: лишь немногие из стоявших под ним подписей соответствовали действительности, да и те были поставлены под нажимом императора. В заключение они призвали высокое собрание решить, кто достоин предания анафеме — воистину христианский пастырь Александр III или нечестивец Виктор IV.

И собор признал справедливым, что Александр III, мужественный борец за свободу церкви, по Божьей воле является папой; проклятие ада должно было обрушиться на всякого, кто станет оспаривать это, а тем более сам посягать на папское достоинство. Вновь был исполнен обряд предания анафеме — только на этот раз в отношении Виктора IV; были принесены зажженные свечи, архиепископы, епископы и аббаты, а также короли Людовик VII и Генрих II со своими свитами поднялись, бросили свечи на землю и затоптали их пламя, проклиная императорского папу.

Гвидо с сопровождавшими его лицами покидал Тулузу под защитой императорских штандартов — гораздо скромнее, чем

тогда, когда он вступал в город. И все же он не чувствовал себя побежденным. В церкви осталось два папы римских. Александра III признали, помимо Англии, Франции и Сицилии, также Венгрия, Арагон и Кастилия, а спустя год и Святая земля. В сферу влияния Виктора IV попала также Богемия и Дания, но, главное, за ним стояли Империя и сам Фридрих Барбаросса.

Вскоре созванный в Лоди новый церковный собор осудил принятые в Тулузе решения, дабы еще раз продемонстрировать миру несокрушимое единство имперской церкви. Виктор IV в своем пастырском послании объявил, что отныне император обладает правом по собственному усмотрению назначать и смешать епископов и аббатов, и никакой римский легат не может воспрепятствовать ему в этом. Но на деле все оказалось не так просто. Неповиновение обнаружилось там, где его меньше всего ждали. Мало того что епископ Хальберштадтский, однажды уже наказанный императором за строптивость, стал на сторону Александра. После долгих и трудных раздумий архиепископ Эберхард Зальцбургский также признал враждебного Барбароссе папу, увлекши за собой епископства, монастыри и церковные приходы своей епархии.

Это не осталось незамеченным при дворе императора. Беспорядки в Хальберштадте Фридрих подавил в зародыше, немедленно устранив строптивого епископа. Архиепископа же Зальцбургского он решил оставить в покое, предоставив ему свободу действий. Эберхард, как и все другие имперские князья, полностью проигнорировал объявленное Александром отлучение императора от церкви и даже заявил протест по поводу освобождения его подданных от принесенной присяги на верность. Все усилия врагов Империи склонить его к измене императору оказались напрасными. Его верность не подлежала сомнению — и это было для Фридриха важнее всего. Он не усматривал в позиции Эберхарда ни малейшего вреда для себя, поскольку она мотивировалась исключительно религиозными соображениями. Более того, он считал даже полезным иметь в самой Империи средоточие единомышленников Александра. Благодаря этому не обрывалась полностью нить, связующая его с противной стороной, и мирное урегулирование конфликта, которое он не хотел исключать полностью, в нужный момент было бы легче осуществить.

Гораздо большую угрозу для Барбароссы по-прежнему представлял Милан, превратившийся в главный оплот всех антиимператорских сил в Италии. Борьба с ним становилась важнейшей задачей, которую теперь предстояло решать.

ТОРЖЕСТВО БАРБАРОССЫ

Военные столкновения с Миланом начались значительно раньше, чем намечал Барбаросса, — уже в марте 1160 года. Сначала миланцы напали на верный императору Лоди, однако безуспешно. Спустя некоторое время Барбаросса с военным отрядом из Лоди разрушил несколько миланских крепостей по реке Адде. В начале июня в распоряжении императора была уже более многочисленная армия из представителей преданных ему городов Ломбардии. Однако вместо того, чтобы вступить в открытое сражение с миланцами, Фридрих предпочел произвести новые опустошения на их территории, уничтожив большую часть урожая. В ответ миланцы предприняли новый поход против Лоди, но и на сей раз не добились успеха. Лишь когда в начале августа они взяли приступом несколько крепостей в области южнее озера Комо, им удалось спровоцировать Барбароссу на сражение. При Каркано он сумел разгромить миланцев, захватив при этом их боевой штандарт, но вскоре противник там же нанес ему ответный удар. Отряд миланцев незаметно занял в тылу у императорского лагеря холм, и когда на воинов Фридриха было совершено нападение одновременно с фронта и тыла, они обратились в бегство. Барбаросса был вынужден бросить палатки, припасы, а главное — пленных.

Миланцы сначала приняли бегство императора за военную хитрость, потому и начали преследование лишь на следующий день. Им удалось не только освободить своих людей, попавших в плен к противнику, но и самим захватить множество рыцарей из Павии, Комо, Лоди и других городов. Еще один отряд, набранный в Кремоне и Лоди, который должен был присоединиться к императору при Каркано, по трагической случайности неожиданно столкнулся с миланцами в самой неблагоприятной для себя ситуации и был разбит. Однако опасаясь, что Барбаросса придет со своей армией к их городу, миланцы не стали развивать успех, а поспешили вернуться домой. Император же, которому тогда явно не сопутствовало военное счастье, двинулся было на Пьяченцу, но ограничился лишь тем, что приказал разрушить мост через реку По. Правда, не повезло и Милану, в котором вспыхнул пожар, уничтоживший треть города и большую часть продовольственных складов.

В конце августа 1160 года Барбаросса собрал в Павии светскую и духовную знать Италии и потребовал от нее клятвенно пообещать, что к апрелю следующего года ему будут предоставлены рыцари, лучники и пращники в количестве, на

первых порах достаточном для обороны от миланцев. Для наступления же были необходимы немецкие войска, поэтому император обратился к германским князьям с призывом явиться весной 1161 года со своими отрядами в Италию, чтобы продолжить борьбу за утверждение здесь имперского господства. Постарался и канцлер Райнальд Дассельский, незадолго перед тем проводивший в Эрфурте собрание немецких магнатов и добившийся от них согласия на очередной итальянский поход. Новая армия должна была собраться на следующий год у Павии во второе воскресенье после Пасхи. В том же послании Фридрих постарался опровергнуть зловредные слухи, умышленно раздувавшие истинные масштабы его поражения при Каркано.

Зимой 1160/61 года император не предпринимал никаких военных действий в Северной Италии. Миланцы тоже не тревожили его. В мае Фридрих получил ожидавшееся подкрепление с родины. Прибыли с хорошо оснащенными рыцарскими отрядами и оруженосцами герцог Фридрих Швабский, архиепископ Кельнский Райнальд, ландграф Тюрингский Людвиг, пфальцграф Рейнский Конрад и многие другие. И лишь Генрих Лев не захотел помочь своему кузену при второй осаде Милана. Еще в конце января, раньше установленного срока, он прибыл ко двору императора, но без войска, дав понять Фридриху, что не следует рассчитывать на него. Видимо, Вельф сумел убедить Барбароссу, что в Германии его присутствие нужнее. Во всяком случае, Фридрих сохранил к нему благосклонность и даже назначил его своим вторым, после герцога Фридриха Швабского, преемником, на случай, если он сам погибнет на войне с миланцами.

Подчинение Милана, распространившего свое влияние на всю Ломбардию, диктовалось не одной только политической необходимостью. Эта борьба против могущественного союзника Александра III приобретала символическое значение, перерастая в решающую битву за императорскую идею вообще, за якобы угодное Богу верховенство светской власти императора над папством. В глазах Барбароссы, ни на йоту не отступавшего от провозглашенного им однажды принципа божественного происхождения своей власти, государственным изменником становился каждый, кто осмеливался противиться его повелениям, даже если при этом и ссылался на некие древние права. По этой причине он отверг возражения миланцев, утверждавших, что они не обязаны повиноваться императору, поскольку их город процветал, был богат и могуч еще за несколько столетий до того, как немцы впервые появились из-за Альп.

Милан вел свою историю с VI века до нашей эры. Во времена Древнего Рима благодаря своей знаменитой школе он прослыл «Новыми Афинами», а численностью населения, хозяйственным и политическим значением уступал только столице государства. Когда германские племена стали тревожить своими набегами империю, римский император Галлиен нанес поражение алеманнам, продвинувшимся до самого Милана или, как тогда он назывался, Медиолана, и сделал город своей резиденцией. Император Константин Великий подолгу оставался в Милане ради возможности беседовать со святым Амвросием, прославившимся своими чудесами. В те времена Милан был общепризнанным центром христианства, далеко обогнав в этом отношении Рим. Амвросий, проповедник, учитель и поэт одновременно, считался главой и реформатором церкви. Он первым ввел в богослужение пение гимнов, получивших по его имени название амвросианских. Ему приписывается и авторство знаменитого гимна «Te Deum laudamus» («Тебя, Господи, славим»), исполняемого по торжественным случаям в качестве благодарственной молитвы. Избрание папы считалось законным лишь после пения этого гимна. Когда в конце IV века Амвросий умер, миланцы признали его своим святым покровителем, полагаясь на его небесное заступничество во всех грядущих опасностях.

Спустя полтора столетия Милан пал жертвой остготов, разрушивших его стены и перебивших людей. Однако прошло совсем немного времени, и город, благодаря чудотворному заступничеству святого Амвросия, опять стал самым большим, сильным и богатым городом на севере Италии. Таким он и оставался на протяжении веков, несмотря на вторжения лангобардов, франков и рыцарских отрядов германских императоров. Около 1000 года благодарные миланцы построили над могилой своего святого покровителя базилику Святого Амвросия, по праву считающуюся шедевром раннероманского архитектурного стиля и по сей день радующую своей красотой взоры людей.

В капелле Святого Евстахия хранились ценнейшие реликвии христианского мира — мощи Трех Святых Царей (или, как их принято называть у нас, волхвов), привлекавшие верующих со всего света. Как гласила легенда, некий знатный миланец получил эти мощи в Византии в подарок, но с условием забрать их вместе с саркофагами, в коих они покоились. Коварные греки думали, что он не сумеет сдвинуть с места тяжелые саркофаги. Однако те стали легче пуха, когда благочестивый итальянец велел поднять их. Так мощи прибыли в его родной город.

Ежегодно миланцы отмечали праздник Трех Царей, разыгрывая аллегорическое представление. Три Царя появлялись верхом на конях в сопровождении большой свиты; перед ними несли золотую звезду. Так они двигались до колоннады Святого Лаврентия, где их поджидал царь Ирод в окружении книжников. Те, когда их спрашивали, где родился Иисус Христос, начинали листать книги и затем отвечали: «За пять миль от Иерусалима». Тогда процессия под предводительством золотой звезды, в сопровождении ряженых слуг, ослов и диковинных зверей, под звон литавр и звуки труб направлялась в капеллу Святого Евстахия. Здесь возле алтаря стояли ясли, а около них — бык и осел. В яслях лежал младенец Иисус. Волхвы приносили свои дары и погружались в сон. Наконец крылатый ангел будил их и сообщал, что они должны возвращаться на родину не через колоннаду Святого Лаврентия, дабы не попасть в руки Ироду, а через ворота Порта Романа.

Понятно, почему именно Милан, обладавший древними традициями, огромными богатствами и, как говорили, самыми прочными в мире стенами, упорнее, чем другие города, противился власти новых господ из Германии.

После того как прекратили сопротивление Тортона и Крема, наместникам Фридриха I удалось ликвидировать республиканские порядки почти во всех городах Ломбардии и подчинить их своей власти. Только Милан сохранял в прежнем виде свои городские свободы и самоуправление. Здесь давно уже были ликвидированы последние остатки существовавшего с лангобардских времен дворянского господства, и некогда повелевавшие простым народом феодалы поступили на службу города, получив в нем права гражданства. От их былых привилегий остались лишь воспоминания: эта знать в общественной и политической жизни представляла собой некую касту, сословие или, как еще называли ее, партию «капитанов». Но и два других городских сословия обладали по крайней мере не меньшими правами. Наиболее зажиточные горожане — купцы и разбогатевшие ремесленники, а также адвокаты, врачи и представители прочих ученых профессий — назывались «вальвассорами», очевидно, в память о прежнем вассалитете. Наконец, городские низы, «плебеи», тоже обладали всеми гражданскими правами и оказывали большое влияние на жизнь города. Из представителей этих трех сословий, никому не отдавая особого предпочтения, миланцы формировали свое правительство, а также ежегодно выбирали, как некогда в Древнем Риме, консулов, чтобы, как они говорили, «никто не мог строить из себя господина».

Немцам эти порядки были столь же непонятны, сколь и ненавистны. Но именно благодаря такому политическому устройству, при котором даже простые ремесленники могли достичь высокого положения, Милан стал велик и могуч. Немцы могли противопоставить этому только военную силу, и миланцы готовились к неизбежной схватке. Под руководством Гинтеллино, знаменитого мастера по сооружению мостов, прозванного миланским Архимедом, вокруг города был проведен гигантский ров, приближение к которому, а тем более преодоление которого затруднялись хорошо продуманной системой бастионов. На значительном удалении от города было построено около двух тысяч разнообразных полевых укреплений, крепостей и башен, препятствовавших наступлению неприятельской армии.

Хорошо обученное и великолепно вооруженное ополчение миланцев представляло собой сильное войско, пригодное как для обороны, так и для нападения, превосходившее любую другую итальянскую армию и способное потягаться с немцами. Формировавшееся по городским кварталам, это войско состояло из самостоятельных подразделений, включало в себя конницу, лучников и пехоту и находилось под единым командованием консула. У каждого городского квартала было собственное знамя, которое, когда ополчение шло на битву, помешалось на специальной знаменной телеге, называвшейся «кароччо»; его охранял отборный отряд. Эта «кароччо», обитая железом телега, на флагштоке которой крепился штандарт с изображением Святого Амвросия, благословлявшего своих миланцев, была святыней города, символом его свободы и достоинства.

Весь Милан был охвачен единым порывом, готовностью защищаться до последнего. Твердо веря в чудотворную помощь своего святого, каждый был преисполнен уверенности, что будет одержана блистательная победа в этой борьбе свободы против тирании. Горожане до такой степени не сомневались в благоприятном для них исходе дела, что смеялись над императором, будто бы поклявшимся снова надеть корону не раньше, чем будет повержен Милан. «Не потребуется больше корона Барбароссе!» — слышалось повсюду.

Однако, самым тщательным образом подготовившись к обороне, миланцы в одном допустили роковой просчет. Даже если городское ополчение было непобедимо, а сам город неприступен, его защитникам требовалось сохранить посевы и уберечь урожай от немцев — ведь от этого зависело обеспечение города продовольствием. Здесь было слабое место обороны, которым император незамедлительно воспользовался.

Его план военной кампании основывался на том, чтобы взять

город измором. Опыт покорения Кремы предостерег его от попытки штурмовать Милан, так что даже не проводились необходимые для этого приготовления. Барбаросса ограничился лишь тем, что велел вытоптать посевы и вырубить виноградники и масличные рощи по всей округе в радиусе четырех миль. Жители Лоди, Кремоны и Павии, давние смертельные враги Милана, охотно взялись выполнить это задание; немецкие же рыцари без труда отбивали время от времени предпринимавшиеся миланцами вылазки. В паническом ужасе сельское население бежало в город, ища спасения за его стенами. Благодаря этому численность его защитников возрастала, но соответственно обострялись и трудности с продовольствием, на чем император и строил свои расчеты. Упорно оборонявшие свой город миланцы, лишенные возможности получать продовольствие извне, были обречены на голод.

Однажды по чьей-то оплошности или в результате предательства в городе сгорел самый большой продовольственный склад. Вскоре стали ощущаться первые трудности со снабжением. Консулы, дабы не допустить голода, со всей решимостью занялись конфискацией у торговцев хлеба и мяса, но тем самым достигли обратного результата. Охваченные паникой миланцы принялись запасаться продовольствием, и цены резко подскочили. Гордая самоуверенность сменилась паническим страхом. Намеренно сгущая краски, дабы усилить впечатление от рассказа, хронисты писали, что в то время в Милане «муж бросался на жену, брат на брата, отец на сына, лишь только заподозрив, что тот прячет хлеб». Отваживавшиеся искать на опустошенных полях съестное неизбежно попадали в руки внезапно возникавшей из засады стражи и, жестоко покалеченные ею, загонялись обратно в город. Однажды пятерых захваченных врасплох представителей благородного сословия «капитанов» ослепили, а шестому, отрезав нос и уши, оставили один глаз лишь для того, чтобы он мог отвести окровавленных сотоварищей обратно в город.

Пока таким способом укрощали строптивых миланцев, сам Фридрих успел побывать в Лоди на синоде, созванном Виктором IV. Сразу же по окончании синода, когда голод и страх уже сделали свое дело, император подошел с войском к Милану. Предварительно в отношении гарнизона одной из дружественных миланцам крепостей близ Пьяченцы была проведена показательная экзекуция. Более ста человек подверглось жестокому изувечению. Барбаросса не брезговал ничем, дабы запугать противника и тем самым скорее завершить его покорение и восстановление имперской власти в Италии. На

расстоянии полета стрелы от стен Милан был оцеплен, а перед каждыми воротами сооружен укрепленный лагерь. Пришло время миланцам осознать бесполезность дальнейшего сопротивления и покориться.

Барбаросса понимал, что и сам недолго продержится в опустошенной местности. Ему известно было и настроение в совете князей, более склонных к заключению приемлемого для обеих сторон мира, нежели к продолжению осады до безоговорочной капитуляции Милана, как того требовал канцлер Райнальд.

Тем временем в осажденном городе проходили бурные собрания. Консулам, призывавшим стойко выдерживать осаду, уже грозили физической расправой. У людей, изможденных голодом и страхом, не видевших впереди ни малейшего проблеска надежды, больше не оставалось сил для сопротивления. Так под нажимом народного мнения консулы были вынуждены согласиться на переговоры, предложив Барбароссе ежегодную дань и единовременный штраф в размере 10 000 марок серебра, а также 300 заложников. При этом они не решились на прямой контакт с императором и его канцлером, но предпочли тайно обратиться к сводному брату Фридриха, пфальцграфу Рейнскому, который вместе со своими единомышленниками, герцогом Чехии и ландграфом Тюрингии, был непримиримым противником Райнальда Дассельского.

Эти три имперских князя были рады представившейся возможности уже в ближайшее время прекратить надоевшую всем войну, а заодно, если повезет, свергнуть ненавистного Райнальда. Они пригласили консулов для секретных переговоров в свой лагерь, предоставив им гарантии безопасности и возможность свободного прохода. Но при этом они недооценили Райнальда, от внимания которого ничего не ускользало. Поэтому и вышло так, что консулы не достигли своей цели, будучи задержаны патрулем из кельнских рыцарей. Миланцы были достаточно осмотрительны, чтобы не отправиться на столь опасное дело без достаточного прикрытия. Следовавшая за ними вооруженная охрана тут же вмешалась, и началась ожесточенная схватка. Кельнские рыцари были гораздо менее многочисленны, чем их противники, и бой мог плохо кончиться для них.

Шум сражения поднял на ноги весь лагерь. Весьма раздосадованные пфальцграф и его товарищи отказались прийти на помощь кельнцам, сорвавшим все их планы и поставившим под вопрос их честь и достоинство. Однако Барбаросса в этот момент величайшей опасности, не раздумывая долго, кто прав, а кто виноват, сам устремился в бой. Поскольку и миланцы

воспользовались этим случаем для боевой вылазки, произошла настоящая битва, единственная во всю военную кампанию. Противники долго сражались с переменным успехом, пока императору не удалось нанести мощный удар с фланга, после чего миланцы ретировались.

Теперь пришел черед Райнальду держать обвинительную речь. Мало того что его рыцари, да и все войско, из-за тайного сговора трех князей подверглись величайшей угрозе, негодовал он, — так эти три господина за спиной императора и эрцканцлера вступили в заговор с врагами Империи! Контраргументы противной стороны, что Райнальд, мол, нанес ей оскорбление, проигнорировав данные князьями гарантии, оказались малоубедительными. Райнальду было легко опровергнуть их: как мог он знать о предоставленных миланцам гарантиях, если его ни о чем предварительно не уведомили? Его рыцари с честью выполнили свой долг и заслуживают высшей похвалы.

Барбаросса всецело был на стороне своего канцлера, и совет князей в очередной раз убедился в неуязвимости Райнальда. Тем самым рассеялась и надежда многих на окончание войны еще до наступления зимы, что позволило бы рыцарям вернуться домой. Вместо этого император приказал войску разместиться на зимних квартирах, выбранных с таким расчетом, чтобы перекрыть все пути, ведущие в Милан. Памятуя, что миланцы уже давали обещания и не выполнили их, было решено не идти с ними на новые сделки. Все мосты через Адду и По, все дороги и проселочные пути были заняты немцами по тщательно продуманному плану. Под угрозой жесточайших телесных наказаний император запретил обитателям близлежащих мест подвозить осажденным продовольствие. Когда жители Пьяченцы все же осмелились сделать это, в один день 25 из них лишились правой руки.

Отчаявшиеся миланцы еще раз предприняли попытку прорвать блокаду. Пятьсот их наиболее отчаянных всадников пробились к Лоди, однако там их уже поджидал императорский отряд, в короткой схватке нанесший им сокрушительное поражение. Больше миланцы не пробовали силой разорвать опутавшие их цепи. Спустя некоторое время, в начале 1162 года, их парламентеры появились в штаб-квартире императора.

Их положение на переговорах было безнадежным, поскольку Райнальд сразу же заявил, что обсуждать нечего. Им остается лишь безоговорочно капитулировать, сдаться на милость императора. И все же собравшийся вслед за тем совет князей соизволил выслушать парламентеров, тем более что предложения миланцев немногим отличались от условий безоговорочной

капитуляции. Они соглашались засыпать ров и во многих местах снести городскую стену, а также выплатить огромную контрибуцию и принять к себе императорского наместника. Это означало конец независимости Милана, но по крайней мере оставалась надежда, что удастся уберечь город от разрушения. В конце концов, его положение было бы не хуже, чем положение прочих городов Ломбардии, признавших над собой верховенство императора.

Барбаросса долго не мог принять решение. Князья советовали заключить мир на основе предложений миланцев, но непреклонный Райнальд настаивал на еще более жестких условиях безоговорочной капитуляции. Вскоре императору стало ясно, что измученные долгой осадой и изголодавшиеся миланцы, к тому же пребывавшие в состоянии анархии, не желая выполнять распоряжения властей, не сдержат свое обещание, и это очередное нарушение клятвы даст ему моральное право полностью разрушить Милан. Учитывая это, Фридрих одобрил более мягкий вариант договора.

Но и Райнальд сразу же принял свои меры. Он находил все новые предлоги для отсрочки вступления договора в силу. Канцлер велел своим парламентерам торговаться из-за каждой мелочи, использовать формальные придирки и объективные затруднения, чтобы как можно дольше затягивать получение городом того, в чем он более всего нуждался, — продовольствия. Для Райнальда было важно не достижение сиюминутного успеха, а окончательное и полное уничтожение Милана, который, если позволить ему сохранить хотя бы часть былого величия, рано или поздно опять окрепнет настолько, что сбросит с себя германское иго.

Его расчеты вскоре оправдались. Близкие к голодной смерти миланцы более не могли терпеть тактических проволочек императорской канцелярии. Народ взбунтовался. Партия «плебеев», которой нечего было терять, возглавила восстание. Однако и это последнее сопротивление было сломлено, и вместе с ним рассеялась иллюзорная надежда консулов спасти хотя бы имущество, а по возможности, и жизни горожан. Все миротворческие усилия оказались напрасными, и грянула беда. Участь миланцев оказалась в руках императора и его канцлера Райнальда, про которого говорили, что по его мановению решалась судьба любого плана или дела.

6 марта 1162 года свершилось неизбежное. Вслед за своими консулами, рыцарями и духовенством миланцы, босые, **с** привязанными к шеям обнаженными мечами, со своей «кароччо» выступили длинной процессией в горестный путь в Лоди на

поклон к императору.

Даже сами победители не сдержали волнения при виде этого печального зрелища, представшего их взорам в королевской резиденции. Традиционная церемония должна была засвидетельствовать сдачу побежденных на милость того, в чьих руках теперь было решение их дальнейшей участи. Сломленные миланцы пали на колени, держа перед собой деревянные кресты. Старшины городских кварталов вышли вперед, склоняя перед императором свои повинные головы и по очереди слагая к его ногам знамена. Наконец подкатили знаменную телегу и наклонили укрепленный на ней флагшток таким образом, чтобы знамя легло прямо в руки императора, который сорвал его, а затем пренебрежительно отвернулся. После этого Фридрих, неподвижный, словно изваяние, долго молча смотрел на валявшихся у его ног людей, моливших о пощаде. Потом он дал сигнал эрцканцлеру, вышедшему вперед и зачитавшему документ, в котором оговаривались условия капитуляции. Выслушав, миланцы безропотно, стоя на коленях и рыдая, присягнули новому господину. Церемония, знаменовавшая собой триумф одних и унижение других, закончилась. Император поднялся и, выдержав паузу, отрывисто заявил, что ему угодно еще подумать, явить ли свою милость побежденным. На следующий день все должны собраться, дабы выслушать приговор.

Назавтра прозвучал вердикт: хотя все миланцы как государственные изменники заслуживают смерти, им все же дарується жизнь. При этом наиболее влиятельные люди города, консулы, рыцари, знатоки права, общим числом до четырехсот уважаемых миланцев, впредь должны были оставаться в качестве заложников под надзором у императора. В городских стенах надлежало сделать с четырех сторон проломы такой ширины, чтобы беспрепятственно могло войти войско. Окончательное решение о городе как таковом предполагалось принять позже.

Миланцы в точности выполнили все, что было им предписано. Ничто не предвещало новой беды, как вдруг пришел приказ, согласно которому население должно было покинуть город и под командой императорских чиновников расселиться по четырем различным местам, превратившись из свободного городского сословия в зависимых сельских жителей. Каждому разрешалось захватить с собой только то, что он мог унести. Впрочем, миланцы сами создали прецедент столь жестокого наказания, когда в 1111 году разослали по шести деревням жителей покоренного ими Лоди.

Последние надежды граждан Милана на то, чтобы ценой своей свободы по крайней мере уберечь родной город от

разрушения, улетучились. Спустя три недели после капитуляции, 26 марта 1162 года, униженный народ покинул свою родину, идя навстречу неведомой судьбе, не сулившей ничего иного, кроме сурового рабства. Говорили, что сам Барбаросса будто бы не хотел подвергать миланцев столь страшной каре, что его склонили к принятию такого решения канцлер Райнальд и действовавшие заодно с ним исконные враги Милана — жители Кремоны, Павии, Комо, Новарры и Лоди. Военные отряды этих городов спустя несколько часов после того, как Милан опустел, ворвались в обезлюдевший город, отданный им на разграбление.

Вскоре древний Милан запылал, словно костер, выбрасывая в весеннее небо языки пламени. Огнем полыхало все, что могло гореть. С треском и грохотом рушились каменные дома, построенные на века. Поскольку этой участи не могли избежать и церкви, Фридрих заблаговременно распорядился вынести из них реликвии, и первым делом мощи «Трех Царей».

В Вербное воскресенье, 1 апреля 1162 года, уничтожение Милана закончилось. В церкви Святого Амвросия, единственном уцелевшем храме, победители немцы и их итальянские союзники устроили молебен, дабы благодарить Господа, благословившего их оружие и даровавшего им победу. А на центральной рыночной площади города тем временем провели плугом борозду и посыпали ее солью в знак того, что сему месту вечно быть пусту.

Когда император через неделю праздновал в Павии Пасху и свою победу над Миланом, на нем, впервые за последние три года, опять была корона. На празднество собралось множество духовных и светских князей со всей Империи, в присутствии которых Барбаросса велел объявить, что теперь он «направит свое войско и своего победоносного орла на свершение новых подвигов и полное возрождение Империи». Покорение Милана отбило охоту у других враждебных Фридриху городов продолжать сопротивление. Даже Брешия и Пьяченца покорились, обещая платить дань и разрушить свои укрепления, а также принять к себе назначенного императором подеста и впредь оказывать своему верховному повелителю помощь в его военных походах. Дружественным же городам — Кремоне, Лоди и Павии — Барбаросса пожаловал право свободного избрания своих консулов.

МАЛЫЕ КОРОЛИ ПРОВИНЦИЙ

В то время когда в Павии шумно праздновали победу, когда императорские грамоты стали датироваться «со дня разрушения Милана», а о Фридрихе уже заговорили, что он хочет «распространить блеск и славу Римской империи за моря», Александр III высадился на французский берег неподалеку от Монпелье. Еще в сентябре, когда ожидалось падение Милана, он покинул Рим, чтобы последовать приглашению в Пизу. Но по прибытии в Ливорно ему передали просьбу пизанских консулов, не задерживаясь, продолжать путешествие, поскольку они не хотели бы сердить императора. Лишь в Генуе папа был принят с подобающим его сану почтением, вопреки воле Барбароссы. В преданном ему городе Александр III пробыл до весны 1162 года и, когда свершилась судьба Милана, предпринял последнюю попытку добиться почетного мира с императором. Он писал Эберхарду Зальцбургскому, бывшему тогда при дворе Фридриха: «Величайшее счастье, какое нам может быть даровано на земле, самое заветное желание, переполняющее нас, состоит в том, чтобы иметь милостью Божией возможность любить и глубоко почитать столь великого и могущественного государя, как император. Поэтому мы твердо решили забыть все, что он нам сделал, если он вернется в лоно святой церкви!»

Эберхард испробовал все, чтобы склонить Фридриха к примирению с Александром III и тем самым восстановить единство западного христианства. Однако тот заявил, что будет соблюдать принятые в Павии решения, хотя и не прочь созвать «на развалинах Милана» новый собор. Собор был созван, но — в который уже раз — свершилось то, что должно было свершиться: при одном голосе против, поданном Эберхардом Зальцбургским, Виктор IV опять был назван единственным законным папой, а Александра III снова предали анафеме.

Для Александра более не было места ни в Риме, ни в Италии вообще. Вскоре ему довелось убедиться, что и король Людовик VII не столь уж надежен, как хотелось бы. Когда папа-изгнанник в день Вознесения Христова, отслужив мессу в Монпелье, еще раз предал анафеме императора и его сторонников, французские епископы и графы, да и сам брат Людовика, архиепископ Реймсский, ликовали. Однако по всему было видно, что при дворе решающим влиянием пользовались теперь прекрасная королева и ее брат граф Генрих де Труа — родственники Виктора IV. Они требовали от короля, чтобы тот окончательно порвал с Александром, приобретя тем самым бесценную дружбу

могущественного императора, напоминали, сколь опасно сердить Барбароссу, тем более когда вассально-ленные отношения в пограничных областях Бургундии остались не проясненными до конца. Красноречивый Генрих де Труа, сохранявший добрые отношения с Райнальдом Дассельским, был усерден в своем стремлении уладить возникшие осложнения. Хорошую поддержку он получил, когда от германского эрцканцлера пришло послание к французскому канцлеру, епископу Суассонскому Гуго, в коем прямо говорилось, что могут возникнуть непреодолимые затруднения во взаимоотношениях между римским императором и французским королем, если тот и впредь будет предоставлять убежище еретику Роланду и его кардиналам, которые к тому же надеются собрать во Франции деньги для оплаты своих долгов.

Людовика терзали мучительные сомнения. Религиозные убеждения влекли его к Александру, которого он недвусмысленно признал папой. Эта внутренняя тяга еще больше подкреплялась опасением, что переход на сторону Виктора IV может послужить причиной острейшего конфликта с французским клиром. Но, с другой стороны, он ни в коем случае не хотел ссориться с Фридрихом и видел свое спасение в том, чтобы как можно дольше тянуть с принятием окончательного решения.

И он тянул. Когда пришло сообщение о прибытии в его страну Александра III, он весьма обрадовался, не подав при этом и виду. Когда же его прямо спросили, берет ли он под свою королевскую защиту святого отца, он ответил, что скоро напишет об этом. В июне, наконец, в Монпелье пришло долгожданное письмо папе. Однако в нем не было ничего кроме просьбы поддержать королевское постановление по одному из спорных вопросов монастырской жизни. Спустя некоторое время прибыл королевский порученец, сообщивший папе, что Людовик еще не пришел к окончательному решению, однако хотел бы уже сейчас пообещать, что возьмет его под свою защиту. В ответ на это Александр прямо заявил королю, что тот обязан внести ясность в его положение. И тогда Людовик сделал самое разумное, что только можно было предпринять. Он направил к папе аббата Сен-Жерменского монастыря, своего доверенного человека, чтобы тот объяснил ему, в каком положении находится сам король. Однако Александр, увидев, что оправдались худшие предположения, не пожелал с пониманием отнестись к его трудностям. Между ним и королевским посланником начался столь оживленный обмен мнениями, что престарелый аббат от пережитых волнений спустя несколько дней умер.

Между тем при французском дворе крепло убеждение, что Людовик VII принял решение не поддерживать Александра. Папа

начинал оценивать собственное положение как угрожающее. Узнав, что Людовик будто бы обязался совместно с императором созвать церковный собор, на котором обязаны присутствовать оба папы, Александр не смог усидеть в Монпелье. Не дожидаясь ответа на свое срочное послание к Людовику, в коем он просил назначить ему место и время аудиенции, папа выехал навстречу королю. По дороге ему сообщили, что Людовик во исполнение какого-то таинственного соглашения с императором направляется на бургундско-германскую границу. Архиепископ Реймсский посоветовал Александру ждать короля в Клермоне, куда тот должен был прибыть. Однако Людовик неожиданно изменил свой маршрут, и папа понапрасну прождал его два дня, после чего, позабыв о своем апостолическом достоинстве, мучимый тревожными предчувствиями, бросился на поиски короля. Наконец он застал его, удивленного неожиданной встречей, в одном из цистерцианских монастырей близ Клюни.

То, что Александр услышал из уст самого короля, послужило для него сигналом большой беды. Он узнал, что граф Генрих де Труа за последние месяцы неоднократно приезжал в Павию, дабы в личных беседах с императором и его канцлером объяснить, как лучше всего склонить Людовика VII к признанию папы Виктора IV. Правда, его предложения на первых порах казались немцам чистой фантазией, ради которой не стоило отвлекаться от решения более важных и насущных проблем. Конечно, этот любезный господин еще может оказать полезные услуги, рассуждали они, однако в данный момент его оптимизм не внушал доверия. После, как они говорили, «бегства Роланда» отпала необходимость в предполагавшемся ранее походе в Рим (какой смысл было в четвертый раз повторять принятые в Павии решения?), так что Фридрих всю свою энергию употребил на упрочение собственной власти в Северной Италии. Вместе с тем, в результате кровавых восстаний сицилийских баронов против тиранического правления их короля Вильгельма I, прозванного Злым, появилась замечательная возможность наконец-то осуществить отложенное семь лет назад завоевание Сицилийского королевства. И Фридрих начал готовиться к войне.

При его дворе развернулась небывалая активность. Помимо приема делегаций ломбардских городов, которые теперь все без исключения присягнули ему на верность, император был полностью поглощен начавшимися переговорами с Пизой. Целью было добиться от нее признания императорского верховенства и, что еще важнее, предоставления большого флота для ведения войны против Сицилии. При этом не хотели отказываться и от содействия Генуи. Надлежало решить почти неразрешимую

задачу: обе эти морские торговые державы враждовали друг с другом — следовательно, надо было их мирить. Генуя к тому же продолжала выказывать свою неприязнь к императору. Фридрих, не без участия своих советников, нашел хитроумное решение, пообещав пизанцам поддержку в их намечавшейся войне против Генуи и огромные торговые привилегии на Сицилии, которую предполагалось завоевать с их помощью. Узнав об этом, генуэзцы сочли за благо позабыть о своей враждебности к покорителю Милана и поспешили направить посольство в Павию. В результате трудных переговоров дипломатам Райнальда наконец удалось примирить оба города, после чего и Генуе были обещаны значительные привилегии в Сицилийском королевстве.

Граф де Труа, на глазах у которого свершались эти государственные дела, находился под глубоким впечатлением. Увиденное подействовало на знатного француза столь сильно, что он дал понять императору о своем намерении стать его ленником со всеми бургундскими владениями и, соответственно, отказаться от сюзеренитета Людовика VII, если тот будет упорствовать в своем непризнании папы Виктора IV. Фридрих решил, что это могло бы стать неплохим средством давления на французского короля. Любезному графу он ответил, что будет вести с ним переговоры о признании Францией «императорского папы» лишь после того, как тот предоставит ему письменные полномочия от Людовика VII на заключение от имени Французского королевства соглашений, обязательных для исполнения обеими сторонами. Генрих де Труа пообещал сделать все зависящее от него и отбыл. При императорском дворе не надеялись на его скорое возвращение.

Тем временем Пиза и Генуя закончили снаряжение своих флотов. Военные отряды ломбардских городов ждали мобилизационных предписаний для отправки на войну против Сицилии. Были отданы распоряжения собирать рыцарские ополчения в Германии. Все пребывали в уверенности, что император, посетивший Равенну, двинется оттуда прямиком в южном направлении. Но вместо этого Фридрих, вопреки всем ожиданиям, опять появился в Павии, куда прибыл граф де Труа с полномочиями на ведение официальных переговоров.

Людовик VII был сыт по горло мучительной неопределенностью своего положения, однако по-прежнему не мог ни на что решиться. И тут как нельзя более кстати явился со своим предложением шурин. Король, которому не хотелось даже думать об этом надоевшем деле, с готовностью согласился предоставить графу де Труа письменные полномочия, необходимые для ведения с Фридрихом переговоров о созыве

церковного собора, куда должны были явиться оба папы для окончательного решения своей участи. Граф, словно еще не веря удаче, предупредил короля, что, если тот не сдержит слово, он перейдет со всеми своими бургундскими владениями под сюзеренитет императора. Людовик на все ответил согласием и отправился со своей веселой королевой на охоту.

Французу был оказан в Павии триумфальный прием. Ни Фридрих, ни Райнальд не ожидали столь быстрого успеха. Тем важнее было как можно полнее воспользоваться им. Не о чем было долго совещаться — надлежало, не теряя попусту времени, заключить государственный договор, который бы обеспечил признание Виктора единственным законным папой. Предполагалось, что Людовик, потребовавший, чтобы на собор явились оба папы, возьмет на себя обязательство прибыть вместе с Александром. Поскольку же весьма вероятен был отказ Александра почтить собор своим присутствием (ведь он не признавал какого бы то ни было суда над собой и, более того, не считал возможным общение с преданными анафеме немцами), в договор вписали особое условие, что будет считаться проигранным дело того папы, который откажется от явки. Затем уже оба государя, Фридрих I и Людовик VII, должны будут неукоснительно исполнять решения этого церковного собора.

Проведение собора намечалось в Сен-Жан-де-Лоне, на границе двух королевств, на равном удалении от Дижона на французской и Доля на германо-бургундской земле. Но еще до этого обоим правителям предстояло встретиться на нейтральной территории — на мосту через реку Сону. Здесь, лично поприветствовав друг друга, они, в присутствии обоих пап и своего ближайшего окружения, должны будут клятвенно подтвердить собственное намерение соблюдать договор. Принятие окончательного решения доверялось представителям немецкого, французского и итальянского клира, так что большинство в две трети императору было гарантировано, поскольку итальянская церковь уже находилась под его строгим контролем.

Граф де Труа покинул Павию с письмом от императора Фридриха I к Людовику VII, в коем выражалась уверенность, что, наконец-то, близок долгожданный день, когда будет положен предел и братскому раздору между французами и немцами, и церковному расколу. Райнальд Дассельский также направил послание к французскому канцлеру Гуго, епископу Суассонскому. Признание папы Виктора IV Францией должно было вот-вот состояться, а вместе с ним близилось и торжество политики императора, еще более впечатляющее, чем триумфальное

завоевание Милана.

Однако Людовик VII, узнав о достигнутых соглашениях, был вне себя от ярости. Он не давал таких полномочий графу де Труа! Никто на заставит его выполнять договор, заключенный без его ведома и даже вопреки его воле! Король бушевал, выплескивая приливы гнева и вновь обретая способность рассуждать здраво: им самим же данные Генриху де Труа полномочия были достаточно определенны и широки, так что теперь он был связан заключенными соглашениями. Но даже если бы он и не захотел их соблюдать, отступать все равно уже было поздно, поскольку император успел разослать приглашения всем королям участвовать в столь знаменательном событии, венчавшем собой преодоление церковного раскола. Что будет, если все сорвется по вине короля Франции? Не пострадает ли его репутация «христианнейшего государя»? Подготовка к собору уже шла полным ходом и не заключалась в одной только рассылке приглашений. Рассказывали, что в Доле собирается множество строителей, готовых приступить к возведению в той малолюдной и неприветливой местности огромных палат для проведения столь важного собрания. Ходили также слухи, что имперские князья и вассалы императора, короли Венгрии и Дании, прибудут на собор со своими дружинами — всё имперское войско выступит в поход. Пусть французский король теперь посмеет нарушить подписанный от его имени договор!

Итак, во что бы то ни стало Людовик должен был явиться к условленному сроку 29 августа на встречу на мосту через Сону, и притом в сопровождении папы Александра III.

В течение двух дней Людовик изо всех своих сил старался уговорить папу, но тот оставался непреклонным, не идя ни на малейшие уступки. И напоминание о том, что был же он представлен на соборе в Тулузе двумя легатами, что равносильно его личному присутствию, не произвело ни малейшего впечатления на Александра, отчетливо сознававшего, куда клонится дело. Король стал упрашивать папу следовать за собой хотя бы на некотором удалении, чтобы с моста его можно было по крайней мере увидеть: так он сумеет избежать встречи с преданными анафеме немцами, но договор тем не менее будет выполнен. Когда в ответ на это Александр возразил, что не хотел бы рисковать своей жизнью, Людовик лично поручился за его безопасность, но и это не помогло. Александр упорно отказывался ехать, выражая готовность лишь направить от себя нескольких кардиналов, которые при необходимости могли бы ответить на интересующие собор вопросы. Так, ничего не добившись, король с тяжелым сердцем отправился в Дижон.

Тем временем Фридрих Барбаросса завершал свое четырехлетнее пребывание на Апеннинах. За эти годы многое изменилось в Италии, как того хотелось императору. Собираясь теперь покинуть страну, он созвал в Турине назначенных им подеста, чтобы дать им указания, как надо действовать во время его отсутствия. Поход против Сицилии не отменялся, а лишь на время откладывался, так что он распорядился проводить необходимые для этого приготовления. Распрощавшись — как ему казалось, ненадолго — со своими итальянскими подданными, 21 августа 1162 года Фридрих отбыл с небольшой свитой из Турина в Бургундию. Благополучно преодолев Альпы, он своевременно прибыл в Доль.

После соглашения о встрече правителей Франции и Германии, папа и император принялись агитировать в своих интересах: Фридрих — за участие как можно большего числа князей, Александр же — против этой встречи вообще. Он пытался сорвать ее, убеждая французского короля как в личных беседах, так и в письмах, а также через канцлера Франции, епископа Суассонского Гуго, отказаться от нее, пророча множество бед не только церкви и ее главе, но также королю и его стране, если, не приведи Господи, намеченная встреча состоится. Сам Александр наотрез отказался участвовать во встрече монархов, приводя в оправдание все тот же довод: глава святой римской церкви неподсуден мирскому суду. Со своей стороны, Барбаросса в посланиях духовным и светским князьям Империи уверял, что король Людовик на съезде знати двух королевств признает Виктора единственным, законным папой. К своим наиболее доверенным князьям император обратился также с просьбой привести с собой вассалов в полном снаряжении, поскольку требовалось принять меры предосторожности. При этом Фридрих имел в виду военные приготовления Людовика перед их несостоявшейся встречей в 1157 году. Обращение к князьям с подобного рода просьбой не укрылось от другой стороны, повергнув французов в замешательство: мало того что император пытается грубейшим образом предопределить результаты встречи, так он еще создает угрозу для партнеров. Понятно, что военные приготовления Барбароссы заставили и французского короля принять свои меры.

Прибыв 29 августа 1162 года к месту встречи, французы с тревогой смотрели на раскинувшийся на противоположном берегу Соны палаточный лагерь немцев. В любой момент княжеские дружины готовы были вторгнуться на французскую территорию, начав безнадежную для Франции войну. Отсутствие Александра могло спровоцировать столкновение.

По правилам церемониала, на мосту сначала должны были встретиться посланцы с обеих сторон, дабы возвестить друг другу о прибытии своих суверенов. Лишь затем оба правителя в сопровождении пап и собственных приближенных должны были выйти навстречу друг другу, обняться и принести взаимную клятву о соблюдении договора. Поэтому, когда настал долгожданный день, Фридрих вместе с папой Виктором IV стоял в ожидании встречи, тогда как Райнальд отправился на мост для обмена церемониальными любезностями с французами. Людовик, с утра выехавший из Дижона в охотничьем наряде, отнюдь не предназначенном для официальных торжественных встреч, скрывался в леске неподалеку от моста. Оттуда он и послал к немцам архиепископа Турского, епископа Парижского и аббата монастыря Везелэ.

Неприятнейшим сюрпризом для Райнальда и находившегося при нем графа де Труа явилось известие о том, что король Франции не смог прибыть, поскольку лишь вчера ознакомился с текстом договора, а так как решение столь большой важности нельзя принимать в спешке, он просит об отсрочке на три недели. Райнальд отклонил просьбу, заявив, что король обязан явиться на встречу, точно так же, как император готов это сделать. С этим ответом французские парламентеры и возвратились к Людовику, с тревогой на душе отправившемуся обратно в Дижон. Договор, вне всякого сомнения, был нарушен. Тем временем Генрих де Труа изо всех сил старался успокоить императора и уговорить его на трехнедельную отсрочку. Райнальд был решительно против, требуя взяться за оружие, однако князья, менее всего готовые к непредвиденной войне, настоятельно рекомендовали мирное решение. Как-никак их приглашали на церковный собор и рейхстаг, а не в военный поход. Они не испытывали ни малейшего желания положить свои жизни ради исполнения честолюбивых замыслов Райнальда.

Фридрих был вынужден принять предложения французов и перенести встречу с королем на 19 сентября, потребовав при этом, чтобы Людовик в порядке гарантии участия в перенесенной на новый срок встрече дал заложников. Королю напомнили также, что он собственной персоной отвечает за явку Александра и обязан безоговорочно принять решения собора. Если же он опять не сдержит свое слово, то должен будет явиться к императору в качестве пленника! Этот ультиматум был предъявлен Людовику на следующее утро Генрихом де Труа. Понимая, что из-за нарушения договора на карту поставлена его честь, и исполненный худшими опасениями в связи с угрозой войны, король совсем потерял голову и в смятении поставил под

ультиматумом свою подпись. Этим поступком он привел в полное замешательство собственное окружение и особенно папских кардиналов.

Александр тоже пал духом. Целыми днями он совещался со своими кардиналами. Если подчиниться и предстать перед собором, как того требовал король, то его наверняка низложат; если же отказаться, то неизбежно начнется война, поскольку Людовик едва ли согласится стать пленником императора. В этом случае для Александра тем более не оставалось надежды. И все же удалось выиграть три недели! За это время должно решиться, можно ли склонить короля Англии Генриха II не только к миру с Францией, но и к союзу с ней. Это был единственный выход.

Генрих II, уже давно обосновавшийся со своим войском во Франции и сильно опасавшийся, как бы дело не дошло до заключения германо-французского союза, весьма любезно принял легатов Александра. Они обрисовали положение самыми черными красками: Французскому королевству угрожает германское порабощение, что предвещает и скорый конец английским владениям на континенте; впрочем, если бы Генрих II в этот судьбоносный час стал на сторону Людовика VII, неутомимого борца за свободу церкви, то немецкому варвару, вознамерившемуся поработить весь мир, пришлось бы отступить, и это благое дело, подобное крестовому походу, было бы угодно Богу.

Как всегда бывало в роковую минуту, Генрих II показал себя решительным и смелым политиком. Даже не исключая возможность того, что император Фридрих I Барбаросса отважится вступить в борьбу против Англии и Франции одновременно, он все же сделал выбор в пользу своего вчерашнего врага, короля Людовика, вассалом которого, по крайней мере формально, все еще признавал себя. Он направил к нему посольство, которое должно было не только мирно уладить старые разногласия, но и обещать поддержку всего английского войска. Это значило, что Александр III в последнюю минуту был не только спасен, но и мог торжествовать.

Тем временем у собравшихся в Доле немцев портилось настроение. Никто не мог и представить себе, как выдержать еще целые три недели в этой унылой и бедной местности. Цены на продовольствие, за которым приходилось ездить все дальше и дальше, росли день ото дня. Император, поверивший в соблюдение французами договора, рассчитывал на скорое открытие и быстрое завершение церковного собора. Теперь же дело принимало совсем иной оборот: стало известно, что Александр прилагает усилия, дабы примирить королей Англии и

Франции. Если эти старания увенчаются успехом, чего Фридрих не исключал, то намеченная на 19 сентября встреча превратится в фарс. Конечно же, Людовик прибудет на злополучный мост без Александра, если прибудет вообще. Смешно было бы надеяться, что король Франции добровольно последует в плен к императору. Фридриху в этом случае оставалось лишь исполнить свои угрозы — то есть объявить войну, но, учитывая намечавшийся англо-французский союз и вялое настроение имперских князей, это была крайне опасная авантюра. Не лучше выглядел и иной выход: ограничившись резким протестом, отправиться восвояси.

Надо было срочно что-то предпринимать хотя бы ради имперских князей, разочарованных и уже собиравшихся разъезжаться по домам. А прибыло не менее пятидесяти епископов со всей Империи и почти все светские князья, включая Генриха Льва и Фридриха Швабского. (Не явился только Бертольд Церинген, окончательно убедившийся, что император и не помышляет о выполнении данных ему накануне коронации обещаний.) Присутствовал и король Дании Вальдемар, который, согласно уговору, должен был получить в лен из рук Фридриха датскую корону. Это был человек богатырского телосложения, рядом с которым император выглядел мальчиком-подростком.

Фридрих решил провести рейхстаг и синод одновременно, не дожидаясь прибытия Людовика к условленному месту. Поскольку никто уже и не надеялся увидеть Александра, было объявлено, что собравшиеся правомочны принимать решения и в отсутствие противной стороны.

Аргументы Виктора, повторенные уже в четвертый раз, естественно, не вызывали интереса. Присутствующим клирикам важнее было узнать о планах церковной реформы: предполагалось, установив разумную подать в пользу Святого престола, положить предел ненавистному стяжательству папских легатов. Было бы желательно также предоставить известную свободу церквам в отдельных странах, а к компетенции папского суда отнести случаи, которые впредь будут устанавливать сами архиепископы. Практически это означало бы, что Святой престол ограничится лишь исполнением обязанностей по спасению душ христиан. Виктора, обещавшего провести долгожданную реформу, участники синода вознаградили рукоплесканием и еще раз признали законным папой.

Но еще важнее было то, что теперь и сам император взял слово, дабы оправдать свою политику. Он сказал, что хотел дать всем королям Запада возможность внести свой вклад в устранение церковного раскола, а потому и созвал по согласованию с правителем Франции это собрание. Однако

явились лишь короли Дании и Венгрии, а значит «короли провинций» упустили данную им возможность поучаствовать в решении судеб христианского мира. Итак, право решать теперь принадлежит исключительно императору Священной Римской империи.

Затем он дал слово Райнальду, дабы тот зачитал программное заявление, которое было произнесено на немецком, французском и латинском языках. Едва ли, говорилось в нем, «малые короли провинций», то есть короли Англии и Франции (обидное выражение «короли провинций», прозвучавшее из уст Барбароссы, было еще более заострено Райнальдом), выразили бы готовность терпеть такое положение дел, при котором император принимал бы решение о назначении архиепископа Кентерберийского или Реймсского, или хотя бы пытался влиять на их избрание — так и Римский император впредь не будет позволять, чтобы кто-то вмешивался в избрание епископа Рима. Кентербери относится к Англии, Реймс — к Франции, а Рим — к Священной Римской империи! Заступничество за пресловутого Роланда, вопли об угрозе свободе церкви означают лишь дерзкое вмешательство во внутренние дела Империи.

Эта речь, произнесенная с ораторским мастерством и предельно остро расставившая все акценты, не оставила равнодушными большинство слушавших ее немцев. Ведь в ней впервые публично прозвучало смелое утверждение, что Рим является императорским городом, а его епископ — таким же имперским князем, как и прочие немецкие епископы. Тем самым была разорвана нить, связывавшая со времен Карла Великого все народы Запада с папством, а на место возвышавшегося над народами и странами апостолического князя поставлен имперский епископ! «Великая хартия» Священной Римской империи была оглашена, а цели большой имперской политики объявлены.

Но не все восторгались ораторским мастерством Райнальда Дассельского. «Сколько восторга он вызвал своей речью среди немцев, столько же неприятия у нас», — писал в своих анналах датский хронист, сопровождавший короля Вальдемара. И немецкие епископы, не говоря уже о бургундских и итальянских, также пребывали в подавленном настроении. Столь жесткие формулировки и безоглядная политика с позиции силы, попиравшая положения канонического права, для большинства были неприемлемы, хотя князья церкви и отдавали должное ораторским достоинствам речи и страстной решимости Райнальда воплотить в жизнь свою программу. Не компетентный суд, не приговор собравшихся со всего света отцов церкви

позволил наконец найти истину. Вовсе нет: эрцканцлер одним ударом кулака поставил на место освященного традицией порядка новый, еретический. Этот новый, приукрашенный героической фразеологией «порядок» никогда не сможет стать основанием для мира и спокойствия, а лишь подстегнет борьбу за свободу совести. Не устранение церковного раскола, а его предельное обострение явилось результатом собрания в Доле.

Назначенная на 19 сентября встреча окончательно потеряла смысл. Вне зависимости от того, захочет ли Людовик вступать в переговоры или нет, Фридрих не пожелал второй раз ждать понапрасну и уполномочил Райнальда говорить от своего имени. А тем временем французское войско почти подошло к Дижону. Английское тоже было на марше. В этой обстановке Людовик мог вообще не думать о соблюдении данного слова, поскольку дело все равно шло к военному конфликту.

И все же король Франции не захотел во второй раз давать повод для упреков в вероломстве и во главе многочисленной свиты поскакал в условленный час к месту встречи на мосту. Оставаясь в седле, он искал глазами императора, а увидев вместо него эрцканцлера, тут же заявил, что на сей раз Фридрих нарушил договор. На возражение Райнальда, что и король, вопреки договоренности, прибыл без Александра, Людовик ответил, что «синод» уже состоялся, а это также противоречит договору. Для большей убедительности тут же еще раз был зачитан договор. Но Райнальда не так-то легко было сбить с толку. Он дал иное толкование тексту соглашения. Подписывая этот договор, император якобы никогда не отказывался от своего права распоряжаться судьбой епископа Рима, находящегося, как и любой другой имперский епископ, под его сюзеренитетом; королю же, разумеется, и теперь еще предоставляется возможность заявить о признании законности решения синода.

В ответ на это Людовик VII обратился к своей свите и спросил, сдержал ли он свое слово и свободен ли от взятого на себя обязательства. Получив от всех утвердительный ответ, он повернул коня и ускакал прочь. Спустя три дня он встретился с королем Англии Генрихом II. Они обнялись по королевскому обычаю и поклялись соблюдать мир, дружбу и верность друг другу. А потом эти «малые короли провинций» шагали, один слева, а другой справа, возле иноходца Александра III, поддерживая стремена.

Сразу же после синода и рейхстага немецкие князья покинули Бургундию и вернулись домой. Лишь граф Генрих де Труа направился к императору, дабы принести ему обещанную ленную присягу, поскольку, полагал он, французский король не

выполнил первую часть договора. Барбаросса принял ленную присягу как от него, так и от троих заложников, в свое время предоставленных Людовиком, однако вскоре освободил их от взятых на себя обязательств, кроме графа Фландрского, который был его вассалом.

Попытка преодолеть схизму путем прямых переговоров провалилась, и император возвращался из Бургундии раздосадованным и разочарованным. В Сен-Жан-де-Лон ему довелось испытать капризы фортуны, каких он еще не видал. Должна ли Империя стерпеть брошенный ей вызов «малых королей»? Фридрих стоял перед трудным выбором. Начинать войну против обоих королей-союзников было бы большим риском. Даже если бы война закончилась полным успехом, мог остаться нерешенным главный вопрос, от которого все и зависело, — устранение Александра. Правда, тот и сам не прекращал предпринимать попытки склонить на свою сторону Барбароссу, обращаясь за содействием к архиепископу Зальцбургскому Эберхарду, ибо понимал, что признание только королями Англии и Франции мало что значит, пока нет одобрения со стороны императора. Только признание Фридрихом I его понтификата могло прекратить схизму.

В этой обстановке неопределенности Барбаросса узнал о начавшихся в Эльзасе беспорядках, зачинщиком которых называли Бертольда Церингена. Этот князь, однажды уже обманутый в своих притязаниях на Бургундию, был смертельно обижен отказом Фридриха передать его брату архиепископство Майнцское, что и послужило для него поводом перейти на сторону короля Франции. «Если император, этот разрушитель церквей и нарушитель законов, — писал он Людовику, — вздумает привести в исполнение свои угрозы в отношении вас, то знайте, что мы со всеми нашими друзьями и сторонниками, а заодно и многие другие немецкие князья, ненавидящие императора так же, как и мы, всецело будем в вашем распоряжении».

Даже если император и не знал об этом письме, он сразу понял масштабы грозящей ему опасности и незамедлительно отдал приказ выступать в поход. Стремительным маршем он достиг Эльзаса и внезапно обрушился на мятежников с такой силой, что вскоре о недавнем мятеже напоминали только пепелища разрушенных бургов. Спустя некоторое время состоялось его примирение с Церингеном, после чего он во всем блеске своего императорского величия совершил объезд прирейнских земель. Майнц, жители которого подняли мятеж и убили собственного архиепископа, был подвергнут жестокой

экзекуции, сопоставимой с расправой над Миланом.

За четырехлетнее отсутствие Фридриха в Германии накопилось много дел, и он, неутомимо разъезжая по стране, провел один за другим несколько съездов знати — в Верхней Лотарингии, на Рейне, в Швабии. В те дни он назначил еще одним канцлером Кристиана фон Буха, в последующие годы проявившего себя надежным помощником в делах. Кристиан владел многими языками (латинским, французским, итальянским, греческим) и уже по одной этой причине представлял особую ценность для Фридриха, говорившего только по-немецки. Обладал новый канцлер также незаурядным талантом дипломата.

В Констанце в ноябре 1162 года был расторгнут брак Генриха Льва с Клеменцией, сестрой Бертольда Церингена. Формальным поводом для развода послужило слишком близкое родство, но подлинной причиной, видимо, явилось отсутствие мужского потомства. Говорили, что Барбаросса вдохновил своего кузена на этот развод, имея целью поссорить Церингенов и Вельфов, союз которых становился опасным для него.

В начале 1163 года император находился во Франконии, занимаясь государственными делами. Своим вниманием он не обошел и недавний мятеж в Вормсе. 7 апреля Фридрих открыл там рейхстаг. К тому времени главные участники мятежа, ответственные за убийство архиепископа, уже успели скрыться. Их дома были разрушены, имущество конфисковано, а сами они навечно изгонялись из города, лишавшегося своих привилегий, а также городских стен.

Эта демонстрация силы, совершавшаяся не без особого умысла, не могла тем не менее заставить забыть, что церковная политика императора потерпела в Доле полный крах. Вину за эту неудачу возлагали на Райнальда Дассельского. Мало того что он, положившись на законную силу достигнутых в Павии соглашений с графом де Труа, отговорил императора от войны против Сицилии, так он еще своей поспешностью и горячностью в Доле осложнил отношения между Империей и западными державами, которые он назвал «провинциями» и «малыми королевствами».

Александр III чувствовал себя триумфатором, тогда как авторитет Виктора IV неуклонно падал. Когда Александр на синоде, куда он созвал своих сторонников из числа духовенства Запада, вновь предал своего соперника анафеме, перед Виктором стали захлопываться двери даже в Германии. Ожесточившийся и пребывающий в разладе с самим собой, Виктор просил у императора и получил разрешение возвратиться в свою итальянскую резиденцию в Кремоне. Вместе с ним в Италию

отправился и Райнальд, едва успевший посетить после своего избрания архиепископом Кельнским собственную епархию. И его тоже в очередной раз поразила стрела Александрова проклятия, тогда как император был пощажен. При желании в этом можно было усматривать знак того, что Александр все еще надеялся прийти к взаимопониманию с Барбароссой. Однако тот после разочаровавших его событий на Соне был менее, чем когда бы то ни было прежде, склонен отступить от своей прежней позиции. Теперь он обратился к отложенному походу против Сицилии. Райнальд Дассельский для того и отправился в Италию, чтобы провести там необходимую подготовку.

Враги Райнальда при дворе императора тотчас воспользовались его отсутствием и стали доказывать Барбароссе, сколь гибельна для государства политика эрцканцлера. Архиепископы Эберхард Зальцбургский и только что утвержденный Конрад Майнцский, брат знаменосца Империи Отто Виттельсбаха, а заодно с ними и епископ Бриксенский, духовник императора, пытались уговорить его примириться с Александром III, но тот и слушать их не захотел. Убеждения отдельных князей церкви он рассматривал как их личное дело, тогда как итальянская политика Райнальда уже стала приносить свои результаты. Милан повержен, Ронкальские законы в полной мере вступили в силу, сокровища ломбардских городов текут в императорскую казну. Теперь и Тоскана признала над собой власть Штауфенов. В самой Германии царят мир и порядок, если не считать того, что тиранические замашки Генриха Льва едва не привели к заговору князей против него. Но и на этот раз, благодаря авторитету и дипломатии Фридриха, удалось погасить конфликт.

Как можно дать отставку эрцканцлеру, выдающийся ум и неистощимая энергия которого в значительной мере обеспечили все достигнутые до сих пор успехи? Однако враги Райнальда не унимались, понимая, что надо использовать отсутствие этого ненавистного им человека, дабы усилить свое собственное влияние на императора. Надо думать, не без их участия вышло так, что именно в это время в Нюрнберге появился пользовавшийся уважением Фридриха епископ Павии и попросил о частной аудиенции. Будь в то время Райнальд при дворе, этот сторонник Александра не был бы принят императором, а теперь между ними состоялась беседа, результатами которой могли быть довольны противники эрцканцлера. Фридрих хотя и заявил, что никогда не перестанет поддерживать папу Виктора IV, однако, ради улаживания злосчастного конфликта, выразил готовность пойти на то, чтобы окончательное решение принял независимый

и беспристрастный третейский суд, если только Александр согласится признать его. Архиепископы Эберхард Зальцбургский и Конрад Майнцский вкупе с епископом Бриксенским пробили первую брешь в кольце обороны, выстроенной эрцканцлером.

КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ

В октябре 1163 года Барбаросса в третий раз отправился в Италию. Супруга Беатрикс, предпочтя тяготы походной жизни долгой разлуке, была с ним. В блестящей свите императора находились патриарх Аквилейский Удальрих, архиепископ Майнцский Конрад, пфальцграф Отто Виттельсбах и канцлер Кристиан фон Бух. В третий раз Барбаросса предпринимал попытку покорить государство норманнов на Сицилии и в Южной Италии. Он знал, сколь мало у германских князей желания следовать за ним в поход на юг Италии, поэтому и не старался собрать большое войско в Германии, полагаясь на то, что имперские города в самой Италии предоставят в его распоряжение достаточное количество воинов. Об этом должны были позаботиться назначенные им подеста и посланный еще год назад на Апеннины Райнальд Дассельский.

Эрцканцлер, прибывший вместе с Виктором IV в Италию, приступил к своей деятельности, временно прерванной синодом и рейхстагом в Доле. Он объездил всю Ломбардию, начиная с Вероны, и демонстрировал при этом такую полноту власти, словно сам был императором. От его имени он вершил суд, издавал законы и постановления, объявил новые империалы единой для всей Италии монетой, поделил страну на округа, во главе которых поставил чиновников из немцев, вмешивался в церковные споры, назначал новых епископов и аббатов, изгоняя сторонников Александра III. Наконец, управившись со всеми этими делами, он как глава имперской администрации назначил императорского наместника для Ломбардии и отправился в Тоскану, чтобы и там действовать в том же духе. Ему было известно, что Империя могла претендовать только на западную часть Центральной Италии, в свое время завещанной императору Генриху V Матильдой Тосканской («наследство графини Матильды»), тогда как восточная ее половина с городом Анкона считалась сферой интересов папы, и тем не менее он рассматривал всю эту область как единое целое и намеревался установить в ней имперскую власть.

Где бы ни появился эрцканцлер со своим по-королевски пышным окружением, к нему тут же начинали стекаться местные господа, спешившие заверить в его лице Империю в собственной преданности. Прибывали и представители от городов, причем особенно старались в выражениях своей почтительности Пиза, Лукка и Флоренция. Непременным условием для обретения императорской милости было безоговорочное признание папой

Виктора. Любой, кто заявлял о своей приверженности Александру, тут же беспощадно изгонялся.

Главное свое внимание Райнальд обратил на финансы. На всех дорогах строились новые или ремонтировались и укреплялись уже существовавшие бурги, служившие опорными пунктами для сбора податей с жителей округи и их господ. В городах эта обязанность возлагалась на подеста, обычно не встречавших ни малейшего сопротивления со стороны горожан. Главная резиденция императорской администрации была устроена в большом имперском аббатстве Сан-Миниато, располагавшемся на полпути из Пизы во Флоренцию.

Так Райнальд завершал своими неустанными трудами вовлечение Центральной Италии в сферу имперского влияния, не упуская при этом из виду и подготовку к войне против Сицилии. Геную и Пизу, на которые легло основное бремя по формированию военного флота, постоянно поторапливали. Определение численности ополчения от местных феодалов возлагалось на подеста, которые действовали по единой разнарядке. Все честолюбие Райнальда было направлено на то, чтобы за год, который был в его распоряжении до прибытия Барбароссы, сколотить «имперскую Италию» от Альп до Рима и от моря до моря. Готовившаяся со всей тщательностью война против Сицилии должна была начаться не позднее весны 1164 года, увенчав собою воссоединение всего полуострова под скипетром Священной Римской империи. Пусть после этого «малые короли провинций» носятся со своим Александром. Императору и дела до этого не будет, когда Рим и могила Святого Петра окажутся в его владении, а его сторонники впредь будут восходить на Святой престол в качестве «епископов Рима». Гордый и довольный собой покидал Райнальд свою тосканскую резиденцию в Сан-Миниато, направляясь навстречу императору.

В Лоди, где Барбаросса сделал первую остановку, состоялась его встреча с папой Виктором IV и его кардиналами, а также с Райнальдом Дассельским и епископом Верденским Германом. Здесь же провели рейхстаг, на который пригласили всех герцогов, маркграфов, графов, капитанов и вальвассоров имперской Италии. Перед многолюдным собранием император одобрил деятельность Райнальда за последние месяцы и утвердил сделанные им распоряжения. Всех присутствующих заставили клятвенно подтвердить свою готовность участвовать в военном походе в Апулию и на Сицилию. С представителями Генуи и Пизы договорились, что их флоты выйдут в море 1 мая 1164 года.

В ноябре Барбаросса прибыл в столицу Ломбардии Павию, жители которой, преисполненные ненависти ко вновь

отстроившейся Тортоне, предложили ему большую сумму денег, чтобы он дал согласие на повторное разрушение ненавистного города. И он согласился, после чего граждане Павии, несмотря на царивший в стране мир, приступили к делу, сравняв Тортону с землей, к горю ее охваченных ужасом жителей. Во время объезда императором Ломбардии миланцы пожаловались ему на свое бедственное положение. В четырех отведенных им деревнях они жили стесненно и убого. Не ведавшие стыда и милосердия уполномоченные императора не упускали случая обогатиться за счет этих объявленных вне закона людей: один требовал в подать часть их дохода, другой забирал остальное. Наследство бездетных миланцев подлежало конфискации. Отбытие подводной повинности не оставляло этим несчастным времени для обработки своих полей. Хотя император лично освободил последних еще находившихся в его руках заложников-миланцев, Райнальд вскоре нашел повод содрать с них деньги за обретение свободы.

Победное настроение, владевшее Барбароссой после разрушения Милана, сменялось неуверенностью, а его убежденность в правомерности собственных действий в отношении Александра была поколеблена. Влияние, оказывавшееся на императора в течение последнего года его ближайшим окружением, не прошло бесследно. Больше всего пострадал от этой перемены настроения государя папа Виктор, которому император дал почувствовать свою немилость. В очередной раз Райнальд убедился, что нельзя оставлять императора без присмотра. Александр сразу же использовал представившуюся возможность, дабы поколебать с помощью своих сладкоголосых легатов позиции эрцканцлера, противники которого готовились ликвидировать церковный раскол постановлением третейского суда. Райнальд был полон решимости не допустить этого, а кроме того, как можно скорее начать военный поход против Сицилии.

Подготовкой похода занимался и Барбаросса, прибывший в Романью, однако осуществление намеченной сицилийской кампании оттягивалось. На рейхстаге, проведенном в середине марта 1164 года в Парме, император еще не мог или не хотел сообщить ничего определенного относительно того, какие военные силы, наконец, будут в его распоряжении. Зато в Парме у него появилась возможность заявить о своих притязаниях на Сардинию. На этот остров с XI века претендовали Рим, Генуя и Пиза. Некий близкий генуэзцам сардинский князь пообещал императору дань в размере 4000 марок серебра, если тот коронует его в качестве короля Сардинии. Несмотря на протест со

стороны пизанцев, Барбаросса согласился, желая тем самым продемонстрировать зависимость от него острова. Однако спустя несколько месяцев выяснилось, что этот «король Сардинии» был обыкновенным авантюристом, неспособным выполнить свои обещания.

Военному походу против Сицилии и на сей раз не суждено было состояться. В апреле Райнальду из собственной резиденции в Сан-Дженезио близ Лукки пришлось объявить об отсрочке похода, после того как император заболел перемежающейся лихорадкой, задержавшей его в Павии до середины июня. Как раз в это время и произошло событие, в корне изменившее обстановку и естественным образом завершившее пятилетний раскол в церкви: 20 апреля 1164 года в Лукке после тяжелой, продолжавшейся девять дней, агонии скончался папа Виктор IV. Его смерть предоставила императору блестящую возможность примириться с Александром III. Искушение было тем сильнее, что, казалось, сам Бог, опережая решение так и не состоявшегося третейского суда, вынес свой приговор.

Даже в ближайшем окружении покойного Виктора IV говорили: «Кто умирает, тот неправ, кто жив, тот блажен!» Прислуга усопшего собрала церковную утварь вместе с его нехитрыми пожитками, намереваясь все отправить в Павию к императору. Соборный капитул Лукки отказал покойному как закоренелому еретику в церковном погребении, велев похоронить его вне стен города. Появилось множество толков: одни говорили, что Виктор на смертном одре и при погребении творил чудеса; другие, напротив, утверждали, что он впал в буйное помешательство и, как одержимый, прямиком угодил в ад.

Райнальд понимал, какой оборот может принять дело. В этот решающий момент вся полнота имперской власти была в его руках. Так стоит ли ждать, пока отправленные в Павию нарочные возвратятся с распоряжениями? Может ли он позволить Конраду Майнцскому и Гартману Бриксенскому снова повлиять на императора? Райнальд быстро перебрал в уме все возможные варианты действий и принял решение. Не имело смысла ждать императорских распоряжений, надо было действовать как можно быстрее, не оставив сторонникам Александра III ни малейшей надежды на успех. Каждый день промедления с выборами нового императорского папы мог дать противникам канонические основания для оспаривания в будущем законности его полномочий.

Итак, наместник императора собрал у могилы Виктора IV оставшихся верными ему кардиналов и епископов и незамедлительно назначил новые выборы. Как и в те давние

времена, когда только немцы становились папами, Райнальд назвал преемником усопшего Генриха, епископа Люттихского. Однако Генрих наотрез отказался, и выбор пал на племянника покойного Виктора, Гвидо из Кремы. Тот согласился, и уже 22 апреля 1164 года, через два дня после смерти предшественника, был провозглашен новым папой под именем Пасхалия III. Еще до того как император мог обдумать свое решение, ему пришлось принять к сведению, что его поставили перед свершившимся фактом.

Райнальд не спешил отправиться в Павию, полагая более разумным выждать время, пока при дворе не уляжется волнение и к людям не вернется способность хладнокровно рассуждать. А пока что он ввел со всем надлежащим церемониалом Пасхалия III в Пизу и собрал тосканских феодалов на ландтаг, на котором назначил своего заместителя, поручив ему управлять этой недавно приобретенной для германской короны областью. Лишь спустя четыре недели он, наконец, прибыл в Павию.

При встрече ему были оказаны все знаки немилости. Барбаросса будто бы обрушился на него с упреками: «Ты поступил как предатель и обманщик. Изменник — ты, а не архиепископ Майнцский, которого ты пытаешься передо мною очернить. Он дал мне разумный совет не выбирать преемника Виктору, раз уж Господь избавил меня от прежнего затруднения, а ты навязал мне нового папу, ничуть не считаясь с моей волей!» Однако Райнальд был невозмутим. Он слишком хорошо знал императора и потому не сомневался, что сумеет убедить его. Свою оправдательную речь Райнальд начал с заверения, что был бы счастлив освободиться от неблагодарной должности эрцканцлера, тем более что он и так вынужден просить хотя бы о временном увольнении, дабы получить, наконец, возможность заняться делами своего архиепископства. Однако его отставка в настоящий момент, когда реорганизация в Италии, успех которой зависит лично от него, еще не завершилась, стоила бы всех достижений последнего десятилетия. Но главное: а что, собственно, произошло? Защита итальянских владений и реализация Ронкальских постановлений невозможны без преданного императору папы. А посему Роланд-Александр и все его преемники, сторонники принципа независимой от императора церкви, являются врагами Римской империи. Сознавая это, он и должен был действовать решительно и без промедления. И сам император, конечно же, не мог бы поступить иначе, если бы болезнь не помешала ему.

А значит, продолжал свою речь Райнальд, ничего не изменилось. Мнение королей Англии и Франции известно, но кто сказал, что оно всегда останется таким? Почему не должна

увенчаться успехом попытка добиться от Генриха II поддержки Пасхалия III, даже если усилия в отношении Людовика VII и оказались бы напрасными? Надо предложить ему союз, скрепленный брачными узами. Разве Генрих II, этот умный деспот, не может понять, сколь выгоднее самовластно распоряжаться церковными ленами, нежели постоянно жить под угрозой анафемы, исходящей от Александра III?

Эта оправдательная речь, против неодолимой логики которой никто не мог устоять, изменила настроение присутствующих. Мало того что действия Райнальда теперь предстали в ином свете, предложение о союзе с Англией выглядело убедительным и перспективным. Недавно Генрих II огласил, вопреки резкому протесту со стороны архиепископа Кентерберийского Томаса Бекета, Кларендонское уложение, обеспечивавшее полный суверенитет английской короны над церковью. Томас Бекет обратился к Александру III и нашел его поддержку в конфликте с королем, так что союз правителей Англии и Германии представлялся вполне вероятным.

Итак, Фридрих I в очередной раз решил последовать за своим эрцканцлером, человеком, о котором говорили, что он был не только «честью и славой, но и кошмаром императора». Вместе с тем это решение означало признание Пасхалия III, что и было закреплено официальным актом в присутствии князей. Однако признание не должно было ограничиться узким кругом присутствующих — ему надлежало стать законом для всех подданных Империи. А пока что Райнальду предстояло вступить в переговоры с королем Англии Генрихом II, а затем доложить об их результатах на рейхстаге в Вюрцбурге, открытие которого намечалось на Троицу следующего года. Тогда же Фридрих вознаградил своего эрцканцлера «за его неоценимые и несравненные услуги» земельными владениями в Тессинской области Италии и близ Андернаха на Рейне. Сверх того, он подарил ему еще и захваченные в качестве добычи в Милане мощи «Трех Царей» (волхвов), дабы «обогатить и на вечные времена прославить святую Кельнскую церковь и город Кельн».

Последние недели и месяцы, скорее безрадостные, нежели удачные для императора, были скрашены счастливым для него событием: 16 июля 1164 года его супруга Беатрикс после восьми лет бездетного брака родила в Павии первенца, нареченного по традиции Штауфенов Фридрихом. Однако долгожданное для Барбароссы счастье вскоре было омрачено внезапным ухудшением общей обстановки в Северной Италии. В Болонье мятежные жители убили императорского подеста, а из Пьяченцы подеста был изгнан. Но еще хуже было то, что возник заговор

городов, вдохновленный Венецией, никогда формально не признававшей своей зависимости от Империи, а после заключения Фридрихом союза с Генуей, непримиримой соперницей венецианцев, уже откровенно враждебной ей. При финансовой и политической поддержке Венеции сложилась антигерманская Веронская лига в составе Вероны, Виченцы и Падуи. Император отреагировал незамедлительно, пытаясь подавить ширившуюся оппозицию силой, где было возможно, и идя на уступки тем городам, верности которых хотел добиться. Павии он возвратил все права и привилегии, которыми она обладала до провозглашения Ронкальских постановлений. Большие привилегии получили также Асти, Комо, Мантуя, Тревизо и Феррара. Однако за неимением достаточных средств военная акция против Вероны не увенчалась успехом.

Так и не сбылось намерение Барбароссы совершить поход против Сицилии, опираясь на силы ломбардских городов (прибывшее из Германии ополчение было малочисленно). Более того, слишком жесткие и решительные действия Райнальда изменили настроение в Северной Италии не в пользу императора. Если поначалу здесь радовались, что освободились от тирании Милана, то вскоре застонали под гнетом новых податей и заговорили о тирании императорских подеста. Эти корыстные и жестокие люди вели себя скорее как оккупационные власти, нежели уполномоченные управляющие в равноправной части Империи. И ответная реакция не заставила себя долго ждать. Стало очевидно, что без сильного немецкого войска здесь не удержать власть. Когда не увенчалась успехом и попытка исправить положение с помощью политических мер, Барбаросса решил вернуться в Германию. Выраженное за три года до того оптимистическое мнение одного из приближенных императора: «Одержав верх над Миланом, мы окончательно победили», не оправдалось.

Еще раньше, до того, как начались беспорядки в Вероне, отправился на родину Райнальд Дассельский. Хотя в Кельне у него и были надежные люди, от его имени управлявшие архиепископством, однако на кельнский соборный капитул в целом нельзя было положиться. Духовенство почти не скрывало своей неприязни к человеку, по приказу императора назначенному архиепископом. Кроме того, Кельнское архиепископство находилось в весьма тесных отношениях с церквами Англии, поэтому именно здесь знаменитый Иоанн Солсберийский, убежденный сторонник Александра III, развернул свою агитацию против Райнальда как «злейшего врага церкви, в своем безрассудном шутовстве назвавшего суверенных государей

Франции и Англии малыми королями провинций».

Тем важнее было для Райнальда прибыть триумфатором и не с пустыми руками. Так, еще из Италии он написал клиру и гражданам Кельна, что возвращается домой с великими дарами, «кои ни с чем на свете нельзя сравнить, — со святыми мощами Трех Мудрецов и Царей, до сих пор покоившимися в Милане». Это сокровище сулило прославить Кельн, привлечь к нему паломников со всего христианского мира. Доставка этих бесценных мощей была сопряжена с почти непреодолимыми трудностями. Мало того, что пфальцграф Рейнский и ландграф Тюрингский, непримиримые враги Райнальда, не намерены были упускать замечательную возможность завладеть ими, так еще и Александр III написал одному из своих друзей в Реймс, что тот может славно услужить Царю Небесному, если схватит «императорского канцлера Райнальда, главного зачинщика церковных смут», которому придется ехать в Германию через Фландрию, поскольку другие пути для него закрыты.

Однако Райнальд сумел обмануть своих врагов. Сначала он отправился в Бургундию, дабы проверить надежность пограничных укреплений и добиться признания в тех краях Пасхалия III. Последнее оказалось невыполнимым, поскольку никто и слышать не хотел о новом императорском папе. Если Виктора все же, хотя и неохотно, признавали, учитывая принятые собором решения, то разыгранную в Лукке комедию все единодушно отвергали. Многие даже проклинали нового императорского ставленника, открыто называя его архиеретиком. И даже верный друг, новый вассал императора, Генрих де Труа уклонился от беседы, срочно уехав в Париж, чтобы посовещаться с королем Людовиком VII.

Желая создать у поджидавших его врагов ложное впечатление, будто он собирается еще долго пробыть в Бургундии, Райнальд принялся обследовать крепостные сооружения, давая указания, где и что исправить, и напоминая при этом, что лично проверит исполнение. Все думали, что он еще несколько недель пробудет в Бургундии, тогда как и след его там уже простыл. С тяжелыми мраморными саркофагами он продвигался укромными путями на север. Там, где ему удавалось остаться неузнанным, он выдавал себя и своих спутников за сопровождение, обязанное доставить на родину тела павших в Италии немецких господ. Там, где была угроза преследования, он отсиживался днем в укрытии, передвигаясь только по ночам и приказав перековать подковы лошадям задом наперед. К этой хитрости, по древнесаксонским преданиям, прибегал еще герцог Видукинд, сражавшийся за свободу родной Саксонии, когда за

ним шел по пятам Карл Великий. Так Райнальду удалось прибыть 23 июля 1164 года в Кельн, обитатели которого устроили ему восторженный прием. Благодарные граждане Кельна решили изготовить для своей вновь обретенной святыни великолепный ковчег, и поныне служащий украшением Кельнского собора, дабы святые мощи получили достойное место упокоения.

В Германии тогда было неспокойно. Помимо давней вражды Райнальда Дассельского с пфальцграфом Рейнским и ландграфом Тюрингским, в Швабии возник крупный конфликт между Вельфом VI и пфальцграфом Тюбингенским Гуго. Под командованием Вельфа в сентябре 1164 года большое войско подступило к Тюбингенскому бургу, в котором, ввиду подавляющего превосходства противника, сочли за благо перейти к переговорам. Однако безрассудство и самонадеянность отдельных вельфских рыцарей позволили осажденным не только обратить в бегство войско Вельфа, но и захватить около 900 пленников и богатую добычу. Слава об этой победе жила столь долго, что и спустя десятилетия вдохновила великого миннезингера Вольфрама фон Эшенбаха, воспевшего и окончательно обессмертившего ее в рыцарском романе «Парцифаль». Император знал о феодальных усобицах на родине, поэтому сразу же по прибытии 1 ноября 1164 года из Италии в Ульм назначил на середину месяца рейхстаг в Бамберге. Там ему удалось добиться от пфальцграфа Тюбингенского освобождения пленников, а мстительные Вельфы пообещали соблюдать в течение года перемирие. Был улажен и раздор между архиепископом Кельнским и пфальцграфом Рейнским.

После бамбергского рейхстага император поскакал на Рейн и некоторое время пробыл в Эльзасе, где пожаловал статус города местечку Хагенау, в котором располагался бург его отца. Еще в первые годы своего правления Фридрих велел обновить и расширить это родовое гнездо. До конца года он успел побывать в Страсбурге, где провел хофтаг, а в начале февраля 1165 года встретился в Госларе с архиепископами Майнцским и Кельнским и некоторыми другими князьями церкви. Гослар относился к Майнцской епархии, архиепископ которой недавно, совершая паломничество к святым местам во Франции, принес присягу на верность папе Александру III. И тем не менее он продолжал признавать отлученного от церкви императора как своего государя. Правда, легату папы Пасхалия он пригрозил вырвать глаза, если тот еще хоть раз появится на территории Майнцской епархии. Противостояние сторонников и противников Александра в последние месяцы еще более ожесточилось. Число тех, кто поддерживал враждебного императору папу, пополнили также

архиепископы Магдебургский и Трирский.

Сам же император в это время обдумывал планы коренного изменения политической обстановки на Западе в свою пользу. Для этого требовалось взаимодействие с королями Англии и Франции. Готовясь к реализации этого плана, Фридрих часто встречался с духовными и светскими князьями своей Империи. Райнальд Дассельский получил задание отправиться ко двору английского короля, дабы сделать ему весьма заманчивое предложение о заключении династического брака. На этом должно было зиждиться сотрудничество в области церковной политики, к которому предполагалось подключить и короля Франции. Конечной целью виделась ликвидация схизмы — разумеется, при условии устранения Александра III. Говорили, что если все получится, как было задумано, то император в качестве государя-миротворца и главы христианского мира поведет новое крестоносное войско освобождать Святую землю и живущих в ней христиан от притеснений со стороны сельджуков.

Делегацию от императора в апреле 1165 года радушно встретил в Руане король Англии. Правда, английский клир, поддерживавший Александра III, не хотел иметь ничего общего с отлученным от церкви германским канцлером, однако Генрих II был рад предложению обручить свою старшую дочь, девятилетнюю Матильду, с богатейшим немецким князем, Генрихом Львом. Еще более лестным показалось ему предложение императора отдать его младшую дочь в жены своему сыну Фридриху. Генрих II согласился на эти предложения, что предвещало успешное выполнение Райнальдом своего следующего задания. Без особого труда ему удалось вовлечь английского короля в союз против Александра III, к сторонникам которого в Англии тот относился резко неприязненно. Договорились, что два представителя Генриха II отправятся вместе с немецкой делегацией на рейхстаг в Вюрцбург, дабы там клятвенно подтвердить достигнутое соглашение. Кроме того, Генрих II обещал встретиться осенью 1165 года с императором, а затем добиться от английских епископов присяги на верность папе Пасхалию III. Достигнутый Райнальдом успех превзошел все ожидания.

Однако Райнальд не сумел привлечь к союзу короля Франции Людовика VII. Он велел передать ему, что ввиду затруднений, с которыми пришлось столкнуться у Генриха II, и недостатка времени в связи с открывающимся в Вюрцбурге рейхстагом он не может нанести объявленный визит. Наверное, Райнальд был рад возможности избежать этого визита, поскольку его постоянные насмешки над французским правителем, «малым королем

провинции», были известны при французском дворе и на теплый прием у французов не приходилось рассчитывать.

На Троицу 1165 года открылся рейхстаг в Вюрцбурге, созванный для принятия решения относительно Пасхалия III, которого император Фридрих I уже признал папой римским. Все пользовавшиеся хоть каким-то влиянием духовные и светские князья прибыли, не было только Райнальда. Он все еще не вернулся из своей поездки к английскому королю, однако выслал вперед гонца, дабы сообщить о своем намерении прибыть к сроку. Когда Фридрих без него открывал заседание, вдруг обнаружилось отсутствие и Конрада Майнцского, хотя еще за день до того он был в Вюрцбурге. Выяснилось, что он, узнав о решимости императора отстаивать кандидатуру Пасхалия, ночью тайком уехал, добровольно оставив свое архиепископство, чтобы перейти к Александру III. Эта новость огорчила Фридриха, заронив в его душу сомнение: не лучше ли было бы в интересах Империи примириться с Александром, нежели продолжать борьбу, на которой настаивал Райнальд?

Но тут доложили о прибытии эрцканцлера. Собрание, в котором только что шел оживленный обмен мнениями, затихло. Райнальд сразу же поднялся на трибуну. В своей манере чеканно выговаривать каждое слово он начал с заявления, что честь Империи поставлена на карту, но и на сей раз ее можно спасти, если император и князья последуют его рекомендациям. Пусть многие немецкие епископы перешли на сторону Александра — не беда! Есть новость поважнее: король Англии велел передать, что вместе со своими пятьюдесятью епископами присоединяется к мнению римского императора Фридриха I. Собрание возбужденно зашумело, требуя подтвердить сказанное. В зале появились английские епископы, предъявившие верительные грамоты полномочных представителей короля Генриха II. В наступившей тишине они заявили, что их государь не смог устоять перед доводами господина Райнальда, а посему они уполномочены торжественно присягнуть, что король Генрих соглашается обручить свою дочь с герцогом Саксонии и Баварии Генрихом Львом и обязуется во всем следовать за императором Фридрихом I, что бы тот ни счел необходимым на благо церкви и христианского мира.

Более убедительных доказательств не требовалось. Сплоченный фронт западных держав против политики императора был расколот. Опираясь на союз с Империей, Генрих II мог теперь продолжать завоевательную политику против Франции. Континентальная политика Англии, поддержанная Римской империей, имела цели, аналогичные

итальянской политике Германии, благодаря чему и стало возможным возникновение англо-германского союза, жертвой которого суждено было стать Александру III.

А Райнальд, дабы не дать опомниться своим оппонентам, коих здесь было немало, перешел в наступление. Теперь, продолжал он, пробил час навсегда покончить с еретиком Александром, врагом их величеств римского императора и короля Англии. Опираясь на союз с Англией, Вюрцбургский рейхстаг должен заявить о признании единственным законным папой Пасхалия III. Но чтобы и впредь это заявление оставалось нерушимым, каждый из присутствующих, и в первую очередь сам император, должен подтвердить его клятвой на Евангелии. Пусть император Фридрих теперь поклянется от своего имени, а также за своих сыновей и внуков, никогда не признавать другого папы, кроме Пасхалия III и его избранных в соответствии с каноническим правом преемников. Пусть все князья, обладающие правом избирать короля, заранее признают, что отныне не может быть королем Германии тот, кто не признает этой клятвы или откажется от нее. Кроме того, каждый должен принести эту присягу и за своих вассалов, которые в течение последующих шести недель обязаны повторить ее. Тот, кто откажется, будет обвинен в преступлении против императора и лишен лена.

Заседание пришлось прервать, дабы его участники смогли осмыслить внесенные Райнальдом предложения. Император созвал своих приближенных на совещание. Спустя некоторое время он появился и, держа руку на Евангелии, лично произнес слова присяги — редчайшее исключение из заведенного государями правила поручать другим присягать от их имени. Барбаросса поступил так не ради придания союзу с Генрихом II большей весомости, а чтобы помочь колеблющимся поскорее избавиться от своих сомнений. За ним последовали Генрих Лев, Райнальд Дассельский, английские послы и, наконец, все прочие. Правда, Эберхард Бамбергский сделал оговорку, что присяга действительна до тех пор, пока он находится на службе у императора. Вихман Магдебургский заявил, что будет свободен от принесенной присяги, как только откажется от своего архиепископства. Другими также были высказаны те или иные условия, но никто не смог покинуть зал прежде, чем присягнул и поставил свою подпись.

На этом Вюрцбургский рейхстаг закончил свою работу. Его участников принудили признать Пасхалия III под таким нажимом, по сравнению с которым меркли все предыдущие меры, принимавшиеся императором и его канцлером. В шесть недель, отведенных для приведения всех к присяге, невозможно было

уложиться — если вообще было можно исполнить это предписание. Наиболее стойкие в своей приверженности Александру III покидали родину, вслед за цистерцианцами, изгнанными из Германии по распоряжению Барбароссы. Многие же из тех, кто давал присягу, были убеждены, что перед Богом она не имеет силы.

Александр III, внимательно следивший через своих агентов за действиями императора, в конце июня написал Людовику VII, что всё замышляемое Фридрихом против церкви обернется и против Франции. Он надеялся подтолкнуть французского короля к решительным действиям, однако после заключения договора между Империей и Англией не посмел долее оставаться в Нормандии, где не мог чувствовать себя в безопасности, а потому поспешил перебраться в Монпелье, чтобы при первой же благоприятной возможности возвратиться в Италию.

После проведения Вюрцбургского рейхстага главной заботой для Барбароссы стало закрепление достигнутых на нем результатов. Вместо бежавшего к Александру III Конрада архиепископом Майнцским по предложению императора был избран канцлер Кристиан фон Бух. Для Фридриха было очень важно, чтобы эту старейшую и авторитетнейшую в Германии епархию возглавил преданный ему человек. Для того чтобы придать ореол святости свершившемуся в Вюрцбурге, Карл Великий был объявлен святым покровителем этого города. Фридрих распорядился также восстановить в Нимвегене бывшую резиденцию Карла, тем самым еще раз выразив свое особое почтение к франкскому императору, своему кумиру. Так случилось, что императрица Беатрикс, повсюду сопровождавшая супруга, именно в Нимвегене ранней осенью 1165 года разрешилась от бремени, родив второго сына, ставшего впоследствии императором Генрихом VI и унаследовавшего в 1190 году королевский престол Германии. Рождению второго сына императора в резиденции Карла Великого придали символическое значение, а потому все помыслы Барбароссы теперь были направлены на то, чтобы поднять престиж Империи и авторитет императорской власти на высоту, на которой они находились при Карле.

Чтобы наглядно продемонстрировать это свое стремление, Фридрих решил канонизировать великого франка. Возможно, на эту идею его натолкнула совершенная незадолго перед тем Александром III канонизация англосаксонского короля Эдуарда Исповедника, в немалой степени способствовавшая укреплению власти Генриха II Плантагенета. Вознамерившись причислить Карла Великого к лику святых, Барбаросса стремился заявить о

себе как о законном его преемнике, стоящем несравнимо выше Капетинга Людовика VII. Подобно тому как в свое время Карл объединил под собственной властью весь христианский Запад, теперь на роль объединителя претендовал император из династии Штауфенов. Для исполнения этого замысла Фридрих созвал на Рождество 1165 года в Ахене, где покоились останки Карла Великого, рейхстаг, участники которого высказались за провозглашение высокочтимого Каролинга святым. Собственно обряд канонизации был проведен 29 декабря в присутствии императора, многочисленных светских и духовных князей папой Пасхалием III — «во славу и хвалу Спасителя и на благо Римской империи». Это отвечало умонастроениям народа, в глазах которого новый святой становился покровителем Империи и самого императора Фридриха I. Авторитет Карла Великого был столь высок, что даже Александр III не осмелился оспорить эту канонизацию. Он лишь возразил, что подобным правом обладает он сам и его канонически избранные преемники. Мощи новопровозглашенного святого Карла переложили в специально изготовленный для этого мраморный саркофаг, над которым по указанию Барбароссы повесили огромный позолоченный светильник с двенадцатью картинами Небесного Иерусалима, и по сей день украшающий капеллу Святой Марии в Ахене.

ТРИУМФ И БОЖЬЯ КАРА

Большая политика не терпит затяжных пауз, и все помыслы Барбароссы опять были обращены к Италии, обстановка в которой стремительно менялась, настоятельно требуя его вмешательства. В ноябре 1165 года папа Александр III, совершив рискованное путешествие по морю, прибыл в Палермо, а оттуда благополучно добрался до Рима, воспользовавшись флотом и деньгами Вильгельма I Злого, правителя Сицилийского королевства. С римлянами удалось договориться, предварительно уладив многие спорные вопросы, прежде всего о составе Сената, фактически правившего в городе, который формально оставался вотчиной папы. Поскольку Александр возвратился не с пустыми руками, ему устроили в Риме триумфальную встречу. До тех пор пока не кончатся сицилийские деньги, он мог чувствовать себя в безопасности.

Впрочем, Александр III не терял времени попусту. Сразу же по прибытии на полуостров он стал душой всех заговоров и интриг, направленных против императора. В апреле 1166 года он назначил в уничтоженный Барбароссой и обреченный на вечное запустение Милан архиепископа — одного из своих несгибаемых соратников по имени Гальдини. Этот архиепископ официально не существовавшего города должен был готовить возвращение миланцев на родину и вдохновлять их на борьбу против немцев. Смелости Александру придавало и то, что его озабоченность, вызванная в свое время англо-германским союзным соглашением, быстро рассеялась. Генрих II под нажимом собственных епископов, грозивших открытым мятежом, осознал невозможность реализовать Вюрцбургские решения и аннулировал присягу, принесенную его уполномоченными. В собственное оправдание он привел довод, по своей нелепости граничивший с откровенной насмешкой над Барбароссой, заявив, что будто бы не знал об отлучении императора от церкви. Александр вновь мог рассчитывать на поддержку со стороны Франции и Англии одновременно.

Однако сицилийских денег, как и следовало ожидать, хватило не надолго. Александр понимал, что если не найдет способ пополнить свою казну, то в Риме ему не удержаться. Надежда на дополнительные денежные субсидии с Сицилии угасла после скоропостижной кончины ее правителя Вильгельма, наступившей в мае 1166 года. Ввиду малолетства его преемника, короля Вильгельма II, и слабости правившей от его имени матери, регентши Маргариты Наваррской, в королевстве начались

смуты, делавшие невозможным оказание помощи Александру III. Но и в этом затруднении ему нежданно-негаданно выпал случай. Император Византии Мануил Комнин обратился к нему с невероятным по своей заманчивости предложением: пообещав предоставить огромную сумму денег, которая вызволила бы его из всех финансовых затруднений, он заявил о готовности подчинить ему греко-византийскую церковь, если тот передаст ему императорскую корону, освободившуюся после отлучения Барбароссы от церкви. В результате снова воссоединились бы западная и восточная части Римской империи.

Александр стоял перед мучительным выбором. Единство западной и восточной церквей под эгидой Рима было давней, но несбыточной мечтой многих римских пап. Даже великий Григорий VII, провозвестник всех тех идей, на которых зиждилась независимость папской церкви, тщетно стремился к этой цели. И теперь эта мечта могла исполниться. Однако Александр отчетливо видел и возникавшие в связи с этим опасности. Сколь бы заманчивым ни казалось предложение, его принятие как раз и означало конец свободе церкви. Никогда Англия и Франция не признали бы византийского императора, этого восточного деспота, в качестве верховного покровителя христианского мира. Вместо теперешнего, в конце концов преодолимого, раскола на свободную и императорскую церковь появились бы восточное и западное течения, и папство было бы раздавлено этими не поддающимися сглаживанию противоречиями. Кроме того, передача короны Римской империи византийскому императору означала бы одновременную сдачу Италии императору Мануилу, и тогда борьба за суверенное церковное государство была бы окончательно проиграна. Относительно намерений Мануила не могло быть сомнений: он уже занял Анкону, гавань на побережье Адриатического моря, и приказал укреплять этот плацдарм для дальнейшего наступления. Александр долго держал у себя греческих послов, не давая им окончательного ответа. Так и не придя по этому вопросу к определенному решению, он принялся за реализацию плана, имевшего своей целью поднять города Ломбардии на восстание против немецкой тирании.

Барбаросса не мог безучастно взирать на все это. Всецело поглощенный подготовкой к очередному итальянскому походу, он пока что направил в Италию своего канцлера, архиепископа Майнцского Кристиана фон Буха, дабы укрепить пошатнувшиеся позиции Империи в Северной и Центральной Италии. И Кристиан развернул там бурную деятельность, в частности, водворив Пасхалия III в папскую резиденцию в Витербо, севернее Рима, что должно было послужить тревожным сигналом для Александра III.

Однако и у императорского наместника хватало причин для тревоги. По всей Ломбардии ширились враждебные Империи настроения. Некий верный императору житель Лоди доносил Кристиану, что из ломбардцев выжали в семь раз больше того, что было предусмотрено договором. Тогда как города облагались все новыми денежными поборами, у крестьян отбирали в виде податей свиней, овец, кур, яйца, зерно, сено, дрова и требовали исполнения гужевой повинности. Если приказы не исполнялись незамедлительно, то размер подати удваивался. Императорские наместники изощрялись в придумывании все новых и новых повинностей.

В городах Ломбардии, прежде столь вольных и независимых, установленные императором порядки воспринимались как рабство, какого здесь еще не видали. Не только сторонники папы, но и вся Италия жила в предчувствии восстания. Александр III в строжайшей тайне занимался подготовкой выступления в Ломбардии против немцев. В каждом из городов, управлявшихся назначенными Райнальдом наместниками, за запертыми дверями тайком собирались заговорщики, ожидавшие от папы указаний. Было задумано выступить всем одновременно. Оставалось лишь согласовать план и назначить день, когда по сигналу горожане возьмутся за оружие. Однако заговорщиков и их главного вдохновителя ожидало двойное разочарование. Дало о себе знать застарелое зло — отсутствие единства среди городов Северной Италии. Не все они захотели выступать на стороне папы против императора, который — и это была вторая неприятность — узнал о заговоре раньше, чем закончилась подготовка к нему.

Тем временем Барбаросса, готовясь к своему четвертому походу в Италию, совершал объезд собственных владений. Князья, которым он обрисовал положение дел, признали угрозу серьезной и обещали участвовать в походе. Вместе со своими вассалами они стали собираться на войну, порадовав тем самым императора. Вместе с супругой Беатрикс Фридрих посетил и ее родину — Бургундию, чтобы содействовать реализации там Вюрцбургских постановлений и сделать необходимые приготовления к походу в Италию, для чего провел в Безансоне и Доле собрания знати. Из Бургундии было удобнее всего отправиться за Альпы, однако пришлось еще завернуть в Саксонию, дабы уладить конфликты, возникшие у Генриха Льва с местными князьями. Собравшаяся в королевской резиденции Бойнебург на Верре саксонская знать высказала немало жалоб на Генриха Льва, который после помолвки с английской принцессой стал еще заносчивее. В своей гордыни он дошел до того, что воздвиг в Брауншвейге памятник самому себе — бронзового льва

на высоком постаменте. Не без причины пошли толки, что и самого императора он мало уважает, не соизволив даже явиться на собрание, где предполагалось обсуждать дела Саксонии. И все же Барбаросса сделал все возможное, чтобы погасить ненависть князей к своему кузену. Накануне итальянского похода не было ничего важнее, чем обеспечить мир и порядок в Германии. Как мог он рассчитывать на поддержку саксонских князей, если бы в их земле царили раздор и вражда?

Фридрих основательно готовился к походу. Дабы уменьшить грозившую из Византии опасность, он направил осенью 1166 года представительную делегацию к императору Мануилу Комнину в Константинополь. С этой почетной миссией отправились герцог Австрийский Генрих с супругой Феодорой, племянницей Мануила, а также пфальцграф Отто Виттельсбах. На Босфоре немецкое посольство встретили с почетом и отпустили назад с богатыми подарками, тем самым проявив заинтересованность в поддержании добрых отношений с Западной империей. Хотя и не удалось заключить соглашение с Византией, были сведены на нет результаты переговоров Александра III с Мануилом, видимо, разочарованным затянувшимися сомнениями папы.

К осени 1166 года подготовка к итальянскому походу была завершена, и в середине октября войско императора собралось близ Аугсбурга, откуда предполагалось двинуться в путь за Альпы. Райнальд Дассельский опять отправился раньше императора, чтобы подготовить его визит. К Аугсбургу прибыли со своими дружинами епископы, герцоги Фридрих Швабский и Бертольд Церинген, а также многочисленные графы. Неутешительным для Фридриха было то, что Генрих Лев не принял участия в походе, сославшись на необходимость обеспечивать порядок внутри Саксонии и безопасность на ее границах. В Италии одно его имя наводило страх, поэтому для императора было бы весьма желательно видеть Генриха рядом с собой. Освободив герцога Саксонского от участия в походе, Барбаросса был вынужден отказаться и от ряда его вассалов, правда, получив за это, как полагалось, денежную компенсацию. Хорошо еще, что в поход выступило множество чехов, о которых также со страхом вспоминали в Италии. На сей раз в составе имперского войска были не только рыцари-вассалы, но и несколько набранных в Брабанте подразделений наемников, которых итальянцы прозвали «брабандзонами». Эти искатели приключений славились своей отчаянной смелостью в бою.

Отряды из разных областей Империи двигались в Италию сразу через несколько альпийских перевалов. Сам император с супругой и сыном Генрихом прибыл через Бреннер, а затем,

обойдя стороной таившее в себе угрозу Веронское ущелье, расположился лагерем поблизости от Брешии. Он ощутил глухое раздражение, царившее в Ломбардии, уже после того, как жители Бергамо, прежде дружески относившиеся к нему, оказали ему весьма сдержанный прием. От Брешии он на всякий случай потребовал заложников, дабы гарантировать повиновение города, прежде не раз отличавшегося собственной строптивостью. Поскольку город медлил с выполнением предъявленного требования, люди императора принялись разорять округу, после чего жители Брешии поспешно выдали требуемых 60 заложников, а вдобавок еще и немалую сумму денег.

Местом сбора был назначен город Лоди, где во второй половине ноября 1166 года Фридрих провел военный смотр, а затем рейхстаг. По предложению архиепископа Майнцского Кристиана все присутствовавшие духовные и светские князья, в том числе и итальянцы, первым делом присягнули на верность Вюрцбургским постановлениям. После германских земель и Бургундии теперь и Италия клятвенно засвидетельствовала свое непримиримое отношение к папе Александру III. Для похода в Южную Италию император потребовал предоставить военные отряды как от городов, так и от князей. Однако ломбардцы принялись наперебой жаловаться на гнет и поборы со стороны уполномоченных императора. Многие итальянцы при этом держали по местному обычаю деревянные кресты, дабы их нужда получила зримое выражение. Все просившие о заступничестве были убеждены, что произвол творится без ведома императора и даже вопреки его воле. Однако Барбаросса ввиду предстоявшего военного похода не счел возможным сбавить требования, и в итальянцах стало крепнуть убеждение, что император с самого начала одобрял их угнетение. Теперь они даже опасались увеличения поборов. Ожидания, связанные с личным появлением императора, не оправдались, и против него стала копиться еле сдерживаемая затаенная злоба.

А Барбаросса думал прежде всего о покорении Южной Италии и покорении Сицилийского королевства. Обратившись к своему воинству с речью, он постарался поднять его боевой дух обещанием славных побед. Норманны должны были, наконец, покориться императору Священной Римской империи. Тем более что помочь ему в этом соглашались Генуя и Пиза, обладавшие большими флотами. Правда, сначала их необходимо было помирить, после чего объединенный флот мог быть направлен к берегам Сицилии. Для этого Райнальду предстояло с частью войска выступить в Геную, а архиепископу Майнцскому Кристиану с другой частью — в Пизу. Затем они должны были

соединиться у стен Рима, расчистив туда путь для императора. Сам же Барбаросса с большей частью отрядов намеревался двинуться через Ломбардию и Романью в Анкону, дабы выбить оттуда вторгшихся византийцев. В качестве промежуточной цели военной кампании намечалось взятие Рима и пленение папы Александра III.

Новый 1167 год Барбаросса встречал в своем военном лагере южнее Брешии и уже в январе с войском перешел реку По. В Ломбардии тогда стояла необычайно суровая зима, лежал глубокий снег. Войско двинулось в область Болоньи, где императора встретили дружелюбнее, чем можно было ожидать, учитывая прежний опыт. Болонцы с готовностью дали требуемых 100 заложников и выплатили 6000 фунтов подати своей монетой. Продолжая марш, Барбаросса в марте разделил войско: часть его он повел к югу по адриатическому побережью, а остальные под командованием Райнальда и Кристиана должны были через Тоскану, вдоль Тирренского моря двигаться к Риму. Миротворческая миссия обоих архиепископов в Генуе и Пизе не увенчалась успехом, и в первые месяцы 1167 года война между этими враждовавшими городами возобновилась.

В то время как император в течение нескольких недель пребывал в Романье, а оба архиепископа со своим войском двигались по Тоскане, попутно собирая значительные денежные суммы, в Ломбардии сгущались тучи. Когда ломбардцы убедились, что огромные поборы проводятся с одобрения императора, в их настроении наступил перелом. Как только императорское войско в феврале 1167 года покинуло Ломбардию, представители четырех городов, Кремоны, Брешии, Бергамо и Мантуи, собрались, чтобы обсудить совместные действия. Примечательно, что Кремона и Бергамо прежде считались преданными императору, а Мантуя лишь три года назад получила от него важные привилегии. Противоречия, существовавшие между городами, удалось быстро преодолеть, поскольку дело шло о совместном сопротивлении чужеземному произволу. В марте 1167 года эти четыре города объединились в Кремонскую лигу. Они обязались впредь не вредить друг другу и возместить ущерб, причиненный за последние десять лет. Верность императору они намеревались сохранить, однако при этом признавали только те его права, которыми обладали его предшественники в течение последних ста лет. Впредь города собирались совместно отстаивать свои интересы перед папой и императором, что сделало бы их требования более весомыми. Договор заключался на пятьдесят лет, и все жители городов Лиги в возрасте от 15 до 60 лет должны были под присягой обязаться соблюдать его.

Поскольку города Лиги намеревались возвратить себе свободы, коими обладали до принятия Ронкальских постановлений 1158 года, сократив тем самым права императора до размера полномочий, которые были у его предшественников, союз носил наступательный характер. Стремление к свободе явно доминировало над готовностью сохранять верность императору. Создание союза сначала должно было храниться в секрете и лишь в случае, если бы император раньше времени возвратился в Ломбардию, предполагалось публично объявить о нем.

Однако не прошло и месяца, как эта тайна раскрылась. Кремонская лига не собиралась ограничиваться только четырьмя городами-учредителями. Еще в марте 1167 года ее представители встретились с делегацией миланцев, которые после поражения 1162 года все еще жили в четырех разных деревнях. После переговоров и предоставления взаимных гарантий Милан стал членом Лиги. Уже в конце апреля миланцам с помощью новых союзников удалось вернуться в свой разрушенный город. Императорский наместник в Ломбардии граф Генрих фон Диц не имел возможности пресечь эти самоуправные действия. Возвратившись домой, миланцы принялись тут же отстраивать свой город, и прежде всего возводить новые оборонительные сооружения.

Определенную угрозу для Лиги представлял преданный императору город Лоди, с помощью которого Барбаросса мог снова подчинить себе всю Ломбардию. Города-союзники попытались сначала путем переговоров переманить Лоди на свою сторону, но после того как три попытки разбились о нерушимую верность жителей города императору, члены Лиги начали военные действия и в середине мая 1167 года приступили к осаде. Наместник императора был слишком слаб, чтобы воспрепятствовать этому. После десяти дней кровопролитных боев, ввиду угроз перебить всех жителей города, Лоди капитулировал. Теперь победители сменили гнев на милость и постарались вовлечь Лоди в свой союз, пообещав его купцам выгодные условия торговли, а также обязавшись укрепить город стеной и в случае угрозы немедленно присылать ему на помощь вооруженные отряды. На этих условиях Лоди вошел в Кремонскую лигу, подписав сроком на сто лет договор, содержавший многие другие выгодные для его жителей положения.

Вскоре в Лигу вступила и Пьяченца. Лига становилась серьезной военно-политической силой, с тыла угрожавшей императору, выступившему в поход против Рима и Сицилии. Известие о возвращении миланцев на родину и об отпадении

прежде верных ему городов огорчило и разозлило Барбароссу, но он продолжал свой марш на юг. Ломбардия словно застыла в ожидании. Император нигде не встречал сопротивления, однако чувствовалось, что первая же его неудача послужит сигналом к восстанию. В начале мая войско прибыло к Анконе. Взять штурмом хорошо укрепленный город было невозможно, и Барбаросса решил попробовать добиться капитуляции путем переговоров. В противном случае предстояла длительная осада с неясным, а скорее всего неблагоприятным для немцев исходом, поскольку без флота нельзя было блокировать город с моря. Переговоры ни к чему не привели, зато уже после трехнедельной осады удалось овладеть Анконой, вырвав ее из рук императора Мануила.

Тем временем Райнальд и Кристиан спешили к Риму, дабы не оказаться там позднее императора. Впереди шел Райнальд со своими отрядами. В конце мая он остановился лагерем в непосредственной близости от Вечного города, в Тускулуме (современный Фраскати). Благодаря усилиям папы в Риме были возведены мощные оборонительные сооружения, не позволявшие немцам надеяться на легкую победу. К тому же Александр старался подбодрить римлян, призывая их оказать упорное сопротивление противнику. И те, заняв оборону на городских стенах, потешались над архиепископом Райнальдом, выступавшим на сей раз в роли полководца: «С вашим императором хорошо иметь дело: он прислал к нам попа служить мессу!» О взятии города одной атакой, на что, возможно, рассчитывал Райнальд, нечего было и думать. Более того, положение его оказалось критическим, поскольку превосходство римлян было подавляющим. Потому Райнальд решил дожидаться в укрепленном Тускулуме прибытия Кристиана.

Римляне решили воспользоваться подвернувшимся случаем и выступили из города, чтобы захватить Райнальда. Он был бы обречен, если бы на выручку к нему не пришел Кристиан. Войско римлян, численность которого будто бы достигала тридцати тысяч человек, уже приступило к штурму Тускулума, когда клубы поднятой пыли оповестили о долгожданном прибытии архиепископа Майнцского. Впрочем, его войско было так измучено дальним переходом и летней жарой, что едва было в силах занять оборону. Римляне сразу увидели собственное преимущество. Они отошли от стен Тускулума и обрушили всю мощь своей атаки на только что подошедшего противника, одним ударом прорвав его в спешке построенные ряды. Дело могло бы кончиться полным разгромом немцев, если бы не мужество Райнальда, рискнувшего в этот критический момент, как не раз

случалось в его жизни, все поставить на карту.

Со знаменем в левой руке и мечом в правой он возглавил отряд своих рыцарей, с громким боевым кличем с тыла обрушившихся на римлян. Воинство Кристиана воспрянуло духом, и произошло невероятное: несколько сот немецких рыцарей и около тысячи брабандзонов под предводительством двух архиепископов обратили в бегство римлян, численно превосходивших их раз в двадцать. В упоении счастьем от одержанной победы Райнальд написал в Кельн, свою архиепископскую резиденцию: «Все палатки римлян, оружие, латы, одежда, лошади, ослы и золото достались нам в качестве боевого трофея. Все это мы подарили наемникам и слугам. Нам, рыцарям, довольно чести и славы!»

Эта беспримерная победа императорского войска вселила панический ужас в римлян и их папу. Никто не сомневался, что подобное могло свершиться только по воле Всевышнего. Со страхом Александр ждал прибытия самого императора и втайне уже готовился к бегству.

Весть об этой победе, послужившая для Барбароссы утешением после отпадения ломбардских городов, пришла к нему, когда только что мирно капитулировала Анкона. Он немедля поспешил в Рим, однако из-за непредвиденных задержек в пути прибыл туда лишь, 24 июля. Теперь рыцарей уже невозможно было удержать. Они устремились на штурм города, сминая папскую оборону. Непостоянное настроение римлян, привыкших быть на стороне победителя, опять переменилось. Многие из них уже стояли за императора и потому сами открыли ворота. Наиболее верные сторонники папы вместе с ним укрылись в соборе Святого Петра, откуда их пришлось выкуривать огнем. Говорили, что сам император отдал распоряжение о поджоге. Пламя пожара пожирало драгоценное убранство храма и уже приближалось к святыне христианства, могиле апостола Петра, когда сдались те, кто до последней минуты сохранял преданность Александру. Перемазанные сажей победители принялись тушить пожар. За этим занятием, в суете и дыму, они забыли про папу, который ночью, переодевшись простым монахом, в лодке спустился вниз по Тибру, а затем бежал в Террачину, всего лишь за несколько часов до того, как прибывшие из Пизы галеры перекрыли и этот путь к бегству.

На следующий день Барбаросса праздновал в опустошенном соборе Святого Петра победу. Была проведена торжественная интронизация папы Пасхалия III, который затем возложил на голову императора золотой обруч в знак патрициата над римской церковью и рукоположил 15 архиепископов и епископов. Спустя

два дня, 1 августа, папа повторил обряд императорской коронации. Дабы показать собственное смирение пред Богом, Барбаросса велел Пасхалию III, своему новому папе, избранному в пику ненавистному Александру III, возложить на голову себе, а затем и императрице Беатрикс корону римского императора, которую двенадцать лет назад уже получил из рук Адриана IV. Христианский мир должен был узнать, что единство Святой Церкви восстановлено, а император Фридрих I является повелителем милостью Божией. Этот торжественный день Барбаросса использовал и для того, чтобы еще раз вознаградить заслуги архиепископа Кельнского Райнальда перед Империей. Дарственной грамотой были сделаны щедрые пожалования возглавляемой им епархии «в качестве вознаграждения за долгую беспорочную службу и особенно за победу, которую он недавно со своими кельнскими рыцарями одержал над Римом и тем преумножил славу Империи».

Что касается самого Барбароссы, то его очередной итальянский поход продолжался. Была выполнена лишь половина задуманного, и, возможно, еще предстояло самое трудное. Император старался гнать прочь мысль о том, что Роланд-Александр опять ускользнул от него. Ведь если папе удастся благополучно добраться до своих, то многолетняя тяжба с ним, на днях почти подошедшая к концу, возобновится. Ее исход, как и многое в большой политике, будет теперь зависеть от успеха предстоящей военной кампании против Сицилийского королевства.

Вынужденная задержка объяснялась необходимостью переждать самое жаркое время года. Знойные дни сменялись душными ночами. Обычно спасительный в такую погоду ветер не приносил облегчения: дувший из Африки обжигающий сирокко лишь иссушал, вытягивал соки из всего живого. Мало помогало и то, что немцы разбили свои палатки вне города, на прилегавших к нему холмах, надеясь найти там прохладу.

В один из августовских дней раскаленное от солнечных лучей небо закрылось черными тучами и на землю обрушились потоки дождя. Однако тропический ливень продолжался недолго. Вскоре небосвод полыхал с новой силой, а вместе с возвратившейся жарой пришла беда, какой не ждали.

Вода в дождевых лужах на другой же день протухла и превратилась в зловонную жижу, ядовитые испарения которой носились среди палаток. Привыкшие к превратностям походной жизни люди не придали этому значения, не заметили вестника моровой язвы. Да и что могли сделать они, не знавшие ни причин, ни симптомов болезни, ни способов ее лечения? Первой

ее жертвой пал слуга из обоза. Этот крепкий и здоровый с виду парень вдруг зашелся судорогами, почернел и замертво рухнул наземь. Та же участь постигла и его товарищей по палатке. Не успели их похоронить, как смерть прибрала и могильщиков. А там подошла очередь и рыцарей, порой умиравших, даже не получив от священника последнее причастие.

Ужас охватил лагерь. Пытаясь остановить мор, делали кровопускание, стригли волосы, сжигали зачумленную одежду, оставаясь нагишом, но ничего не помогало. Уповая на милость Божию, священники с утра до ночи служили мессу. Болезнь невидимой рукой разила, не разбирая ни чина, ни звания. Уже отдали Богу душу епископы Пражский, Люттихский и Верденский. Не на поле брани, а от этой неведомой язвы лишились жизни многие отпрыски самых знатных родов Германии, князья, графы, пфальцграфы, рыцари и священники. Умер в юном возрасте прекрасный герцог Швабский Фридрих, кузен Барбароссы, сын короля Конрада III.

Смерть пока что обходила стороной палатку императора. Но Фридрих сознавал безнадежность положения. Недавний триумфатор, мечтавший также и о победе над сицилийским противником, которая бы еще больше прославила его имя, он был вынужден, не теряя более ни часа драгоценного времени, уводить жалкие остатки своего войска в Апеннинские горы в надежде, что прохладный горный воздух остановит эпидемию. Но уже было поздно. Смерть по пятам следовала за беглецами, не отпуская их от себя. 14 августа 1167 года она схватила ледяной рукой того, чью волю не мог сломить ни один из представителей рода человеческого, и повергла его, словно ничтожного раба. На пыльной проселочной дороге покинули жизненные силы Райнальда Дассельского. Перед тем как навсегда закрыть глаза, он выразил свою последнюю волю в завещании и причастился. Затем, не испустив ни единого стона, тихо скончался.

В окружении Александра III ликовали. Свершилась Божья кара! Явил Господь свою силу, мощь своей десницы! Стер в порошок Фридриха, этот молот безбожников! Развеялся миф, окружавший имя Барбароссы. Кто видел в нем вождя, ведомого самим Богом, тот решил, что на него обрушилось проклятие Божие. Воспрянули духом и словно по команде поднялись все враги императора. В конце августа Фридрих прибыл с остатками войска в Пизу, а оттуда продолжил путь в Ломбардию, полыхавшую огнем восстания. На горном перевале близ городишка Понтремоли вооруженный отряд попытался преградить путь императору. Во время полуденного отдыха на его людей посыпался град стрел и камней. Не пощадили даже

больных и умирающих, так что сама императрица Беатрикс взялась за оружие, помогая супругу, отважно вступившему в рукопашный бой. Наконец с большим трудом удалось одолеть численно превосходившего противника и спасти обоз с провиантом. Однако император все же не рискнул двигаться со своим войском через перевал и был вынужден идти более длинной и трудной дорогой по территории маркграфа Маласпины, своего союзника. В середине сентября Барбаросса со своей дружиной, среди которой было много больных, прибыл в традиционно сохранявшую ему верность Павию, где их всех радушно встретили. Он рассчитывал отсидеться там в ожидании подхода подкрепления из Германии. В отправленной на родину депеше он заявил, что скорее примет смерть в бою с врагами, нежели смирится с гибелью Империи.

Однако и в Павии императора не оставляли в покое. Воспользовавшись его несчастьем, против него поднялись даже слабые. Подстрекаемая Кремоной Парма присоединилась к Лиге и освободила всех болонских заложников. После двухмесячной осады пала и была стерта с лица земли крепость Треццо на Адде. В свое время Барбаросса распорядился особенно надежно укрепить этот опорный пункт в Ломбардии, чтобы хранить там значительную часть императорской казны и прочие ценности. Император не сумел прийти на помощь гарнизону крепости, и теперь верные ему люди были брошены в миланские темницы.

Еще больнее, чем пять лет назад на мосту через Сону, Фридрих испытал на себе капризы фортуны. Очередная попытка ликвидировать схизму и тем самым укрепить имперскую власть провалилась. Однако Фридрих не позволил судьбе сломать себя, хорошо понимая, что за первой неудачей сразу же последуют и другие, стоит только утратить мужество и стойкость. Уже через несколько дней после прибытия в Павию Барбаросса предал имперской опале изменившие ему города, объявив им войну, хотя в данный момент это были лишь пустые угрозы.

Пытаясь расколоть Кремонскую лигу, объединявшую теперь восемь городов, Фридрих не распространил опалу на два прежде преданных Империи города, Лоди и Кремону. Он сразу же обратился и к князьям в Германии в надежде как можно скорее получить от них помощь. «Мятеж поднялся не только против меня, — писал он. — Стряхнув с себя бремя нашей власти, бунтовщики до того осмелели, что замахнулись и на авторитет немецкого народа, утверждавшийся с таким трудом, ценой стольких жертв и крови многих князей и иных знатных мужей. Теперь они заявляют: „Не желаем больше, чтобы нами правил этот человек, и немцы не должны больше господствовать над

нами“. Но мы скорее примем достойную смерть среди врагов, нежели допустим в наше время разгром Империи, дабы наши потомки не унаследовали смуту и анархию».

Но свирепствовавшие в Германии междоусобицы не позволили послать войско на помощь императору. В борьбе за архиепископство Зальцбургское было разрушено множество монастырей, а сам Зальцбург опустошен пожарами. Пфальцграф Рейнский Конрад, как только узнал о смерти архиепископа Райнальда, возобновил борьбу за Кельнское архиепископство. И в Саксонии дела обстояли не лучше. В отсутствие императора недруги Генриха Льва выступили против него.

Барбаросса не собирался сложа руки сидеть в Ломбардии, ожидая помощи из Германии. Уже в конце сентября он собрал вооруженные отряды из еще преданных ему городов Павии, Новары и Верчелли, к которым присоединились со своими дружинами также маркграфы Вильгельм Монферратский и Опицо Маласпина, а также граф Гвидо Бьяндрате. Барбаросса намеревался отомстить городам-изменникам и первым делом направился к Милану, огнем и мечом опустошая подвластную ему территорию. Когда же стало известно, что приближается армия Кремонской лиги, он сменил театр военных действий, переместившись в область Пьяченцы. Так осенью 1167 года Барбаросса вел малую войну, не имея достаточных сил для большого, решающего сражения.

Эта очевидная слабость императора побудила его противников развернуть активную деятельность. 1 декабря 1167 года встретились консулы городов Кремонской и Веронской лиг, чтобы торжественной присягой засвидетельствовать свое вхождение в состав единой Ломбардской Лиги, к которой тогда же присоединились Болонья, Феррара, Модена и Тревизо, так что общее число вошедших в состав Лиги городов достигло шестнадцати. Обсудили более тесное сотрудничество в будущем ради оказания совместного отпора императору. Был сформирован так называемый ректорат, в который вошли по одному-два представителя от каждого из шестнадцати городов, обязавшихся помогать друг другу в случае угрозы нападения и совместно возмещать причиненный ущерб.

В декабре городам удалось привлечь на свою сторону и маркграфа Маласпину. В свое время он перешел на сторону Барбароссы из корыстных побуждений и теперь усматривал большую для себя выгоду в сотрудничестве с городами. Утрата этого деятельного помощника оказалась весьма болезненной для императора. Его положение в Северной Италии все более ухудшалось; к тому же становилось очевидным, что немецкие

князья и не собираются присылать военные подкрепления. Часть Италии, некогда входившую в состав Империи, можно было считать потерянной. Только во владениях маркграфа Монферратского, восточнее Турина, император в конце 1167 года мог еще чувствовать себя в относительной безопасности, да и то ему приходилось постоянно менять свое местонахождение, спасаясь от врагов, так что послам от графа Генриха де Труа и английского короля нелегко было его находить.

Главным вдохновителем сопротивления в Ломбардии выступал архиепископ Миланский Гальдини. Весной 1168 года ломбардцы даже основали новый город, в честь папы Александра III дав ему название Алессандрия. Это был прямой вызов императору, тем более что основание городов было его бесспорной прерогативой. Для города нашли очень выгодное место и сразу же укрепили его валом и рвом. Правда, папа Александр III не последовал приглашению поселиться в Ломбардии, предпочитая оставаться в Беневенте, подальше от Барбароссы.

Еще в начале 1168 года Барбаросса решил покинуть Италию. Поскольку пробираться в Германию через альпийские перевалы было опасно, он договорился с графом Савойским о проходе через его территорию. Фридрих велел собрать размещенных по нескольким бургам заложников, намереваясь взять их с собой, дабы в случае необходимости иметь средство воздействия на врагов. Когда в начале марта он прибыл в сопровождении не более тридцати рыцарей в Сузу, ворота перед ним с готовностью открылись, но как только он оказался в городе, сразу же захлопнулись. Император оказался в ловушке. От него потребовали освободить заложников, ссылаясь на угрозу Ломбардской лиги в противном случае разрушить город. Самому императору и его свите гарантировали беспрепятственный уход, но ни один итальянец не должен был покинуть город.

Торжественное обещание беспрепятственного ухода не убедило Барбароссу, поскольку уже не раз совершались покушения на его жизнь и свободу. Переодевшись слугой, в сопровождении нескольких человек ночью он покинул город под благовидным предлогом заблаговременного поиска ночлега на следующую ночь. Так императору удалось пройти через перевал Мон-Сени и добраться до Гренобля. Тем временем в Сузе один из рыцарей Барбароссы создавал видимость его присутствия. Когда же бегство императора обнаружилось, его супруге и прочей свите под предводительством герцога Бертольда Церингена позволили беспрепятственно уйти, показав тем самым, что и вправду все дело было в заложниках.

Прославленный триумфатор милостью Божией император Священной Римской империи бежал в одежде слуги, как зверь пробираясь среди расставленных на него капканов. Все, чего добился Барбаросса за пятнадцать лет в своем стремлении упрочить господство немцев в Италии, рассыпалось прахом. И все же врожденный оптимизм, не покидавший императора даже в самые трудные минуты, подсказывал, что еще не все потеряно.

БАРБАРОССА СОСРЕДОТОЧИВАЕТСЯ

По возвращении из Италии весной 1168 года император долго оставался в прирейнских областях, где он всегда с особым удовольствием останавливался в своих любимых резиденциях в Вормсе и Хагенау. Правда, на этот раз удовольствие было испорчено мучительными болями в ногах, вызванными очередным приступом подагры. Сказалось перенапряжение последних десяти лет, проведенных в непрерывных разъездах, сражениях и лишениях. Только в Италии он семь лет практически постоянно находился в пути или в полевом походном лагере. Теперь Барбароссе предстояло как никогда долго прожить в Германии — целых шесть лет, занимаясь наведением порядка в стране и восстановлением растраченных на Апеннинах сил. Это были годы, бедные событиями, но богатые результатами.

Главной причиной провала своего четвертого итальянского похода Фридрих считал раздоры в Саксонии, помешавшие князьям, вступившим в очередной конфликт с Генрихом Львом, откликнуться на его просьбы о помощи. У Фридриха не раз появлялась возможность воспрепятствовать росту могущества Вельфов, и все же он сознательно этого не делал. Снова и снова князья, страдавшие от произвола Генриха, подавали жалобы в императорский суд — и ни разу не был вынесен желательный для них приговор. Дело неизменно заканчивалось мировым соглашением, о соблюдении которого Генрих потом и не помышлял. Чем могущественнее становился герцог Саксонии и Баварии, тем весомее было его слово в совете князей. Император вынужденно терпел это: до тех пор, пока он чувствовал за спиной поддержку Генриха Льва, его руки были развязаны для реализации собственных грандиозных замыслов. Вельф оставался в полной безопасности под защитой императора, сознавая при этом его зависимость от себя.

Однако по мере упрочения собственной власти Фридрих все больше приходил к убеждению о нетерпимости подобного положения. Теперь же, после постигшей его около Рима катастрофы, когда Барбаросса тщетно ждал помощи от Генриха, но так и не дождался ее, он стал воспринимать герцогское могущество Вельфа как угрозу для себя. После крушения императорского господства в Италии центр тяжести имперской власти переместился. Если раньше доминирующее положение Генриха Льва в Германии уравновешивалось господством Фридриха в Италии, то теперь это равновесие было нарушено, и преобладание могущества Вельфа стало слишком очевидным.

Основанная на земельных владениях сила Фридриха как швабского герцога не шла ни в какое сравнение с мощью Вельфа, который, владея Баварией и сильно расширившейся за счет славянских территорий Саксонией, железной хваткой держал всю Империю.

Но тем важнее для Барбароссы была теперь дружба с Генрихом Львом, по крайней мере до тех пор, пока ему не удастся восстановить свое господство в Италии. Для решения этой задачи, занимавшей все его помыслы, император готов был прибегнуть к любым средствам. Сначала следовало восстановить мир в Саксонии. Созданную в свое время коалицию для борьбы против Генриха Льва возглавляли маркграф Альбрехт Медведь, архиепископ Магдебургский Вихман и ландграф Тюрингский Людвиг. К этой коалиции присоединилось множество саксонских феодалов, в том числе могущественный граф Ольденбургский, а также Кельнское архиепископство. Союзники вторглись в Саксонию с востока и запада. Они опустошали владения противника, ведя бои с переменным успехом. Император просто обязан был вмешаться, поэтому и направил к развязавшим междоусобную войну князьям архиепископа Майнцского Кристиана, дабы тот передал его строжайшее требование незамедлительно прекратить борьбу и явиться к 5 мая 1168 года на рейхстаг в Вюрцбург. Однако установленный срок прошел, а князей все не было. Они оставили без внимания и повторное приглашение, продолжая производить опустошения во владениях Генриха Льва, что послужило для Барбароссы тревожным сигналом об утрате авторитета среди подданных.

Лишь с третьей попытки в конце июня 1168 года удалось открыть рейхстаг в Вюрцбурге, куда явилось и несколько ломбардских епископов, изгнанных из своих епархий. Среди участников преобладали противники Генриха Льва, так что потребовался весь дипломатический талант Фридриха, чтобы еще раз добиться мирного соглашения. После того как один из доверенных сотрудников Райнальда Дассельского, Филипп Хайнсбергский, избранный по желанию императора архиепископом Кельнским, сразу же вышел из союза князей, это объединение лишилось своей важнейшей опоры. Фридрих рассудил, что Генрих подвергся нападению, то есть князья оказались нарушителями мира. Более того, он возложил на них вину за события в Италии: развязав междоусобную войну в Германии, князья не смогли откликнуться на его настоятельные просьбы о помощи. Если бы они не привели в действие свой «союз всех против одного», то одно лишь войско Генриха Льва сумело бы подавить мятеж в Ломбардии, не говоря уж об участии других

имперских отрядов. Генрих весьма охотно согласился с таким приговором, в очередной раз заверив в нерушимости своего союза с императором. «Нарушителям мира» не оставалось иного выбора, кроме как прекратить борьбу против ненавистного Вельфа.

В качестве платы за эту помощь, спасшую его от большой беды, Генрих должен был передать короне Гослар с его серебряными рудниками, полученный от Фридриха же, когда тот накануне избрания королем щедрыми подарками и обещаниями привлекал к себе сторонников. Утрата Гослара по сравнению с победой над князьями означала небольшую потерю, однако Генрих усматривал в этом оскорбительное посягательство на собственное герцогское достоинство. Гослар издавна являлся имперской собственностью. Могущественный правитель из Салической династии Генрих III даже предпринял попытку устроить здесь императорскую резиденцию. С тем большей гордостью воспринимал Вельф приобретение этого города, имевшего к тому же важное стратегическое значение для обороны всей области Гарца. И все же важнее было то, что император в очередной раз встал на его сторону, обещая и впредь следить за соблюдением вновь заключенного мира. Однако, дабы заручиться наряду с императорским еще и Божьим миром, Генрих Лев дал обет совершить паломничество в Святую землю, в течение которого никто не смел поднять против него оружие, если не хотел совершить тяжкий грех.

Тогда же, на Вюрцбургском рейхстаге, Барбаросса пожаловал в лен своему сыну, носившему, как и все первенцы в роду Штауфенов, имя Фридрих, герцогство Швабское, ставшее вакантным после гибели юного герцога Швабии, сына короля Конрада III. Император не собирался передавать штауфеновское наследство чужим людям. Поскольку никто не мог оспорить его право на отцовскую опеку, он сам прибрал Швабию к рукам, взяв на себя управление герцогством от имени четырехлетнего сына — лишь обладая большими территориальными владениями, можно было утвердить свой авторитет и укрепить власть над князьями.

Вследствие эпидемии, постигшей у стен Рима войско императора, стали вакантными и многие другие крупные ленные владения, что давало Фридриху хорошую возможность приумножить собственность короны. Однако конфискуя земли тех, кто отдал свою жизнь за императора и Империю, Фридрих избегал прямого насилия. В порядке компенсации он жаловал родственникам пенсии или имперские привилегии, которые лично ему ничего не стоили. Самая крупная из этих компенсаций имела далекоидущие последствия. Среди погибших у стен Рима был сын и наследник Меммингенских Вельфов, из-за чего для

старика-отца жизнь потеряла всякий смысл, и он предался безудержному мотовству. В Меммингене и Равенсбурге роскошные пиры сменяли друг друга. Вельф словно задался целью как можно скорее промотать остатки своего имения. Когда иссякли припасы и деньги, он обратился к своему племяннику Генриху Льву, предлагая ему исконные владения Вельфов за выплату пожизненной ренты. Генрих поначалу согласился, но с обещанными выплатами не спешил. Его даже взяло зло, что с него требуют больших денег за то, на что он, последний в роду Вельфов, и так может по праву претендовать. И тогда старик предложил то же самое другому своему племяннику, императору Фридриху Гогенштауфену. Тот с готовностью ухватился за представившийся случай присвоить огромные земельные владения рода Вельфов близ Боденского озера и в Италии. По мере возможности удовлетворив своего дядю золотом и серебром, он еще и пожаловал ему в лен большую часть этих имений. Отныне швабские владения Штауфенов протянулись до самого Боденского озера.

20 сентября 1168 года в Риме скоропостижно скончался папа Пасхалий III. Как и за четыре года до этого, незамедлительно, даже не спросив согласия и совета у императора, избрали преемника. Каликст III, как он себя назвал, был уже седьмым папой, избранным при Фридрихе I. Император сначала не хотел признавать его, но был вынужден сделать это, будучи связанным присягой, лично произнесенной на Вюрцбургском рейхстаге 1165 года. Сфера влияния нового папы совпадала с территориальными владениями Барбароссы в Италии, включавшими в себя тогда Рим и Тоскану. Избранный в ноябре 1169 года новый римский сенат заявил о своей преданности императору, так что Каликст некоторое время мог чувствовать себя в Риме в безопасности. Однако святая пророчица Хильдегарда Бингенская грозила императору, так же как и после избрания Пасхалия III, Божьей карой, порицая возобновление схизмы, второй раз прекратившейся по воле Всевышнего.

Пробыв некоторое время в Эльзасе, император вынужден был в январе 1169 года отправиться в Саксонию, поскольку там опять начались беспорядки. На съезде знати, в присутствии архиепископов Майнцского и Кельнского, он попытался восстановить мир в герцогстве, постаравшись при этом использовать все свое влияние на Генриха Льва, дабы заставить его мягче и терпимее относиться к своим вассалам. В середине февраля император провел хофтаг в Нюрнберге. В первый год после своего возвращения из Италии Барбаросса чаще, чем когда-либо прежде, совещался на рейхстагах и хофтагах с князьями,

желая установить более тесные отношения с ними и таким образом овладеть ситуацией в стране. Помимо прочего, ему приходилось думать о финансовой поддержке для восстановления и укрепления собственной власти. Доходы из Ломбардии были практически полностью потеряны. В ходе переговоров с князьями Фридрих еще раз проявил свое прославленное умение убеждать людей и самому идти на компромисс. С возрастом эти его качества приобретали все большее значение, равно как и умение трезво оценивать ситуацию.

Восстановление господства в Италии для Фридриха оставалось главной целью, по сравнению с которой казались второстепенными все другие задачи. Катастрофа в Италии знаменовала собой нечто гораздо большее, нежели просто утрату фактического господства: она грозила похоронить имперскую идею вообще. Однако способы достижения цели со временем изменились. Смерть Райнальда Дассельского, предпочитавшего действовать бескомпромиссно, открывала перед императором новые пути, позволявшие продолжить борьбу, хотя поставленная задача могла кому-то показаться неразрешимой.

Теперь для ее решения Фридрих предпринял шаги по преодолению схизмы. В марте 1169 года он пригласил к себе аббатов монастырей Сито и Клерво, дабы посовещаться с ними по церковным вопросам. Примечательно, что он прибегнул к услугам двух цистерцианцев, зная, что они являются сторонниками папы Александра III, — теперь он был готов несколько отступить от своей жесткой линии в вопросе церковной политики. И действительно, в начале апреля после обстоятельных совещаний на хофтаге в Бамберге было решено направить обоих аббатов вместе с епископом Эберхардом Бамбергским к папе Александру в Беневент. Ломбардцы задержали императорского посланца, и он вынужден был возвратиться, тогда как аббаты беспрепятственно продолжили свой путь. Не обладая нужными полномочиями, они смогли только сообщить папе о готовности императора к заключению мира и добиться для Эберхарда разрешения на проезд через Ломбардию.

Тем временем император успешно готовил избрание сына Генриха своим преемником. На рейхстаге в Бамберге в июне 1169 года четырехлетний Штауфен был избран королем Германии. Предложение внес архиепископ Майнцский Кристиан, и выборы прошли единогласно. 15 августа архиепископ Кельнский Филипп короновал Генриха в соборе Ахена. Как избрание, так и коронация свершились в обход Вюрцбургских постановлений 1165 года, предусматривавших избрание преемником императора

лишь того, кто присягнет на верность этим решениям. Естественно, от четырехлетнего мальчика этого нельзя было требовать. Возможно, Фридрих сознательно пошел на такое нарушение, дабы разорвать заколдованный круг вюрцбургского заявления о непримиримости с папой Александром III.

Поскольку император пока не намечал нового похода в Италию, он уделял больше внимания положению дел на северо-востоке своего государства. На хофтаге во Франкфурте-на-Майне в январе 1170 года он пожаловал привилегию дружественным славянским князьям, предоставив им такие же почетные права, какими обладали немецкие князья. Правда, это не касалось ленных обязательств славян по отношению к Генриху Льву. Во Франкфурт прибыл и епископ Шверинский Берно, которому император пожаловал привилегию для его епископства. Когда-то Берно был монахом-цистерцианцем; он посвятил себя христианизации славян, действуя зачастую в весьма трудных условиях.

В конце февраля епископ Бамбергский Эберхард по заданию императора отправился к папе Александру в Италию. Прошлогодние переговоры двух аббатов-цистерцианцев подготовили почву для дальнейших контактов. Ломбардцы на сей раз пропустили епископа через свою территорию, хотя и относились с большим недоверием к переговорам между Фридрихом и Александром, опасаясь ущерба для себя. Барбаросса пожелал, чтобы встреча состоялась не в резиденции папы Александра в Беневенте, поскольку проведение переговоров на территории, подвластной королю Сицилии, было бы несовместимо с достоинством Римско-Германской империи. Папа уважил это требование и перебрался со своим двором в Вероли, южнее Рима, где и оставался до осени 1170 года. Чтобы рассеять подозрения ломбардских городов, Александр намеревался проводить переговоры с Эберхардом в присутствии их представителей, которые и были приглашены в Вероли.

Уже третьего по счету «императорского папу», Каликста III, почти никто не принимал всерьез. Александр III теперь был практически повсеместно признан законным папой; к тому же он оставался душой сопротивления городов Ломбардии против императора. Вновь отстроившийся Милан закрыл альпийский перевал Бреннер, через который немецкие войска приходили в Италию. Путь, ведший в Италию из Бургундии через Турин в Павию, ломбардцы тоже перекрыли, построив между Асти и Тортоной крепость и назвав ее в честь Александра III Алессандрией, что означало открытый вызов императору и Империи. Однако, несмотря на это, папа по-прежнему оставался в

затруднительном положении. Путь в Рим ему был закрыт, поэтому он не мог не желать прекращения конфликта с императором.

Бедственное положение Александра Фридрих рассматривал как благоприятную предпосылку для начала своей дипломатической акции. Если бы удалось перетащить на свою сторону этого стойкого, уже приближавшегося к старческому возрасту человека, то позиции ломбардцев были бы серьезно подорваны, поскольку благословение со стороны апостолического князя, признанного почти всеми, кроме немцев, служило для них символом единства и придавало их борьбе против императора ореол мученичества. Если бы Александр перешел на сторону Фридриха, их сопротивление теряло бы всякий смысл и вскоре ввиду отсутствия среди городов единства и их соперничества друг с другом должно было бы угаснуть.

Прибывший вместе с цистерцианцами епископ Эберхард был с почетом принят папой Александром III, пребывавшим в окружении своих кардиналов и представителей Ломбардского союза городов. Когда Эберхарда спросили, с каким поручением он явился, тот, замявшись было, ответил, что имеет строгий наказ говорить только наедине с папой. Это вызвало большое недовольство ломбардцев и кардиналов. Александр возразил, что не держит секретов от своих друзей. Однако Эберхард настаивал на своем, так что Александру в конце концов пришлось согласиться на беседу с глазу на глаз. При этом он, правда, заявил, что не будет держать в тайне ее содержание, а обсудит со своими друзьями императорское послание.

Эберхард был вынужден соблюдать предельную сдержанность. Об откровенной беседе не могло быть и речи, поскольку предложение, с которым он прибыл, касалось только папы Александра, но никак не ломбардцев. Говоря больше полунамеками, он дал понять, что юный, только что избранный король Генрих VI мог бы признать Александра, если тот коронует его императорской короной. В ответ на вопрос папы, готов ли и сам император признать его, Эберхард лишь пожал плечами и, выдержав паузу, признался, что не знает. Александр прервал беседу, чтобы посоветоваться со своими друзьями, после чего миссия Эберхарда потерпела провал, поскольку разгневанные ломбардцы потребовали прекратить переговоры. Александр не мог им перечить, в душе глубоко сожалея об этом.

Следствием провала переговоров, как и следовало ожидать, стало обострение борьбы. Когда епископ Бамбергский вернулся, император созвал в начале июня 1170 года хофтаг в Фульде, дабы заслушать его отчет. Узнав, что Александр в целом отверг его

предложения, Барбаросса вернулся к своей прежней непримиримой позиции, выраженной в Вюрцбургском заявлении, и вновь принес клятву, что не признает Александра папой. Александр, в свою очередь, дабы продемонстрировать ломбардцам незыблемость своей позиции, пригрозил церковным проклятием любому из городов Ломбардской лиги, который перейдет на сторону императора.

В том же месяце император созвал рейхстаг в Эрфурте, поскольку в Саксонии с марта опять шла война. Генрих Лев вторгся во владения Магдебургского архиепископства и произвел там большие опустошения. Ввиду неприязненного отношения саксонских князей к герцогу, следовало ожидать расширения конфликта. Поэтому император приложил в Эрфурте все усилия для того, чтобы примирить враждующие стороны, и ему это опять удалось. Сразу же после Эрфуртского рейхстага Фридрих отправился на запад, в Гельнхаузен, где для него возводилась резиденция. Непрерывно разъезжая по стране, он нуждался в густой сети таких резиденций-пфальцев, служивших не только зримым выражением императорского господства, но и опорными пунктами в разных уголках королевства. Резиденция в Гельнхаузене была наиболее совершенной в архитектурном отношении и лучше других сохранилась до наших дней.

Хотя первая попытка Фридриха отколоть Александра от ломбардцев и потерпела неудачу, от своих намерений он не отказывался. Не падая духом, он пытался иными путями прийти к цели, умело используя любую возможность. 29 декабря 1170 года у главного алтаря кафедрального собора в Кентербери был убит Томас Бекет, архиепископ Кентерберийский. Все разделяли уверенность, что злодеяние совершилось по приказу Генриха II. Людовик VII шумно возмущался, требуя отлучить от церкви короля-убийцу и даже добиться его смещения. Однако ничего подобного не произошло. Александр III целую неделю не выходил из монашеской кельи, молитвами и умерщвлением плоти желая умиротворить Господа. И тем не менее он принял смиренное покаяние Генриха II, обсудив с его посланцами порядок искупления королем своего греха.

Эти события, взбудоражившие христианский мир, предоставили Барбароссе великолепную возможность дружески сблизиться с французским королем, которому он дал понять, что императорский папа лучше бы порадел о благе христианства, нежели лукавый Александр. Людовик, призывавший к священной войне против английского правителя, пошел на сближение с императором, поскольку одна Франция не могла воевать против могущественной Англии, владевшей значительной частью

французской территории. С помощью аббата цистерцианского монастыря в Клерво удалось быстро установить контакты между монархами и уже 14 февраля 1171 года Фридрих и Людовик встретились в местечке Максэ-сюр-Вэз западнее Нанси. На сей раз (в отличие от событий десятилетней давности) состоялась личная беседа двух государей. Подробности этой встречи не известны, но, видимо, говорили о взаимном сближении и преодолении схизмы, а также о совместной борьбе против банд брабандзонов, орудовавших на границе обоих государств. Несмотря на наличие нерешенных проблем, было достигнуто такое взаимопонимание, что опять заговорили о браке сына Фридриха с одной из дочерей Людовика. Слухи о намечавшемся династическом браке распространились столь быстро, что спустя уже две недели после этой встречи Александр, обеспокоенный сближением своего покровителя Людовика с давним врагом Фридрихом, написал архиепископу Реймсскому, чтобы тот расстроил помолвку.

Хотя Фридриху тогда и не удалось склонить французского короля к признанию «императорского папы», все же результат встречи оказался многообещающим. Оба государя направили совместное посольство к Александру. Однако послы, аббаты-цистерцианцы, опоздали: Александр уже успел договориться с Генрихом II и, добившись от него больших уступок, был неприступен.

Людовик VII, опасаясь Англии, не решился на разрыв с Александром. Так закончилась ничем и вторая попытка Фридриха примириться с французским королем. Но Фридрих не пал духом и тут же снова принялся за дело, направив своего лучшего дипломата, Кристиана Майнцского, в Константинополь к византийскому императору Мануилу просить для одного из своих сыновей руки его дочери. Этот брак мог бы увенчать установление прочного союза между императорами. Мануил, раздосадованный сдержанной реакцией Александра на свои заманчивые предложения, охотно согласился на предложения Фридриха. Предполагалось достигнуть соглашения не только о прекращении переговоров византийского императора с Александром, но и относительно Италии и Венгрии: в то время как Фридрих предоставлял Византии свободу действий в отношении Венгрии, Мануил отказывался от своих и без того несбыточных планов завоевания Италии. Таким образом, четко разграничивались сферы интересов обеих великих держав.

Это был большой успех императора. Александр, а вместе с ним и ломбардцы отныне не могли рассчитывать на помощь со стороны Византии. Венеция стала демонстративно проявлять холодное отношение к легатам Александра. Соглашение двух

императоров сказалось даже на позиции Генуи и Пизы. Генуя отошла от своей прежней ориентации на сотрудничество с ломбардцами, а Пиза заявила о полном нейтралитете. Однако оба города по-прежнему ожесточенно конфликтовали друг с другом, поэтому Фридрих направил только что вернувшегося из Константинополя Кристиана Майнцского мирить их, а заодно и перетащить на сторону императора тосканцев. Хотя архиепископу и не удалось в полной мере решить эти задачи, позиции императора заметно укрепились не только в Генуе и Пизе, но и по всей Тоскане.

Лето 1171 года Барбаросса провел на Рейне, где кельнцы предоставили ему крупную сумму денег. В июле он провел в Нимвегене рейхстаг, на котором урегулировал вопросы земского мира на Нижнем Рейне. С конца августа по октябрь включительно император находился в Ахене; он велел жителям укрепить свой город, прежде окруженный только валом и рвом, стеной и башнями. Это сооружение вскоре назвали «стеной Барбароссы». В середине ноября Фридрих созвал рейхстаг в Госларе, на котором потребовал от сыновей маркграфа Бранденбургского Альбрехта области, которые передал в 1152 году их отцу из спорного наследства. Хотя этот вопрос тогда и не был решен, само требование свидетельствовало о стремлении императора укрепить свое положение, расширить собственные земельные владения.

Все это время Барбаросса не забывал об Италии. Узнав, что там обострилась борьба между его сторонниками и противниками, он направил туда архиепископа Майнцского Кристиана с особыми полномочиями. Кристиан должен был заявить о правах императора, начать сбор его верных сторонников, морально ободрить их, а также укрепить римлян в дальнейшей поддержке папы Каликста III. Архиепископ с небольшим вооруженным отрядом, в который входили и наемники, через Бургундию и Пьемонт прибыл в Италию, где получил поддержку Вильгельма Монферратского. Ломбардцы были весьма раздосадованы тем, что Кристиан, несмотря на заставы на всех дорогах, сумел добраться до Тосканы. Справедливо заподозрив, что это стало возможным только благодаря помощи генуэзцев и маркграфа Монферратского, они блокировали в отместку все пути в Геную. Объединенные вооруженные силы нескольких городов во главе с Миланом в июне 1171 года нанесли маркграфу Монферратскому сокрушительное поражение у его крепости Монтебелло. Маркграф был вынужден подписать унизительный договор, обязавший его разрушить два свои бурга и впредь во всем

следовать распоряжениям консулов Кремоны, Милана, Пьяченцы и Лоди, порукой чему должны были стать заложники, в число которых вошел и один из его сыновей. Наконец, он обязался примкнуть к договору ломбардских городов и впредь участвовать во всех их акциях против императора.

В конце марта 1172 года на рейхстаге в Вормсе Барбаросса заявил резкий протест против действий ломбардцев и «всех сторонников Роланда» (как он продолжал называть папу Александра), собиравшихся, по его словам, передать Италию и корону Римской империи императору Византии. Оставив попытки найти взаимопонимание с Александром, Фридрих уже тогда наметил на 1174 год очередной поход в Италию. Главной целью ставилось упразднение Ломбардской лиги и преодоление раскола в церкви путем искоренения сторонников Александра. Присутствовавшие в Вормсе князья клятвенно обязались помочь императору. Эрцканцлер Италии, архиепископ Кельнский Филипп, проинформировал римских сенаторов и пизанских консулов о намеченном военном походе и получил от них весьма одобрительные ответы. А тем временем архиепископ Кристиан занимался восстановлением мира и порядка в Тоскане. Особенно трудно было примирить друг с другом Пизу и Геную, поскольку каждый из этих городов надеялся привлечь архиепископа на свою сторону.

Тогда же епископ Вормсский Конрад продолжил в Константинополе переговоры, начатые около двух лет назад Кристианом Майнцским. Барбаросса был заинтересован в том, чтобы Мануил в дальнейшем не оказывал поддержки союзам городов в Италии и Александру. Вполне вероятно, что в эти переговоры включился и Генрих Лев, прибывший в Константинополь во время своего паломничества в Святую землю. Бытовало мнение, что могущественный Вельф считает себя равным императору и стремится к независимому положению, поэтому при дворе Барбароссы вскоре поползли слухи, будто Генрих интригует против него в Византии. Говорили даже, что Мануил подстрекает его против Фридриха.

Летом 1172 года Барбаросса провел успешный поход против польского князя, не соблюдавшего соглашение 1163 года. Император повел с собой большое войско, в которое вошли рыцари из Баварии, Швабии, Франконии и Саксонии. Участию саксов благоприятствовало отсутствие в Германии Генриха Льва, отправившегося в Святую землю. Выступил в поход и король Чехии Владислав. Польский князь, узнав о намерениях императора, поспешил навстречу ему и, не вступая в войну, принес присягу на верность.

Осенью 1172 года император находился во Франконии, куда его позвала весть о кончине одного из наиболее верных его советников в первые годы правления, епископа Бамбергского Эберхарда II. В декабре Фридрих был в Вюрцбурге, где назначил своим новым канцлером епископа Готфрида, превосходного юриста и дипломата. Рождество праздновал в Аугсбурге в обществе многочисленных князей. Здесь он приветствовал Генриха Льва, вернувшегося из паломничества. О подозрениях относительно переговоров в Константинополе не было речи.

Не сидел без дела и направленный императором в Италию Кристиан Майнцский. В начале 1173 года он завоевал города Сполето и Ассизи и несколько крепостей в тех местах. Жалуя привилегии князьям и городам, сохранявшим верность Империи, он укреплял там власть императора и готовил новый поход в Италию. 1 апреля началась осада Анконы, причем с моря гавань блокировали 40 венецианских галер, но осажденные оказали упорное сопротивление. Несмотря на начавшийся вскоре голод, во время которого съели даже кошек и собак, они и не думали капитулировать. Некоему греку удалось уйти из города; он обратился за помощью к ломбардцам, пообещав им деньги, однако и это не помогло. После шести месяцев блокады Кристиан сумел добиться от жителей Анконы капитуляции и выплаты значительной суммы денег.

Затем он сразу поскакал за Альпы к императору. Несмотря на все усилия, ему не удалось добиться окончательного мира между Пизой и Генуей, но до него дошли слухи о жалобах пизанцев императору на его грубые действия летом 1173 года. Хотя Барбаросса отнесся к этим жалобам со вниманием и даже обещал разобраться, однако не известно, наказал ли он Кристиана за его чрезмерную жестокость. Зато он с интересом выслушал его отчет, когда они в конце ноября встретились в Вормсе после двухлетней разлуки. Донесения Кристиана оказали влияние на планы похода в Италию, которые император обсуждал тогда в Вормсе с многочисленными светскими и духовными князьями.

В декабре, невзирая на зимнюю стужу и бездорожье, император поскакал из Вормса в Тюрингию, где молодой ландграф Людвиг начал междоусобную войну с представителями рода Асканиев, сыновьями Альбрехта Медведя. Эту войну Фридриху удалось прекратить. Свое пребывание в Саксонии и Тюрингии он использовал для того, чтобы в начале 1174 года провести хофтаги в Мерзебурге, Кведлинбурге и пфальце Тилледа. В беседах с Генрихом Львом, архиепископом Магдебургским Вихманом и другими князьями Барбаросса постарался обеспечить сбор как можно более многочисленного

войска для предстоящего похода в Италию, подготовкой которого он теперь усиленно занимался.

В конце марта Барбаросса устроил великолепное празднование Пасхи, демонстрируя окружающим блеск и величие своего императорского достоинства. Празднование проходило в Ахене, «столице королевства», как поименован город в одном из документов того времени. В праздничной процессии сам император, его супруга Беатрикс и юный король Генрих шли с коронами на головах. Присутствовали архиепископы Кельнский и Трирский, канцлер папы Каликста III, кардинал-епископ Тускуланский, а также множество герцогов и графов. Но даже и на фоне столь блестящего общества выделялись послы египетского султана Саладина в своих диковинных облачениях. Они привезли императору роскошные подарки с Востока. Султан будто бы просил в жены для своего сына одну из дочерей Барбароссы, чтобы установить более прочные связи с правителем Западной империи. За это он обещал освободить всех пленных христиан в Сирии. Говорили даже, будто султан собирался вместе с сыном перейти в христианство…

В апреле император находился в Нижней Лотарингии, где принимал от подданных клятвенные обязательства участвовать в итальянском походе. Затем он направился в Кайзерслаутерн, где встретился с духовными и светскими князьями из Саксонии, Франконии и Лотарингии. Поскольку немецкие князья не изъявляли особого желания отправиться в поход в Италию, было решено набрать брабандзонов, продолжавших опустошать пограничные области Империи, так что намерение увести значительную часть их за Альпы повсеместно приветствовалось. Встретился император и с послами из Италии, уверявшими, что там его ждут с нетерпением. Он вновь направил в Тоскану архиепископа Майнцского Кристиана. Тому удалось погасить различные очаги нестабильности и заставить пизанцев заключить союз с римлянами, дружественными императору. Правда, Генуя переметнулась на сторону врагов, заключив союз с сицилийским правителем. Сколь тщательно и всесторонне готовился Барбаросса к итальянскому походу, явствует и из его попытки (правда, безуспешной) установить дружественные отношения с Вильгельмом II, королем Сицилии, дабы лишить города Ломбардии возможности получать помощь извне.

Объявленный итальянский поход императора вызвал у папы Александра большую тревогу. В марте 1174 года он перебрался в Ананьи, юго-восточнее Рима, и в апреле направил легата к Людовику VII с просьбой, чтобы тот, используя свои сравнительно хорошие отношения с императором, посодействовал

установлению мира и взаимопонимания между Империей и церковью. Но это при наличии многих спорных вопросов оказалось непростым делом. В августе Барбаросса закончил на Среднем и Верхнем Рейне последние приготовления к намеченному на сентябрь выступлению в Италию, а в первых числах сентября провел в Базеле еще одну встречу с князьями Верхней Лотарингии. Заканчивалось его шестилетнее пребывание в Германии — наиболее продолжительное за все время правления. Эти годы ознаменовались всесторонним укреплением его власти и расширением владений рода Штауфенов. Они оказались едва ли не самыми успешными и плодотворными в жизни императора Фридриха I Барбароссы.

ВРАЖДЕБНАЯ ИТАЛИЯ

Все последние годы, проведенные в Германии, Барбаросса жил, сознавая неизбежность возобновления борьбы в Италии. Свой очередной, уже пятый по счету итальянский поход он оправдывал необходимостью возвратить под власть немцев мятежные города Ломбардии, угрожавшие Империи и будто бы даже собиравшиеся уничтожить ее. Ни для кого не оставалось секретом и то, что император хотел в очередной раз оказать нажим на папу Александра III, а по возможности и схватить его, дабы таким способом ликвидировать раскол в церкви. Однако общее настроение в Германии не способствовало решению этих задач: люди — князья и простой народ — понемногу стали привыкать к схизме и не имели желания ради ее устранения отправляться за Альпы. Среди князей церкви было много сторонников Александра, а в Баварии — почти весь клир. Дома хватало дел и забот, потому-то многие князья и обращались к Барбароссе, под тем или иным предлогом прося освободить их от участия в походе. Особенно огорчительно для императора было то, что ему не хотел помочь Генрих Лев, не принимавший участия также в третьем и четвертом походах в Италию. Набор наемников на место непришедших вассалов стоил императору больших денег, так что ему даже пришлось брать в долг. Однако Барбаросса рассчитывал на богатую добычу в Италии, которая покроет все расходы и позволит заплатить долги.

Войско, отправившееся в сентябре 1174 года за Альпы, насчитывало лишь около 8000 человек вместе с наемниками и не шло ни в какое сравнение с тем, что выступало в поход в 1158 и 1166 годах. Из духовных князей императора сопровождали архиепископы Кельнский и Трирский, а также епископы Аугсбургский, Бамбергский, Хальберштадтский, Наумбургский, Регенсбургский и Верденский. Из светских — только пфальцграфы Конрад Рейнский и Отто Виттельсбах, а также несколько графов. Чехи, двигавшиеся через Баварию и Швабию, прибыли в Италию лишь в октябре. Это задиристое, бесшабашное войско повздорило с жителями Ульма, в результате чего уже тогда потеряло до 250 человек. Польский князь, обязавшийся в 1172 году участвовать в походе, так и не появился.

Император, проделав со своим воинством путь через Швабию, Бургундию и альпийский перевал Мон-Сени, 28 сентября 1174 года прибыл в Пьемонт, ступив близ Сузы на итальянскую землю. Этот маршрут Барбаросса выбрал не в последнюю очередь потому, что хотел поквитаться с Сузой за прием, оказанный ему в

1168 году, когда он возвращался из Италии. Хотя у него тогда лишь отобрали заложников и даже позволили его супруге беспрепятственно уйти, когда обнаружилось его бегство, он тем не менее затаил такую обиду, которую не могли изгладить прошедшие годы. 30 сентября Барбаросса велел предать город огню. Императрица Беатрикс догоняла войско и как раз застала пылавшую Сузу, немало порадовавшись свершению возмездия. Через Турин император направился к Асти. Туринцы, никогда не примыкавшие к Ломбардской лиге, дружески встретили императорское войско. Асти входил в Лигу, но сил и мужества сопротивляться Барбароссе у его жителей хватило лишь на неделю, после чего они капитулировали, объявив о выходе из этого союза и заплатив императору солидную контрибуцию. Бывшие союзники поносили жителей Асти, называя их трусами и предателями.

После падения Асти ситуация стала меняться. По мере продвижения Барбароссы по Ломбардии росло число его сторонников. Маркграф Вильгельм Монферратский, графы Бьяндрате и другие представители знати, коим претили республиканские порядки Ломбардской лиги, переходили на сторону императора. Так начали сбываться надежды Фридриха на пополнение войска. Традиционно верная императору Павия также освободилась от навязанного ей членства в Ломбардской лиге. Теперь можно было сразиться и с вожаком сопротивления — Миланом, однако император предпочел сперва напасть на Алессандрию, занимавшую стратегически важное положение и к тому же своевольно построенную итальянцами на землях имперского домена. Город был ему ненавистен и потому, что носил имя его злейшего врага, самим своим существованием оскорбляя императорское достоинство. Поэтому-то Барбаросса и стремился как можно скорее уничтожить Алессандрию.

Этот «соломенный город», как его в насмешку называли итальянцы из-за жалких, крытых соломой лачуг, не имевший ни стен, ни башен и защищенный только рвом и валом, казался легкой добычей, тем более что его гарнизон состоял, если верить современнику, «из воров, разбойников и беглых рабов», со стороны которых не ждали серьезного сопротивления. Быстрый успех при взятии этой крепости, специально сооруженной ломбардцами в насмешку над Империей, должен был произвести впечатление на итальянцев. Однако вышло иначе. Едва немцы приступили к осаде, как пошли проливные дожди, сделавшие совершенно непроходимой и без того болотистую местность. Защитники города узрели в этом небесное знамение и, приободрившись духом, решились на упорное сопротивление,

благо ими командовал опытный военачальник. Как только наладилась погода, Фридрих приказал выдвинуть вперед осадные машины и приступить к штурму. Но защитники города проявили себя смелыми и стойкими воинами. Совершая отважные вылазки, они сумели даже захватить несколько орудий, а другие уничтожить. Обманутая надежда на победу с первого приступа и утрата осадных орудий страшно разозлили императора, и он опрометчиво поклялся, что не двинется дальше, пока не уничтожит строптивый город.

Но осада затянулась. С наступлением небывало холодной зимы императорскому войску пришлось преодолевать огромные трудности. Начались перебои с поставками продовольствия. Чешские вспомогательные отряды отказались продолжать борьбу и ушли. Поредели и ряды немцев. Некоторые даже продавали свое оружие в надежде добыть на вырученные деньги сколько-нибудь хлеба. Многие под покровом ночи дезертировали. Из-за нехватки корма гибли лошади.

Наступил новый год, но по-прежнему ничто не предвещало скорой развязки. Император приказал перенести свой лагерь вплотную к городскому рву. С гигантских деревянных башен метали камни по городу, однако ров и вал были столь широки, что лишь отдельные валуны долетали до домов, причиняя им урон. Защитники также построили метательные орудия и бомбардировали лагерь императора. Правда, их силы были на исходе, поскольку город давно испытывал жесточайшую нужду в продовольствии. Запаздывала и помощь от союзников, задержавшихся возле Павии ради опустошения ее окрестностей.

Пока к противнику не пришло подкрепление, император решил предпринять еще одну попытку овладения Алессандрией. Незадолго до Пасхи 1175 года он велел проделать несколько подземных ходов к городу, через которые в тыл противника должен был проникнуть отряд хорошо вооруженных смельчаков. Ломбардцы столь медленно двигались на выручку к своим, что подкопы удалось завершить еще до их прибытия, причем так, что осажденные ничего не заметили. Утром Страстной субботы, когда войско стояло перед городом в полной готовности к штурму, добровольцы начали пробираться по подземным ходам, но лишь только первые из них появились на территории противника, стража подняла тревогу. Ходы были тут же завалены, а находившиеся в них воины оказались заживо погребенными, поскольку выбраться назад они не могли. К несчастью для императора, осажденным удалось поджечь одну из больших осадных башен; вместе с ней были уничтожены катапульты и погибли находившиеся на башне воины.

Так в Страстную субботу Барбаросса потерял около 300 человек. Несмотря на опрометчиво произнесенную клятву, надо было немедленно уходить от Алессандрии, дабы не оказаться зажатыми между городским рвом и приближавшимся войском ломбардцев. Это было одно из самых трудных решений в жизни императора, однако дело шло уже не столько о сохранении репутации, сколько о спасении жизни. После шестимесячной, безрезультатной, чрезвычайно изнурительной осады император, угрюмый и раздраженный, двинулся в направлении Павии. Первая цель его похода не была достигнута, и вместо ожидавшейся легкой победы, которая вдохновила бы на дальнейшие подвиги, он потерпел неудачу, приведшую войско в унылое и подавленное настроение.

Близ Вогеры, между Тортоной и Пьяченцей, отряды императора и ломбардцев приблизились друг к другу на расстояние полета стрелы. Войско ломбардцев, в котором не было только ополчения из Кремоны, численно превосходило воинство императора и было преисполнено боевого духа, поэтому Фридрих не решился нападать со своими измученными и пребывавшими в подавленном состоянии духа бойцами. Но и ломбардцы тоже не осмелились атаковать, словно бы робея перед императором и находившимися в его войске брабандзонами. Блеск императорской славы, аура, несмотря ни на что, окружавшая его имя, лишили мужества его бывших подданных. Поскольку ни те, ни другие так и не перешли в наступление, вскоре решили приступить к переговорам, инициатором которых был, очевидно, маркграф Маласпина, стоявший на стороне Ломбардской лиги, тогда как его сын находился в войске императора. 16 апреля 1175 года у крепости Монтебелло, принадлежавшей маркграфу Монферратскому, представители противоборствующих сторон встретились.

Ломбардцы, в обмен на обещание вернуть им былые права и свободы, согласились подчиниться императору: «вассалы в качестве вассалов, а вольные горожане в качестве вольных горожан». Барбаросса весьма охотно пошел на эту сделку. Для обсуждения всех деталей соглашения была создана специальная комиссия, в которую вошли по три представителя от каждой из сторон. На тот случай, если бы комиссия не смогла прийти к определенному решению, обе стороны соглашались признать третейское постановление предложивших свои услуги консулов из Кремоны, города, сохранявшего нейтралитет.

Заключив этот предварительный мир, возможно, спасший его от разгрома, Фридрих направился в Павию. По прибытии в город он распустил бо́льшую часть войска, истосковавшегося по родным

очагам. С наемниками пришлось расстаться за неимением средств. Очевидно, Барбаросса столь крепко полагался на свой дипломатический талант, что рассчитывал и без военной поддержки добиться выгодных для себя условий договора.

Достигнутые в военно-полевых условиях соглашения носили слишком общий характер, чтобы по ним можно было угадать хотя бы приблизительные очертания будущего мирного договора. Не было даже уточнено, что следует понимать под возвращением ломбардцам их свобод, а имя папы римского Александра III вообще не упоминалось. Как только в Монтебелло начались переговоры, сразу же обнаружились непримиримые противоречия. Если относительно выдвигавшегося Фридрихом требования разрушить Алессандрию удалось достичь компромиссного соглашения, предусматривавшего объявление перемирия с городом, то признавать Ронкальские постановления ломбардцы наотрез отказались, потребовав возвратить им их исконные права и привилегии — так называемые «регалии». Что касается прав императора, то они признавались лишь в той мере, в какой существовали во времена Генриха V, включая в себя только уплату единоразового налога в связи с прибытием в Италию очередного претендента на императорскую корону. Но мало того, ломбардцы потребовали, чтобы Барбаросса подчинился Александру III, заявив, что оставляют за собой право на защиту, если потребуется, с оружием в руках своего выбора в пользу папы Александра.

Такое истолкование условий предварительного мира было неприемлемо для императора, а посему участники переговоров обратились к консулам из Кремоны, дабы те вынесли свой третейский приговор, признать который клятвенно обязались обе стороны. Спустя несколько дней было получено заключение, представлявшее собой компромиссное сближение позиций обеих сторон, хотя в нем и угадывалось желание Кремоны не испортить отношений с императором. В документе говорилось, что ломбардцы обязуются признавать только суверенные права императора, существовавшие во времена Генриха V, но при этом оставляют за императором те «регалии», которые со времен Ронкальского рейхстага не были им пожалованы или проданы. За это он должен был признать до сих пор именовавшийся им не иначе как мятежным заговором союз городов, консулов которых, однако, отныне полагалось утверждать только с его согласия. Алессандрия подлежала ликвидации, а ее жители должны были с миром возвратиться туда, откуда пришли. Самый же трудный вопрос, касавшийся отношения Фридриха I к Александру III, был искусно обойден: за каждой из сторон сохранялось право

следовать велению собственной совести.

Фридрих, помня о принятых на себя обязательствах, сразу же признал это решение, тогда как ломбардцы пришли в негодование и разорвали поданный им на подпись документ, совершив тем самым клятвопреступление, поскольку, как и император, заранее обязались признать приговор Кремоны. Вызов в императорский суд они проигнорировали. Положение Барбароссы опять стало критическим. Что делать? Вернуться в Германию, отказавшись от дальнейшей борьбы? Он даже мысли не допускал об этом. Снова собрать войско и с его помощью настоять на своем? Однако, учитывая провал недавней военной кампании, этот вариант был нереален. Оставался один выход — апеллировать к высшей инстанции, решение которой было бы непререкаемым для союза городов: обратиться к самому папе Александру III! Руководствуясь соображениями политической выгоды, Фридрих пошел на это, не побоявшись унизиться до обращения за помощью к тому, кого называл осквернителем церкви и князем еретиков.

Поначалу все складывалось, как нельзя лучше: в Павии появились три кардинала, полномочные представители Александра, которых Фридрих принял с подчеркнутой учтивостью, обнажив даже голову для приветствия. Вести переговоры с папскими легатами он поручил своим наиболее доверенным советникам, архиепископам Кельнскому и Майнцскому, уклонившись от личного участия в беседе, ибо не подобает государю говорить с послами. Однако долгие и трудные переговоры ни к чему не привели. Представители императора настаивали на обязательности исполнения третейского решения Кремоны, о чем в свое время поклялись обе стороны, тогда как посланцы папы оспаривали правомочность этого решения, отказываясь признавать его, по крайней мере до тех пор, пока император не покорится папе Александру: лишь при этом условии может наступить мир; если же Фридрих продолжит упорствовать, то ломбардцы будут считать себя свободными от каких-либо обязательств. Барбаросса решительно отверг столь дерзкие притязания, после чего папские легаты незамедлительно откланялись, выразив сожаление по поводу неудачи своей миссии.

Вскоре ломбардцы, вымещая распиравшую их ненависть, опять принялись опустошать окрестности Павии и Комо, а также владения дружественных императору маркграфов. В ноябре 1175 года Барбаросса предпринял еще одно наступление против Алессандрии, но его войско было слишком малочисленно и слабо, чтобы добиться успеха. И тогда он был вынужден снова

обратиться за помощью к немецким князьям, направив с этой миссией архиепископа Кельнского Филиппа.

Почти как пленник вместе со своей семьей и свитой сидел гордый император в Павии. Здесь встретил он наступление нового 1176 года. Ломбардцы же, называя его заклятым врагом и антихристом, были полны решимости навсегда сбросить ненавистное имперское господство. О мире, подкрепленном присягой, более не вспоминали. Руководство Ломбардской лиги вновь подтвердило членство Алессандрии в своих рядах и оказывало ей всевозможную помощь. Папа Александр в меру своих сил также помог названной в его честь крепости, возвысив ее в январе 1176 года в ранг епископства, после чего ее ликвидация, к чему стремился Барбаросса, стала проблематичной и с точки зрения церковного права. Обитатели Алессандрии, эти «воры, разбойники и беглые рабы», стали равноправными членами Ломбардской лиги, зато верные императору города подверглись папской анафеме.

Только экстренная помощь из Германии могла спасти Фридриха, причем все зависело от того, захочет ли прийти на помощь к нему Генрих Лев, единственный из имперских князей, располагавший сильным, испытанным в боях войском. Фридрих знал, что Генрих находится в Баварии со своей дружиной, насчитывавшей полторы тысячи одних только саксонских рыцарей. Если бы он двинулся в Италию во главе этих отборных отрядов, то одно его появление нагнало бы страху на ломбардцев — так много значило в Италии его имя. Содействие Генриха послужило бы примером и для остальных имперских князей, заставив их собрать для императора все свои военные резервы. Так что пока архиепископ Кельнский Филипп собирал, главным образом в прирейнских землях, подмогу, сам Барбаросса решил лично встретиться с Генрихом Львом, пригласив его в первых числах февраля 1176 года в Кьявенну, находившуюся севернее озера Комо и входившую тогда в состав герцогства Швабского.

Собираясь в путь, Фридрих знал, что предстоит непростой разговор с Генрихом, не дававшим обещания участвовать в прошлогоднем, столь неудачном походе. Не обязан он был и теперь вести свое войско в Италию. Тем важнее было добиться перемены в его настроении, наладить отношения, испорченные сделкой с наследством Меммингенского Вельфа и вынужденной передачей Гослара. В сущности, не произошло ничего такого, что сделало бы Генриха Льва его непримиримым врагом. Не раз император, зачастую вопреки собственному желанию и совести, прикрывал насильственные действия герцога, отвергая или улаживая справедливые жалобы на него. Единственной же

достойной упоминания ответной услугой Генриха явилось участие в походе Фридриха в Италию за императорской короной. Можно было, пожалуй, поставить в заслугу ему и непризнание Александра III. Но что значило все это по сравнению с помощью, которую Фридрих оказал ему в собирании его герцогских владений, достойных называться королевством! Теперь, когда на карту поставлено дело всей жизни Фридриха, должны отойти на задний план личные обиды. Генрих, первый из князей Империи, друг, двоюродный брат и товарищ по оружию, должен осознать лежащую на нем ответственность. Фридрих надеялся на это, собираясь поговорить с ним не как император с вассалом, но как человек с человеком — откровенно, как в прежние годы.

Тревожные чувства наполняли и Генриха Льва, спешившего к озеру Комо. Сейчас он был на вершине могущества, какого до него не достигал ни один герцог, и впредь единственной опасностью для него могла стать лишь немилость самого Барбароссы. Он замечал перемены, происшедшие в отношении к нему со стороны императора. До сих пор Фридрих во всем поддерживал его, но кто может поручиться, что и впредь будет так? А что если он обратит против него всю мощь Империи? Генрих более не доверял никому, и императору тоже. Если теперь помочь ему восстановить господство в Италии, то не получится ли так, что он, герцог Саксонии и Баварии, выроет себе могилу? Не империя Гогенштауфенов интересовала его, а сохранение могущества рода Вельфов.

Кьявенна у голубого озера Комо, где ранней весной 1176 года протянули друг другу руки Фридрих и Генрих, располагала к доверительной беседе. Император не мог бы найти лучшего места для этой встречи. Сколь долгой она была и о чем говорил император с гордым вассалом, нам не дано знать. Лишь многочисленные легенды повествуют о ней. Генрих Лев для начала будто бы посетовал, что уже не молод и не под силу ему самому отправляться в военный поход, но, дабы не лишиться милости императора, он готов предоставить золото, серебро и любую другую помощь. Однако Фридрих напирал: «Генрих, я твой брат, друг и господин. Бог возвысил тебя над всеми князьями, в тебе заключена сейчас сила Империи, попавшей в беду, и ты должен прийти со своим воинством, дабы защитить ее». Генрих в ответ лишь качал головой, соглашаясь дать деньги, но не желая являться лично и посылать своих рыцарей. «Вспомни же, — упрашивал Фридрих, — что я никогда не отказывал тебе в просьбе. Твои враги были моими врагами, и теперь я не собираюсь говорить о твоем долге вассала, но хочу лишь напомнить о нашей дружбе, дабы теперь ты не оставил меня в

беде».

Так он упрашивал и умолял его, позабыв о собственном императорском достоинстве, но Генрих был непреклонен. Фридрих не верил своим ушам. Как может христианский князь оставить Империю в беде, когда о помощи просит император, к тому же кузен и друг? Чего ему еще надо — не личного ли унижения? Фридрих, кажется, готов пойти и на это. Когда Генрих уже собирается уходить, ибо все слова сказаны, он вскакивает, словно желая его удержать, но тот жестом отстраняет его. И тогда Фридрих падает ему в ноги. Изумленный, приведенный в полное замешательство герцог бросается поднимать его, слыша за своей спиной нагло-восторженный возглас слуги: «Господин, корона сама упала к твоим ногам — скоро будет на твоей голове!»

Невиданное происшествие подействовало на Генриха, и он соглашается прибыть в Италию с войском, но в награду за это требует от императора возвратить ему Гослар. Фридрих меняется в лице, точно пробуждаясь ото сна. Он упрашивал герцога как человека, умолял и даже пал на колени. Но не человек отвечает ему, а некий корыстолюбец, желающий воспользоваться бедой Империи к собственной выгоде. Пусть Гослар, которым Генрих однажды уже владел, и невеликая плата за помощь, но все же плата. В крайней нужде, ради блага Империи Фридрих умолял своего товарища по оружию, унижался, падая пред ним на колени, но позволить вымогать у себя имперский лен — это уже бесчестье. Выпрямившись во весь рост, Фридрих жестом дает понять, что разговор закончен и они расстаются — уже врагами.

Так гласит легенда. Итог же встречи в Кьявенне известен: император возвратился в Павию, совершенно обескураженным, питая лишь слабую надежду на то, что отправленный в Германию архиепископ Кельнский приведет хоть какое-то подкрепление. Если же и он вернется ни с чем, то все будет тщетно. Без поддержки хотя бы небольшого немецкого рыцарского войска не удержаться даже и в традиционно верной ему Павии, и тогда придется, во второй раз потерпев поражение, убираться восвояси, навсегда утратив власть в Италии. Хорошо еще, что архиепископу Майнцскому Кристиану удавалось сохранять контроль над Центральной Италией. В феврале король Сицилии Вильгельм II начал было там военные действия, видимо, по просьбе папы Александра, находившегося в Ананьи и не чувствовавшего себя в безопасности от нападения со стороны Кристиана, однако тому удалось в середине марта обратить в бегство отряды сицилийцев и захватить крепость, в которой победителю достался ценный трофей — 150 полных комплектов рыцарского снаряжения и столько же коней. После этого Вильгельм уже не имел желания

связываться с архиепископом Майнцским.

Тем временем архиепископ Кельнский Филипп делал все возможное, чтобы набрать в Германии войско для императора. Ему пришлось пожертвовать даже собственностью своей епархии для изыскания необходимых средств. Наконец, в апреле немногочисленное войско двинулось в Италию; оно насчитывало всего около тысячи рыцарей и столько же пехотинцев. Когда пришла долгожданная весть о прибытии подкрепления, император тут же покинул свою резиденцию в Павии и устремился на встречу с ним, которая состоялась в конце мая около озера Комо. Приведенное войско было слишком мало, чтобы нанести мятежникам решающий удар, но достаточно для проведения отдельных боевых операций против городов. Только так, ведя малую войну, можно было, полагал Барбаросса, пресечь формирование многочисленной армии противника, подобной той, что противостояла ему при Монтебелло.

Предпосылкой для успешной реализации этого плана должен был стать провод войска в Павию — главный опорный пункт императора в Ломбардии. Надлежало как можно скорее и незаметнее обойти с запада сильно укрепленный Милан, минуя городишко Леньяно. Однако миланцы были начеку. Они своевременно получили сведения о приближении немцев и могли без спешки принять меры. Собравшись вокруг своей знаменной повозки, славной «кароччо», 28 мая 1176 года городское ополчение выступило в путь, дабы занять Леньяно и преградить императору путь. Это было смелое решение — покинуть надежно защищенный стенами город, тем более что в распоряжении миланцев находился лишь немногочисленный конный отряд, не шедший ни в какое сравнение с немецким рыцарским войском. Однако миланцы полагались не только на свою храбрость, но и на новую тактику ведения боя: как они надеялись, пехотинцы, построившись в плотное каре, должны были своими длинными пиками отразить атаку немецких рыцарей.

Ранним утром 29 мая Барбаросса во главе рыцарского авангарда поскакал вперед, тогда как прочие отряды, состоявшие из собранных на скорую руку местных ополчений и резервного рыцарского контингента, медленно двигались с лагерным обозом. Вскоре императорский авангард натолкнулся на миланских всадников, высланных вперед на разведку. Миланцы тут же подверглись нападению и были полностью уничтожены. Воодушевленные первым успехом немцы, не дожидаясь остального войска, устремились вперед и встретили у Леньяно миланцев, уже построившихся в боевой порядок и являвших собой весьма грозное зрелище. Перед рядами пехотинцев

выстроилась конница, в составе которой были также ополченцы из Брешии, Вероны и других городов Ломбардской лиги. Фридрих решил сразу же атаковать, хотя ему противостояли превосходящие силы противника. Первоначальный успех, казалось, подтвердил правильность этого решения. Ломбардская конница не выдержала натиска немцев и отступила, приведя в замешательство стоявшие за ней ряды пехотинцев.

Теперь уже ничто не могло удержать семь сотен немецких рыцарей. Под предводительством самого императора, рядом с которым знаменосец держал в руках развевающееся и отовсюду видимое имперское знамя, они устремились за отступающими и прорвались до самой «кароччо». Немцы вот-вот должны были одержать блистательную победу, но тут удача вдруг отвернулась от них. Их атака захлебнулась, а сами они оказались в окружении миланцев, вооруженных длинными пиками. Этим, как оказалось, весьма грозным оружием ополченцы сбрасывали рыцарей на землю, и те, почти недвижимые и совершенно беспомощные, оказывались не в состоянии самостоятельно подняться на ноги. Эта участь постигла и знаменосца, рухнувшего наземь и похоронившего под собой символ Империи. Однако никто и не помышлял о бегстве. Сам Барбаросса, издалека видимый в своей светлой мантии поверх сверкающих лат, сражался, как молодой рыцарь, пока не повалился его конь, сраженный вражеской пикой. И тогда всех, кому император одним только своим видом внушал уверенность в победе, покинуло мужество, и они бросились искать спасение в бегстве. К счастью для немцев, уже сгустилась ночная тьма (бой при Леньяно продолжался весь день), так что многим удалось уйти от преследователей.

Архиепископ Кельнский Филипп, герцог Бертольд Церинген и граф Филипп Фландрский в числе многих других оказались в плену у ломбардцев. В лагере немцев победители нашли богатую добычу: императорские штандарты, золото, серебро и украшения, оружие, коней. Это был триумф ломбардцев и сокрушительно-унизительное поражение императора — еще одно ниспосланное свыше свидетельство правоты папы Александра III и его сторонников.

Об императоре никто не знал ничего определенного — жив ли он, ранен или лежит среди павших на поле боя. Лишь спустя несколько дней Барбаросса появился в Павии, с радостью и вздохом облегчения встреченный своими.

В Милане же царил неописуемый восторг. Опять Господь явил зримое знамение: Фридрих, проклятый антихрист, разбит и изгнан, а мужественные борцы за свободу возвеличены беспримерной, триумфальной победой. Всевышний отдал им в

руки сами знаки императорского достоинства — щит и копье, знамя и крест. Вместе с победной реляцией они отправили эти священные символы папе римскому Александру III, дабы показать всему христианскому миру, что идея свободы нашла свое воплощение и одержала триумфальную победу в нерасторжимом союзе ломбардцев с престолом Святого Петра.

Поскольку большая часть императорского войска не участвовала в битве при Леньяно, а в Павию продолжали прибывать обращенные в бегство на поле боя, оказалось, что потери немцев не столь уж и велики, а поражение не столь сокрушительно, как виделось поначалу. И все же Барбаросса не хотел больше браться за оружие, предпочтя пойти на сближение с давним противником, коего не сумел побороть силой, — с папой Александром III.

ПРИМИРЕНИЕ

Собравшиеся в Павии рыцари, уцелевшие на поле битвы, постепенно обретали обычную веру в себя и своего императора, чудесным образом спасшегося и явившегося, когда его уже считали погибшим. Однако все понимали, в каком отчаянном положении они находятся. Если Ломбардская лига соединенными силами предпримет марш на Павию, то спасти их может только чудо. С родины также приходили дурные вести. Говорили, будто Генрих Лев покушается на королевскую корону и никто не в силах помешать ему.

В резиденции императора непрерывно совещались. То и дело появлялись духовные князья, и чаще других архиепископ Магдебургский Вихман — единственный из немецких архиепископов, рукоположенный в сан законным папой римским, а не одним из императорских пап периода церковного раскола, благодаря чему его влияние в совете князей теперь заметно выросло. Прибыли ко двору и консулы из Кремоны, предлагавшие свои посреднические услуги. Появился и некий цистерцианский монах, присланный в Павию с секретной миссией. Когда же и руководители его ордена, святые отцы Гуго и Понтий, явились к императорскому двору и были сразу же приняты Фридрихом, стало ясно, что затевается что-то важное.

А император тем временем спорил со своими князьями, убеждавшими его в необходимости признать наконец Александра III законным папой. Поначалу Фридрих твердил одно и то же: как может он держать стремя попу, назвавшему императорское достоинство папским леном! Ему возражали, что нет иного пути, если он хочет спасти хотя бы остатки своего влияния в Италии. Надо честно и смело посмотреть правде в глаза: не Каликст, это беспомощное орудие имперской политики с позиции силы, но Александр, стойкий поборник идеи свободы церкви, является истинным наместником апостола Петра на земле. На это Фридрих отвечал, что уже дважды безрезультатно пытался примириться с ним, так на что же он может рассчитывать теперь, находясь в столь отчаянном положении? Но ведь, возражали ему, прежде он действовал неискренне, под натиском обстоятельств, ради тактического выигрыша. Уже давно мог быть заключен почетный мир с ломбардцами и установлено императорское правление над Центральной Италией, если бы император добровольно, а не принудительно, как теперь, расстался с иллюзией собственного суверенитета над церковью. Ему говорили, что одним только оружием не обеспечить власть в

Италии. Идея одержала верх над силой: вера в независимую от светской власти церковь отвечает духу времени, и олицетворением ее служит стойкость Александра III. Однако и это еще не все: без баварских и саксонских войск, в поддержке которых Генрих Лев отказал, борьба не может быть продолжена, ибо Ломбардская лига сейчас сильна, как никогда. Даже в самой Германии крепнет убеждение, что император — еретик. Если он и дальше будет упорствовать, то и самые верные его сторонники столкнутся с необходимостью действовать сообразно голосу своей совести.

Помрачневший Фридрих испытующе осмотрел собравшихся. Они уже опасаются за свои приходы? «О себе вы радеете больше, чем об Империи», — огорченно сказал он, сознавая безнадежность собственного положения. Однако он понимал: если бы удалось провести с Александром секретные переговоры и заключить с ним соглашение за спиной ломбардцев, то никакая жертва не показалась бы чрезмерной. Такой сепаратный мир означал бы конец союза городов, ибо его единство рассыпалось бы под натиском нараставшего недоверия к папе как союзнику по борьбе. Но как заключить такой сепаратный мир? Александр никогда не пойдет на это.

Тут и появился упомянутый монах-цистерцианец, попросивший разрешения зачитать письмо, содержавшее некоторые соображения руководства его ордена относительно секретного соглашения императора с папой Александром. Кивнув в знак согласия и внимательно выслушав, Фридрих спросил, примет ли Александр эти условия. Монах этого не знал, однако сослался на авторов меморандума, Гуго и Понтия, лишь недавно побывавших у Александра в Ананьи и, возможно, располагавших точными сведениями.

Вскоре оба аббата прибыли в Павию и были уважительно встречены Фридрихом. Император понимал, что их орден сплачивает западный христианский мир, потрясаемый церковным расколом, так что их посреднические усилия представляли собой нечто большее, нежели простое выражение христианской любви. Аббаты заклинали императора во имя спасения собственной души нарушить дьявольскую Вюрцбургскую присягу, заранее обещая ему отпущение сего греха. Он должен прогнать от себя спесь и гордыню и склониться перед апостолическим князем Александром III, на коем лежит зримое Божие благословение. Благочестивый старец, уверяли они, не отвергнет императора, признавая, что Господь желает править миром посредством двух мечей — духовной власти, данной римскому первосвященнику, и светской власти государя. Теперь все зависело от того, сумеет ли

Фридрих найти нужные слова для примирения, которого, как его уверяли, Александр желает от всего сердца. А как же ломбардцы, захочет ли папа и без них вести переговоры? Смиренно вздохнув, святые отцы ответили, что мудрость апостолического князя выше союзов и обещаний, и Фридрих их понял.

Тем временем в Ананьи, своей летней резиденции, Александр с нараставшим беспокойством ждал вестей от цистерцианцев. Не зашел ли он слишком далеко, заведя с Гуго и Понтием разговор о возможности примирения? Те двадцать лет, что пролегли между рейхстагом в Безансоне и днем Леньяно, годы, ознаменованные духоподъемной верой в торжество принципа свободы церкви и мрачным отчаянием, превратили гордого кардинала Роланда в обессилевшего старца Александра. Его земной путь близится к концу. Он преисполнен веры в свое божественное предназначение: только он и никто иной избран для завершения дела своих апостолических предшественников, трудившихся ради обеспечения свободы церкви. Кабы знать, что его жизнь, сплошная череда побед и поражений, радостей и страданий, прошла не зря. Прибудут ли послы от императора? С отъезда аббатов прошли недели, и вот уже четыре месяца отделяют от дня Леньяно, ставшего, как хотелось верить, поворотным моментом в затянувшейся борьбе. Однако опять может раздаться звон мечей, и так будет продолжаться до тех пор, пока не иссякнут силы немцев или пока не будет разбита Ломбардская лига, единственный оплот Александра.

Октябрь уже перевалил за середину, когда в Ананьи появились аббаты, сообщившие о чудесной перемене в умонастроении императора. Наконец-то он понял, что его борьба против истинного наместника апостола Петра на земле является смертным грехом, и уполномочил своих представителей вести с ним переговоры о мире. Архиепископы Филипп Кельнский, Вихман Магдебургский и Кристиан Майнцский, епископ Конрад Вормсский и протонотариус Ардуин прибыли в Тиволи и ждут, чтобы папа обеспечил им сопровождение.

Наконец-то пробил долгожданный час! 21 октября 1176 года посланники Барбароссы вошли в кафедральный собор Ананьи. Они пали перед Александром, стоявшим в окружении кардиналов, и облобызали его туфли. Кристиан Майнцский начал свою речь с заявления, что у императора нет большего желания, чем заключение мира с папой. Александр ответил, что и Святой престол желает мира. Однако столь похвальное желание императора может исполниться, лишь если заключенный мир объемлет всё и всех — церковь, ломбардцев, короля Сицилии и византийского императора. Кристиан Майнцский, с

удовлетворением отметивший про себя, что среди присутствующих нет представителей ломбардцев, сицилийцев и греков, ответил, что было бы лучше обсудить детали соглашения в более узком кругу. Александр согласился и, сопровождаемый лишь своими ближайшими советниками, направился с послами в ризницу.

Так начались переговоры, продолжавшиеся в обстановке строжайшей секретности целых две недели. Канонические препятствия поначалу казались непреодолимыми, однако в конце концов цель была достигнута — составили заключительный протокол. Александр был премного доволен наступлением «вечного мира». «Бог получил Богово», — поделился он радостью со своими приближенными. Немецкие посланники, желавшие как можно скорее возвратиться в Павию, были с благословением отпущены. Они тоже были довольны. Однако о содержании тридцати пунктов «Договора в Ананьи» никому не сообщалось, и на то были свои причины.

Соблюдение тайны отвечало интересам как папы, так и императора. Для Фридриха было бы крайне нежелательно, чтобы раньше времени и, возможно, в искаженном виде стало известно о том, что он радикально изменил свою позицию, обязавшись признать Александра, которого прежде клеймил как архиеретика. А какая поднялась бы шумиха, если бы узнали, что он отказался от господства в Италии в пользу Святого престола, в том числе от «наследства Матильды» и от города Рима, и согласился на смещение большинства назначенных по его императорскому распоряжению епископов. Но еще хуже было бы для Александра, если бы разнеслась весть, что он дал папское освящение обреченным на муки ада архиепископам императора, отныне именовал Фридриха I не «молотом безбожников», а «всехристианнейшим сыном церкви», а его до сих пор не признававшийся брак с Беатрикс вдруг восславил как благословленный Богом союз.

Однако хуже всего пришлось бы ломбардцам: совершенно нестерпимым для них ударом явилось бы известие, что за их спиной состоялось соглашение, в котором особенно неприятной им показалась бы статья IX, гласившая: «Поскольку достигнуто соглашение о мире между папой и императором, в случае возникновения в ходе переговоров о мире между императором и ломбардцами осложнений, не могущих быть устраненными самими участниками переговоров, уполномоченные, назначенные равным числом от папы и императора, большинством голосов принимают решение…» Намечалось взаимодействие папских и императорских делегатов, предполагавшее принятие решений

«обоими главами христианского мира» без учета интересов ломбардцев. Если бы прямые переговоры между императором и ломбардцами потерпели неудачу, то папа был бы вынужден согласиться на создание третейской комиссии, перед которой ломбардцы могли бы выступать лишь в качестве искателей правосудия. Все это означало полную перемену политической ориентации папы, если не сказать — предательство.

Весть о том, что император заключил союз с Александром, вызвала в Ломбардии сильное раздражение против курии. Победное настроение в союзе городов сменилось парализующей неуверенностью. Напрасно Милан, Феррара и Болонья призывали к единству, напрасно Александр слал из Ананьи разъяснения, что, мол, велись переговоры, но не принимались решения: Кремона открыто перешла на сторону императора, а за ней последовала и Тортона, вассальный город Милана. Заволновалась и верная Александру Франция. Король Людовик VII спрашивал папского легата при своем дворе, как могло случиться, что о столь важном событии ему не сообщили сразу же. Недовольство Александром вскоре приняло такие масштабы, что он был вынужден сделать официальное заявление относительно «ложных сообщений императорской канцелярии». Он разъяснял, что с императором велись переговоры, дабы обсудить перспективы заключения всеобщего мира, но не было обязательного для обеих сторон соглашения. В Ананьи с беспокойством начали сознавать, что триумф церкви, как поначалу оценивали заключенный договор, благодаря дипломатическому искусству советников императора обратился в свою противоположность.

Если еще несколько недель назад положение Барбароссы было отчаянным, то теперь наступила очевидная перемена. Сохранение договора в строжайшей тайне возродило в Ломбардии ту атмосферу неуверенности, которой немецкая дипломатия была обязана своими прежними успехами. Как по мановению волшебной палочки опять возникло недоверие среди участников Ломбардской лиги, разъедавшее их единство и лишавшее их сил для сплоченного сопротивления. То, как Фридрих использовал эти настроения в собственных интересах, как он отказался от своей манеры действовать самовластно, предпочтя довериться искусной дипломатии, свидетельствовало о происшедшей в нем перемене. Непреклонность сменилась гибкостью, обеспечившей ему превосходство над противником. Прямолинейность курса Райнальда Дассельского, которую и так не всегда удавалось выдерживать под натиском обстоятельств, сменилась полной непредсказуемостью. По поводу этой новой политики императора магдебургский монах не без иронии

написал в своих анналах: «Что раньше запрещалось, то разрешено, что было разрешено, теперь запрещено». Происшедшие перемены могли показаться стороннему наблюдателю шараханьем из одной крайности в другую, а принимаемые меры, вырванные из общего политического контекста, — слабыми и недостойными. И тем не менее они служили единой цели.

Теперь для Барбароссы главной задачей было взять назад сделанные в Ананьи уступки. Еще несколько недель назад казавшееся невозможным свершилось — удалось вбить клин между Ломбардской лигой и Александром, вследствие чего тот лишился важнейшей поддержки и опять стал нуждаться в защите со стороны императора. Статья IX договора, под которым стояла и подпись папы, лишала его возможности маневрировать, поскольку он ни в коем случае не мог допустить создания третейской комиссии. Зато вынужденный отказ Фридриха от «имения графини Матильды» значил тем меньше, что его возвращение императору — новому покровителю церкви было лишь вопросом времени — если вообще дело дойдет до передачи имения папе.

Фридрих был готов исполнить шталмейстерскую службу и облобызать туфли папе Александру — ведь речь шла всего лишь о церковных церемониях. Зато он не собирался отказываться от своих суверенных прав, а тем более от господства в Италии. Какое бы развитие ни получили грядущие события, прежде всего следовало усиливать неразбериху и беспокойство в Ломбардии. Узнав, что Александр сел на сицилийский корабль, направляясь в преданную ему Венецию, Фридрих со всеми подобающими почестями, в окружении самых знатных особ Империи отправился в Равенну. Чтобы наглядно продемонстрировать ломбардцам свое тесное единение с папой, он приблизил к себе двух его кардиналов. А для того чтобы Александр сразу же по прибытии узнал, что обязательство относительно выдачи «имения Матильды» почти проигнорировано императором, Фридрих назначил двух императорских управляющих на спорную территорию, которая, таким образом, вопреки всем соглашениям оказалась в имперском управлении.

Эти демонстративные действия императора оказались столь эффективны, что Ломбардская лига, еще осенью отвергавшая какие бы то ни было переговоры с ним, сочла за благо направить к нему посольство. В присутствии кардиналов Фридрих доброжелательно принял к сведению изложенное в почтительной форме пожелание Лиги проводить собор или, как поправили кардиналы, конгресс не во враждебной ломбардцам Равенне, а в

Болонье. Поскольку там располагалась знаменитая юридическая школа, профессора которой разработали Ронкальские законы, ломбардцы рассчитывали получить согласие Фридриха и действительно на удивление легко получили его, чем и были весьма обрадованы, пообещав принять участие в переговорах. Более всего им льстило то, что с ними обошлись как с равноправными партнерами, а не мятежниками.

Тем временем в Венецию прибыла папская флотилия, доставившая по бурным волнам Адриатики престарелого Александра, а также послов сицилийского короля, коллегию кардиналов, писцов, слуг, папский архив и белого коня, необходимого для совершения обряда шталмейстерской услуги. Город, еще никогда не видевший в своих стенах папу римского, пребывал в радостном возбуждении. В соборе, где римский первосвященник должен был служить торжественную мессу, не было свободного места. Народ заполнил до отказа даже просторную площадь перед собором. В обстановке величественной торжественности Александр вручил дожу, опустившемуся на колени перед алтарем, золотую папскую розу — честь, коей удостаивались только коронованные особы. Папа признавал вольную республику Венецию суверенным государством, отвергающим притязания Империи на господство.

Когда отшумели торжества и Александр уже собирался продолжить путь в Болонью, дабы открыть там мирный конгресс, доложили о прибытии архиепископа Магдебургского. Первым делом Вихман выразил свое сожаление по поводу того, что Болонья как место проведения конгресса неприемлема для немцев. Для Фридриха больше подошла бы Равенна, но он согласен и на Венецию, нейтралитет которой засвидетельствован самим папой римским. Александр был неприятно поражен услышанным. Недоумевали и кардиналы: ведь император совсем недавно высказался за Болонью. Вихман пояснил, что Фридрих поначалу не учел враждебность между немцами и болонцами. Особенно это касалось архиепископа Майнцского Кристиана, отказывавшегося даже войти в Болонью, с которой он весьма жестоко обошелся во время своего недавнего объезда территории Романьи, а ведь без его участия конгресс не мог состояться.

Переданное Вихманом пожелание императора создавало для Александра безвыходную ситуацию. Болонья твердо стояла на стороне Лиги, и проведение в ней мирного конгресса весьма устроило бы ломбардцев, зато их совершенно не устраивала враждебная им Равенна. Какое бы решение Александр сейчас ни принял, его положение становилось все более затруднительным. Однако вскоре выяснилось, что он еще недооценил возникшие

осложнения. Едва он успел прибыть к ожидавшим его в Ферраре ломбардцам и с апостолическим благословением поприветствовать их, как они принялись изливать на него всю горечь своей обиды. Папа пытался оправдываться, говоря, что в императоре произошла чудесная перемена, Бог наконец вразумил его, заставил покориться святой римской церкви, и этим нельзя пренебречь. Престол Святого Петра примет окончательное решение, разумеется, только с согласия верных союзников. Но, похоже, эти объяснения не произвели должного впечатления на ломбардцев, продолжавших негодовать: они жертвовали ради папы своим добром и проливали за него кровь, а он в благодарность за это предал их!

Весьма неприятная для Александра ситуация еще больше усугубилась, когда прибывшие спустя некоторое время делегаты из Ананьи прилюдно заверили его, что император твердо придерживается всех достигнутых соглашений. Это само по себе совершенно ненужное сообщение вынуждало Александра заявить перед лицом ломбардцев, что таинственный для них предварительный мирный договор не подлежит отмене. И в такой обстановке предстояло решать вопрос о месте проведения мирного конгресса! Ломбардцы требовали от императора придерживаться своего согласия на Болонью или выбрать другой город Ломбардской лиги. Но немцы ни за что не соглашались на это из соображений собственной безопасности, предлагая либо Павию, либо Венецию. Из-за этого второстепенного вопроса, первоначально казавшегося Александру простой формальностью, стороны заспорили столь горячо, что сам конгресс оказался под вопросом.

В конце концов папе удалось при помощи сицилийцев уговорить ломбардцев согласиться на Венецию как на компромиссный вариант. Представители короля Сицилии предложили считать живущих в его владениях венецианцев заложниками, гарантирующими безопасность делегации Ломбардской лиги. Консулов это несколько успокоило, однако сверх того они потребовали, чтобы сам император в переговорах не участвовал и прибыл в Венецию лишь после того, как его туда пригласит папа. Фридрих согласился, чем и вызвал вздох облегчения у Александра, не сообразившего, что в этом случае вся ответственность за успех мирных переговоров ложится на него. Фридрих же, столь охотно принявший это дополнительное условие, ничего не терял, поскольку придворный этикет и так не позволял государю лично вести переговоры с представителями городов.

В мае 1177 года, спустя год после битвы при Леньяно, в

капелле дворца патриарха собрались делегации. Император уполномочил представлять свои интересы архиепископов Филиппа Кельнского, Вихмана Магдебургского и Кристиана Майнцского, епископа Конрада Вормсского и собственного нотариуса Ардуина — тех самых людей, кого делегировал в Ананьи. Ломбардская лига была представлена четырьмя епископами и тремя мирянами во главе с миланским консулом Джирардо Песта. От короля Сицилии прибыли канцлер Рожер и епископ Салернский Ромуальд. Папа назначил для участия в переговорах семь своих легатов во главе с кардиналом Хубальдом.

После того как были удостоверены полномочия делегатов, Александр изложил присутствующим свои соображения о порядке работы конгресса. Самым трудным, основным вопросом он назвал достижение соглашения между императором и Ломбардской лигой. Об этом и следует прежде всего вести переговоры. Если, а на это он крепко надеется, они благополучно завершатся, то ответственную задачу конгресса можно считать решенной, поскольку, как он полагает, тогда уже ничто не помешает заключению окончательного договора о мире между престолом Святого Петра, его верными союзниками ломбардцами, королем Сицилии и Империей.

Однако уже первые высказывания делегатов показали, что между договаривающимися сторонами существуют непримиримые противоречия. Александр был вынужден уединиться, дабы поразмыслить о возможном компромиссе. На следующее утро папа потребовал от спорщиков высказывать лишь конструктивные предложения и точно формулировать свои требования. Кристиан, архиепископ Майнцский, заявил, что у ломбардцев есть три возможности возвратить себе милость императора. Первая заключается в безоговорочном признании Ронкальских постановлений 1158 года. Вторая — в восстановлении правоотношений, существовавших сто лет назад между ломбардскими городами и римским императором Генрихом IV. Наконец, третья возможность могла бы появиться у ломбардцев, если бы они заявили, что заранее признают новое решение третейского суда.

Однако Джирардо Песта в своей весьма обстоятельной ответной речи обосновал неприемлемость всех этих предложений. Ломбардская лига не считает себя обязанной признавать так называемые Ронкальские законы, поскольку они представляют собой вовсе и не законы, а приказы. Но даже если придерживаться устаревшего, на взгляд ломбардцев, правового принципа, согласно которому приказы императора имеют силу закона, все

равно эти пресловутые законы недействительны, поскольку многие ответственные лица Ломбардской лиги не присутствовали при их оглашении. Об их признании задним числом, разумеется, не может быть и речи. Столь же неприемлемо и второе предложение, поскольку сегодня уже нет в живых никого из тех, кто мог бы поведать о правоотношениях столетней давности, запись которых тогда не была произведена. А кроме того, продолжал Джирардо, повысив голос и обратившись лицом к папе, этот так называемый император Генрих IV на деле был не император, а кровавый тиран, враг церкви, главарь еретиков, с которым Ломбардская лига не желает иметь ничего общего.

Поскольку Генрих IV приходился прадедом Барбароссе, этот выпад отозвался возмущенным ропотом сторонников императора. И тогда ловкий миланец, словно желая загладить допущенную бестактность, добавил: «Если император готов довольствоваться тем, что наши предки платили благородным императорам Генриху V, Лотарю III и Конраду III, то мы охотно будем поступать так же». Однако для императора это было все равно что ничего.

И, наконец, сказал Песта в завершение своей речи, нового решения третейского суда не требуется, поскольку и старое, вынесенное два года назад консулами Кремоны, хотя и признанное императором, тут же было им нарушено: с помощью ловкой интерпретации он попытался затушевать главное условие, требовавшее ясного, недвусмысленного признания папы Александра. Если бы не эти уловки, еще два года назад был бы установлен прочный мир. Поскольку же Ломбардская лига, верная своим обязательствам в отношении престола Святого Петра, предпочла продолжить кровавую борьбу, нежели изменить святой церкви (он произнес это дрожащим от волнения голосом, и Александр стыдливо опустил глаза), Господь и послал ей триумфальную победу при Леньяно! Так почему бы сегодня, если император искренне желает мира, не признать условий этого третейского решения, но на сей раз без уловок и оговорок? Во всяком случае, он, Джирардо, уполномочен предложить соглашение на этой основе.

Предложение миланца повергло немцев в замешательство. Для непринятия его не было ни правовых, ни моральных оснований. Еще несколько месяцев назад император с готовностью принял бы его, теперь же этому препятствует соглашение в Ананьи, обязавшее Фридриха передать курии тосканские владения графини Матильды. Эта уступка была сделана с расчетом на преимущества, предоставляемые статьей IX, но если теперь признать решение третейского суда кремонцев,

то от владений императора в Италии останется лишь малая часть его прежних прав в отношении ломбардских городов! Надо было действовать, но так, чтобы своим отказом не сорвать переговоры и не оказаться опять в затруднительном, даже чрезвычайно опасном положении. Третейское решение следует принять за основу, но дать ему такое толкование, чтобы сделать неприемлемым для ломбардцев. Кристиан Майнцский заявил, что надо обсудить внесенное предложение. Александр облегченно вздохнул и направился к выходу, предварительно попросив позвать его, когда будет достигнуто соглашение, на что он твердо надеется.

Однако его оптимизм оказался преждевременным. Участники переговоров провели в спорах много дней. Тогда как ломбардцы подтверждали свою готовность к заключению мира все большими уступками, притязания немцев возрастали с каждым часом. Они умудрились истолковать предельно ясный текст третейского постановления таким образом, что сделали невозможным достижение положительного результата. Конгресс зашел в тупик, что и являлось целью имперской дипломатии. В случае, если бы папа и император обратились бы к третейскому суду, ломбардцы должны были узнать, что святой отец, ради которого они жертвовали своим добром и проливали кровь, предал их в Ананьи.

Но как раз этого курия и не могла допустить. Александр наконец осознал, что роковая статья IX выражает суть всего мирного договора, в котором он запутался, словно в силках. По всей видимости, ломбардцы еще не знали о секретном соглашении, но немцы, несомненно, будут настаивать на своем праве и тем самым вызовут окончательный разрыв между курией и Ломбардской лигой. Единство Лиги невозможно будет сохранить: один город за другим последует примеру Кремоны, и тогда папа и ломбардцы окажутся в руках императора.

Александр был вынужден признать, что дипломатия Барбароссы одержала над ним верх. Надо было искать выход. Прекратить конгресс? Для этого нет оснований, а к тому же, если конгресс не закончится подчинением Фридриха апостолической власти единственного законного папы — Александра III, то имперская канцелярия, непревзойденная в искусстве обработки общественного мнения, сделает все для того, чтобы настроить христианский мир против папы, предавшего в Ананьи своих союзников. Спасительным выходом из создавшегося положения могло бы стать промежуточное решение. Если сейчас невозможно заключить мир с ломбардцами, то по крайней мере надо добиться многолетнего перемирия.

После трехдневных совещаний со своими кардиналами Александр предложил, чтобы император заключил на условиях статус-кво перемирие с ломбардцами на шесть лет, а с королем Сицилии — на пятнадцать. Если стороны, и прежде всего император, согласятся на это, то папа снимет с Фридриха и его людей анафему, и тем самым главная задача конгресса — восстановление единства католической церкви — будет решена.

Предложение явилось неожиданностью для всех участников конгресса. Ломбардцы и сицилийцы после короткого обсуждения заявили о своем согласии и теперь с нетерпением ожидали решения немцев, удалившихся на совещание. Однако те дали уклончивый ответ: они не могут сами взять на себя столь большую ответственность и должны получить инструкции от императора, для чего потребуется продолжительная отсрочка. Участники конгресса согласились, и делегация императора сразу же отправилась в путь в его резиденцию, располагавшуюся в Помпозе, одном из аббатств на границе с владениями Венеции.

Фридрих, с большим неудовольствием выслушав доклад архиепископов, сказал, что Александр должен придерживаться взятых на себя обязательств. Делегаты принялись объяснять императору, что их силы уже на исходе, что провала конференции нельзя допустить, но ничего не добились. Напротив, император еще больше разгневался, заявив, что не намерен жертвовать интересами Империи ради чьей бы то ни было выгоды. Права Империи четко закреплены в статье IX договора в Ананьи, и он никогда не согласится на отказ от Тосканы, если в порядке компенсации не добьется содействия папы в установлении господства над Ломбардией. Внесенное папой компромиссное предложение означает не что иное, как желание освободиться от своих обязательств, вытекающих из статьи IX, тогда как Империя должна выполнять взятые на себя обязательства! Договор представляет собой единое целое, и если курия не собирается выполнять статью IX, то утрачивают силу и прочие положения. Архиепископы попытались было возразить, что заключение перемирия в правовом отношении не отменяет договора в Ананьи, но безуспешно. В удрученном настроении делегация отправилась обратно в Венецию. Если теперь конгресс будет сорван, то ответственность за это целиком ляжет на императора.

Александра решение Фридриха повергло в уныние. Он тщетно обращался к участникам конгресса с просьбами предлагать лучшие варианты. Поскольку никто не хотел высказываться, он сделал перерыв в заседании, чтобы обсудить сложившееся положение наедине с представителями императора. Кристиан Майнцский настойчиво требовал, чтобы третейский суд

в составе представителей папы и императора продиктовал строптивым ломбардцам условия мира. Не зная, что ответить, Александр сказал, что хочет основательно все обдумать. Он уже не видел разумного выхода из создавшегося положения, и силы его были на исходе. Перипетии переговоров, непримиримость противоречий и только что потерпевшая крушение надежда прийти к соглашению истрепали его нервы. Осознание того, что в Ананьи он совершил роковую ошибку, парализовало его волю. Одно ему было ясно: третейский суд не должен состояться. Какое бы решение им ни было принято, перестанет быть секретом, что под статьей IX стоит его подпись, несовместимая с папским достоинством и притязаниями на непогрешимость.

И тут впавшему в глубокое уныние Александру доложили о прибытии монахов-цистерцианцев и начальника имперской канцелярии Готфрида, просивших, чтобы никто не узнал об их присутствии, и прежде всего эрцканцлер Кристиан. Лишь заручившись гарантией соблюдения тайны, они сообщили папе, что император, делегировавший их в Венецию, теперь готов согласиться на заключение перемирия с ломбардцами на шесть лет, а с сицилийцами — на пятнадцать. Но за это Фридрих намерен предъявить встречное требование, причем делегаты заявили, что уполномочены все рассказать только двум кардиналам, которых назначит папа, да и то с условием, что папа заранее обязуется выполнить их решение.

Александр был удивлен и до глубины души возмущен, что ему предъявляются требования, о содержании которых он даже не может знать. Однако монахи сказали ему, что он едва ли чем-то рискует, поскольку должен довериться преданным ему и мудрым советникам, без участия которых он и так не принимает никаких решений. Зато конференция может завершиться полным успехом. Не нужен будет и третейский суд, и никто ничего не узнает о статье IX, содержание которой императорская канцелярия до сих пор хранила в строжайшей тайне. К сказанному цистерцианцы добавили, что император не требует невозможного и что они сами не взялись бы за дело, несовместимое с интересами Святого престола.

Подумав, Александр согласился и назначил уполномоченными своих ближайших советников, кардиналов Теодина и Губерта, на которых он мог положиться. Те и узнали, о чем идет речь: если император примет предложение о перемирии, то возникнет новая ситуация, не предусмотренная договором в Ананьи, — утратит силу статья IX договора, вследствие чего император будет считать утратившим силу и весь договор, представляющий собой единое целое. Если же он тем не менее и

будет соблюдать соглашение, чего он ни в коей мере не обязан, то следует сделать одно исключение — отсрочить согласованную в Ананьи передачу папе «имения Матильды». Предлагается тщательно проверить притязания обеих сторон на эти спорные территории, для чего должен быть отведен такой же срок, какой предусматривается на перемирие с сицилийцами — 15 лет, до истечения которого за императором сохраняются права неограниченного владения этими землями.

Требования императора показались представителям папы даже более умеренными, чем они ожидали, поэтому они согласились и направились к Александру, дабы доложить ему о принятии предложения. Но тем временем папа уже изменил свое решение, полагая, что несовместимо с апостолическим достоинством соглашаться на требования, содержания которых он даже не знает. Александр заявил, что ему должны сначала сказать, о чем идет речь. Если желание императора не противоречит благу церкви, то он не откажется одобрить его. Напрасно пытались кардиналы переубедить его, напоминая ему о взятом на себя обязательстве. Он твердо стоял на своем. Готфрид не без сарказма заметил, что нарушение данного слова и вправду несовместимо с апостолическим достоинством, но Александр, считая собственную ответственность перед Богом выше любого права или обязательства, упорно отказывался дать свое согласие. Готфрид, раздосадованный провалом миссии, покинул Венецию.

Монахи же остались, пытаясь убедить папу сдержать данное слово. Но Александр требовал, чтобы ему сказали, о чем идет речь, и тогда он сделает все возможное, чтобы наступил мир. Цистерцианцы, убедившись, что папа скорее согласится на крушение дела всей своей жизни, чем сдержит неосмотрительно данное обещание, все ему объяснили. Узнав наконец, чего требует Фридрих, Александр сразу же решил, что соглашение возможно. Но таких уступок, каких ждет император, он все же не может сделать, а потому выдвигает встречное предложение: пусть император в течение 15 лет получает доходы с «владений Матильды», то есть как бы берет эту область в аренду от папы. По истечении же указанного срока она должна возвратиться Святому престолу. Единственное различие между обоими вариантами решения проблемы состояло в том, что император заранее должен был признать справедливость притязаний на владение этой областью, которые через 15 лет заявит папа.

Пообещав сделать все возможное, хотя это «единственное различие» и вызывало у них тревогу, цистерцианцы отправились в резиденцию императора, находившуюся на расстоянии одного дня пути. Как они и предполагали, Фридрих не имел ни

малейшего желания становиться арендатором папы, хотя и не сомневался в том, что за 15 лет накопит достаточно сил, дабы удержать за собой спорную область. Вместо ответа он перебрался со своим двором на десять миль дальше от венецианской границы, давая тем самым понять, что намерен прекратить переговоры. Пусть теперь Александр договаривается непосредственно с ним. Настал момент для приглашения его в Венецию, где у него достаточно сторонников, чтобы участники конгресса и их досточтимый председатель ощутили авторитет римского императора.

В Венеции же царила нервозная обстановка. Немецкая делегация была неприятно удивлена и возмущена, узнав о тайных переговорах. Кристиан Майнцский заявил Александру, что больше так не может продолжаться: пока император находится на расстоянии нескольких дней пути от Венеции, в ходе переговоров все время будут возникать заминки. Фридрих должен прибыть в Венецию. Александр не мог решиться сразу же ответить согласием, опасаясь вызвать еще большее раздражение у ломбардцев. А император в это время находился в охотничьем замке на берегу реки По, ежедневно выезжал на соколиную охоту и делал вид, что все происходящее его ничуть не волнует. Наконец, к нему прибыл архиепископ Кельнский Филипп. По поручению конгресса и его председателя — папы он передал императору приглашение прибыть на венецианскую территорию. Дож приготовил для него в Кьодже резиденцию и поручил своему сыну препроводить туда высокого гостя. Фридрих не заставил долго упрашивать себя.

Александру не оставалось ничего иного, как, скрепя сердце, направить пятерых кардиналов в Кьоджу с официальным приглашением императору прибыть в Венецию, дабы, признав нерушимость перемирия с ломбардцами и сицилийцами, получить апостолическое благословение. Но и на сей раз вышло не так, как хотелось папе. Еще не успели его посланцы прибыть в Кьоджу, как находившиеся в императорской резиденции венецианцы тайно покинули ее и направились в Венецию. Как только они прибыли в свой город, на улицах начались беспорядки. Повсюду раздавались возгласы «Да здравствует император!». Народ, заполнивший площадь Святого Марка, потребовал от перепуганного дожа немедленно принять императора в городе. Объяснений, что сделать это можно лишь с согласия папы, и слушать не стали — не папа распоряжается в Венеции, а если и надобно его согласие, то без труда оно будет получено.

Уже наступила ночь, и Александр едва отошел ко сну, как

был разбужен самым бесцеремонным образом. К нему ворвалась толпа дерзких молодцов и потребовала незамедлительно дать согласие на прибытие в Венецию Фридриха. Александр, не испугавшись, твердым голосом прикрикнул на возмутителей спокойствия, напомнив им, что никто не может принудить его. Он сам примет решение, как только его легаты возвратятся из Кьоджи. Оробевшие венецианцы попятились к двери, на которую им указал непреклонный старец.

Но поспать в ту ночь ему все же не довелось. Сначала к нему пришли ломбардцы, дабы сообщить о своем решении немедленно покинуть Венецию ввиду возникшей угрозы своей безопасности. Затем появился срочно оповещенный о происшествии дож, поспешивший выразить свое сожаление о случившемся. Не стали ждать утра и взволнованные сицилийцы, убеждавшие папу без промедления готовиться к отъезду. Их корабли тем временем нарочито шумно, с расчетом привлечь внимание окружающих, оснащались для выхода в море. Это не могло не вызвать беспокойства у дожа, понимавшего, что король Сицилии не простит Венеции такого вероломства и обрушит свой гнев на живших в его королевстве венецианцев.

Порядок в городе кое-как удалось восстановить, однако последние события столь сильно подействовали на Александра, что он решил не тянуть дольше с подписанием договора, что и свершилось в Кьодже 21 июля 1177 года. Отношения между папой и императором, главными предводителями христианского мира, должны были теперь складываться совершенно по-новому. Подготовленный мирный договор по нескольким существенным пунктам отличался от проекта, согласованного в Ананьи: владения Матильды более не упоминались, и решение этого вопроса переносилось на неопределенный срок; предусматривалось, что не только император возвращает церковные земли, но и наоборот, церковь отдает императору то, что присвоила в период раздоров; заключение мира между римской церковью и императором теперь уже не увязывалось с примирением императора с городами Ломбардии, более не рассматривавшимися в качестве равноправных партнеров. За соблюдением шестилетнего перемирия между императором и городами должны были следить специальные уполномоченные с обеих сторон. Поскольку же перемирие между императором и королем Сицилии Вильгельмом II устанавливалось на 15 лет, его можно было расценивать как заключение мира, положившего конец вековому раздору между Германией и сицилийскими норманнами.

В окружении как папы, так и императора тщательно

готовились к торжественному акту примирения. Приближенные папы подробнейшим образом разработали церемониал встречи императора, снятия с него анафемы; было оговорено, как именно император должен приблизиться к папе, дабы поцеловать его туфлю, и многое другое. Александр лично все проверил, что-то отверг, а что-то поправил, стремясь свести до необходимого минимума меру унижения императора. Прежде всего это касалось ненавистной «шталмейстерской услуги»: чтобы она не казалась Фридриху слишком постыдной (да и сам папа, думая о ней, заранее испытывал чувство неловкости), был намечен путь всего в несколько шагов — от трибуны у портала собора до пристани гондол.

Император, в свою очередь, дабы предстать перед народом в качестве щедрого государя и устроить выезд, приличествующий римскому величеству, взял заем у венецианских банкиров. Из Кьоджи он переселился со всей своей свитой в расположенный в Лидо монастырь Святого Николая, чтобы здесь, в окружении имперских князей, подвергнуться обряду снятия церковного отлучения, который должны были совершить папские легаты.

Еще до восхода солнца 24 июля 1177 года просторная площадь Святого Марка была запружена толпами празднично настроенного народа. У пристани гондол образовался целый лес флагштоков с многоцветными флагами. Перед центральным порталом кафедрального собора возвышалась обширная трибуна, посреди которой был приготовлен роскошно украшенный балдахин для Александра III. Из окон домов, обрамлявших площадь, свешивались гирлянды цветов, красочные полотнища и ковры. Едва рассеялись предрассветные сумерки, как престарелый апостолический князь со своими кардиналами в сопровождении ломбардской и сицилийской знати направился в собор на утреннюю мессу. Там под звуки органа, многоголосое хоровое пение и перезвон колоколов папа благословил кардиналов на свершение благого дела — освобождения императора и его сторонников от проклятия святого Петра.

В церкви монастыря Святого Николая и состоялся сей торжественный акт. Барбаросса покаялся в своих прегрешениях и признал Александра III законным духовным вождем западных христиан. То же самое проделали князья из императорского окружения, преданные папой анафеме. Затем Фридрих занял приготовленное для него место в роскошной галере, предназначенной для торжественных выездов знатных особ. Его окружали кардиналы, только что возвратившие его в лоно святой римской церкви, тогда как прочие господа разместились по гондолам. Вскоре вся эта кавалькада судов под праздничный

перезвон колоколов и ликующие крики народа вошла в гавань Венеции.

Люди, обступившие широкую площадь, смолкли и опустились на колени, когда Александр III размеренным шагом, с поднятыми для благословения руками поднимался к своему трону. В тот же момент к пристани причалила и галера императора, и все взоры обратились на него. Фридрих приготовился совершить, может быть, самый трудный путь в своей жизни. Его вьющуюся кольцами и все еще рыжую бородку обильно посеребрила седина, совсем поседевшая голова увенчана тяжелой императорской короной, на плечи накинута пурпурная мантия, а в белых, украшенных перстнями руках — копье и меч. Приветливая улыбка обнажила два ряда безупречных зубов, но лицо при этом сохраняло выражение настороженности, а огромные глаза как будто даже утратили свою обычную синеву. Фридриху предстояло сделать лишь несколько шагов. Пролетит краткий миг — и он падет на колени и поцелует туфлю того, кого на протяжении двадцати лет ненавидел и с кем много раз вступал в смертельную схватку.

Процессия стройными рядами двинулась вперед. Возглавлял шествие дож, украшенный золотой розой. За ним следовали патриарх и клир собора Святого Марка со свечами, крестами и венками. Они вели к своему господину во Христе Фридриха, дабы тот смиренно принял апостолическое благословение. Взглянув в лицо Александру, император склонил голову, сложил с себя корону, опустился на колени и поцеловал его туфлю. Не поддаваясь соблазну мести, Александр не стал продлевать унижение императора и тут же, взволнованный до слез, притянул к себе блудного, а ныне возвратившегося к нему сына и поцеловал его в знак примирения. Зачарованные невиданным зрелищем толпы народа словно очнулись, и утренняя тишина взорвалась тысячами голосов, слившихся в единый ликующий возглас. Зазвонили колокола, и над площадью полились звуки гимна «Тебя, Господи, славим». Фридрих подхватил шатавшегося от слабости старца под руку и повел его в собор. Там, взойдя на кафедру, папа начал своим еле слышимым голосом проповедь на тему о вновь обретенном мире, которую слово в слово переводили императору на его родной язык. По окончании мессы Фридрих проводил папу, поддерживая его под руку, из собора к приготовленному для него коню. Придерживая стремя, он помог папе сесть в седло, но когда потянулся к узде, дабы, исполняя шталмейстерскую службу, повести коня, Александр остановил его и с благословением отпустил от себя. Так, пройдя через смирение и покаяние, Барбаросса возвысился до положения светского главы западного христианского мира и в глазах тех, кто еще совсем

недавно открыто называл его антихристом.

Приведение к присяге участников прошедших переговоров состоялось 1 августа 1177 года в резиденции папы, расположившегося во дворце патриарха. Церемонию открыл Александр III речью, в коей выразил свою радость по случаю восстановления единства церкви и водворения долгожданного мира. Он назвал императора своим дражайшим сыном, ревностным в деле защиты веры, католическим государем, каковыми признал также его супругу Беатрикс и сына Генриха, к которым готов был относиться со всем подобающим почтением и молиться за них. Император, в свою очередь, признал, что вступил в борьбу против римской церкви в результате заблуждения и под влиянием дурных советников. Он еще раз подтвердил, что признает папу Александра III, пообещав также без лукавства соблюдать договоры, заключенные с римской церковью, королем Сицилии и ломбардскими городами. Затем все присягнули на Евангелии, святых мощах и драгоценной реликвии — кусочке креста, на коем был распят Иисус Христос.

В те дни от папы Каликста III отреклись и его бывшие сторонники, умолявшие Александра III об отпущении их грехов. Александр простил не только их, но и самого Каликста, после того, как тот признал его папой, и даже сохранил ему духовное звание. 14 августа 1177 года в церкви Святого Марка был торжественно открыт предусмотренный договором собор. Примирившихся папу и императора приветствовали патриархи, кардиналы, архиепископы, епископы, аббаты и множество других служителей церкви, а также светские князья. Александр предал анафеме всех, кто нарушит мир и после этого не покается в течение сорока дней. Упорных раскольников, еще не раскаявшихся и не получивших отпущение грехов, он снова предал анафеме. Затем участники собора взяли в руки по горящему факелу, и в торжественной тишине папа Александр провозгласил: «Да не познают преданные анафеме радости вечной жизни, и пусть по смерти погибнут их души, как гаснут сии факелы». И все, бросив на землю факелы, принялись затаптывать их, сопровождая мрачное ритуальное действо дружным возгласом: «Да будет так!», гулко отдававшимся под сводами церкви и терявшимся среди пятисот ее колонн. По окончании собора Барбаросса великодушно пожаловал венецианцам привилегию, подтвердив все прежние договоры в пользу города, а также предоставил им в благодарность за их посредничество в заключении мира право беспрепятственного проезда по всей территории Священной Римской империи. Тогда же император подтвердил владения церквей и монастырей в Венеции и Вероне.

Вознаградил он и верных ему графов Монферрато и Бьяндрате.

Прежде чем расстаться с папой в Венеции, император в середине сентября пожаловал ему грамоту, в которой еще раз обязался соблюдать мир, «насколько сие зависит от нас». Но как раз в это время только что наладившиеся отношения омрачились непредвиденным происшествием: умерший бездетным граф Бертиноро из Романьи завещал церкви земельные владения, которыми он не имел права распоряжаться. На эти владения Фридрих заявил свои притязания. Император и папа договорились предоставить решение этого вопроса третейскому суду. А пока что архиепископ Майнцский Кристиан получил от Фридриха задание обеспечить возвращение церкви всех бесспорно принадлежащих ей владений и регалий. 18 сентября 1177 года Барбаросса покинул Венецию и направился на юг через Равенну в Чезену. Владения графа Бертиноро, на которые претендовали император и папа, располагались неподалеку. Барбаросса вызвал к себе находившихся там папских уполномоченных и потребовал сдать ему крепость и земли. Те отвечали, что не могут сделать этого без распоряжения папы, и тогда император пришел к крепости с вооруженным отрядом и попросту прогнал людей Александра. Все еще находившийся в Венеции папа тщетно пытался получить назад от императора эти владения. Наконец, дабы не омрачать только что установившийся мир, а также нуждаясь в помощи императора для возвращения в Рим, он отказался от своих притязаний в пользу архиепископа Равенны. Поскольку же тот не проявлял никакого интереса к бывшим владениям Бертиноро, они остались в руках императора.

В ноябре-декабре Барбаросса находился в марке Анкона и герцогстве Сполето. Хотя многочисленные конфликты и междоусобицы в Германии торопили его с возвращением на родину, он считал важным и необходимым сперва упрочить свое положение и авторитет в Италии. Он вновь оглашал законы и вершил суд, угрожая имперской опалой всем, кто осмелится нарушить подписанный в Венеции мир. На Рождество Барбаросса находился в области Ассизи, где архиепископ Майнцский Кристиан проинформировал его о возвращении папе церковных владений. Затем Фридрих продолжил путь по Тоскане и в конце января 1178 года прибыл в Пизу, где ему устроили великолепный прием. Позднее, в феврале, когда он посетил Геную, постоянно соперничавшие с пизанцами генуэзцы постарались выказать монарху еще большее почтение. Пребывание Барбароссы в городе послужило поводом для грандиозного праздника, в ходе которого его благосклонности добивались подношением богатых даров. По всему было видно, что его авторитет как никогда высок.

Примирение с папой и заключение мира в Венеции отнюдь не обернулись утратой императором престижа, скорее наоборот, — укрепили его. Множество итальянских маркграфов сопровождало Фридриха, когда он спустя некоторое время отправился в Павию, где пробыл до середины апреля.

Собираясь покидать Италию, Барбаросса направился в Пьемонт. Там, в Турине, он встретился с представителями знати из различных областей Италии, чтобы дать им указания на время своего отсутствия. Он думал о том, как сохранить свое верховенство в Ломбардии и верность преданных ему городов. Некоторым из них он пожаловал тогда новые привилегии и даже проявлял готовность переоформить перемирие с городами Ломбардии в мир, но до этого дело не дошло. В середине июля 1178 года после почти четырех лет пребывания в Италии император покинул страну, направляясь в Бургундию, где также требовалось личным присутствием укрепить собственное положение. Своим наместником в Италии он оставил архиепископа Майнцского Кристиана.

ПРИГОВОР ГЕНРИХУ ЛЬВУ

Двигаясь по рекам Дюранс и Роне, Барбаросса в конце июля 1178 года прибыл в Арль. Это было его первое посещение Прованса. И прежде здесь не бывал никто из немецких королей, обладавших короной Бургундии. В этой части Империи почти не чувствовалась центральная имперская власть, и местная провансальская знать держала себя независимо. В воскресенье 30 июля 1178 года в соборе Сен-Трофим архиепископ Арльский Раймунд возложил на голову Фридриха I Барбароссы корону Бургундского королевства. Отныне император обладал королевским достоинством во всех трех частях Империи — в Германии, Италии и Бургундии. Поскольку Фридрих уже в момент своей коронации в качестве короля Германии в 1152 году автоматически стал обладателем и бургундской короны, коронация в Арле носила чисто символический характер, однако эта символическая демонстрация единства Империи была очень важна для него. Император вместе с супругой оставался в Бургундии до начала октября, посетив Авиньон, Валанс, Вьенн, Лион и Безансон. Он проводил судебные заседания и хофтаги, жаловал привилегии, улаживал споры, всюду демонстрируя свой королевский авторитет.

В начале октября император покинул Бургундию и направился в немецкие земли. Через Эльзас и Ульм, где он провел хофтаг, Барбаросса наконец прибыл на Рейн и вскоре затем открыл в Шпейере рейхстаг, на который прибыли многочисленные князья, поскольку за время четырехлетнего отсутствия императора накопилось немало проблем. Как и прежде нередко случалось, большинство вопросов касалось Саксонии. Генрих Лев сразу же предъявил претензии к своим противникам, особенно к архиепископу Кельнскому Филиппу, с которым вел междоусобную войну, обвинив его в нарушении земского мира. Но и на самого герцога обрушился шквал жалоб. Император всё выслушал, но не стал высказывать своего суждения, заявив, что требуется расследование. Возможно, Генрих ожидал, что Фридрих опять станет его защищать, но вместо этого император холодно заявил, что передаст дело на рассмотрение суда князей. Обеим сторонам было велено явиться на рейхстаг в Вормс, назначенный на середину января 1179 года, где и предполагалось провести разбирательство в соответствии с земским правом.

Когда к указанному сроку князья собрались в Вормсе, из двух главных оппонентов присутствовал только архиепископ

Кельнский Филипп. Генрих же не прибыл и не прислал своего представителя. Со всех сторон посыпались обвинения против него: говорили, что Генрих неоднократно нарушал земский мир, зачастую действовал вопреки императорским приказам и даже совершил государственную измену, подстрекая славян напасть на владения Магдебургского архиепископства.

Поскольку со стороны Вельфа не последовало ни возражения, ни, тем более, оправдания, у Фридриха не было ни малейшей возможности уладить дело полюбовно. И все же он не решился на сей раз вынести обвинительный приговор, а постановил начать против герцога процесс о земской опале. Кроме того, поскольку тот не явился на вызов, проявив тем самым неповиновение императору и королю как своему верховному сюзерену, следовало начать против него также и ленный процесс, который мог завершиться лишением его имперского лена, а вместе с ним и герцогского достоинства. Для дальнейшего выяснения обстоятельств дела, а также чтобы дать обвиняемому возможность оправдаться, Фридрих назначил слушание на 24 июня 1179 года в Магдебурге.

Имперское собрание в Вормсе закончилось государственным актом, не менее болезненно затронувшим интересы Генриха Льва: престарелый Вельф, приходившийся дядей и Генриху, и Фридриху, официально передал императору свои владения, о чем было достигнуто негласное соглашение еще много лет тому назад. Отныне Фридрих мог действовать уже без оглядки на своего кузена Генриха, у которого не должно было оставаться сомнений относительно того, на чьей стороне император. Поскольку же врагами Генриха были почти все имперские князья, следовало ожидать, что их независимый суд, на решение которого император мог влиять лишь как председатель, признает его виновным и вынесет обвинительный приговор. Оказаться в таком положении Генрих не имел ни малейшего желания. Он находился на вершине могущества, обладая суверенной герцогской властью, и его зависимость от императора как верховного сюзерена существовала лишь формально юридически. Хотя Фридрих и был коронованной особой, Генрих Лев могуществом и авторитетом ничуть не уступал ему, а может еще и превосходил его, поэтому и считал ниже собственного достоинства предстать перед судом князей. Пусть они решают, что хотят — все равно их приговор останется пустым звуком.

И все же, когда князья стали съезжаться в Магдебург для судебного разбирательства, он прибыл в свой бург Хальдеслебен, неподалеку от города, так что все подумали, будто он наконец-то последовал императорскому приглашению. Однако Фридриху

пришлось открывать 24 июня заседание без участия Генриха, не соизволившего появиться. Опять судебное разбирательство проходило без него, и под напором выдвинутых обвинений растаяла последняя надежда на полюбовное соглашение. Приговор мог быть только один — объявление имперской опалы, которая, однако, вступала в силу спустя год и один день. В течение этого срока обвиненный мог добиваться отмены приговора.

Решение суда не оставило Генриха равнодушным, причем ему была неприятна не столько сама опала, сколько тот факт, что император подписал приговор, продемонстрировав тем самым, что действие закона распространяется и на герцога Саксонского и Баварского. И все же в глубине души Генриха, видимо, еще теплилась надежда, что удастся договориться с императором и отменить приговор, поэтому он и попросил Фридриха о встрече. Тот согласился, и они встретились на полпути между Магдебургом и Хальдеслебеном. Их беседа была короткой. Генрих заявил, что считает ниже собственного достоинства подчиниться приговору об опале, но если Фридрих захочет продолжить сотрудничество с ним, как в прежние времена, то они вдвоем будут достаточно сильны, чтобы действовать, не считаясь с мнением прочих князей. Ответ императора оказался неутешительным для него: Фридрих соглашался лишь приостановить ленный процесс, если Генрих заплатит штраф в 5 тысяч марок серебра; что же касается опалы, то в случае уплаты штрафа Фридрих брал на себя лишь роль посредника между Генрихом и князьями. Однако герцогу сумма штрафа показалась чрезмерной, и он удалился, не приняв предложение императора.

А тот, возвратившись в Магдебург, назначил проведение ленного процесса на середину августа в местечке Кайна в Саксонии. Как и следовало ожидать, Генрих не появился и там. Уже в третий раз герцог Саксонии и Баварии проигнорировал королевский вызов, что по закону служило достаточным основанием для лишения его имперского лена и герцогского достоинства. Однако Фридрих решил не спешить с вынесением столь сурового приговора, но, посоветовавшись с князьями, дал Генриху последний шанс: тот должен был явиться 13 января 1180 года на рейхстаг в Вюрцбург, где предполагалось огласить окончательный приговор.

Не исключено, что Фридрих и на этот раз пошел бы навстречу Генриху, спустив на тормозах начатый против него процесс, если бы тот со своей стороны согласился на уступки. Однако Генрих, не дожидаясь окончательного приговора, перешел в наступление. Он внезапно напал на Хальберштадт, овладел этим богатым

городом и сжег его со всеми церквами и святынями. Епископа Удальриха он посадил в темницу, чтобы потом, в обмен на его освобождение, потребовать отмены вынесенного против себя приговора. Союзники епископа Хальберштадтского, архиепископы Кельнский и Магдебургский, поспешили на помощь Удальриху, но, разбитые Генрихом, ретировались не в состоянии даже дать отпор его отрядам, опустошавшим их собственные владения. Генрих же, словно вездесущий демон, внезапно появлялся то тут, то там во главе своего воинства, наводя ужас на мирных жителей, подвергавшихся избиению и грабежу. Не довольствуясь этими «подвигами», он, используя свои связи в Риме, добился рукоположения собственного друга архиепископом Бременским, хотя Бременская кафедра уже была обещана папой одному из сторонников императора.

Теперь Фридриху, если он не хотел поступиться авторитетом своего императорского титула, не оставалось ничего иного, как довести до конца судебный процесс против Генриха Льва. 30 января 1180 года, спустя год после первого заседания в Вормсе, собрался рейхстаг в Вюрцбурге. Прибыли все князья, кроме обвиняемого. Вынесенный ему приговор был предельно суров: Генрих лишался герцогского достоинства и всех имперских ленов, а его личное имущество подлежало конфискации. Как последнюю милость ему предоставили право в течение шести недель покаянием добиваться смягчения или даже отмены приговора. Но Генрих и не думал каяться, так что приговор вступил в силу. Теперь Фридриху надо было думать о том, кому и на каких условиях пожаловать освободившиеся герцогства. Одновременно с оглашением императорского решения о пожаловании в лен саксонского и баварского наследства надлежало издать приказ о мобилизации всех имперских князей, дабы привести в исполнение приговор в отношении могущественного герцога. Это предстояло сделать на рейхстаге в Гельнхаузене 13 апреля 1180 года, и все с нетерпением ждали намеченного дня, гадая, проявит ли император твердость и доведет ли борьбу до конца.

Предвидя, сколь нелегко будет реализовать решения Вюрцбургского рейхстага, его участники предпочли заключить перемирие с Генрихом до 27 апреля, дабы в мире отпраздновать Пасху, и тот согласился, словно еще надеясь на благоприятный для себя исход. Однако сомнения и опасения одних и надежды других рассеялись, когда в установленный день Фридрих огласил свое решение. Старая Саксония, поделенная среди нескольких феодальных господ, прекращала свое существование. Большая ее часть, сохранившая название герцогства Саксонского, досталась младшему сыну Альбрехта Медведя, графу Бернхарду

Анхальтскому, взявшему тем самым реванш над Генрихом Львом, о котором мечтал, но так и не добился его отец. Дабы не допустить чрезмерного усиления дома Асканиев, уже владевшего Бранденбургом, Барбаросса отторг от Саксонии западную часть, отныне именовавшуюся герцогством Вестфальским; она была отдана в управление архиепископу Кельнскому, но подчинена непосредственно императору. Участь Баварии предстояло окончательно решить на рейхстаге в Регенсбурге, однако уже тогда стало ясно, что Генриху не на что более надеяться — он лишался всего.

Но, как и ожидалось, приведение в исполнение вюрцбургского приговора оказалось непростым делом. В тот же день, как закончилось перемирие, Генрих Лев напал на старинную императорскую резиденцию Гослар. В стратегических планах Фридриха этой крепости отводилась ключевая роль, поскольку только отсюда можно было контролировать расположенные на Гарце бурги и тем самым обеспечивать прикрытие войска на марше к Брауншвейгу. Генрих предпринял внезапную атаку, однако не застал защитников крепости врасплох, и те сумели дать ему отпор. Не имея времени для длительной осады, Генрих ограничился разрушением расположенных в округе серебряных рудников, после чего там долго не могли возобновить горный промысел. Затем он двинулся на юг, намереваясь вторгнуться в Тюрингию, однако у Вейсензее путь ему преградил ландграф Людвиг. После короткой стычки тюрингцы обратились в бегство, причем сам ландграф с братом и четырьмя сотнями рыцарей попал в плен. Генрих преследовал убегавших вплоть до Мюльхаузена, сжег его и затем триумфатором возвратился в Брауншвейг, устроив по случаю победы празднество, на которое собрались все его вассалы и прочий служивый люд, чествовавшие своего могущественного господина и клявшиеся в нерушимой верности ему. Тем временем славянские племена поморян и лютичей по наущению Генриха опустошали земли Магдебургского архиепископства.

К своему тестю, английскому королю, Генрих Лев обратился с предложением использовать благоприятный момент для войны против императора, которому в таком случае пришлось бы сражаться на два фронта, что едва ли было ему по силам. Генриху II этот план понравился, и он ответил, что если молодой король Франции Филипп пожелает присоединиться, то риск будет невелик, и войну можно начинать. И действительно, только что короновавшийся Филипп II Август заявил было о своем согласии, но его дядя, симпатизировавший Фридриху, сумел растолковать племяннику, что для короля Франции не полезно и не прилично

нападать на императора, не сделавшего ничего плохого ни ему самому, ни его отцу. На Филиппа подействовало это рыцарское увещевание, и он не только ответил отказом Англии, но и принес свои извинения Фридриху, заявив, что у него никогда не было на уме выступить из-за герцога Саксонии против императора.

Так Генрих Лев потерпел свою первую неудачу. Однако он не утратил присутствия духа и тут же пригласил на совещание датского короля Вальдемара I, свекра своей дочери. Они не питали друг к другу ни малейшей симпатии, напротив, Генрих рассматривал датчанина скорее как собственного вассала, нежели родственника, а тот, в свою очередь, видел в нем бесцеремонного и опасного соседа. Чем настойчивее Генрих требовал от него поддержки, тем холоднее становился Вальдемар, давший понять, что лишь в случае, если герцог возвратит церкви отнятые у нее имения, тем самым примирившись с Богом, борьба против императора сможет иметь надежду на успех и лишь тогда можно рассчитывать на содействие Дании. Генрих понимал, что Вальдемар намекает на возвращение Хальберштадту и Бремену отобранного у них, поэтому счел бессмысленными дальнейшие переговоры. Однако и без этих помощников он чувствовал себя достаточно сильным, чтобы преградить войску императора путь в Саксонию. Узнав о принятом на рейхстаге в Регенсбурге решении лишить его также и Баварского герцогства, переходившего к другу и наместнику императора в Баварии, пфальцграфу Отто Виттельсбаху, Генрих Лев лишь посмеялся: пусть император придет и приведет свои грозные приговоры в исполнение!

И император пришел. В День святого Якова, 25 июля 1180 года, имперское войско собралось на южной границе Саксонии. Медленно продвигаясь в глубь территории герцогства, оно достигло 15 августа Верлы, старинной резиденции императоров Саксонской династии. Однако вместо того чтобы, как рассчитывал Генрих, далее направиться прямо к Брауншвейгу и там вступить в решающее сражение, обещавшее успех хорошо подготовившемуся герцогу, император свернул на юго-запад и отошел к руинам Хальберштадта. Смысл этого маневра скоро прояснился: из Верлы, святого для каждого саксонца места, поскакали императорские гонцы ко всем сторонникам опального герцога с требованием незамедлительно подчиниться своему верховному сюзерену — императору и королю Фридриху I. Они напоминали, что по действующему ленному праву ни один вассал не должен помогать своему сеньору против императора и короля, тем более что по вынесенному в Гельнхаузене приговору утрачивают силу все вассально-ленные обязательства в отношении Генриха. Последним сроком, когда вассалы герцога

должны были подчиниться требованию императора, Фридрих назначил 11 ноября 1180 года. Ослушникам грозили имперская опала и лишение имений, если не самой жизни.

Как раз в то время, когда о распоряжении императора стало известно в Брауншвейге, Генрих поссорился из-за добычи с одним из своих вассалов, графом Адольфом Шауэнбургским, и тот, оскорбленный новой обидой, наложившейся на множество старых, причиненных высокомерным герцогом, отправился прямиком в Хальберштадт, где находился со своими князьями Фридрих. Там он, первый и к тому же наиболее сильный из вассалов Генриха, принес присягу на верность императору. Это послужило сигналом для многих других, каждого из которых Фридрих милостиво принимал и жаловал ленами из собственных владений. Тем самым он успешно завершил завоевание южной части Саксонии, даже не обнажив меча. Считая военную кампанию этого года законченной, он распустил большую часть войска по домам, велев всем на следующий год к 24 июня собраться в Хальберштадте для завершения войны. Этот последний этап не обещал легких успехов, но когда к назначенному последнему сроку 11 ноября гарнизоны всех бургов в районе Гарца перешли на сторону императора, он мог уже с большей надеждой смотреть в будущее. Рождество он праздновал в Эрфурте с обычными для него размахом и пышностью.

Тревога наполняла душу Генриха Льва, осознавшего, сколь опасно его положение, однако искать пути к примирению уже было поздно. Южная половина Саксонии потеряна, почти все укрепленные пункты находятся в руках Фридриха. Только крепость Хальденслебен под командованием верного Бернгарда фон Липпе еще закрывает отрядам императора путь на Брауншвейг, Люнебург и к Эльбе. Значит, до Эльбы императору еще удастся пробиться, но если он попытается перейти ее, полагал Генрих, то здесь, в Гольштейне, и можно будет дать ему решающее сражение. Во главе своих отчаянных голштинцев, засевших в крепостях по берегу реки, и в союзе с князем поморян Казимиром он нанесет сокрушительный удар по имперскому войску. Пока воинство Фридриха будет штурмовать Хальденслебен, Брауншвейг и Люнебург, он успеет собрать отряды в Гольштейне.

Но прежде всего, негодуя на подлого перебежчика, графа Шауэнбургского, Генрих решил занять его крепости — Плён и Зеегебург, чтобы тем самым наказать предателя и, что еще важнее, иметь возможность контролировать Гольштейн. Генрих сам повел отборный отряд проверенных в боях рубак и внезапно появился у стен Плёна. Однако гарнизон крепости,

подбадриваемый престарелой матерью графа, оказал ожесточенное сопротивление. Так же повели себя и защитники Зеегебурга. Убедившись, что штурмом крепости не взять, Генрих приказал начать их осаду, а сам поспешил в Люнебург, куда были вызваны сохранившие ему верность вассалы, дабы обсудить с ними подготовку к последней, решающей битве.

Но здесь его ждали плохие вести. Граф Адольф Шауэнбургский по поручению императора опустошил еще не затронутую военными действиями западную часть герцогства. Князь поморян Казимир скоропостижно умер, а его брат и преемник уже успел перейти на сторону императора. Мало того, что теперь не приходилось рассчитывать на помощь поморян, так еще следовало опасаться их нападения на Восточный Гольштейн. Говорили также, что архиепископ Магдебургский, не дожидаясь лета, собирается выступить на Хальденслебен, и если он возьмет город еще до прихода императора, то ожидать имперское войско у стен Брауншвейга следует гораздо раньше, чем предполагал Генрих.

Более того, Генриху сообщили, что второй из его гольштейнских вассалов, граф Ратцебургский, посягает на его жизнь. Хотя слух этот ничем не подтверждался, Генрих приказал немедленно бросить графа вместе с сыном в темницу. Тщетно заверяли они герцога в собственной невиновности и преданности ему, напоминали о собственной беспорочной службе. Генрих, уже не веривший никому, а им меньше всего, задумал, несмотря на зиму, захватить и их резиденцию Ратцебург. Однако и здесь, как раньше у крепостей графа Шауэнбургского, он столкнулся с упорным сопротивлением. Для осады у него уже не было людей, а разбиравшее его нетерпение требовало как можно скорее завладеть Ратцебургом. И тогда он пообещал свободу содержавшимся под стражей графу и его сыну, если они распорядятся о немедленной капитуляции крепости. Они сделали, что им было велено, и тут же подались к императору.

Уже в первых числах февраля пал Хальденслебен. Генрих узнал об этом в Любеке. Растаяла последняя надежда на отвоевание юга. Тем важнее было теперь удержать хотя бы Гольштейн. Когда старая графиня Шауэнбургская в конце концов была вынуждена капитулировать, эта цель стала казаться достижимой. Генрих энергично принялся укреплять оборонительные сооружения Любека. После пережитых в последнее время неудач эта предосторожность ему уже не казалась лишней, хотя он еще и не терял надежды остановить имперскую армию на Эльбе, а может быть, даже и разбить ее.

Все оставшееся до июня время он посвятил подготовке к

завершающему этапу борьбы. Наконец, в то самое время, когда императорское войско собиралось у Хальберштадта, он покинул Любек и направился к заново укрепленному Ратцебургу. Там его ожидал очередной удар. Едва он, в сопровождении нового коменданта Ратцебурга и его рыцарей, покинул крепость, как ее гарнизон запер ворота и объявил, что вслед за своими графами переходит на сторону императора. Генрих был вне себя от ярости. Эта новая измена, на сей раз гарнизона крепости, только что им самим обеспеченной новейшими оборонительными сооружениями, разрушала всю создававшуюся на протяжении нескольких месяцев оборонительную систему. Неожиданная потеря грозила обернуться катастрофой, если до прихода императорского войска не удастся овладеть отпавшей крепостью. Расположенный в центре Гольштейна Ратцебург контролировал пути, ведущие к Эльбе, и занимал ключевое положение в системе обороны.

Генрих рассчитывал на привычку Фридриха действовать осмотрительно и неторопливо. Он еще ничего не успел сделать, как вдруг появился передовой отряд имперского войска, а за ним и основная часть швабских и баварских отрядов. Оказалось, что император, не теряя времени на штурм Брауншвейга и Люнебурга, на что как раз и надеялся Генрих, просто обошел их, оставив для тылового прикрытия отряды архиепископов Кельнского и Трирского, а сам с остальным войском стремительно пересек равнину Люнебургской пустоши и теперь стоял на берегу Эльбы, готовый форсировать ее. Сознавая безнадежность своего положения, Генрих отступил к городу Штаде.

Император перешел Эльбу и, не встречая ни малейшего сопротивления, двинулся в глубь страны. Вскоре он уже был у стен Ратцебурга, гарнизон которого с радостью открыл ему ворота. После этого начался марш на Любек, взятие которого решило бы участь Саксонии. Богислав, преемник умершего князя поморян Казимира, предоставил в распоряжение императора свои отряды. Началась осада Любека, окруженного с запада, юга и востока, однако надежд на скорый успех у имперского войска было мало. Взять штурмом город, в котором засели верные Генриху вассалы, готовые обороняться, пока хватит сил, было невозможно. Длительная осада также не сулила удачи, поскольку у императора не было флота, необходимого, чтобы пресечь доставку провианта в Любек по морю. Кроме того, нельзя было дать герцогу, укрывшемуся за стенами Штаде, время, необходимое для сбора нового войска.

В этой ситуации Фридрих счел полезным для себя союз с

королем Дании Вальдемаром I и пригласил его для переговоров. Вальдемар соглашался помочь, но потребовал за это обручения двоих своих дочерей с сыновьями императора. Фридрих соглашался только на брак своего сына Фридриха, герцога Швабии, с датской принцессой, тогда как в отношении Генриха, уже избранного королем Германии, у него были более перспективные планы. Из-за этого разногласия переговоры затягивались и драгоценное время уходило впустую. Наконец, Вальдемар рассудил, что нельзя упускать столь выгодный случай разделаться с ненавистным герцогом, и вступил в союз с императором. Когда датский флот вошел в устье реки Траве, на которой неподалеку от ее впадения в море и стоит Любек, участь города была предрешена. Его защитники не могли одновременно отбивать штурм с суши и не давать датскому десанту высадиться с моря. Кроме того, когда вражеские суда блокировали гавань, в городе начался голод.

Дальнейшее сопротивление стало бесполезным. Да и ради чего было сопротивляться, если господству Генриха Льва в Саксонии уже пришел конец? И сам он, сломленный морально, сидит, словно в мышеловке, в далеком Штаде, не будучи в силах помочь хоть чем-нибудь, а больше ждать помощи неоткуда. Так неужели же надо отдать цветущий город на разрушение и разграбление врагу? И все же честные бюргеры не пошли на то, чтобы просто бросить своего господина в беде. Лишь получив от него согласие, они приняли решение открыть ворота и отправили своего епископа для переговоров с императором. Фридрих любезно принял парламентера и исполнил его просьбу о заключении перемирия, пока не будут получены от герцога указания относительно дальнейших действий. Вместе с тем император заявил, что если бывший герцог, решением Вюрцбургского рейхстага лишенный прав собственности, не даст согласия на капитуляцию, город будет взят приступом и стерт с лица земли. Епископ стал просить о христианском милосердии к поверженному герцогу, которому Любек был многим обязан, но Фридрих отвечал, что тот и так слишком долго злоупотреблял его терпением и теперь сам Бог вынес свой приговор, тогда как он, император, является лишь исполнителем Его воли. Когда престарелый епископ собирался в обратный путь, император заметил, что у него горячка, и велел своему личному врачу сопровождать больного.

Сразу же направили делегацию из Любека в Штаде к Генриху. Тот, уже потеряв всякую надежду на успех борьбы, согласился сдать город. Лишь несколько дней пришлось ждать императору этой вести. Однако прибывшие к нему члены городского совета

заявили и о своих условиях: они соглашались сдать императору город, если он подтвердит им все права и свободы, пожалованные в свое время Генрихом Львом — именно этому благодеянию Любек обязан своим богатством и процветанием. Если император подтвердит привилегии города, то в ближайшее время, уверяли они, Любек сможет стать для Германии тем же, чем для Италии является Венеция. Если же нет, то любекцы готовы были умереть за свою свободу.

Фридриху понравилась эта прямота и гордость бюргеров, и он явил им свою императорскую милость: Любек получил статус вольного имперского города, свободного от власти какого-либо феодала, являющегося субъектом Империи и подотчетного непосредственно императору. В середине августа, спустя восемь недель после начала завершающего этапа военной кампании, император Фридрих I триумфально вступил в Любек, жители которого восторженно приветствовали его. Война закончилась, приговор Вюрцбургского рейхстага был приведен в исполнение, и авторитет римского императора и короля Германии вырос, как никогда прежде.

Лишь 11 ноября 1181 года, спустя три месяца после сдачи Любека, подвергшийся опале Генрих Лев получил возможность предстать перед лицом императора на рейхстаге в Эрфурте. Фридрих восседал на троне в окружении всех имперских князей. Архиепископ Магдебургский ввел поверженного герцога в зал. С поникшей головой тот приблизился к императору и бросился ему в ноги, вымаливая прощение. Растроганный Фридрих поднял его и, прослезившись, поцеловал. Этим поцелуем Генриху было подарено единственное, чем он еще обладал, — жизнь. Всего остального он лишился по приговору суда, хотя по милости императора сумел кое-что получить обратно. Однако, опасаясь в дальнейшем козней с его стороны, Фридрих не дал ему многого — только возвратил его частное владение, слишком незначительное, чтобы он мог впредь создавать угрозу для Империи. Но прежде Генрих должен был отправиться на три года в изгнание, возвратиться из которого он мог лишь предварительно испросив позволение у императора. Это решение признали наиболее разумным, одновременно великодушным и отвечающим интересам государства, и Генрих принес Фридриху торжественную присягу исполнить все в точности.

Барбаросса принял присягу и от остальных князей, обязавшихся отныне соблюдать мир. На этом имперское собрание в Эрфурте закрыли, и император отправился в Мерзебург праздновать Рождество. Еще в течение полугода Генрих оставался в Брауншвейге, улаживая свои дела. Тем временем короли

Англии и Франции, Генрих II и Филипп II Август, тщетно ходатайствовали перед Фридрихом об отмене сурового приговора. Но единственное, что было обещано графу Эссексу, посланнику английского двора, — свободное возвращение назад любого, кто пожелает добровольно последовать за опальным герцогом на чужбину. 25 июля 1182 года Генрих в сопровождении своей супруги-англичанки и сыновей Генриха и Оттона (будущего императора Оттона IV), отправился в изгнание ко двору своего тестя в Нормандию. Здесь он был не только с почетом принят, но и богато наделен Генрихом II всем необходимым, чтобы вести привычную для герцога роскошную жизнь. Но и по истечении трех лет Фридрих не позволил ему вернуться. Лишь незадолго перед тем, как престарелый император собрался в крестовый поход, Генриху разрешили возвратиться; впрочем, поскольку он отказался последовать в поход за императором, ему опять пришлось покинуть страну. Когда же Барбаросса выступил в Третий крестовый поход и направился в Святую землю, Генрих нарушил Божий мир, возвратился, чтобы завладеть не только Саксонией и Баварией, но и королевской короной. Потерпев поражение от сына Фридриха, короля Генриха VI, он отошел от политики и удалился на покой в Брауншвейг, где и умер 6 августа 1195 года от апоплексического удара. Так завершился земной путь самого славного из соратников и соперников Штауфена, столь же популярного персонажа немецкой истории, как и сам легендарный император Фридрих I Барбаросса.

ОТ ПОБЕДЫ К ПОБЕДЕ

После расправы над Генрихом Львом в Империи более не оставалось сил, способных противостоять правящему дому Штауфенов, территориальные владения которого служили надежной основой для императорской власти. Потому-то Барбаросса и не видел смысла продолжать борьбу против городов Ломбардии, в чьих деньгах он теперь уже не нуждался столь остро, как прежде. Если возвратить ломбардцам «регалии» — традиционные привилегии и вольности, рассуждал он, то, пожалуй, можно было бы ожидать от них добровольного признания его верховенства. Стоило пожертвовать регалиями в Ломбардии и ради обеспечения господства в Тоскане, на территории «наследства Матильды».

Центр тяжести имперской политики в Италии теперь перемещался из Ломбардии в Тоскану. Если бы удалось привлечь на сторону Империи Ломбардскую лигу, заключив с ней мир, папская курия лишилась бы важнейшей поддержки в своей борьбе против императора и была бы вынуждена признать свершившееся. После смерти в 1181 году Александра III Барбаросса начал переговоры с его преемником Луцием III, имевшие своей целью заставить папу отказаться от притязаний на «наследство Матильды» взамен на получение ренты в размере пятой части от доходов с этой территории. Более того, архиепископ Зальцбургский Конрад взялся передать римскому понтифику предложение императора, сулившее тому значительные выгоды и освобождение от постоянных финансовых забот: церковные владения Империи на Апеннинах должны были за ней и остаться, за что папе причиталась бы десятая часть получаемых доходов. Однако Луций не имел ни малейшего желания опуститься до положения епископа Рима, находящегося на содержании у Империи, и потому тянул с принятием решения. Фридрих и не торопил его. Обе стороны откладывали окончательное урегулирование вопроса до того момента, когда будет заключен мир с Ломбардской лигой.

Барбаросса знал от своих людей, что города Лиги предпочитают мир с Империей дальнейшему сохранению союза с папской курией, сомнительная ценность которого обнаружилась в 1177 году в Венеции. В 1183 году истекал срок шестилетнего перемирия с городами Ломбардии, и обе стороны проявляли заинтересованность в заключении мира. Отдельные города, особенно Верчелли и Тортона, пытались получить от императора привилегии для себя, не дожидаясь общих переговоров.

Тревожились за свою судьбу и жители Алессандрии, знавшие, что Барбаросса все еще не отказался от намерения разрушить их город. Ломбардская лига более не могла служить им защитой от императора, поскольку в ней самой уже не было единства. В годы перемирия алессандринцы пытались заручиться поддержкой Генуи и маркиза Монферрато, заключая с ними соглашения, но в начале 1183 года они приступили к переговорам и с самим императором. В ходе переговоров обнаружилось такое единодушие сторон, что на хофтаге в Нюрнберге в середине марта они смогли принять совместный документ, предусматривавший, что все население Алессандрии покинет город, после чего император символически издаст распоряжение о его основании заново и присвоении ему названия Цезарея, а затем представитель императора передаст жителям их город. Алессандринцам хотя и предоставлялось право самим выбирать консулов, однако за императором оставалась прерогатива их утверждения. Все жители города в возрасте от 14 до 70 лет должны были присягнуть на верность императору и его сыну королю Генриху. Так Алессандрия подчинилась императору, сумевшему отстоять свои права верховного суверена. Камень преткновения, которым служил этот город с момента своего возникновения, был устранен способом, несомненно, более гуманным по сравнению с первоначальными намерениями императора. Такой способ ликвидации одного из наиболее серьезных препятствий на пути к миру обнаружил отход ломбардцев от их прежнего господина — папы. Они согласились изменить название города, дабы исчезла сама память о папе Александре III и был воздвигнут монумент имперской идее.

Это соглашение послужило важной предпосылкой для мирного урегулирования в Северной Италии в целом. Поскольку на хофтаге в Нюрнберге присутствовали и представители от других ломбардских городов, с ними также велись консультации относительно заключения мирного договора. Император уполномочил делегацию под руководством епископа Асти вести от его имени переговоры с Ломбардской лигой, которые и начались в Пьяченце. Обе стороны выразили готовность идти на уступки, а потому удалось сравнительно быстро достичь соглашения. Уже 30 апреля 1183 года руководители Ломбардской лиги клятвенно засвидетельствовали текст составленного договора, а представители императора обязались сделать все возможное для признания и исполнения его своим государем, после чего был подписан предварительный мир. В этом весьма пространном документе говорилось, что Ломбардская лига признает императора своим господином, передает ему высшие

судебные функции и соглашается на то, чтобы впредь он утверждал консулов. В свою очередь, Фридрих в обмен на единоразовую выплату отступного отказывался от большинства регалий. Тем самым окончательно утрачивали свою силу Ронкальские законы. Особое внимание папской курии должно было привлечь положение договора, согласно которому ломбардцы обязались помогать императору охранять его владения за пределами территории Ломбардской лиги — бывшие враги Империи становились гарантами той императорской Италии, в которой более не оставалось места для папских территориальных и властных притязаний.

20 июня император прибыл в Констанц, где его приветствовали участники уже собравшегося рейхстага. В тот же день был клятвенно засвидетельствован сторонами мирный договор, облеченный в форму императорского акта милости. Во время торжественной церемонии одно из высших должностных лиц при императорском дворе, постельничий Рудольф фон Забенайх, от имени Фридриха и его сына короля Генриха поклялся признавать мирный договор между императором и Ломбардской лигой. Ряд духовных и светских князей принесли присягу от своего имени, а 63 представителя от итальянских городов поклялись именем уполномочивших их граждан. Император объявил города Ломбардской лиги своими верноподданными и утвердил их консулов после принесения ими присяги на верность. При столь величественном акте присутствовало множество свидетелей из Италии, в том числе и два папских легата, прибывших в Констанц по приглашению Фридриха.

Возвращаясь с Констанцского рейхстага, 11 июля в бурге Пфуллендорф, севернее Боденского озера, умер один из старейших и преданнейших друзей и соратников Барбароссы — герцог Баварии Отто Виттельсбах. Герцогство перешло к его десятилетнему сыну Людвигу, обеспечение прав которого поручалось его матери Агнес и дядьям — братьям покойного. В Италии император также понес тяжелую утрату: 25 августа скоропостижно скончался от лихорадки его наместник в этой стране архиепископ Майнцский Кристиан. По нему во всех монастырских церквах Германии в течение тридцати дней служили панихиды.

По окончании Констанцского рейхстага император задержался в южных германских землях, проводя в различных городах собрания знати для решения как местных, земских, так и общеимперских проблем. В конце года на хофтаге в Вормсе он подтвердил старинные привилегии этого города, издавна

имевшего немалые заслуги перед центральной королевской и императорской властью. В начале 1184 года Барбаросса направил своего канцлера Готфрида Шпиценбергского в Италию в качестве преемника Кристиана Майнцского. Покойный наместник при жизни сумел так поставить дела в Центральной Италии, что его смерть не вызвала никаких волнений. В Северной Италии благодаря Констанцскому договору положение также оставалось стабильным.

В начале года император посетил Страсбург, а затем в течение длительного времени пребывал в Хагенау вместе с обоими своими старшими сыновьями, Фридрихом и Генрихом. С ними, а также с прибывавшими к нему князьями он обсуждал положение дел в Империи, которое теперь, благодаря устранению главных очагов напряженности — раскола в церкви, раздора с городами Северной Италии и конфликта с Генрихом Львом, — представлялось весьма благоприятным и открывало новые перспективы. После устранения Генриха Льва Штауфены стали самым могущественным родом в Германии. Освобождение от гнетущих забот, очевидно, послужило для императора поводом устроить на Троицу в Майнце большой праздник по случаю посвящения в рыцари своих старших сыновей. Подготовка к празднику, равно как и намечавшийся очередной поход в Италию, также обсуждались в Хагенау.

Майнцский праздник на Троицу 1184 года не знал себе равных в ту эпоху. Не зря его называли вершиной политической карьеры Фридриха. Майнц был выбран местом проведения не случайно: здесь концентрировались земельные владения короны, что облегчало снабжение огромного количества гостей продовольствием и вином, привезенными из королевских имений и деревень. Приглашения на праздник были разосланы заблаговременно, и ожидалось прибытие многих тысяч участников. Майнц не мог вместить такого количества народа, поэтому напротив города, на правом берегу Рейна разбили гигантский палаточный лагерь. В центре его располагались временные, специально сооруженные по этому случаю из дерева резиденция для императора и большая церковь. Вокруг них раскинулся целый город для гостей. Шатры важных господ, выделявшиеся своими размерами, соперничали друг с другом красотой и роскошью, так что пестрый, на короткое время возникший город на берегу Рейна издали привлекал к себе внимание любопытных. Просторные амбары были заблаговременно заполнены всевозможной снедью. Кормить, обслуживать и веселить господ должна была целая армия поваров, подавальщиков и странствующих скоморохов.

С архиепископами прибыли подчиненные им епископы и множество иного духовенства. Герцоги Саксонии, Чехии, Австрии, Штирии, Верхней Лотарингии, Брабанта и в их числе Бертольд Церинген, старый Вельф и юный Людвиг Баварский явились в сопровождении многочисленных графов, благородных вассалов и министериалов. Для демонстрации собственного могущества князья привели с собой и огромные дружины. С герцогом Чехии прибыло около 2000 рыцарей, с архиепископом Кельнским — 1700, с пфальцграфом Рейнским, ландграфом Тюрингским и архиепископом Майнцским — по 1000 человек. Собрались в Майнце и рыцари из дальних краев — из Италии, Франции, Венгрии, Испании. Всего съехалось до 70 000 человек.

По особому приглашению императрицы из Франции приехали знаменитые менестрели Гийо Прованский и Дуат из Труа, а из Германии — писавший на нижненемецком наречии поэт Генрих фон Фельдеке и миннезингер Гунтер Пэрисский. Они и воспели Майнцский праздник, подобного которому, по мнению восторженного Гунтера, еще не бывало и никогда больше не будет. И Гийо Прованский, сравнив его с праздниками короля Артура и Александра Великого, был вынужден признать, что ничего подобного мир прежде не видел. Генрих фон Фельдеке описал блистательный турнир, императора в окружении его паладинов, выступления миннезингеров и шпильманов, а также неизбежные в таких случаях споры знати за наиболее почетные места. «Императору Фридриху воздавались такие почести, — заметил Генрих, — что и спустя столетие об этом будут слагать песни».

Появился и Генрих Лев в надежде использовать праздничное настроение императора для досрочного примирения. Исполненный благородного негодования, что ему нельзя быть среди приглашенных, он, расположившись поодаль, ожидал, не примет ли его Фридрих. Однако император его не позвал, и он безропотно опять удалился в изгнание.

Открытие праздника состоялось 20 мая торжественным богослужением, особый блеск которому придавало присутствие семи архиепископов, множества епископов, аббатов и прочих сановников, но главное — императорской четы и их сына, короля Генриха, с коронами на головах. При выходе из церкви после богослужения граф Геннегау Балдуин нес впереди процессии имперский меч. Однако этот самый замечательный из всех праздников Средневековья, с таким блеском показавший возрожденное величие императора, не обошелся без досадного недоразумения, едва не испортившего торжество. Когда процессия из имперских князей направилась вслед за

императорской четой в церковь, аббат Фульдского монастыря и архиепископ Кельнский заспорили, кому из них подобает занять почетное место рядом с императором. Барбаросса, не придавший значения их спору, попросил архиепископа Филиппа, с которым его связывала личная дружба, уступить. Тот не стал спорить, а повернулся и вышел. Тут же поднялись все его вассалы, готовые покинуть церковь. Положение спас молодой король Генрих. Вопреки всем правилам придворного этикета, он обнял архиепископа и со слезами на глазах попросил его не портить праздник. Тогда вмешался и император, заверивший, что у него и в мыслях не было обидеть верного друга и товарища по оружию. Испуганный аббат Фульдского монастыря тут же освободил почетное место, и инцидент был улажен.

После богослужения начался веселый пир, на котором герцоги и графы служили императорской чете и королю Генриху, исполняя почетные должности кравчего, стольничего, конюшего и постельничего. Второй день Троицы явился апогеем праздника, когда посвящали в рыцари обоих сыновей императора. Сначала Фридрих и Генрих продемонстрировали собравшимся князьям свое умение обращаться с оружием, а затем торжественная процессия направилась в церковь, где оба принца в сопровождении оруженосцев, их ровесников из знатных семей, подошли к алтарю, облаченные в красно-белые шелковые одежды и черные башмаки, что символизировало чистую жизнь, жертвенную кровь Христа и черную смерть. Преклонив колени перед императором, юноши дали рыцарский обет. Затем они приняли доспехи, шпоры, кольчугу, перчатки и, наконец, на белых поясах мечи, украшенные драгоценными камнями, после чего император, боковой стороной меча коснувшись плеча каждого из них, произнес старинное заклятие: «Во имя Бога, святого Михаила и святого Георгия посвящаю тебя в рыцари. Будь решительным, неустрашимым и верным». Посвященные в рыцари принцы Фридрих и Генрих отныне вошли в состав благородного военно-рыцарского сословия.

Этот замечательный праздник, конечно же, не обошелся без большого турнира. Публика, заполнившая зрительские места вокруг поля и с нетерпением ожидавшая волнующего зрелища, бурным ликованием встретила императора, выехавшего верхом на коне, в полном снаряжении, с опущенным забралом и пикой наперевес. Открывая турнир, Барбаросса совершил по полю почетный круг. Затем появились молодые рыцари, среди которых были и сыновья императора, и состязания начались. Собралось несметное множество рыцарей в полном снаряжении и на великолепно украшенных конях. На некоторых были кольчуги,

привезенные крестоносцами с Востока, но большинство носило уже давно вошедшие в обиход чешуйчатые доспехи — плотно облегавшую тело матерчатую или кожаную куртку, покрытую на манер черепичной крыши железными пластинками. Поверх доспехов рыцари надевали украшенные гамбезоны — рубашки, защищавшие их от перегрева на солнце.

Многие участники турнира не были облачены в доспехи, имея при себе только щит и копье, — ведь это был веселый праздник, на котором не хотелось обременять себя тяжелыми, раскаленными на солнце латами. В состязании участвовал и сам император. Он, как и следовавшие его примеру князья, щедро одаривал рыцарей и оруженосцев. Многочисленные шпильманы, миннезингеры, жонглеры, паломники и прочий люд также попользовались от щедрот благодушно настроенной знати. Все, кому в те дни посчастливилось быть на поле близ Майнца, в один голос признавали, что еще не видели столь многолюдного и великолепного празднества. Этого впечатления не могло испортить и несчастье, случившееся под вечер третьего дня, когда внезапно налетевшая буря разметала деревянную церковь и несколько других сооружений, похоронив под развалинами не ждавших беды людей.

Уже в июне Фридрих начал собираться в Италию, чтобы встретиться там с папой. На время отсутствия в Германии его должен был замещать Генрих, которого он все больше и больше привлекал к управлению государством. Уже тогда у него родилась мысль ходатайствовать перед папой о коронации Генриха императорской короной, чтобы полностью гарантировать сыну наследование престола. В августе император встретился в Регенсбурге с князьями, которые должны были отправиться с ним в Италию. На сей раз он собирался вести в Италии только переговоры, поэтому не было нужды брать с собой большое войско.

1 сентября 1184 года императорская кавалькада отбыла из Регенсбурга и спустя три недели прибыла в Милан, где состоялась торжественная встреча. Миланцы, прежде столь враждебные к императору и немало натерпевшиеся от него, после заключения мира в Констанце освободились от гнетущей тревоги и теперь дали волю своей радости. Император задержался в Милане на неделю, проведя там хофтаг. После того как миланцы еще раз подтвердили свои обязательства, вытекавшие из недавно заключенного мирного договора, и обещали «защищать все императорские права, особенно в областях, коими некогда владела графиня Матильда», он продолжил путь, и народ повсюду с ликованием приветствовал его. После короткого

пребывания в Павии Барбаросса в октябре прибыл в Верону, где ему также был устроен радушный прием. Луций III жил здесь еще с июля. Зная, что папа находится в весьма стесненных обстоятельствах (финансовые трудности, враждебное отношение со стороны римлян), Фридрих и не спешил в Верону, заставляя себя ждать. Луций же понимал, что может вернуться в Рим только с помощью императора.

После предварительных консультаций между папой и императором 4 ноября 1184 года в главном соборе Вероны открылся синод. Относительно решимости Барбароссы сохранить за собой Тоскану не могло быть сомнений, а потому оставалось неясным, о чем вообще вести переговоры. Именно поэтому Веронский конгресс с самого начала проходил в обстановке все возраставшего недоверия со стороны папы. Фридрих же прилагал немалые усилия, чтобы склонить понтифика к подписанию договора о мире. Помимо оказания папе всевозможных знаков внимания, дабы продемонстрировать окружающим якобы царившее между ними единодушие, император с готовностью откликнулся на просьбу Луция включиться в борьбу с еретиками. Поднявшись с места и изобразив на лице гнев, он разразился ужасными проклятиями по адресу всех врагов церкви, при этом, что было силы, ударив перчаткой оземь, дабы выказать столь театральным жестом неподдельность своих чувств и намерений.

Стремясь всеми мыслимыми способами заверить папу в собственном расположении к нему, Фридрих пошел и на весьма рискованный шаг. Луций желал поправить свои натянутые отношения с английским двором, а потому как бы от себя лично передал императору просьбу короля Генриха II о досрочном возвращении из изгнания Генриха Льва. Фридрих согласился. И по третьему, весьма важному вопросу он заявил о своем принципиальном согласии. Из Святой земли приходили плохие вести: султан турок-сельджуков стал явно угрожать Иерусалимскому королевству христиан. Из-за этого гроссмейстеры орденов тамплиеров и иоаннитов лично прибыли из Палестины в Верону, чтобы просить предводителей христианского мира, папу и императора, поднять Христово воинство на новый крестовый поход. Луций охотно присоединился к этой просьбе и стал настойчиво добиваться от Фридриха, чтобы тот встал во главе похода. Барбаросса ответил, что готов решиться на столь многотрудное дело, но для этого необходимо, чтобы церковь и Империю прежде связал прочный мир, разумеется, на тех условиях, которые он, император, и предлагал — чтобы Святой Престол отказался от «наследства Матильды». Кроме того, учитывая риск, коему подвергал себя

Фридрих, отправляясь в крестовый поход, папа должен короновать короля Генриха императорской короной. Луций наотрез отказался выполнять первое условие императора. Что же касается коронации Генриха, то папа соглашался на это лишь при условии, что Фридрих сложит с себя императорскую корону: по его словам, сразу двух императоров быть не может. Луций обосновывал свою позицию положениями канонического права, а Фридрих мог опереться на исторический прецедент: Каролинг Лотарь и представитель Саксонской династии Оттон II получили из рук папы императорскую корону еще при жизни своих отцов-императоров.

Общий итог веронской встречи не устраивал ни папу, ни императора. Как раз во время Веронского конгресса пришла весть о событии, совершенно изменившем настроение сторонников примирения с императором, к числу которых принадлежал и папа Луций III. 29 октября 1184 года между посланцами сицилийского короля Вильгельма II и германским королем Генрихом VI, действовавшим от имени императора, был заключен договор о мире и дружбе, особую значимость которому придала помолвка девятнадцатилетнего Генриха с тридцатилетней теткой сицилийского короля, Констанцией, дочерью покойного короля Сицилии Рожера II. Сам по себе факт подписания мирного договора между Германией и Сицилией еще до истечения срока действия перемирия не мог служить поводом для беспокойства — Луций даже лично содействовал успеху переговоров. Хуже было другое: если король Вильгельм, уже четыре года состоявший в бездетном браке, так и останется без законного наследника, права престолонаследия перейдут к Констанции и ее супругу Генриху. Мысль о том, что Империя и Сицилийское королевство когда-нибудь сольются в единую державу, зажав с двух сторон, словно в тисках, Папскую область, была нестерпима для курии. На папу Люция, приложившего свою руку к подписанию этого досрочного мирного договора, теперь посыпались горькие упреки кардиналов. Слабость папства проявилась и в том, что король Вильгельм заключил договор с императором, не посчитавшись со Святым престолом, следовательно, не признавая его достойным союзником.

Эти события и открывавшиеся из-за них мрачные перспективы для курии послужили причиной срыва переговоров на Веронском конгрессе. В раздраженном настроении Барбаросса покидал Верону. Неприятность, связанная с провалом переговоров, вскоре усугубилась трагической вестью, пришедшей из Германии: 15 ноября 1184 года в Гельнхаузене скончалась императрица Беатрикс. Барбаросса тяжело переживал смерть

любимой супруги, однако не счел возможным прервать свое пребывание в Италии, чтобы лично присутствовать при ее погребении, которое ради него долго откладывалось и состоялось лишь 28 августа следующего года в соборе в Шпейере.

В феврале 1185 года Барбаросса прибыл в Реджо, где в императорской резиденции собрались многочисленные духовные и светские князья. Здесь и был заключен оборонительный союз между императором и городом Миланом. В Реджо несколько графов признали себя вассалами Фридриха, так что их бурги поступили в его распоряжение. Жалуя привилегии и устанавливая прямые связи с местными феодалами, Барбаросса еще более укрепил собственные позиции в областях, некогда составлявших владения графини Матильды. Посетив затем еще Модену, Болонью, Пьяченцу и Павию, в начале мая он возвратился в Милан, где взял под свою личную защиту монастырь Святого Амвросия.

25 ноября 1185 года в Вероне умер папа Луций III, будто бы распорядившийся на смертном одре, чтобы его преемник не короновал Генриха VI императорской короной до тех пор, пока Фридрих I остается императором. Сомнений относительно того, кто должен сменить покойного понтифика, не было — в качестве преемника рассматривался только непримиримый противник императора, предводитель враждебной Империи группировки, архиепископ Миланский Гумберт из старинного и влиятельного в этом городе рода Кривелли. В своем неутолимом желании мстить за зло, причиненное его родному городу Барбароссой, он не знал меры. Именно его, вступившего на папский престол под именем Урбана III, кардиналы сочли способным возвратить папству его былое влияние и авторитет.

Избрание нового папы означало объявление войны императору и Империи. Фридрих по-своему ответил на это, избрав Милан, родной город Урбана, местом бракосочетания своего сына с сицилийской принцессой, дабы еще раз продемонстрировать всем свою дружбу с крупнейшим городом Ломбардии. Этот праздник ничем не должен был уступать уже ставшему легендарным Майнцскому празднеству, состоявшемуся на Троицу 1184 года. Опять Барбаросса принимал, угощал и развлекал князей с их многочисленными свитами. Папа Урбан III также был приглашен, но не пожелал явиться.

Сицилийский двор дал будущей императрице Священной Римской империи богатое приданое. Выехав из Пьяченцы, верного императору города, где ее встретил и далее сопровождал до самого Милана Генрих, Констанция двигалась по Ломбардии во главе каравана в сто пятьдесят вьючных животных, нагруженных

всеми сокровищами Сицилии — золотом, серебром, драгоценными камнями, мехами, дорогими бархатными и шелковыми тканями. Приданое в сорок тысяч фунтов золота — невообразимое богатство — к тому времени уже было передано в императорскую казну в Аугсбурге. Праздничный Милан ликовал, когда патриарх Аквилеи вместо неявившегося папы 27 января 1186 года обвенчал пару в соборе Святого Амвросия. Тогда же состоялась и коронация королевы Констанции. Затем торжественная процессия, выйдя из собора, предстала перед взорами тысяч любопытных, собравшихся поглазеть на редкое зрелище. В специально возведенном по этому случаю у стен города и по-праздничному украшенном деревянном зале состоялся столь же роскошный, сколь и веселый свадебный пир. Праздник в Милане удался, по рассказам его участников, на славу — почти как в Майнце, так что потом еще долго и охотно их вспоминали и сравнивали.

Пожалуй, это была самая блистательная из побед, когда-либо одержанных Барбароссой, — притом победа бескровная, оставшаяся в памяти потомков светлым праздником. Устроив бракосочетание своего сына с наследницей Сицилийского королевства, Фридрих раздвинул пределы Империи от Северного и Балтийского морей до южной оконечности Сицилии. Никогда меч не обеспечивал такого приращения владений германского императора.

Торжества в Милане закончились государственным актом, привлекшим к себе не меньшее внимание, ибо случившееся грозило вызвать непредсказуемые последствия. Подобно тому, как в свое время Карл Великий в Ахене без содействия папы сам короновал своего сына Людовика императорской короной, теперь Барбаросса, считая собственные властные полномочия достаточными для этого, провозгласил Генриха VI кесарем, дабы показать всему миру, что отныне для обретения императорского достоинства не требуется содействия со стороны папы.

Напряженность во взаимоотношениях между церковью и Империей достигла высших пределов. Как бы ни прореагировал на это Урбан, Фридрих с невозмутимостью готов был встретить любое его решение. Юный кесарь тем временем совершал по поручению отца объезд территорий, составлявших «наследство Матильды». Куда бы он ни прибыл, жители со всей округи спешили присягнуть ему на верность. Только Сиена поначалу воспротивилась, за что и поплатилась большим штрафом. Папа получил наглядное подтверждение действенности владельческих прав императора. Генрих дошел до самых границ Папской области и остановился там, готовый, как он заявил, «защитить

ее». На самом же деле это было грозное предупреждение папе Урбану на случай, если тот вздумает и дальше обострять отношения.

А у того были именно такие намерения. Он вел дело к окончательному разрыву, запретив клиру Ломбардии оказывать повиновение императору. Фридрих, получив это известие, велел Генриху занять Папскую область и конфисковать все земельные владения папы. Были перекрыты дороги, ведущие в Верону, где все еще находился Урбан, оказавшийся, таким образом, в изоляции от мира. Имперские заставы надежно охраняли все подходы к горным перевалам в Альпах. Апостолический князь попал в плен к императору, ответившему на брошенный ему вызов.

Оказавшись в отчаянном положении, Урбан тем не менее не считал борьбу проигранной, поскольку самый влиятельный из немецких епископов, Филипп Кельнский, был на его стороне. Если, рассуждал папа, этот ближайший советник Барбароссы перешел в непримиримую оппозицию к имперской политике, то не иначе должно обстоять дело и с другими немецкими духовными князьями. С помощью баварского клира, на поддержку которого всегда мог рассчитывать папа — сторонник григорианских принципов свободы церкви, послания из Вероны удалось тайком доставить в Кельн и Трир. Безобидные дети проносили их туда и обратно в своих паломнических посохах. Странствующие монахи без поклажи, на память заучившие, что надо передать, следовали за ними, тем самым благополучно минуя императорских стражей. Так Урбан, несмотря на кажущуюся полную изоляцию, был в курсе всего происходящего в Империи.

Из-за конфликта с папой, о котором сам император глубоко сожалел, Империи грозила новая опасность. В прирейнских областях нарастали волнения. После скоропостижной кончины архиепископа Майнцского Кристиана, верно исполнявшего после Райнальда Дассельского обязанности эрцканцлера, и это архиепископство перестало быть надежной опорой Барбароссы. Слывший святым Конрад Виттельсбах, принадлежавший к числу наиболее стойких сторонников Александра III, двадцать лет назад добровольно уступивший кафедру Майнцского архиепископства, теперь снова занял ее. Распространился слух и о связях антиимператорской оппозиции с Генрихом Львом. Фридрих, как только получил эти тревожные вести, сразу же засобирался из Италии домой. Все представители имперской церкви были приглашены на совещание в конце ноября 1186 года в Гельнхаузен, новую резиденцию императора, своим великолепием

вызывавшую всеобщее восхищение и олицетворявшую собой величие и могущество государя.

Италию Барбаросса покидал с легким сердцем, ибо за время своего шестого итальянского похода, продолжавшегося около двух лет, он средствами дипломатии добился в интересах Империи и ради сохранения мира больше, чем прежними военными вторжениями. Своим наместником в Италии он оставил сына Генриха, наделив его самыми широкими полномочиями.

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ ЗОВЕТ

В начале августа 1186 года Барбаросса вернулся в Германию. Проезжая по землям Эльзаса и Верхнего Рейна, он не упускал случая посовещаться с местными магнатами, готовясь к проведению намеченного на ноябрь рейхстага в Гельнхаузене, дабы покончить с враждебной Империи коалицией папы и архиепископа Кельнского. К назначенному сроку прибыло большинство приглашенных служителей церкви — пять архиепископов и тридцать епископов, помимо иных лиц духовного звания. Явились и светские князья. Собрание открыл император пространным выступлением. Его красноречие, которого он никогда не расточал попусту, вскоре завладело вниманием слушателей. Учитывая настроение присутствующих, он начал страстно порицать высокомерие и алчность папских легатов. Гневно возвышая голос, император говорил, что в Германии они держат себя как большие господа, живя за счет церквей и монастырей, тогда как в Италии вынуждены влачить жалкое существование. Этим он окончательно завоевал сердца собравшихся. Свою речь император закончил призывом откровенно высказываться, помня, однако, о том, что каждый обязан повиноваться папе римскому лишь постольку, поскольку тем самым не нарушает взятых на себя обязательств по отношению к установленной Богом светской власти.

Были высказаны самые разные суждения, но большинство, без колебаний встав на сторону императора, сошлось во мнении, что действия Урбана III достойны осуждения. Архиепископ Магдебургский Вихман предложил направить в Верону послание к папе, дабы просить его примириться с Фридрихом и тем самым освободить епископов от тяжкой необходимости выбирать, кому следует повиноваться: папе или императору. Большинство присутствующих подписало это послание. Урбан III, плохо разобравшийся в обстановке в Германии, ожидал иного результата. Уже вышло его апостолическое распоряжение императору явиться вместе с сыном на покаяние в Верону, а коллегия кардиналов даже приняла решение о предании анафеме «еретика», как прибыло составленное в Гельнхаузене послание. Тут-то темпераментный миланец и осознал, наконец, всю безнадежность своего положения, но все равно не смирился. Говорили, что он собирался отлучить Фридриха от церкви, но не успел. Смерть, внезапно настигшая его в Ферраре в октябре 1187 года, лишила его возможности отомстить своему врагу.

Конец 1186 года Фридрих провел в Нюрнберге, издав здесь

указ о соблюдении земского мира, направленный прежде всего против тех, кто в ходе междоусобных распрей предавал огню дома и хозяйственные постройки противника. Этим нарушителям земского мира грозила опала и отлучение от церкви. Они могли избежать столь сурового наказания, лишь возместив ущерб и совершив паломничество в Святую землю или в Сантьяго-де-Компостелла в Испании. Жестоко каралось также уничтожение фруктовых садов и виноградников. Поскольку же невозможно было добиться полного искоренения междоусобиц, предписывалось за три дня извещать о начале военных действий.

Король Франции Филипп II Август, стремившийся ликвидировать английские территориальные владения в своей стране, проявлял заинтересованность в союзе или хотя бы в мирных отношениях с императором. Тесть короля, граф Хеннегау Балдуин, пользовавшийся благосклонностью Барбароссы, выступил посредником между ними, и уже 17 мая 1187 года между Францией и Империей был заключен договор. Выгодность этого соглашения французский король ощутил уже спустя месяц, когда Генрих II, собиравшийся пойти войной на него, предпочел перемирие.

Дело всей жизни Фридриха I Барбароссы близилось к завершению. Его империя протянулась сплошным массивом от Северного моря до границ союзного с ней Сицилийского королевства, от Мааса и Роны на западе и почти до Вислы на востоке. Междоусобные войны в государстве прекратились, и гарантом воли императора служила несокрушимая мощь Швабского герцогства. Однако дряхлевший телом, но сильный духом Барбаросса не помышлял о покое. Возвеличив достоинство Римской империи и власть императора, он обратил теперь все свои помыслы к Святой земле, ради защиты которой от турок новый папа Климент III, избранный в декабре 1187 года, объявил крестовый поход. Фридрих, давно уже разменявший седьмой десяток лет, мог бы, ссылаясь на преклонный возраст, уклониться от участия в нем, уступив дорогу более молодым и здоровым. Но кто же в таком случае, как не он, император, мирской предводитель западного христианства, возглавит столь благое, богоугодное дело?

Всё — и главенствующее положение Фридриха в Германии, Северной Италии и Бургундии, и поступавшие в его распоряжение доходы от имперских и родовых имений, и возрожденная болонскими юристами универсальная имперская идея — выдвигало его на первое место среди возможных предводителей крестового похода. Кроме того, Фридрих был единственным из правителей Запада, кто имел личный опыт участия в крестовом

походе. Его, как и короля Конрада III, в свое время вдохновила проповедь освобождения Гроба Господня от неверных, произнесенная Бернаром Клервосским на Рождество 1146 года в Шпейерском соборе. Фридрих вместе с Конрадом III пережил все перипетии Второго крестового похода. Несмотря на имевшееся многочисленное войско, участие блистательного французского рыцарства под водительством короля Людовика VII, дружеское взаимопонимание с византийским императором, этот крестовый поход оказался сплошной чередой досадных неудач.

В ходе долгого марша вдоль берегов Дуная и по балканским провинциям Византии Фридрих изучил проблемы, связанные со снабжением большого рыцарского войска и простых, зачастую невооруженных паломников, а также с поддержанием среди них дисциплины и порядка. Ему была знакома глубоко укоренившаяся вражда между «франками», как звали на Востоке выходцев из Западной Европы, и византийцами, основанная на многочисленных недоразумениях и непонимании друг друга. Он по собственному опыту знал, сколь трудно удержать в узде завистливые отряды немецких паломников, склонных к грабежу, как только они завидят богатые греческие города. Он знал, сколь сильно зависят крестоносцы на пути в Палестину от византийских рынков, от местных проводников и от наличия кораблей. Он оказался свидетелем глубокого унижения короля Конрада, когда в дружественной стране, в византийской столице, тот утратил какое бы то ни было влияние на массу пилигримов, сопровождавших войско, да и на значительную часть самого войска. Фридрих лично пережил поражение немецкого войска при его первом же столкновении с сельджуками в открытом полевом сражении, состоявшемся 25 октября 1147 года при Эскишехире. В его сознании тогда глубоко запечатлелся резкий контраст между неповоротливым и неуправляемым, обремененным массой невооруженных паломников немецким войском и дисциплинированной, боеспособной рыцарской армией Людовика VII.

Фридрих принял участие и в коротком походе в июле 1148 года, когда рыцарское войско трех королей, Конрада III, Людовика VII и Балдуина Иерусалимского, двинулось на Дамаск. Это наступление, предпринятое вопреки совету сирийских магнатов, привело лишь к тому, что вынудило могущественного Нуреддина Алеппского заключить союз с правителем Дамаска, оказавшийся весьма опасным для крестоносцев. Эта угроза сохранялась и в то время, когда короли Конрад и Людовик возвращались домой. Конечным результатом крестового похода, вдохновленного Бернаром Клервосским, явилось глубокое

разочарование. Фридрих Швабский вернулся из похода на Восток с дорого доставшимся ему политическим и военным опытом, который теперь и послужил еще одним аргументом в пользу того, чтобы в очередном, Третьем крестовом походе Гогенштауфен стал предводителем.

Фридрих созвал своих вассалов на хофтаг в Майнц, открытие которого намечалось на 27 марта 1188 года. Князья съезжались словно бы не на собрание, созванное императором, а на «хофтаг Иисуса Христа» — так Фридрих пожелал назвать этот съезд, дабы не оставалось ни малейших сомнений относительно его целей. Не император (Барбаросса смиренно сложил с себя эту функцию), а сам Спаситель должен был председательствовать на этом собрании, незримо присутствуя и будто бы восседая на остававшемся незанятом троне. Как и четыре года назад, помимо ленников Фридриха, в Майнц прибыло множество духовных и светских князей. Явились почти все главные вассалы императора — имперские князья. Собравшиеся преисполнились возвышенно-торжественного настроения, резко контрастировавшего с весельем, царившим здесь в 1184 году. Собрание открыл Генрих, епископ Альбано, зачитавший послание папы с призывом отправиться в крестовый поход. Затем епископ Готфрид Вюрцбургский, рейхсканцлер, выступил с проникновенной речью, никого не оставившей равнодушным. Все как один приняли крест. Сам император, его старший сын герцог Фридрих Швабский, множество епископов, князей и прочей знати потребовали от Готфрида Вюрцбургского осенить их знаком креста. Некогда рыжеволосый Барбаросса, превратившийся в седовласого старика, также принял крест. Его примеру последовали короли Англии и Франции.

Здесь же, в Майнце, Барбаросса, учитывая печальный опыт похода 1147 года, сделал важнейшие распоряжения относительно нового крестового похода. Его участниками могли стать лишь опытные в военном деле, имеющие полное боевое снаряжение и средства содержать себя в течение двух лет рыцари. Многие из них вынуждены были занимать деньги у церкви, отдавая ей в залог свою землю. Этот крестовый поход должен был стать исключительно делом обеспеченных рыцарей, их оруженосцев и слуг. Император лично вникал во все мелочи, связанные с подготовкой, вплоть до цен на продовольствие и фураж.

Тогда как английские крестоносцы под командованием наследника престола Ричарда Львиное Сердце и французские во главе со своим королем Филиппом II Августом решили добираться морским путем, Фридрих выбрал долгий и трудный маршрут через Венгрию, Сербию, византийские провинции,

Иконийский султанат, Армению и Киликию, поскольку не хотел допустить раздробления своего войска, что было бы неизбежно при морском путешествии. Ходили слухи, что он предпочел путь по суше, узнав о пророчестве, будто ему суждено утонуть во время этого крестового похода… В Тире, на западном побережье Палестины, все крестоносные отряды должны были соединиться и под общим командованием Барбароссы двинуться на Иерусалим.

Готфрид Вюрцбургский и многие другие из окружения императора также рекомендовали морской путь как более легкий. На кельнских верфях уже были построены четыре больших судна, способных доставить в Святую землю несколько сот людей, лошадей, оружие и провиант. В целом путь по морю потребовал бы меньших финансовых затрат. Однако с кельнцами, от которых зависело обеспечение крестоносцев флотом, у императора были натянутые отношения; они отправились отдельно от Фридриха, присоединившись к участникам с Нижнего Рейна и из Бремена. Кроме того, император полагался на собственное знание сухопутного маршрута и способов преодоления связанных с ним трудностей. Лучше будет, рассуждал он, сделать ставку на свои силы и осмотрительность, нежели подвергаться непредсказуемому риску морского путешествия. Высказывалось также и опасение, что к моменту прибытия флота в Сирию все портовые города уже могут быть захвачены сельджуками. Крестоносное войско должно было выступить в поход из Регенсбурга 23 апреля 1189 года, в День святого Георгия, считавшегося покровителем крестоносцев.

Фридрих отвел целый год на приготовления, включавшие в себя широкую дипломатическую подготовку крестового похода, дабы избежать нежелательных трений и потерь на пути в Святую землю. Было отправлено несколько посольств. По рыцарскому обычаю, от султана Саладина сперва потребовали освободить Святую землю, возвратить захваченное в качестве трофея копье Христа (Священное копье) и выпустить из неволи захваченных в плен христиан. Если он откажется выполнить предъявленные требования, то ему объявлялась война. С этой целью к Саладину был направлен во главе посольства граф Генрих фон Диц. Прямо с Майнцского хофтага архиепископ Конрад Майнцский отправился к королю Венгрии Беле, чтобы вести с ним переговоры о мирном прохождении через его владения и договориться о снабжении крестоносцев. Король дружески принял посольство, пообещав крестоносцам всяческую поддержку. Фридрих, очевидно, знал о натянутых отношениях между Саладином и правителем Иконийского султаната Килич Арсланом, поскольку ко двору последнего также отправилось посольство для ведения

переговоров о мирном прохождении и снабжении. Тогда же был установлен контакт и с Леоном II, правителем армянского государства в горах Тавра. Предметом переговоров было оказание поддержки крестоносцам. Сам папа Климент III обратился к Леону II и армянскому патриарху Григорию VII с просьбой о помощи святому воинству.

Однако наибольшее значение имели переговоры с византийским императором Исааком II Ангелом. Первую попытку заключить с ним соглашение Фридрих предпринял сразу же после Майнцского хофтага, направив посольство в Константинополь. На рейхстаге в Нюрнберге, который император проводил в начале 1189 года, появилось посольство Исаака во главе с логофетом Иоанном Дукой. По требованию логофета, Фридрих велел своему сыну герцогу Фридриху Швабскому, а также герцогу Леопольду Австрийскому и епископу Готфриду Вюрцбургскому засвидетельствовать торжественной клятвой мирный характер своих намерений в отношении Константинополя. После этого посол обещал беспрепятственное прохождение через территорию Болгарии, мирный прием в Византийской империи, снабжение и переправу на греческих судах через Геллеспонт. Эти обещания он засвидетельствовал клятвой на Евангелии, после чего упомянутые немецкие князья еще раз поклялись, что крестоносное войско, совершая марш по территории Византии, будет соблюдать мир и порядок. Тогда же была намечена отправка в Константинополь нового посольства в составе епископа Германа Мюнстерского, графов Рупрехта и Вальрама Нассауских, Генриха фон Дица и Маркварта фон Нойенбурга с большим отрядом рыцарей.

И в отношении Иконийского султаната дипломатическая подготовка крестового похода принесла результат: в Нюрнберге появилось посольство от султана Килич Арслана, обещавшее поддержку крестоносцам во время марша по Анатолии. Прибыло и посольство от великого жупана Сербии Стефана Немани, велевшего передать, что с радостью ждет прибытия императора и что его стольный град Ниш готов к торжественному приему крестоносного войска. Наконец приехали и представители от султана Саладина, сперва ответившего на вызов Фридриха столь же смелым вызовом, но затем обратившегося с небезынтересным предложением: в обмен на сдачу последних принадлежавших христианам городов в Сирии он предлагал возвратить некоторые христианские монастыри и Священное копье, освободить военнопленных, разрешить христианское богослужение в церкви Гроба Господня в Иерусалиме и обеспечить беспрепятственный доступ христианским паломникам к святым местам. Император никак не прореагировал на эти предложения, поскольку царившее

среди крестоносцев настроение уже делало невозможным компромиссы, а сдача сирийских городов не входила в сферу его компетенции.

Во время пребывания Фридриха в пфальце Хагенау в апреле 1189 года, очевидно, были достигнуты окончательные соглашения с церковью, касавшиеся крестового похода, здесь же он взял сумку и посох паломника. В Хагенау он в последний раз собрал всех своих пятерых сыновей: Фридриха, Генриха, Отто, Конрада и Филиппа. Старший отправлялся вместе с ним в крестовый поход, а Генрих должен был взять в свои руки бразды правления Империей. В середине апреля Барбаросса отправился в Регенсбург, где 1 мая открыл рейхстаг. Окончательной датой начала крестового похода было намечено 11 мая. Войско, численно превосходившее любое из тех, что Барбаросса водил в Италию, к тому времени собралось. И все же к разочарованию императора в нем отсутствовали многие из тех, кто дал обет участия в крестовом походе.

В окружении императора особенно важную роль играли Фридрих Швабский как военный предводитель и Готфрид Вюрцбургский (епископ и одновременно герцог Франконии) в качестве советника, стратега и идейного вдохновителя. Наряду с самим императором он пользовался наибольшим авторитетом среди крестоносцев. Численность войска составляла далеко не 100 тысяч человек, как сообщают некоторые источники, а от силы тысяч 15, из которых около трех тысяч — рыцари с полным вооружением и оснащением, а остальные — оруженосцы и слуги, почти все вооруженные и на конях. Вплоть до переправы через Геллеспонт за войском должен был следовать большой обоз из телег, нагруженных оружием, провиантом, палатками и прочим скарбом. В Малой Азии все это предполагалось перегрузить на лошадей и мулов. Барбаросса, сделавший для подготовки крестового похода все, что в силах смертного человека, порой сомневался, достаточно ли этого для успешного завершения задуманного, но отступать было уже поздно.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

11 мая 1189 года Барбаросса, передав власть в Империи своему сыну Генриху VI, выступил из Регенсбурга во главе крестоносного войска. Сам император и наиболее знатные участники похода плыли на судах по Дунаю, тогда как вереница крестоносцев двигалась по суше вдоль реки. Когда они прибыли в Пассау, к войску присоединился и местный епископ со своей дружиной. Дальше дорога вела по территории Австрии. Жители оказавшегося на их пути Маутхаузена потребовали от них обычную дорожную пошлину, как будто имели дело с купеческим караваном. Взбешенные столь беспримерной дерзостью крестоносцы разгромили и сожгли обиталище нечестивых мытарей.

22 мая Христово воинство прибыло в Вену, где герцог Леопольд V Бабенберг с большой свитой вышел навстречу императору и устроил ему великолепный прием. Леопольд, за несколько лет до того уже совершивший паломничество в Иерусалим и даже собравший собственное крестоносное войско для осады Акры, не смог присоединиться к Барбароссе из-за враждебных отношений с Венгрией, со стороны которой в любой момент можно было ждать нападения. Однако он щедро обеспечил крестоносцев провиантом, подтвердив свою славу гостеприимного хозяина. Император, следивший за порядком в войске, заставил вернуться назад около полутысячи мнимых паломников, очевидно, бродяг и уголовников, увязавшихся за крестоносцами в надежде на поживу. На участке пути от Вены до Пресбурга герцог Леопольд предоставил императору почетное сопровождение.

Тогда берега Дуная большей частью еще были не заселены и покрыты дремучими лесами. Кое-где в этой малонаселенной местности встречались паромные переправы через реку. В пограничной области между Австрией и Венгрией царила напряженная обстановка, чреватая военным конфликтом. На большом удалении друг от друга над рекой возвышались бурги и укрепленные города. В конце мая крестоносцы достигли Пресбурга, у стен которого на просторном поле разбили лагерь для четырехдневного отдыха. Император разбирал споры, наводил порядок в войске и назначал мировых судей. Там же Фридрих праздновал Троицу и принял посольство от короля Венгрии Белы III.

В начале июня король Бела и его супруга Маргарет, сестра короля Франции Филиппа II Августа, встретились с императором

поблизости от Грана (Эстергома). Королевская чета Венгрии сердечно принимала немецких гостей. Бела почтил Фридриха богатыми подарками и в течение двух дней развлекал его охотой. Особенно великолепен был подарок королевы: роскошный, подразделявшийся на четыре отделения дорожный шатер, подбитый изнутри пурпуром и украшенный коврами. Важным дополнением к шатру служили диван и трон из слоновой кости. Для транспортировки этого воистину королевского подарка требовались три повозки. Бела III, в то время воевавший с Венецией, сам не принял участие в крестовом походе, однако позволил отправиться в Святую землю отряду венгерских рыцарей. Кроме того, он распорядился, чтобы на всем пути следования крестоносцев по территории Венгерского королевства им оказывали почетный прием, обеспечивали провиантом, фуражом и транспортом. Помолвка сына императора, герцога Фридриха Швабского, с одной из дочерей короля Венгрии закрепила дружественные отношения двух правящих династий.

От Грана император, сопровождаемый королем Белой, плыл по Дунаю, тогда как крестоносцы маршировали по правому берегу реки. В ходе трудной переправы через Драву, приток Дуная, несколько человек на глазах у своих товарищей были затянуты в пучину бурным водоворотом. Далее путь лежал на юго-восток к реке Саве, которую крестоносцы форсировали благополучно, без потерь. Двигаясь по богатой местности и не испытывая затруднений со снабжением, они вскоре добрались до Белграда, опустошенного в ходе недавних боев между Византией и Венгрией. Отсюда до Византии было рукой подать. Переход через Венгрию состоялся при чудесной летней погоде, стоявшей и во время отдыха в Белграде. Император вершил суд, устраивал турниры и посвятил 60 оруженосцев в рыцари.

От Белграда войско двинулось вдоль Дуная на восток и 2 июля, достигнув крепости Браничево, вступило на византийскую территорию. Здесь император, сойдя на сушу, попрощался с королем Белой, опять осыпавшим его подарками, общая стоимость которых достигала 5000 марок серебра и для перевозки которых потребовались четыре верблюда. В качестве ответного подарка император передал ему весь транспортный флот, а поклажу повелел перегрузить на телеги. Византийский управляющий Браничевым радушно встретил императора, обеспечивая войско провиантом и фуражом в течение восьми дней, пока оно отдыхало. Далее крестоносцы двинулись на юг, к Нишу. Маршрут проходил по римской военной дороге, проложенной от Белграда до Константинополя, известной как «дорога Траяна» и в те времена большей частью еще

находившейся в исправном состоянии. Однако вся эта лесистая местность была безлюдна, поскольку византийские власти запрещали селиться поблизости от «дороги Траяна», и небезопасна. Участились внезапные нападения на крестоносцев из лесных зарослей, отчего особенно страдали фуражиры. Несмотря на постоянную бдительность и энергичный отпор, было много жертв от пущенных из засады отравленных стрел.

Вопреки этим непредвиденным нападениям, крестоносцы благополучно прибыли в Ниш, еще лежавший в развалинах после недавних боев между византийцами и сербами. И тем не менее сербы приготовили все необходимое для снабжения войска. Рынок предлагал вино, зерно, свежее мясо и фураж по умеренным ценам, так что пилигримы получили возможность для многодневного отдыха. Вскоре явился великий жупан Сербии Стефан Неманя со своим братом, большой свитой и богатыми подарками. Император с почетом встретил их. Царило полное взаимопонимание. Стефан даже предложил союз против Византии. С аналогичным предложением обратились к императору болгарские князья Петр и Асень. Фридрих ценил дружественное расположение к себе этих сильнейших на Балканах держав, однако не был склонен пускаться на политические авантюры, сохраняя верность заключенному с Исааком II Ангелом соглашению и отвергая любые союзы, направленные против Византии.

В последний день июля крестоносцы двинулись на восток через гористую местность. На этот раз путь оказался тяжелее, чем думали. В густых горных лесах опять совершались нападения из засады, и отравленные стрелы находили свои жертвы. Иногда удавалось захватывать и уничтожать отряды лесных разбойников, однако нападения не прекращались. Опасность маршрута среди горных зарослей усугублялась трудностями со снабжением. Наконец, добравшись до Софии, крестоносцы столкнулись с очередным неприятным сюрпризом: в совершенно безлюдном городе обещанного Византией продовольствия не было и в помине. Недоверие и враждебность воинства Барбароссы к византийскому императору нарастали с каждым днем. Роковую роль в разжигании взаимного недоверия между обоими императорами сыграл патриарх Константинопольский Досифей, настраивавший Исаака против немцев и утверждавший, что Фридрих направляется не в Палестину, а собирается завоевать Константинополь. Досифей еще будучи простым монахом предсказал вступление Исаака на императорский престол, а потому пользовался большим влиянием на него.

Поскольку ожидавшихся припасов в Софии не оказалось,

крестоносцы сразу же продолжили движение к Филиппополю (Пловдиву) по старинной римской дороге, проходившей среди скалистых гор и крутых обрывов. Когда войско подошло к ущелью Святого Василия, обнаружилось, что проход закрывает византийская крепость, а на самой дороге устроена засека из поваленных деревьев. Высланные вперед разведчики обнаружили отряд греков численностью до 500 человек. Когда же император приказал трубить сигнал к атаке, противник без сопротивления ретировался. Крестоносцы, не встречая более сопротивления, вышли на плодородную равнину перед Пловдивом, где наконец нашли хлеб, вино и свежие фрукты. Двигаясь ускоренным маршем, они прибыли 24 августа в Филиппополь — укрепленный, но не защищавшийся и покинутый большинством жителей город, комендантом которого был знаменитый византийский историограф Никита Хониат, оставивший описание похода немецких крестоносцев. Исаак, принимавший решения под влиянием то одних, то других советников, отдавал противоречивые распоряжения: сперва он велел исправить городские укрепления, дополнительно усилив их еще и рвом, но едва в величайшей спешке это было сделано, как последовал приказ снести укрепления, дабы Филиппополь не стал для немцев опорной крепостью. Второй приказ даже еще не успели исполнить. Неудивительно, что большинство горожан предпочли перебраться со своим скарбом в более безопасные места.

Вскоре в Филиппополь прибыл посланник императора Исаака, доставивший письмо, прояснявшее ситуацию в Константинополе. О многом говорило уже одно то, что себя Исаак величал «императором ромеев», а Барбароссу называл, к его величайшему неудовольствию, «королем Алеманнии». В столице Византии с большим опасением ждали приближения немецкого войска, причем сам василевс будто бы думал, что Барбаросса хочет завоевать Константинополь, дабы возвести на византийский престол своего сына, герцога Швабского. Однако Исаак изъявлял готовность соблюдать нюрнбергские соглашения, если Фридрих даст ему знатных заложников и уступит половину областей, которые его войско завоюет в Сирии. Из письма узнали также, что немецкие послы в Константинополе содержатся под стражей. Переговоры Фридриха с болгарами и сербами вызвали у Исаака опасение, что Стефан Неманя получил от германского императора в лен византийские территории. Из-за этого Исаак заключил союз с Саладином против крестоносцев, передав ему подарки, полученные от Фридриха, что было воспринято последним как большая личная обида. Исаак обещал всеми силами препятствовать прибытию крестоносцев в Палестину;

Саладин, в свою очередь, пообещал разрешить христианское богослужение в Палестине в святых местах и вновь передать храмы православным священникам. Соглашение Исаака с Саладином было расценено крестоносцами как предательство интересов христианства. Тон византийского послания, в котором Барбароссе отказали в его императорском титуле, а особенно нарушение Исааком норм дипломатического этикета в отношении послов, вызвали в войске крестоносцев праведный гнев. Однако сам Фридрих, несмотря на охватившее его возмущение, ответил сдержанно. Он вежливо попросил не называть его «королем Алемании» и заявил, что захват в плен его посланников является грубым нарушением международного права. Они должны быть немедленно освобождены, и лишь после этого возможны какие бы то ни было переговоры.

Тем временем император Исаак снарядил войско под командованием своего племянника Мануила Камиза, опытного командира, закаленного в многочисленных сражениях, и направил его к Филиппополю. Барбаросса послал к Камизу парламентеров, дабы заверить его в мирном характере своих намерений и таким образом избежать столкновения, однако ничего не добился. Когда в конце августа 2000 отборных греческих всадников устроили неподалеку от Филиппополя засаду немецким фуражирам, Фридрих Швабский с 5000 рыцарей атаковал противника и обратил его в бегство. Предводитель этого злосчастного войска, как сообщает византийский источник, возвратился в Константинополь, «словно потерпевший кораблекрушение, нахлебавшийся соленой морской воды».

В преодолении этих преград прошло лето. По расчетам, Фридриху уже давно следовало маршировать в Азии, но вместо этого приходилось готовиться зимовать на европейском берегу, в Филиппополе. Неудачная военная вылазка отрезвляюще подействовала на Исаака, и он освободил людей Барбароссы, в сопровождении своих посланцев отослав их в Филиппополь и велев передать, что согласен на ведение переговоров. Но и на этот раз не удалось прийти к соглашению. Непредвиденная задержка спутала все расчеты Фридриха, причинив ущерб и его репутации овеянного славой императора и полководца, поскольку христианский мир не мог понять, почему крестоносное войско до сих пор не в Азии.

В конце октября освобожденные немецкие послы прибыли в Филиппополь. Вместе с ними опять явился Иоанн Дука в сопровождении высоких придворных чинов. На следующий день Герман Мюнстерский и его спутники доложили собравшимся князьям, рыцарям и клиру о том, как с ними обращались в

Константинополе, и о враждебности к крестоносцам, которую там проповедовал с амвона Досифей. Затем впустили греческих послов. Фридрих потребовал полного возмещения ущерба, в первую очередь возвращения отнятых у послов подарков и денег. В весьма сильных выражениях Фридрих бросил Иоанну Дуке упрек в мелочности его господина, в своем послании не пожелавшего признать за ним, императором Фридрихом, титула и имени, известных всему миру. Естественно, Дуке нечего было возразить.

Тем временем и королю Венгрии стало известно о враждебности между Барбароссой и Исааком. Сколь бы дружески он ни был расположен к императору Фридриху, заинтересованность в сотрудничестве с Исааком Ангелом на Балканах брала верх, вынуждая его отозвать венгерский отряд. Фридрих поначалу пребывал в нерешительности, не знал, отпускать венгерских крестоносцев или нет. Наконец, он согласился, ибо «Господь не желает принудительной службы», а сам решил отправиться на зимние квартиры в Адрианополь, куда уже в ноябре прибыла большая часть его войска. Этот город также был оставлен жителями, но не разрушен, так что крестоносцы смогли там устроиться.

Поскольку из Константинополя не поступало никаких вестей, Барбаросса поздней осенью 1189 года всерьез стал подумывать о захвате византийской столицы, не видя иной возможности переправиться в Малую Азию. Эти авантюрные идеи, питавшиеся ненавистью и озлоблением в войске, а также надеждой на большую поживу, уже давно витали в воздухе. В ноябре Фридрих отправил вместе с возвращавшимся домой венгерским отрядом указание королю Генриху VI собрать флот пизанцев и генуэзцев для осады Константинополя, которая должна была начаться в марте. Тогда Барбаросса еще не знал, что в Германии опять разгорелась борьба против Генриха Льва, незаконно вернувшегося на родину.

Попытка получить у Стефана Немани вспомогательный отряд для похода на Константинополь не увенчалась успехом. Зато болгарский князь Петр предложил Фридриху вспомогательное войско в 40 000 болгарских и куманских воинов. Фридрих поблагодарил, однако до заключения соглашения дело не дошло. Из Италии верная императору Пиза ответила, что соберет необходимый флот для блокирования Константинополя с моря. Правда, эта весть поступила лишь в марте, когда конфликт с Византией был урегулирован, и Фридрих перешел Геллеспонт.

Поздней осенью императоры Востока и Запада фактически находились в состоянии войны. Переговоры приостановились,

однако Фридрих был готов к их возобновлению. Для него наступление на Константинополь представлялось лишь возможной альтернативой, средством для достижения цели крестового похода, но не самой целью. Исаак, не располагавший достаточными силами для нападения на немецких крестоносцев, также предпочел вступить в переговоры и незадолго перед Рождеством направил к Фридриху своих представителей. По неизвестным нам причинам это посольство оказалось безуспешным. Но уже 21 января в Адрианополе появилось новое посольство, заявившее о готовности василевса дать знатных заложников во исполнение прежде заявленных условий прохождения немцев по византийской территории. Тем самым было выполнено важнейшее требование Фридриха, что позволило начать переговоры. Исаак пошел на уступки. Фридрих благосклонно выслушал послов и направил в Константинополь своих представителей для продолжения переговоров, протекавших неожиданно успешно. К тому времени, очевидно, Исаак понял, в сколь критическое положение он поставил себя, вступив в конфронтацию с крестоносцами.

14 февраля немецкие послы доставили для ратификации договор, полностью отвечавший интересам Фридриха: византийский император отказывался от компенсации ущерба, который могли причинить в его провинциях крестоносцы, а для их переправки на другой берег предоставлял достаточное количество судов; он давал знатных заложников, среди них шесть членов императорской семьи, дабы гарантировать безопасность переправы и дальнейшего движения крестоносцев, которым на всем пути предоставлялось достаточное количество провианта и фуража; за ущерб, причиненный послам Фридриха в Константинополе, выплачивалась компенсация, а все подданные Барбароссы, плененные византийцами с начала конфликта, обретали свободу; договор надлежало подписать патриарху Досифею и в его присутствии клятвенно удостоверить в храме Святой Софии в Константинополе 500 знатным гражданам.

Вскоре затем к Фридриху прибыло посольство от султана Килич Арслана Иконийского, в течение восьми недель удерживавшееся в Константинополе и потерявшее там помимо личного имущества подарки султана. Послы передали заверение своего повелителя, что Фридрих за время прохождения по территории сельджуков может рассчитывать на их поддержку. Спустя некоторое время прибыл и посол Кутбеддина, сына и соправителя Килич Арслана, с аналогичными заверениями.

Заручившись гарантиями безопасности прохождения через Западную Анатолию, Фридрих начал готовиться в путь, велев

крестоносцам еще раз принести клятву послушания и верности. 1 марта 1190 года, несмотря на то, что еще стояла холодная и ветреная погода, авангард войска под командованием герцогов Швабии и Баварии выступил в путь. На следующий день двинулся и сам император во главе основной части Христова воинства. Проливные дожди сильно затрудняли продвижение крестоносцев по бездорожью Южной Фракии. Холод, слякоть и недостаток корма вконец измотали лошадей, едва тащивших тяжело нагруженные повозки, часть которых даже пришлось бросить, навьючив груз на верблюдов и мулов.

21 марта крестоносцы наконец-то достигли моря, а на следующий день были в Галлиполи. Здесь все войско опять собралось вместе. Обещанный Исааком транспортный флот был на месте. И опять в авангарде шел герцог Фридрих Швабский, переправившийся с несколькими тысячами рыцарей и лучников на другой берег. Поскольку дождь и ветер усилились, большая часть войска с императором отпраздновала Пасху еще на европейском берегу. Наконец непогода утихла, позволив переправиться и основной части крестоносцев. Последним пересек пролив император, ступивший на азиатский берег под радостное пение труб и ликующие возгласы воинов. Все войско было в сборе, и Фридрих милостиво отпустил византийские корабли, а также большинство заложников. Почти год прошел с того дня, когда крестоносцы покинули Регенсбург, но лишь теперь начиналось самое трудное — беспримерное хождение по мукам.

29 марта крестоносное войско двинулось вглубь Малой Азии, прямым курсом на восток по гористой, поросшей лесом местности. Император Исаак, заинтересованный в том, чтобы крестоносцы поскорее миновали территорию его государства, распорядился оказывать им всяческое содействие на большом караванном пути в Леодикею, пограничный город своей империи. За месяц они, соблюдая дисциплину и порядок, преодолели около пятисот километров пути. Форсирование Грандикоса, первой реки, встретившейся на их пути, не составило труда. В городе Бига, населенном латинянами, нашли рынок, изобиловавший вином, продовольствием и фуражом. После дня отдыха продолжили движение на восток по приятной холмистой местности, в фему Опсикий, византийскую провинцию, пограничную с турками. Свои первые потери крестоносцы понесли при форсировании следующей реки (Гёнен в современной Турции), когда в речном потоке канули рыцарь, оруженосец и несколько лошадей. Как и на Балканах, крестоносцам досаждали разбойничьи банды, истреблявшие

каждого, кто отбивался от войска. Однажды удалось захватить и уничтожить целую шайку в 60 человек.

От Бурсы крестоносцы свернули на юг, двигаясь среди гор и лесов по старой военной дороге, почти не встречая людей. За десять дней ускоренного марша пилигримы преодолели около двухсот километров и прибыли в Филадельфию (Алашехир), греческий город во внутренней Малой Азии, важнейший военный и административный центр. Однако оказанный в Филадельфии прием разочаровал крестоносцев, вынужденных расположиться лагерем вне стен города, куда пускали только по нескольку человек для закупок. Однажды пилигримы сочли запрошенные за товар цены грабительскими, из-за чего возникла перебранка, и покупателей задержали в городе. Узнав об этом, войско заволновалось. Император через посла потребовал объяснений. Комендант и городские старейшины поспешили засвидетельствовать свою невиновность клятвой на Евангелии, обещая возместить ущерб и умоляя пощадить город. Фридрих, от которого пилигримы ждали жестокого возмездия жителям Филадельфии, предпочел полюбовно уладить конфликт, учитывая, что этот город был единственным укрепленным пунктом христиан в пограничной с мусульманами области. Богемцы и люди епископа Регенсбургского уже начали было штурм ворот города, убив из луков и арбалетов нескольких его защитников. Приказ короля заставил их отступить, и мир был восстановлен.

На следующий день крестоносное войско продолжило движение. Молодежь Филадельфии, затеявшая ссору с крестоносцами в стенах города, похоже, была недовольна исходом инцидента, так что не менее пятисот греческих всадников увязались за войском, желая поквитаться с обидчиками, однако, натолкнувшись на превосходящую силу, возвратились восвояси. А крестоносцы двинулись в юго-восточном направлении по безлюдной территории. Здесь и произошло первое столкновение с мусульманами. В горной лесистой местности отряд турок напал на арьергард, которым командовал сам император, но был без труда отбит; потери нападавших убитыми составили десятки человек. Этот успех обеспечил крестоносцам несколько дней беспрепятственного движения. Однако путь через поросшие лесом горы оказался трудным. Приходилось преодолевать крутые подъемы и спуски, к тому же закончились запасы хлеба, а лошади валились от изнеможения. Встречавшиеся греческие селения были разрушены и безлюдны.

Двигаясь по правому берегу реки Мендерес, крестоносцы

вскоре вступили на территорию сельджуков. Начался самый трудный участок пути. На плато Ачи Гёль совсем не было корма для лошадей — ни травы, ни прочей растительности. Через несколько дней встретилось огромное стадо из тысяч верблюдов, коров, лошадей и овец, а также покинутые палатки пастухов. Было бы нелишне запастись свежим мясом, однако Барбаросса приказал не трогать скот. Но вскоре пилигримы пожалели о проявленной деликатности. Мало того, что они страдали из-за жары, суховеев, нехватки провианта и фуража и потеряли за короткий срок множество лошадей и вьючных животных, — появились отряды турок, с разных сторон нападавших на колонну крестоносцев. Немецкие рыцари впервые столкнулись со стремительными тюркскими всадниками. Это была тактика маневренного боя: внезапное появление, молниеносная атака небольшими группами, неожиданное развертывание в цепь и концентрация массы всадников то в одном, то в другом месте. То и дело на паломников сыпались стрелы, пущенные с расстояния или внезапно налетевшим отрядом турок. Имитируя атаку, а затем отступление, сельджуки увлекали за собой часть крестоносцев, а затем внезапно поворачивались и, используя свое численное превосходство или преимущество на местности, вступали с ними в бой.

Эта имитация бегства поначалу казалась странной немецким рыцарям: они удивлялись, что турки не считают для себя зазорным убегать от противника. Турецкая конница была вооружена легкими копьями и мечами и почти не имела средств защиты. Главным оружием турок были короткие луки, которыми они умели пользоваться даже на полном скаку. При этом они стреляли на удивление метко и быстро. Современники писали о «тучах стрел», осыпавших людей и лошадей. Однако шлемы и кольчуги рыцарей служили надежной защитой от них. В схватке лицом к лицу турки уступали рыцарям, поэтому полагались на быстроту и выносливость своих лошадей, растворяясь в степных просторах, как только в колчанах не оставалось стрел. В течение многих дней крестоносцы подвергались обстрелу. Едва рыцари намечали объектом своей атаки отряд кочевников, как тот сразу же рассеивался. Холмистая степь нагорья предоставляла туркам необходимый простор, позволяя им сполна использовать свои тактические возможности. И хотя ветераны крестовых походов, и прежде всего сам Барбаросса, были знакомы с турецкой тактикой боя, для большинства крестоносцев она явилась удивительным открытием.

Крестоносцам приходилось держаться сомкнутой колонной и постоянно быть начеку, чтобы в любой момент отразить

нападение летучих отрядов кочевников. В течение двадцати дней и ночей рыцари не снимали своего снаряжения. Для оруженосцев и конюхов, не имевших кольчуг и потому вынужденных держаться в середине колонны, угроза была особенно велика. Даже по ночам раздавалось жужжание пролетавших стрел, пронзавших палатки. Крестоносцы спали, не выпуская оружия из рук. Фуражиры не могли удалиться от войска, а отстать от колонны значило обречь себя на верную гибель. Голод стал постоянным спутником пилигримов, но особенно беспощадно мучила жажда. Труднее всего было арьергарду. Когда противник нападал, приходилось или подставлять ему спину, или, если обращались лицом к нему, терять контакт с основной частью войска. И лишь когда противник нападал сплоченным отрядом, а гористая местность не позволяла ему быстро рассеяться, тяжелая конница немцев могла продемонстрировать свое тактическое превосходство. Тогда лучники размыкали свои ряды, и кавалерия устремлялась в бой, из которого всегда выходила победительницей.

29 апреля крестоносцы разбили свой лагерь у истоков реки Большой Мендерес. Люди получили долгожданную возможность отдохнуть, а лошади, верблюды и мулы подкормиться на свежих лугах. Позади остался путь в сотню километров, пройденный по горному плато под градом турецких стрел. В те дни армия крестоносцев выдержала свое первое суровое испытание. Когда на следующее утро она выступила из лагеря, впереди показался большой отряд турецкой конницы. Барбаросса приказал поджечь оставленный лагерь и разделил войско на основную часть, продолжившую движение, и меньшую, оставшуюся в укрытии у горевшего лагеря. Как только основная часть удалилась на некоторое расстояние, турки устремились в покинутый, как им показалось, лагерь, чтобы завладеть оставленным имуществом. И тут из-за дымовой завесы вылетел засадный отряд и обрушился на них, нанеся сокрушительный удар: около трехсот турок были убиты в самом лагере или погибли во время преследования, сорвавшись с крутых горных откосов.

Послы Килич Арслана, сопровождавшие крестоносное войско от самого Адрианополя, были обескуражены атаками кочевников и уверяли, что их повелитель невиновен в этом, поскольку и сам не имеет власти над дикими и неуправляемыми племенами, опустошавшими все пограничные области, в том числе и принадлежащие ему самому. Пилигримы отнеслись к словам послов с недоверием, хотя это была правда. Власть повелителя сельджуков не распространялась на пограничные области, где хозяйничали полудикие кочевники. Территория, подвластная султану, начиналась лишь по ту сторону гор Акдаг.

Дорога вела по гористой местности, и порой приходилось преодолевать перевалы высотой до 1250 метров. После сражения у горящего лагеря турки держались на почтительном расстоянии, хотя и продолжали следовать за войском. Барбаросса командовал арьергардом, по-прежнему подвергавшимся наибольшей угрозе. Достигнув озера Хойран, крестоносцы продолжили движение по его северному берегу. Несколько тысяч турок, неотступно следовавших за ними, теперь подошли вплотную к их арьергарду. Припасы в немецком войске были на исходе, а рыцари изможднены голодом и долгим переходом. Путь проходил по узкой полосе между озером справа и крутым горным обрывом слева. Здесь конница кочевников и совершила внезапное нападение, однако контратака рыцарей обратила их в бегство. В короткой схватке, в которой особенно отличился герцог Фридрих Швабский, турки потеряли до пятисот человек.

Вечером крестоносцы разбили лагерь на берегу озера. Победа доставила им желанную добычу в виде провианта. И все же их не покидало ощущение тревоги. Доверие к султану было утрачено. Никто более не верил обещаниям послов, что скоро на территории, подвластной Килич Арслану, нападения прекратятся. К тому же теперь не было надежных проводников по трудному маршруту в горах Султан Даги, между озером Хойран и Анатолийским нагорьем. В узких горных долинах возросла угроза нападения турецких отрядов, более многочисленных, чем в пограничных областях. Один знатный турок, взятый здесь в плен, хорошо знал путь в горах. Чтобы спасти свою жизнь, он обещал провести войско другим, более коротким путем в долину по ту сторону Султан Даги и сдержал свое слово: крестоносцы за один день преодолели крутой и высокий горный перевал. Их вел сельджукский пленник с железной цепью на шее.

В одном из горных ущелий путь крестоносцам преградили враги. Склонные к преувеличениям хронисты оценивали их численность в 30 тысяч человек. С горных вершин на рыцарей посыпался град камней и стрел. Император, как обычно, командовал арьергардом, больше всего страдавшим от скрывавшегося в засаде противника. Во время завязавшегося сражения Барбаросса оказался в отчаянном положении и был вынужден просить помощи у сына. Герцог Фридрих Швабский повернулся и поспешил к арьергарду. Со своей дружиной он усилил здесь оборону и бок о бок с отцом прошел этот тяжелый участок пути. При крутом спуске многие лошади и вьючные животные срывались, увлекая с собой в пропасть ценный груз припасов, денег и оружия. Наконец, рыцари под командованием Фридриха Швабского смогли перейти в контрнаступление,

уничтожив десятки врагов. К вечеру крестоносцы достигли долины.

Этот День Вознесения Христова 3 мая 1190 года стал одним из самых примечательных во всем крестовом походе. После тяжелых боев и переходов преодолели крутую горную цепь, сумев при этом переправить бо́льшую часть коней и вьючных животных с поклажей. За один день совершили подъем на высоту 800 метров, а затем трудный и опасный спуск, отбивая нападение тюркских отрядов, занявших более выгодные позиции. Эта военная операция потребовала небывалого напряжения физических сил от крестоносцев, среди которых были и далеко не молодые люди. Рыцарский крестоносный отряд явил здесь блистательный пример доблести и силы духа.

Войско теперь двигалось на север по старой римской дороге, которая вела через Акронион (Афьон-Карахисар) и Филомелион (Акшехир) в направлении Икония. Вражеская конница следовала за ним по пятам, и день ото дня численность противника возрастала. Наконец, крестоносцы вышли на зеленую плодородную равнину между озерами Эбер и Акшехир, решив здесь дать себе отдых. Послы султана Килич Арслана и Мелик Кутбеддина, сопровождавшие крестоносное войско от самого Адрианополя, просили Барбароссу отпустить их, и тот согласился. Они обещали ходатайствовать в Акшехире перед эмиром, чтобы он удержал подвластных ему кочевников от дальнейших нападений на крестоносцев. Немцы надеялись, что теперь, на территории Сельджукского султаната, они, наконец, будут в безопасности. Но эти иллюзии вскоре рассеялись. Послы не возвратились, потребовав через нарочного выдать их имущество, оставленное в лагере крестоносцев. Барбаросса, в течение всего похода неукоснительно соблюдавший право и порядок, удовлетворил и это требование.

Ответственность за столь неожиданный поворот событий лежала на Мелик Кутбеддине. Лично султан Килич Арслан, видимо, был за сотрудничество с крестоносцами, но он год назад разделил свой султанат среди девяти сыновей, брата и племянника, сохранив лишь титул султана Иконийского султаната. Кутбеддин, получивший титул мелика (короля), стремился захватить верховную власть в султанате. Он напал на своего отца и лишил его полномочий, оставив ему лишь титул султана. Кутбеддин, очевидно, опасался, что войско Барбароссы вступится за отца, поэтому и постарался нейтрализовать его, делая ставку на кочевников. Теперь крестоносцам противостояла сплоченная сельджукская армия.

Ситуация становилась угрожающей, и Барбаросса решил

действовать на опережение. Приведя свое войско к Акшехиру, он приказал разбить лагерь у самых стен города. Поблизости заняло позицию многочисленное войско, собранное эмиром Акшехира. Вожаки турецких отрядов потребовали от Барбароссы, чтобы он добровольно отдал им часть своих богатств, дабы насильственно не лишиться всего, обещая в этом случае оставить его в покое. Император ответил, что если мир следует купить за деньги, то он отошлет им один серебряный грош на всех, и пусть они разделят его поровну. И тогда турки напали, но герцоги Фридрих Швабский и Бертольд Баварский обратили их в бегство, до глубокой ночи продолжая преследование и перебив многих из них. Акшехир был взят приступом и сожжен.

Покарав вероломного союзника, крестоносцы двинулись маршем через пустынные степи в Иконий. Переход был трудным, сопровождался жесточайшими лишениями и потребовал огромного напряжения сил. Голод и жажда были постоянными спутниками крестоносцев, поскольку Кутбеддин приказал увезти припасы из селений, встречавшихся на пути, в горы или спрятать в отдаленных укрытиях. Необычайно рано начавшаяся в тот год летняя жара до срока иссушила степную траву. Летучие отряды турецкой конницы днем и ночью нападали на измученных пилигримов, делая смертельно опасной любую разведывательную вылазку в поисках пастбищ для лошадей и вьючных животных. Питались мясом лошадей и мулов. Некоторые не выдерживали и отдавались врагам в рабство, отрекаясь от своей веры. Другие ложились на дорогу и, крестом раскинув руки, ждали мученической смерти от врагов.

Наконец, 15 мая, когда до столицы Иконийского султаната оставалось еще не менее десяти километров, в болотистой низине крестоносцы нашли воду и расположились там на отдых, собираясь с силами и готовясь к неизбежному сражению. Но и тут сельджуки не оставляли их в покое. Шестьдесят оруженосцев, отправившихся на поиски корма для лошадей, были убиты. На следующий день Килич Арслан направил из Икония посольство, предлагая императору свободный проход, если он заплатит дань золотом и уступит ему «страну армян» — Исаврию и Киликию. На это Барбаросса ответил, что и его императорское достоинство, и обычай рыцарей-крестоносцев требуют «прокладывать путь железом, а не золотом». Отправляясь назад, султанский посол сказал, что если он не вернется ночью, то утром все турецкое войско будет готово к бою.

Для крестоносцев выдалась тревожная ночь. На военном совете, созванном императором, предлагалось обойти Иконий стороной, направившись прямо в Армению. Однако слишком

велика была угроза того, что лишенное провианта войско не выдержит очередных атак турок и тягот марша до армянской границы. Поэтому поневоле пришлось принять решение штурмовать Иконий, дабы заполучить все необходимое для продолжения похода. Епископ Вюрцбургский старался вселить в сердца пилигримов мужество и уверенность в победе, обещая им поддержку святого Георгия, который будто бы подал добрый знак своим появлением у палатки императора. Барбаросса, на которого тяжело давил груз ответственности, пообещал расположиться лагерем в саду султана перед воротами Икония, считая добрым знамением, если завтра удастся, с Божьей помощью, поставить там палатки. Тогда же он прилюдно дал обет построить храм в честь святого Георгия, если сумеет вызволить войско из столь бедственного положения.

Ранним утром 17 мая, отслужив мессу, двинулись к Иконию, показавшемуся некоторым пилигримам не меньше Кёльна. На крестоносное войско с обеих сторон нападали конные отряды турок, оглашая округу боевыми кличами, что, однако, не причиняло вреда Христову воинству. До сражения дело так и не дошло, и первое желание Барбароссы исполнилось без кровопролития: лагерь разбили в саду султана к западу от города, в зверинце, обнесенном стенами и потому пригодном для использования в качестве укрепления. Однако желанного отдыха пилигримы не обрели, поскольку ночью разразилась гроза с проливным дождем, лишившая их сна.

Наутро крестоносное войско заняло позиции у стен города. Барбаросса разделил его на две группы: одна под командованием герцога Фридриха Швабского должна была штурмовать город, а другой под командованием его самого предстояло сражаться с турками, находившимися вне города. Однако еще до того, как был отдан приказ к наступлению, некоторое время настроения колебались между миром и войной. Перед взорами пилигримов предстал старый султан Килич Арслан, выехавший из ворот города с несколькими сотнями всадников. Очевидно, своим вмешательством он хотел предупредить роковое развитие событий. Однако немецкое войско уже двигалось к городу. Султан, будто внезапно осознав опасность, грозившую ему и его спутникам на открытом пространстве, отделявшем друг от друга враждебные стороны, и понимая, что момент для примирения упущен, повернул коня и поскакал обратно в город, укрывшись за его стенами.

Непролазная грязь, в которую превратилась земля после ночного ливня, мешала продвижению Фридриха Швабского, но не останавливала его. На тесном пространстве между рвом и валом

завязалась схватка. Натолкнувшись на энергичный отпор со стороны турок и приняв на себя шквал копий, летевших с городской стены, немцы отступили. Но Фридрих Швабский тут же предпринял новую атаку, и на сей раз крестоносцам удалось прорваться через ворота в город вместе с отступавшими турками, с которыми, намертво сцепившись, бились лицом к лицу. Не пришлось даже штурмовать стены. Вскоре был занят весь Иконий. Турки удерживали только цитадель, расположенную на невысоком холме у западной части стены. Помимо султана там нашли убежище и многие горожане с припасами, скотом и ценными вещами.

Тем временем другая часть войска, оставшаяся вместе с императором вне города, оказалась в критическом положении. Под звуки труб и барабанов турецкая конница Кутбеддина широким полукругом устремилась на крестоносцев. Немецкие рыцари противостояли им в непривычном для себя пешем бою. О полном успехе другой группы под командованием Фридриха Швабского они не знали, поскольку опоясавшие город сады не позволяли видеть, что там происходит. Турецкая конница окружила пилигримов со всех сторон, и многим казалось, что все кончено. Священники, надев литургическое облачение, служили мессу, дабы с молитвой на устах принять мученическую смерть. Однако командиры не дрогнули. Бросив клич: «Что же мы медлим, что дрожим? Христос правит, Христос побеждает, Христос повелевает! Наша смерть будет нам наградой! Вперед, Христово воинство! Обретите своей кровью Царство Небесное!», седовласый Барбаросса отдал приказ наступать. Тяжелая конница немцев, выстроившись клином, оттеснила турок. Кутбеддин обратился в бегство. Так была одержана полная победа. В стенах города императора триумфально встречал его сын. Потери турок были велики. Повсюду, где шли бои, громоздились груды убитых. Однако о преследовании вражеской конницы даже и не помышляли. У измученных крестоносцев не осталось сил и на штурм цитадели.

Наконец крестоносцы получили в избытке пищу, чистую воду, крышу над головой, а также фураж для лошадей. Помимо продовольственных припасов в укромных местах нашлось много серебра, золота, драгоценных камней и дорогих одежд. Пилигримам достались все сокровища дворца Кутбеддина. Килич Арслан, осажденный крестоносцами в собственной столице, вынужден был вступить в переговоры. Всю вину он возложил на своего сына Кутбеддина. Барбаросса, несмотря на блестящую победу, был не в состоянии диктовать жесткие условия мира, а потому довольствовался соблюдением прежде достигнутых

соглашений: возможность закупки всего необходимого по умеренным ценам и безопасное прохождение по территории султаната. Порукой соблюдения условий соглашения должны были служить знатные заложники. Килич Арслан послал богатые дары и 20 заложников, после чего крестоносное войско покинуло город, опять расположившись лагерем в садах близ городских стен, где легче было переносить по-летнему жаркую погоду. В последующие дни немцы запаслись по умеренным ценам всем необходимым, закупив также 6000 лошадей, причем третейские судьи улаживали споры, когда одни жаловались на дороговизну, а другие — на плохую монету.

После победоносной битвы крестоносное войско отдыхало целую неделю, приводя в порядок оружие и снаряжение и откармливая лошадей. Прибывшее из киликийской Армении посольство сообщило, что там с нетерпением ждут императора и его пилигримов. 26 мая крестоносцы, имея при себе сельджукских заложников и проводников, покинули Иконий. Хорошо отдохнувшее и снова оседлавшее коней войско пребывало в победном настроении. Путь в Землю обетованную был открыт. Освобождение Гроба Господня от неверных должно было стать наградой за все лишения. Хотя и эта часть пути проходила не столь гладко, как рассчитывали, всех окрыляла надежда на благополучный исход дела. Проследовали в юго-восточном направлении по старой военной дороге, имевшей большое значение в римские и византийские времена. Опять начались было нападения кочевников, но когда Барбаросса пригрозил казнить заложников, враждебные вылазки почти прекратились.

Войско двигалось по засушливой безлюдной степи. К вечеру 30 мая достигли Ларанды (Карамана), цветущего сельджукского города на границе с Арменией, раскинувшегося в сказочном оазисе. Казалось, остались позади все страшные лишения и опасности. До Армении рукой подать. Турки наконец-то сдержали условия заключенного мира. Не было недостатка в провианте, воде и фураже. Можно было надеяться на следующий день навсегда покинуть степи Центральной Анатолии, в которых крестоносное войско едва не погибло. 1 июня крестоносцы отдыхали в Карамане, пребывая в безмятежном настроении. Тем большего страху на них нагнало землетрясение, случившееся тихой безветренной ночью. Перепуганные пилигримы решили, что земля дрожит от приближающейся несметной турецкой конницы, и схватились за оружие. Убедившись, что врага нет, успокоились и позднее истолковывали этот случай как предзнаменование постигшей их 10 июня беды…

2 июня войско продолжило движение в юго-восточном

направлении, туда, где за цепью гор Киликийского Тавра протекает река Салеф, именуемая сейчас Гёксу. Путь от Карамана до гор не представлял труда. Зато движение в горах оказалось сущим мучением. Территория, подвластная сельджукам, осталась позади, поэтому турецкие заложники потребовали их освободить. Но поскольку и после Икония случались нападения кочевников, заложников не отпустили, а стали следить за ними еще пристальнее. Последний этап марша по Анатолии оказался самым тяжелым. Приходилось преодолевать крутые горные подъемы и спуски. Чтобы избежать палящего дневного зноя, многие решили двигаться по ночам, преодолевая в темноте даже крутые склоны. Из-за этого порядок движения нарушился. И сам император был не с основной частью своего войска.

На пути крестоносцев встал очередной горный хребет, на сей раз на киликийской границе поблизости от Селевкии. Там по узкому ущелью стремительно неслась к морю река Салеф. Желая избежать утомительного подъема в горы, а затем опасного крутого спуска, Барбаросса, сопровождаемый небольшим отрядом, предпочел сократить путь, пройдя по берегу реки. В Селевкии, куда он рассчитывал прибыть раньше других, предстояло воссоединиться с остальным войском. Проложенная вдоль берега реки тропинка была почти непроходима. В некоторых местах склоны гор достигали такой крутизны, что лошади могли пройти с большим трудом, а рыцарям приходилось ползти. Июньская жара превращала этот и без того трудный марш в адовы муки. В одном месте тропинка обрывалась, чтобы продолжить свой бег на другом берегу реки. Барбаросса направил свою лошадь в воду. Река была столь глубока, что пришлось преодолевать ее вплавь.

Источники противоречиво повествуют о последних минутах жизни легендарного императора. По одним сведениям, при переправе через Салеф Барбаросса не справился со своим конем и упал в ледяные воды потока. От резкого перепада температур — стояла едва ли не сорокаградусная жара — сердце уже немолодого человека не выдержало, и бросившиеся на помощь императору смогли вытащить на берег лишь его бездыханное тело.

По сообщению другого современника (кто из них был очевидцем происшествия или хотя бы записал достоверный рассказ из вторых рук?), Барбаросса благополучно достиг противоположного берега, где его отряд расположился на отдых. Пообедав и разомлев на солнце, император пожелал еще раз окунуться, ибо во время переправы вода его приятно освежила. Тщетно пытались удержать его, напоминая, какую угрозу таит в

себе ледяная вода для человека, измученного дальним переходом и перегретого палящим солнцем. Никого не слушая, он, сытый и разгоряченный на солнце, во второй раз погрузился в ледяной поток. Как и опасались предостерегавшие, сердце Барбароссы не выдержало, и река понесла его, успевшего напоследок лишь взмахнуть руками. Это случилось в воскресенье, 10 июня 1190 года, в послеполуденное время. Стремительный поток подхватил безжизненное тело, на поиски которого потом ушло немало времени.

В благоговейном молчании привезли мертвого императора в Селевкию, где собралось его крестоносное войско, ратники Божии. Гибель предводителя привела пилигримов в полное замешательство. Все были охвачены безутешным горем, а некоторые в порыве отчаяния покончили с собой, не считая себя вправе жить после смерти овеянного славой рыцаря на троне. Может быть, Барбаросса и не надеялся вернуться живым из крестового похода (не зря же он передал власть сыну Генриху), но, возможно, питал надежду быть похороненным в освобожденном от врагов Христовой веры Иерусалиме, в святыне христианства. Однако и эта надежда не сбылась. По обычаю того времени внутренности Барбароссы были изъяты из тела и похоронены поблизости от места его кончины, в Тарсе, родном городе апостола Павла. Кости же, освобожденные от плоти, предполагалось похоронить, по желанию сына покойного, герцога Фридриха Швабского, в Иерусалиме, однако взять святой город крестоносцы так и не смогли. Третий крестовый поход явно не удался. Менее чем через год умер в Акре и герцог Фридрих, подхвативший от отца эстафету предводителя Христова воинства.

Где-то между Тарсом и Акрой покоятся преданные земле кости Барбароссы — никто не знает, где именно. Может, по этой причине и зародилась в стародавние времена легенда, что он вовсе и не умер, а просто спит в одной из гор в Тюрингии, время от времени просыпаясь и посылая черных воронов разузнать, что творится на свете. Однажды он должен вернуться для наведения справедливого порядка в мире. Много с тех пор выпало тяжких испытаний на долю народа, но рыжебородый император так и не появился.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Смерть Барбароссы в крестовом походе, пусть и не в сражении с неверными, явилась достойным завершением славной жизни. Отправляясь освобождать Святую землю, Фридрих оставил наследникам умиротворенную и окрепшую после недавней междоусобной борьбы Империю. Новый правитель Генрих VI оказался весьма толковым человеком, достойным преемником великого отца. Правда, в исторической памяти он остался далеко не столь блистательной фигурой, как два Фридриха — его родитель Барбаросса и сын Фридрих II. Он словно бы затерялся в их тени. Для свершения великих дел требуется время, а в его распоряжении было всего лишь семь лет. Но и за этот срок он успел сделать достаточно много, так что историки, анализировавшие тенденцию развития государственных начинаний Генриха VI Штауфена, нередко пытались прогнозировать, какой стала бы Германия, если бы суждено было ему прожить хотя бы лет на двадцать дольше.

В исторических трудах можно встретить утверждение, что Генрих VI не продолжил политическую линию Фридриха Барбароссы. В его мероприятиях по укреплению центральной государственной власти усматривают отход от этой линии, будто бы отмеченной усилением феодальной раздробленности, наиболее ярким проявлением которой явилось наделение небывало огромными привилегиями Австрийского герцогства, превратившегося в полунезависимое от императора территориальное княжество.

Так какова же судьба имперской идеи Фридриха Барбароссы? Пройдя вместе с ним весь путь от вступления на престол до рокового шага в воды реки Салеф, читатель имел возможность убедиться, что за долгие тридцать восемь лет его правления не раз претерпевали изменение приоритеты его внутренней и внешней политики. Развивалась и сама имперская идея. После вынужденных уступок и компромиссов первых лет правления созрел план укрепления центральной власти и имперского единства при опоре на земельные владения рода Штауфенов и экономическую мощь Северной Италии, покорившейся императору. Прозвучало определение «Священная империя». Для Барбароссы имперская идея как таковая и вверенная ему Богом Империя до конца его дней оставались священными. Ради них он не знал покоя, то и дело подвергая смертельному риску саму свою жизнь.

Правда, остается без ответа вопрос: не совершил ли

Барбаросса трагическую ошибку, упорствуя в своей восемнадцатилетней конфронтации с папой римским Александром III? Не разумнее ли было договориться с ним, дабы в полном единодушии с главой римской церкви править «христианской империей» — западным христианским миром, как это было во времена Карла Великого и Оттона Великого? Как мы помним, первоначально целью нового короля Германии Фридриха I Штауфена и было достижение паритета со Святым престолом, но в какой-то момент Барбаросса, видимо, под влиянием своих первых успехов в Италии соблазнился мыслью о подчинении себе римского понтифика, о низведении его до положения епископа Рима — одного из многих имперских епископов, подвластных императору. Сыграло свою роль влияние эрцканцлера Райнальда Дассельского, пожалуй, еще более решительного и непреклонного сторонника идеи верховенства Империи над папством, чем сам Барбаросса. После смерти Райнальда император предпринял ряд попыток сближения с Александром III, не увенчавшихся позитивным результатом. Продолжилось проведение политики с позиции силы.

Переломным моментом для Барбароссы стало поражение при Леньяно. Это был момент истины: единственный путь спасения Империи — через примирение с папой Александром III. Результат превзошел ожидания: пройдя через унижение, Фридрих поднял, благодаря апостолическому благословению, свой авторитет выше прежнего и укрепил собственные властные позиции в Италии, пусть и не в тех масштабах, как в пору оглашения Ронкальских постановлений. Начался новый этап реализации имперской идеи, отмеченный очевидными успехами, вдвойне приятными оттого, что достигались они преимущественно мирным путем. Соглашения с городами Ломбардской лиги и Сицилийским королевством и женитьба Генриха на Констанции послужили предпосылкой для небывалого роста могущества Штауфенов. Правда, самому Барбароссе не суждено было дожить до того дня, когда корона Сицилийского королевства досталась его сыну Генриху VI и империя Штауфенов раскинулась от берегов Северного и Балтийского морей до южной оконечности Сицилии.

Вопреки встречающимся в трудах историков утверждениям, Генрих VI вовсе не отказался от имперской идеи ради якобы более приземленных целей, занявшись укреплением собственной власти, прежде всего в самой Германии, со времен Оттона I являвшейся главной опорой Империи. В частности, он приложил немало усилий к тому, чтобы обеспечить наследственность королевской власти, ликвидировать практику избрания очередного короля коллегией наиболее могущественных князей,

и весьма преуспел. В этом смысле он скорее продолжил дело Барбароссы, нежели отрекся от него. Империя уверенно двигалась к зениту могущества, когда скоропостижная, безвременная смерть Генриха VI всё перечеркнула. Последовали десятилетия кровавой борьбы за власть, в ходе которой и было разрушено величественное здание Священной Римской империи, над возведением и укреплением которого трудились Фридрих Барбаросса и Генрих VI. При Фридрихе II Гогенштауфене многое удалось восстановить, и Империя не погибла окончательно, просуществовав, непрерывно видоизменяясь, еще пять с половиной веков, правда, оставив далеко в прошлом свои лучшие времена. Людям не хотелось ее окончательной гибели; напротив, многие мечтали о ее возрождении, потому-то и зародилась легенда, предвещавшая возвращение строгого, но справедливого императора Фридриха Барбароссы.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фридрих I Барбаросса. Миниатюра конца XII в.

Император Генрих IV и аббат Гуго Клюнийский просят Матильду Тосканскую о заступничестве перед папой Григорием VII.

Лорхский монастырь. Родовой монастырь Штауфенов. Основан около 1100 г.

Герцог Фридрих Штауфен и его супруга Агнес, дочь императора Генриха IV. Фреска Лорхского монастыря. XII в.

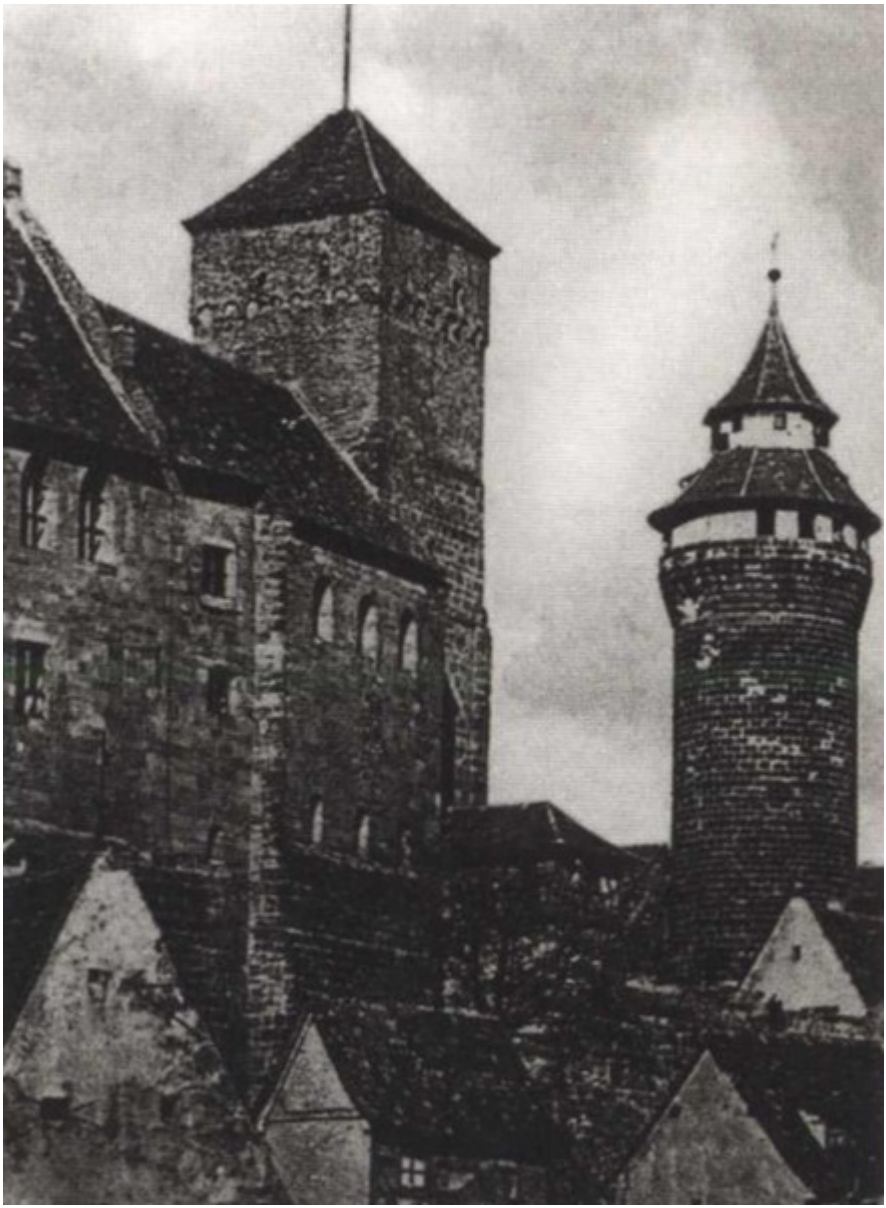
Король Лотарь III. Фреска. Около 1130 г.

Печать короля Лотаря III.

Людовик VII, король Франции. Гравюра XVI в.

Верхний этаж капеллы королевского замка в Нюрнберге. Около 1180 г.

Конрад III с короной, мечом и копьем. Изображение на серебряном брактеате.

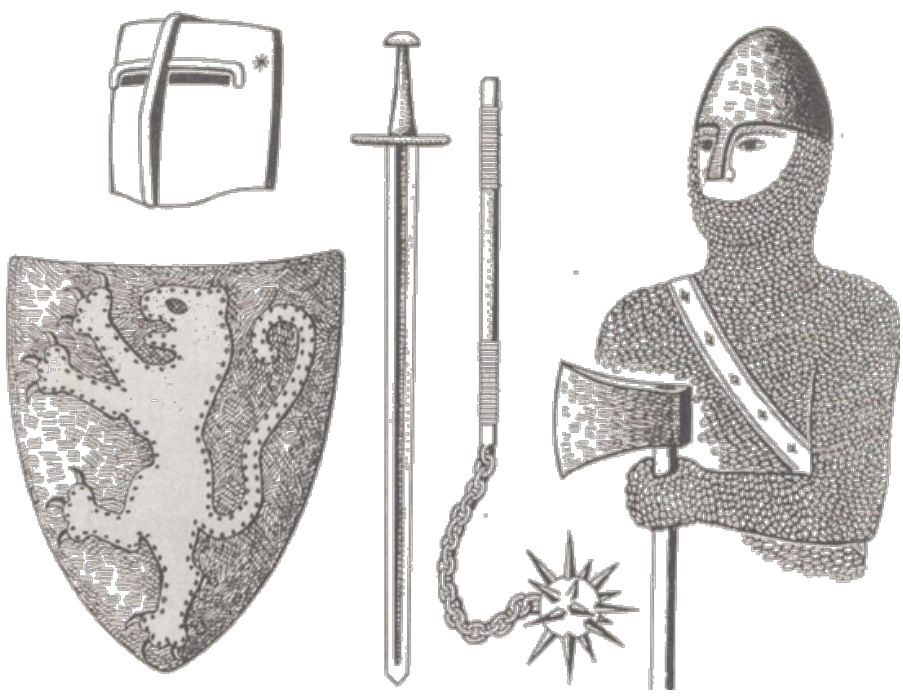


Королевский замок в Нюрнберге, строительство которого началось при Конраде III.

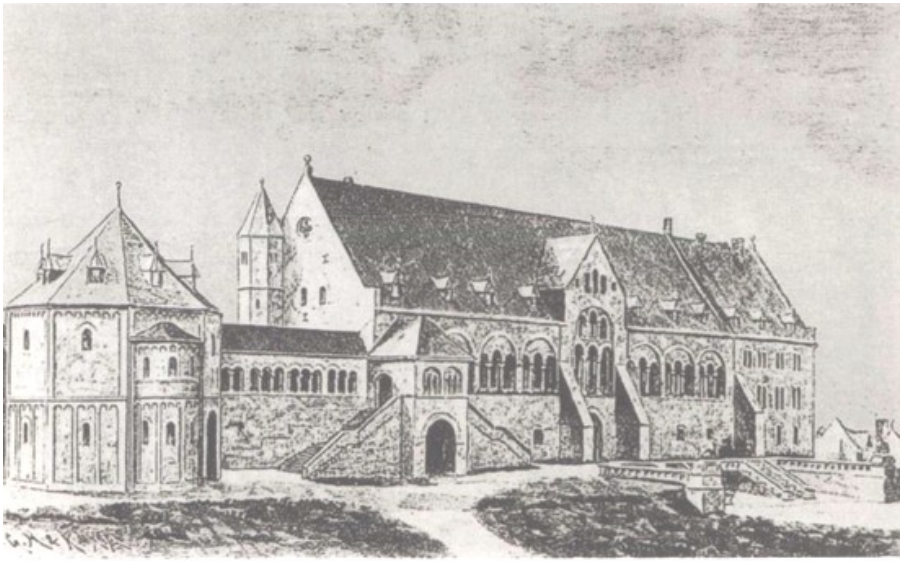
Возведение башни. Рисунок XII в.

Купец с весами для взвешивания монет. Рисунок XII в.

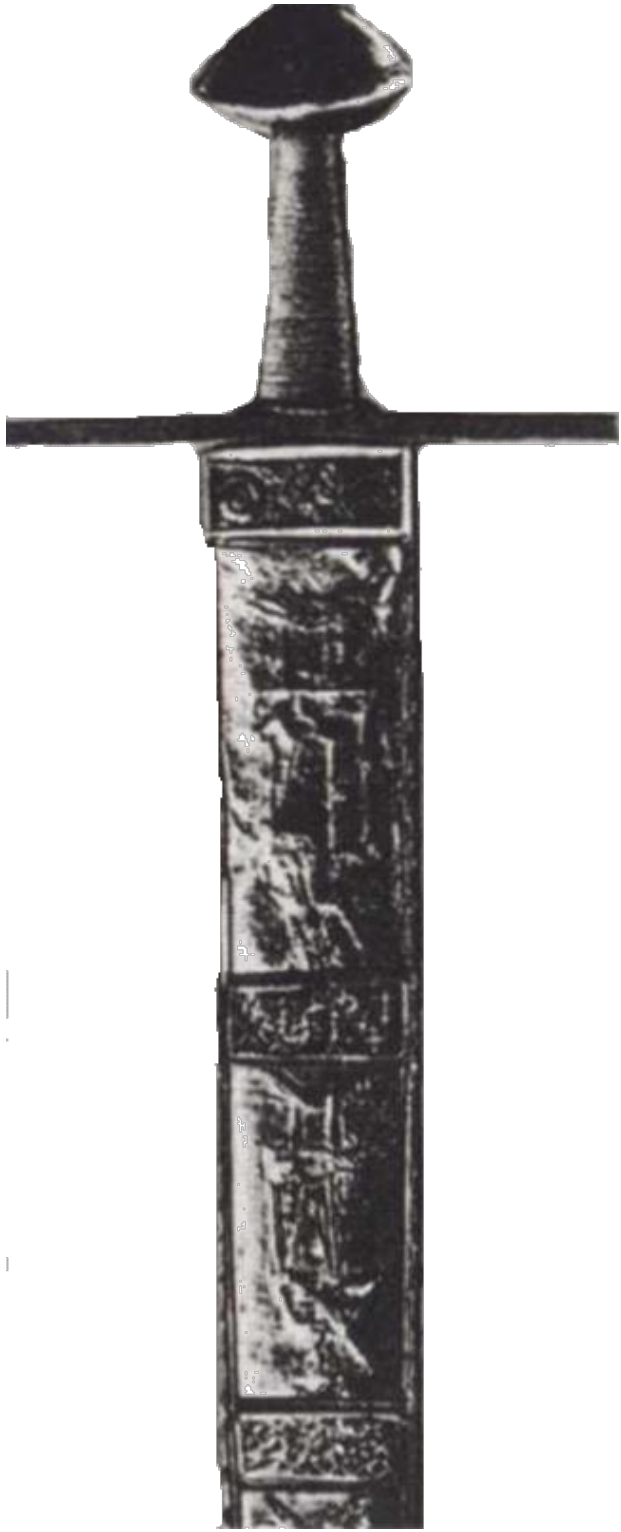
Замок Трифельс на Рейне, использовался при Штауфенах для хранения имперских реликвий.



Вооружение воина эпохи Штауфенов.



Имперская резиденция (пфальц) Гослар. Слева — капелла Святого Ульриха. XII в.



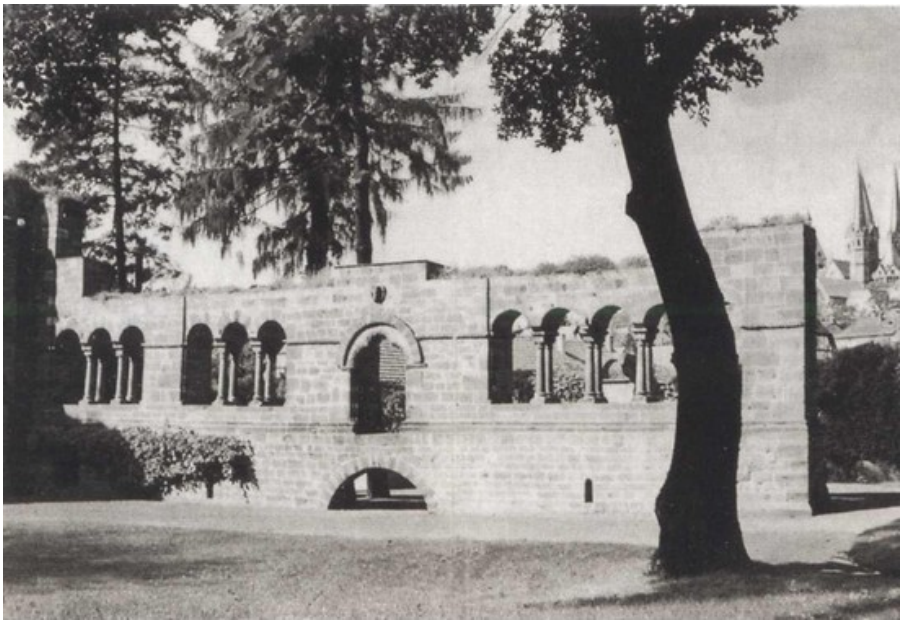
Имперский меч (так называемый меч святого Маврикия).

Одна из главных имперских реликвий. Корона Священной Римской империи. X в.

Золотая булла императора Фридриха I. Ноябрь 1155 г. На лицевой стороне — изображение Фридриха; на оборотной — символическое изображение Рима.

Боевой порядок рыцарей: построение перед атакой и бой. Миниатюра XII в.

Райнальд Дассельский. Около 1186–1196 гг.



Любимая резиденция Фридриха I Гельнхаузен. 1180 г.

Отто Виттельсбах.

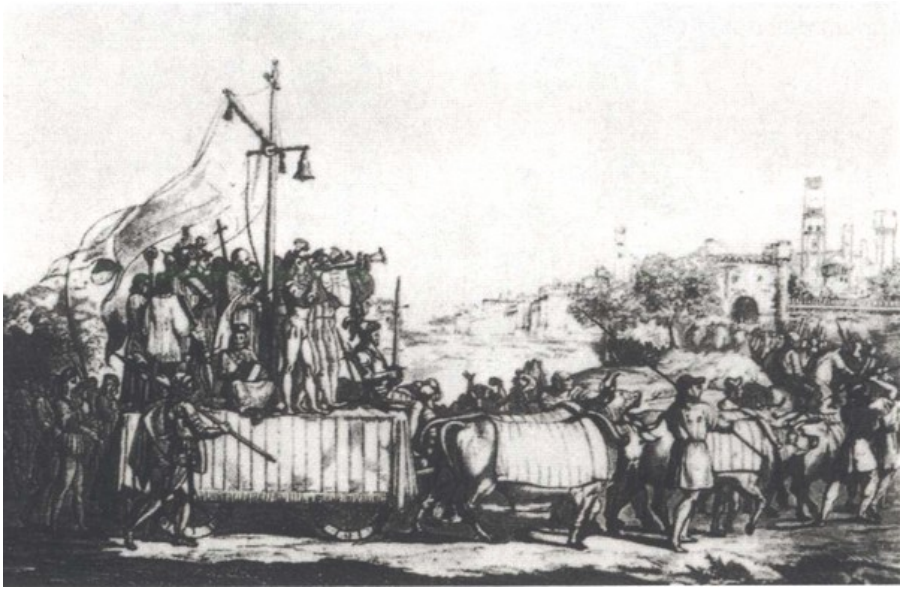
Брактеат Фридриха I.

Папа Александр III.

Нападение рыцарей на город. Справа — принесение феодальной присяги (оммаж). Миниатюра XII в.

Хильдегард Бингенская, осененная Святым Духом, и монах Готфрид, записывающий ее видения. Миниатюра. Около 1180 г.

Арнольд Брешианский.



Кароччо миланцев у стен Кремоны. Гравюра XIX в.

Осада Милана войсками Фридриха I Барбароссы. Гравюра. 1778 г.

Кароччо кремонцев. Гравюра. 1731 г.

Архиепископ Вихман Магдебургский. Бронзовая плита из Магдебургского собора.

Брактеат Альбрехта Медведя.

Брактеат Генриха Льва.

Бронзовая фигура льва в Брауншвейге, установленная Генрихом Львом в 1166 г. в качестве символа своего могущества.

Ковчег с мощами Трех Царей в кёльнском соборе Святого Панталеона, изготовленный из золота в конце XII в.

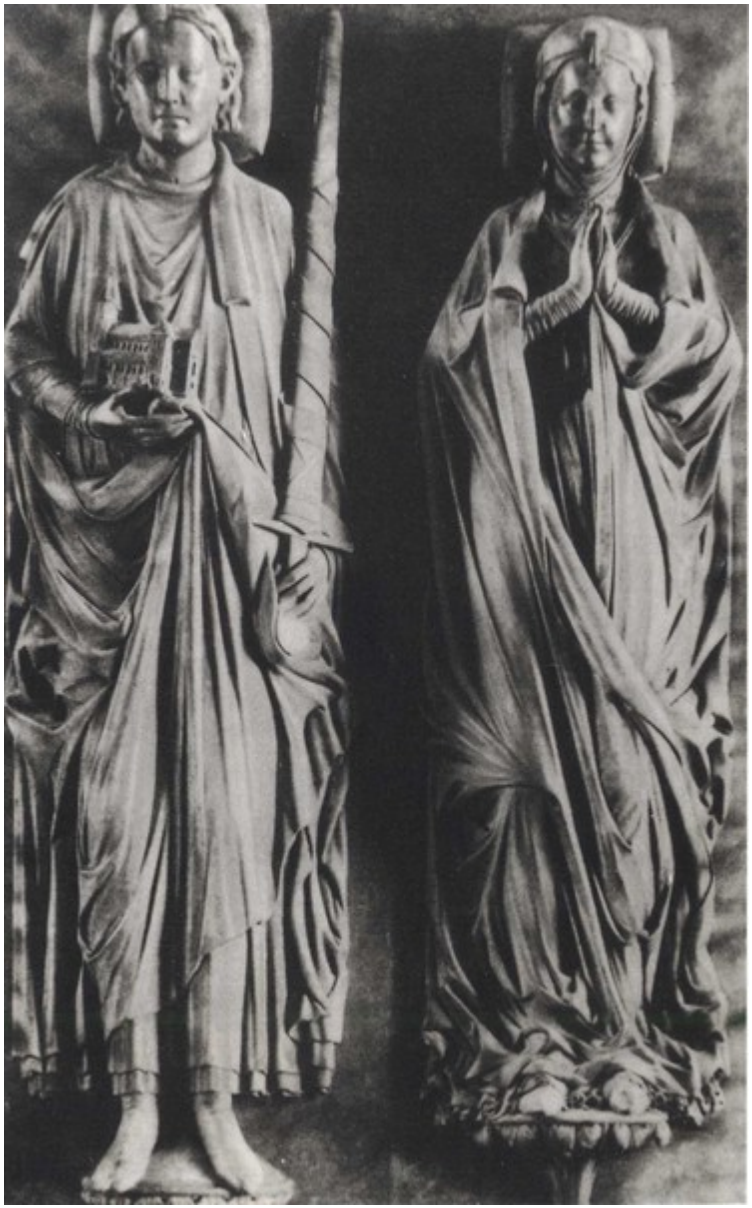
Драгоценная отделка передней части алтаря.

Фридрих Барбаросса. Изображение в Фрайзингском соборе. После 1166 г.

Монета Фридриха I Штауфена.

Раннесредневековый шлем.

Типичный бург эпохи Штауфенов. Замок Прунн в Альтмюльтале.



Надгробная плита Генриха Льва и его супруги Матильды. Собор в Брауншвейге. Около 1230 г.

Жатва. Миниатюра из рукописи «Speculum Virginum» («Зерцало дев»). Конец XII в.

Восковая печать кёльнского монастыря Святой Урсулы. 1198 г.

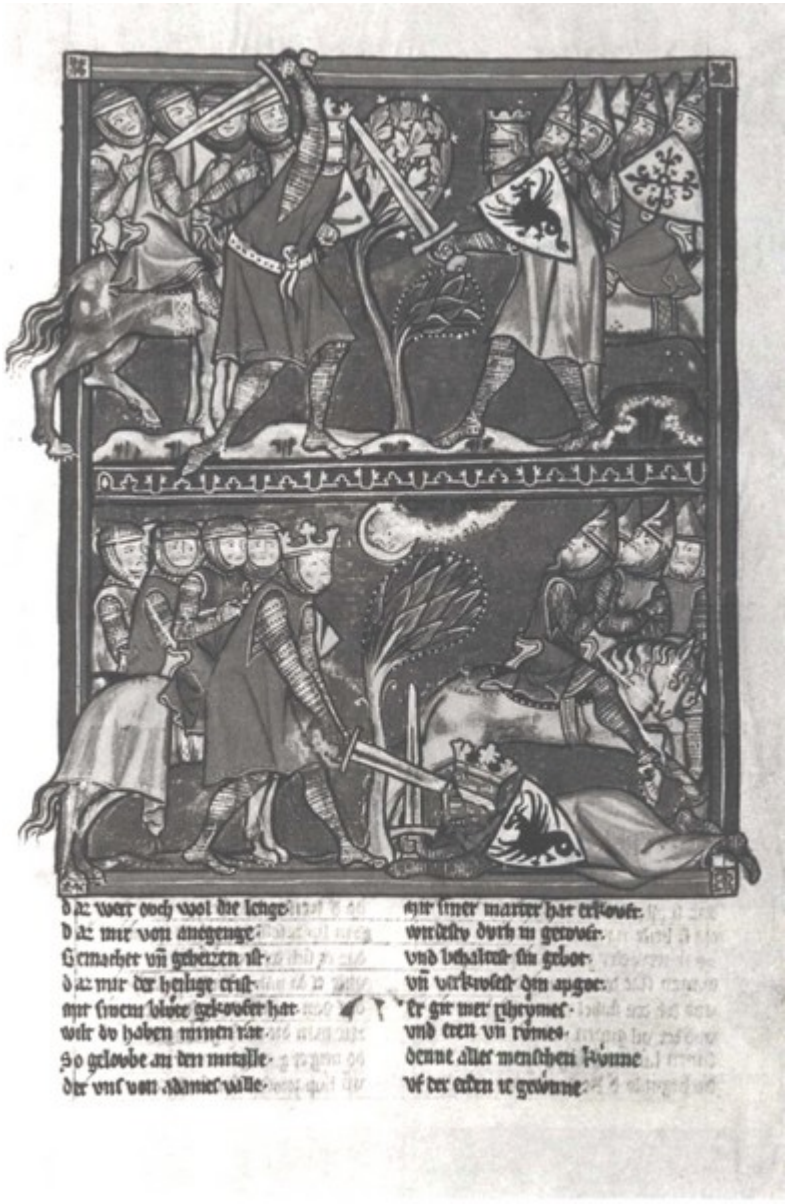
Епископский посох. Бремен.

Майнцский собор. Конец XI в.

Фридрих Барбаросса. Реликварий из Каппенберга. 1171 г.

Реликварий для руки Карла Великого, пожертвованный Фридрихом по случаю канонизации Карла.

Мраморный трон Карла Великого в Ахенской капелле.

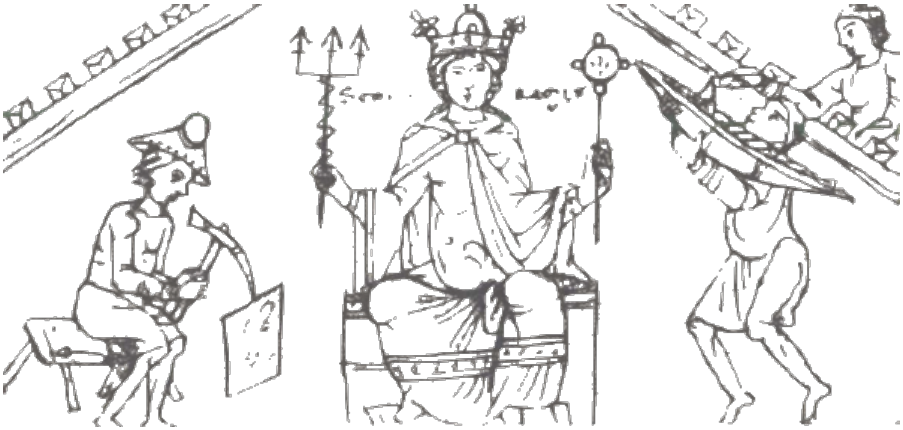


daz wart doch wol die lenge
daz mir von anegenge
Gemachet vñ gebeizet ist
daz mir der heilige crist
mit siwem bluote gelouber hat
wir du haben minen rat
So gelobe an den mitalle
der vns von adames valle

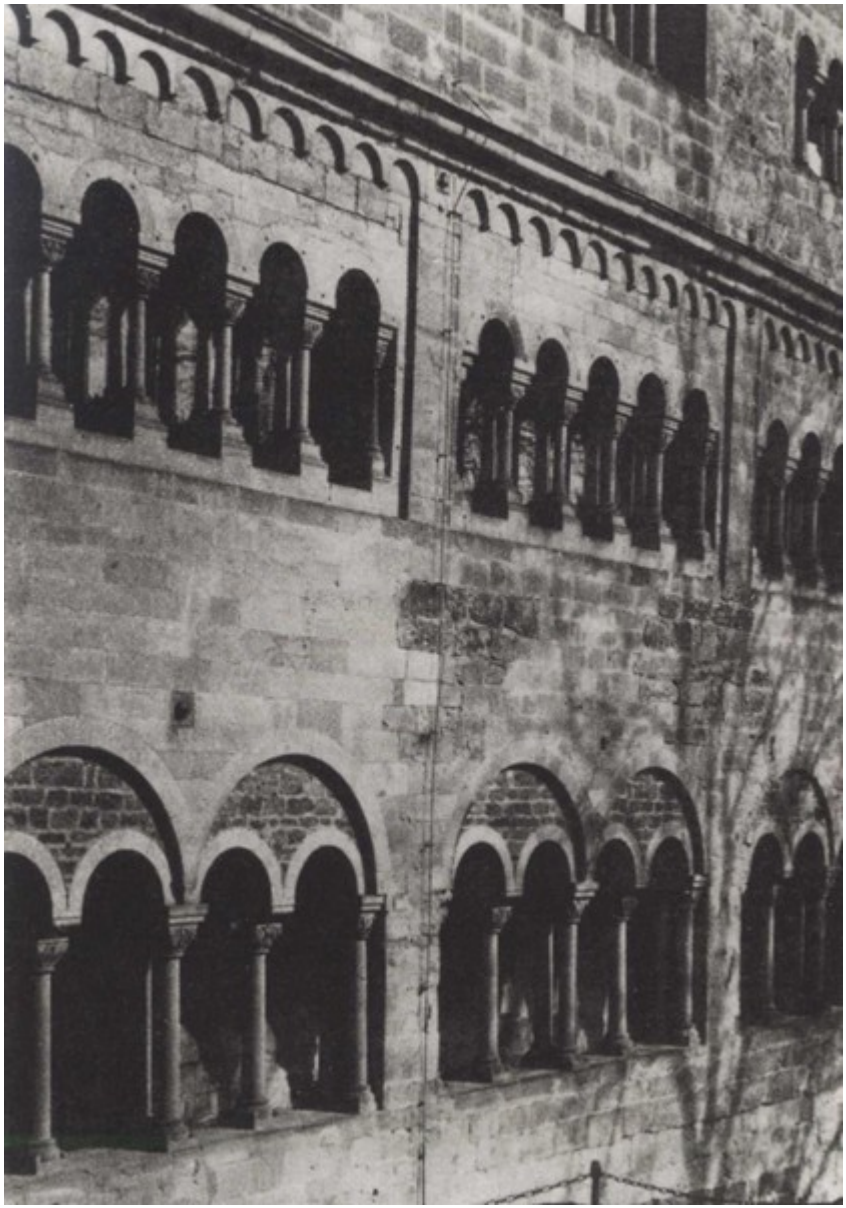
mit siner marter har erlouft
vnd dich durh in gewoft
vnd behalten hin geboren
vñ verkoufet den apgot
Er gir mer rihtvmes
vnd eren vn rumes
denne aller menthen wunne
vf der erden ie gewunne

Битва рыцарей. Миниатюра из «Всемирной хроники» Рудольфа Эмсского. 1200 г.

Центральная башня замка Кифхаузен, возведенная при Фридрихе I.



Фридрих Барбаросса. Миниатюра из «Хроники» Оттона Фрейзингенского. XII в.



Замок Вартбург, построенный ландграфом Тюрингским Людвигом III (1172–1190), в котором проходили состязания миннезингеров.

Фридрих Барбаросса со своими сыновьями: королем Генрихом VI (по правую руку) и герцогом Фридрихом Швабским. Миниатюра XII в.

Фридрих I Барбаросса и Генрих VI. Миниатюра 1195–1200 гг. Сверху вниз — Фридрих I выступает в поход; смерть Фридриха; Генрих VI во главе войска.

Смерть Фридриха Барбароссы. Миниатюра второй половины XIII в.

Река Салеф в Малой Азии, в которой утонул Барбаросса.

Император Генрих VI, старший сын Фридриха Барбароссы.

Герцог Филипп Швабский, младший сын Фридриха Барбароссы.

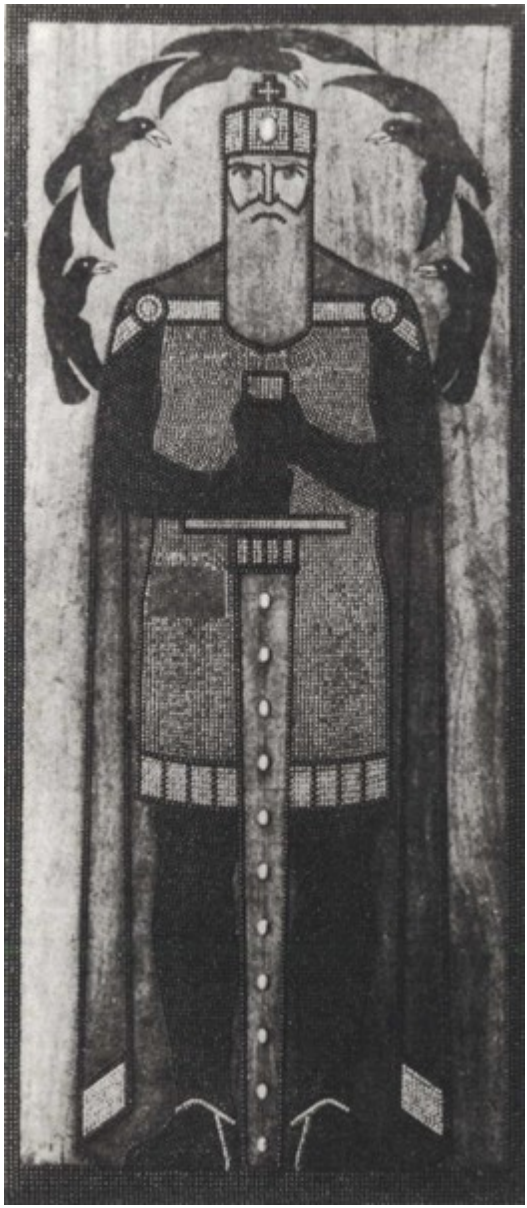
Король Генрих VI проводит смотр перед началом военной кампании. Рисунок пером. Около 1195 г. Фрагмент.

ФРИДРИХ БАРБАРОССА В ИЗОБРАЖЕНИИ ПОТОМКОВ

Фридрих I Барбаросса. Гравюра XVII в.

Его внук Фридрих II Штауфен. Гравюра XVII в.

Аллегорическое изображение Барбароссы. Гравюра на меди по рисунку В. Каульбаха. 1841 г.



Изображение Фридриха Барбароссы периода Первой мировой войны.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФРИДРИХА I БАРБАРОССЫ

1122 — в конце года (более точная дата неизвестна) у герцога Швабии Фридриха II в бурге Гогенштауфен родился сын, нареченный Фридрихом, будущий император Священной Римской империи Фридрих I.

1147–1149 — Фридрих участвует во Втором крестовом походе вместе со своим дядей, королем Германии Конрадом III.

1152*, 9 марта* — Фридрих коронован в Ахене в качестве короля Германии Фридриха I.

1154–1155 — первый итальянский поход Фридриха I, в ходе которого он получил от жителей Ломбардии прозвище Барбаросса.

1155*, 18 июня* — папа римский Адриан IV короновал Фридриха I императорской короной.

1156*, 10 июня* — в Вюрцбурге состоялась свадьба Фридриха I с Беатрикс, графиней из Бургундии.

17 сентября — Фридрих I провозглашает Восточную Баварскую марку самостоятельным герцогством Австрийским.

1157*, октябрь* — рейхстаг в Безансоне, конфликт с папой Адрианом IV.

1158–1162 — второй итальянский поход Фридриха I.

1158*, ноябрь* — Ронкальский рейхстаг.

1159*, 7 сентября* — избраны два папы: проимператорский Виктор IV и антиимператорский Александр III; начало многолетнего церковного раскола.

1162*, март* — после многомесячной осады капитулировал Милан, затем подвергшийся по решению императора разрушению.

1163–1164 — третий итальянский поход Фридриха I.

1165*, май* — Вюрцбургский рейхстаг.

29 декабря — по инициативе Барбароссы канонизирован Карл Великий.

1166–1168 — четвертый итальянский поход Фридриха I.

1167 — образование союзов североитальянских городов — Веронской, Кремонской и Ломбардской лиг.

Август — эпидемия малярии, вспыхнувшая в окрестностях Рима, уничтожила войско Фридриха I.

1168–1174 — Фридрих I занимается главным образом внутренними проблемами Германии, копит силы для реванша в Италии.

***1169**, 15 августа* — сын Фридриха I Генрих коронован в Ахене в качестве короля Германии Генриха VI.

***1172**, лето* — Фридрих I совершает поход против герцога Польского.

1173— архиепископ Майнцский Кристиан успешно действует в Италии в качестве наместника Барбароссы.

1174–1175 — осада Алессандрии и переговоры с Ломбардской лигой.

1174–1178 — пятый итальянский поход Фридриха I.

***1176**, 29 мая* — битва при Леньяно: ополчение ломбардских городов во главе с миланцами нанесло сокрушительное поражение Барбароссе.

***1177**, 1 августа* — мирное соглашение Фридриха I с папой римским Александром III, конец церковного раскола на Западе.

1179–1181 — судебный процесс в отношении Генриха Льва, вынесение и приведение в исполнение приговора о лишении его Баварского и Саксонского герцогств и об изгнании за пределы Германии.

***1183**, 20 июня* — Барбаросса заключил мирный договор с городами Ломбардии.

1184–1186 — шестой итальянский поход Фридриха I.

***1184**, май* — Майнцский праздник.

29 октября — заключение мирного договора с Сицилийским королевством, скрепленного помолвкой Генриха VI с Констанцией Сицилийской.

15 ноября — кончина Беатрикс, супруги Фридриха I.

***1186**, 27 января* — венчание в Милане Генриха VI с Констанцией.

***1188**, март* — Барбаросса проводит в Майнце «хофтаг Иисуса Христа», на котором принимается решение о подготовке к Третьему крестовому походу.

1189–1190 — Фридрих I ведет немецких крестоносцев через Балканы и Анатолию освобождать Святую землю от неверных.

1190, 10 июня — Фридрих I утонул в реке Салеф (Гёксу).

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Заборов М. А. История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977.

Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Т. 2. СПб., 1862.

Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. М., 1972.

Средневековье в его памятниках / Под ред. Д. Н. Егорова. М., 1913.

Bosonis Vitae Adriani IV et Alexandri III // *Duchesne L.* Le Liber Pontificalis. T. 2. Paris, 1955.

Carmen de gestis Friderici I imperatoris in Lombardia / Ed. I. Schmal-Ott. Hannover, 1965.

Gesta Federici I imperatoris in Lombardia auctore cive Mediolanensi / Ed. O. Holder-Egger. Hannover, 1892.

Gesta Federici I imperatoris in expeditione sacra / Ed. O. Holder-Egger. Hannover, 1892.

Gotifredi Viterbiensis Gesta Friderici I et Heinrici VI / Ed. G. H. Pertz. Hannover, 1993.

Historia de expeditione Friderici imperatoris / Ed. A. Chroust. Hannover, 1928.

Ottonis et Rahewini Gesta Friderici I imperatoris / Ed. G. Waitz. Hannover, 1978.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Балакин В. Д. Барбаросса // История средних веков: Книга для чтения / Под ред. В. П. Будановой. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.

Пако М. Фридрих Барбаросса. Ростов н/Д: Феникс, 1998. (См.: Балакин В. Д. Ужель тот самый Барбаросса? Легендарный император в переводе с французского. Рецензия на книгу: Пако М. Фридрих Барбаросса. Ростов н/Д: Феникс, 1998 // Независимая газета. 1999. 29 апр).

Barz P. Heinrich der Löwe: Ein Welfe bewegt die Geschichte. Hamburg, 1987.

Cardini F. Friedrich I Barbarossa. Kaiser des Abendlandes. Graz, 1990. Eickhoff E. Friedrich Barbarossa im Orient. Tübingen, 1979.

Engels O. Stauferstudien. Sigmaringen, 1988.

Friedrich Barbarossa. Handlungsspielräume und Wirkungsweisen des staufischen Kaisers / Hrsg. A. Haverkamp. Sigmaringen, 1992.

Georgi W. Friedrich Barbarossa und die auswärtigen Mächte. Frankfurt-am-Main, 1989.

Hampe K. Friedrich Barbarossa // Herrschergestalten des deutschen Mittelalters. Heidelberg, 1955.

Heimpel H. Friedrich I Barbarossa // Neue deutsche Biographie. Bd. 5. München, 1961.

Hiller H. Friedrich Barbarossa und seine Zeit. Eine Chronik. München, 1977.

Hiller H. Friedrich Barbarossa: Kaiser — Ritter — Held. München, 1979.

Jordan K. Friedrich Barbarossa. Göttingen, 1959.

Laudage J. Alexander III und Friedrich Barbarossa. Köln, 1997.

Manselli R. Federico Barbarossa. Torino, 1968.

Munz P. Frederick Barbarossa. London, 1969.

Oppl F. Das Itinerar Kaiser Friedrich Barbarossas (1152–1190). Wien, 1978.

Otto E. Friedrich Barbarossa. Potsdam, 1940.

Wahl R. Barbarossa. München, 1976.

Wolf G. Wer war Kaiser Friedrich I Barbarossa? // Archiv für Diplomatik, Bd. 38. 1992. S. 77–111.

notes

Примечания

1

Сравнительно недавно появившаяся в русском переводе книга М. Пако едва ли исправила это положение, скорее наоборот, о чем я уже писал в своей рецензии, опубликованной в апреле 1999 года в «Независимой газете».